№13—
406

№13—
406

ЛБ13 406

Бенедиктъ Спиноза

БОГОСЛОВСКО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ТРАКТАТЪ

Переводъ съ латинскаго

365/6

КАЗАНЬ
1906

БЕНЕДИКТЪ СПИНОЗА

БОГОСЛОВСКО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

трактатъ,

содержащій нѣсколько разсужденій, показывающихъ, что свобода философствованія можетъ быть допущена не только безъ вреда благочестію и спокойствію государства, но что она только съ спокойствіемъ государства и самимъ благочестіемъ и можетъ быть уничтожена.

Что мы пребываемъ въ Богѣ, а Богъ пребываетъ въ насъ, это мы знаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ отъ Духа своего.

Іоаннъ, Посл. I, гл. IV, ст. 13.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
785289 V

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Доказывать пользу перевода произведеній не только выдающагося мыслителя, но даже и просто умнаго писателя, мнѣ думается, нѣтъ надобности—отъ общенія съ умомъ польза всегда будетъ. Если иногда и говорятъ о зловредности ума, то это—одно недоразумѣніе: горе отъ ума бываетъ, и часто, но вредъ—никогда. Что Спиноза былъ не только умный человѣкъ, но и выдающійся мыслитель, это признано всѣми и никѣмъ не оспаривается. Поэтому говорить о мотивахъ, побудившихъ переводчика предложить своимъ соотечественникамъ произведеніе автора, жившаго болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ, излишне. Переводчикъ считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ только о самомъ исполненіи перевода.

Можно переводить съ одного языка на другой разнымъ способомъ: можно, понявъ мысль автора, передать ее въ такихъ словахъ и въ такой формѣ, которыя будутъ весьма несоотвѣтственны словамъ и формѣ подлинника; наоборотъ, можно при передачѣ мысли автора сохранить соотвѣтственныя слова и форму подлинника; можно наконецъ дать такой переводъ, который будетъ занимать золотую середину между указанными двумя. Самый легкій способъ—первый, самый трудный—второй. Въ первомъ случаѣ произведеніе

автора является, строго говоря, не въ переводѣ, а въ толкованіи или пересказѣ; тутъ переводчикъ—человѣкъ свободный: онъ не стѣсненъ въ выборѣ словъ одного языка для замѣны словъ другого, хотя и рискуетъ при этомъ очутиться въ роли предателя (извѣстно, вѣдь, что і traduttori—і traditori). Во второмъ случаѣ переводчикъ—рабъ, лишенный возможности щедро пользоваться изъ сокровищницы родного языка, потому что весьма часто малѣйшее уклоненіе отъ буквальности измѣняетъ уже мысль автора, придавая ей извѣстный оттѣнокъ. Первые переводы обыкновенно отличаются легкостью языка, вторые всегда тяжеловаты.

Покойный В. С. Соловьевъ въ предисловіи къ своему переводу „Твореній Платона“ высказалъ незаурядную мысль относительно переводческаго искусства. По его мнѣнію нужно переводить слова автора съ одного языка на другой такъ, какъ самъ авторъ выразился бы, если бы зналъ тотъ языкъ, на который переводится его трудъ. По отношенію къ Платону, онъ говоритъ, переводчику нужно себя оплатонить, а Платона обрусить. Мысль въ общемъ вѣрная; такой переводъ былъ бы верхомъ переводческаго искусства. Но это едва ли достижимо. Для подобнаго труда нужна такая прозорливость вспять, такое психологическое чутье чужой души, какія врядъ ли подъ силу даже такимъ духовнымъ „протеямъ“, какимъ, напримѣръ, у насъ былъ Пушкинъ. Подобный трудъ одному человѣку не подъ силу; это, скорѣе, трудъ коллективный, въ которомъ долженъ принимать участіе и самъ читатель. Доказательство этому даетъ самъ переводчикъ Платона. Такъ въ первомъ томѣ перевода „Твореній Платона“ на стр. 161 онъ заставляетъ Платона сказать по русски Іону устами Сократа: „Ну, Іонъ,

милый ты человѣкъ", вмѣсто буквальнаго текста: „Ну, Іонъ, милая голова"... (*ὦ φίλη κεφαλὴ Ἴων*). Очевидно В. С. Соловьеву обращеніе „милая голова" казалось не столь соотвѣтствующимъ складу ума и характера обрусеннаго Платона, какъ обращеніе „милый ты человѣкъ", не смотря даже на Фета (на котораго Соловьевъ при этомъ ссылается), подавшаго въ своемъ переводѣ Горація примѣръ буквальной передачи подобнаго выраженія, и Соловьевъ говоритъ, что онъ не могъ послѣдовать въ данномъ случаѣ за Фетомъ. Спрашивается, кто же изъ нихъ, Фетъ или Соловьевъ, лучше обрусяетъ древнихъ авторовъ? Фетъ вѣдь тоже „имѣлъ отъ духа". Я въ качествѣ читателя стою тутъ на сторонѣ Фета и думаю, что обрусѣлый Платонъ неладно передаетъ *φίλη κεφαλή* по русски выраженіемъ „милый ты человѣкъ". А иному читателю покажется, можетъ быть, что лучше было бы передать *φίλη κεφαλή* выраженіемъ „голова съ мозгами" или „умная голова" (сравните съ Крыловскимъ: „отколѣ умная бредешь ты голова"). Послѣднее выраженіе, пожалуй, ближе подходитъ къ ироническому языку Сократа. Все это я говорю не въ судъ и не въ осужденіе Соловьевскаго перевода, а только ради иллюстраціи трудности или, подчасъ, невозможности имментироваться, такъ сказать, въ другого. Можно угадать общій строй чувствованія или мышленія другого человѣка, но угадать: какъ, въ какихъ словахъ данный писатель сталъ бы изъясняться на какомъ нибудь языкѣ о какомъ-либо предметѣ—это несбыточная мечта.

Отчасти въ силу только что сказаннаго, отчасти изъ желанія послѣдовать совѣту самого Спинозы, рекомендовавшаго, какъ можно меньше уклоняться при переводахъ отъ буквальнаго смысла, переводчикъ рѣшился, послѣ дол-

гаго колебанія, выполнить свой трудъ почти слово въ слово, не прибавляя и не убавляя ни одного реченія въ сравненіи съ подлинникомъ. Конечно легкость языка пострадала отъ этого, но зато переводъ выигралъ въ близости къ подлиннику, которая даетъ возможность слѣдовать совѣту и В. С. Соловьева. Читатель, заинтересовавшійся Трактатомъ, можетъ въ случаѣ неудовлетворительности, на его взглядъ, какого-либо выраженія самъ подыскать другое, болѣе удачное и по своему заставить Спинозу выразиться по русски.

Переводъ Трактата сдѣланъ по изданію Брудера (1846 г.) и провѣренъ при окончательной редакціи по изданію ванъ-Влотена и Ланда (1882 г.). Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, гдѣ неточность или опечатка послѣдняго изданія весьма явны, предпочтеніе было отдано изданію Брудера. Изъ него же взяты и подстрочныя ссылки на разныя мѣста Трактата и Этики Спинозы, а равно и дѣленіе на параграфы. Авторскія примѣчанія переведены по изданію ванъ-Влотена и Ланда.

Мих. Лопаткинъ.

Предисловіе.

Если бы люди во всѣхъ своихъ дѣлахъ могли поступать по опредѣленному плану или если бы имъ всегда благопріятствовало счастье, то никакое суевѣріе не могло бы овладѣть ими. Но такъ какъ люди часто попадаютъ въ столь затруднительное положеніе, что не могутъ составить себѣ никакого плана, и такъ какъ они изъ-за сомнительныхъ благъ фортуны, безмѣрно желаемыхъ ими, большею частью находятся въ жалкомъ колебаніи между надеждою и страхомъ, то поэтому въ большинствѣ случаевъ они чрезвычайно склонны вѣрить чему угодно. Духъ ихъ, обыкновенно самоувѣренный, кичливый и надменный, легко склоняется туда и сюда въ минуты сомнѣнія, а еще легче, когда онъ колеблется, волнуемый надеждой и страхомъ. Да 2.
это, я полагаю, каждому извѣстно, хотя и увѣренъ, что очень многіе сами себя не знаютъ. Никто, вѣдь, не прожилъ между людьми безъ того, чтобы не замѣтить, какъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ очень многіе люди, хотя бы они были и весьма несвѣдущи, до такой степени изобилуютъ мудростью, что считаютъ за оскорбленіе, если кто пожелаетъ дать имъ совѣтъ; при несчастіи же они не знаютъ, куда обратиться, и умоляя просятъ совѣта у каждаго; и нѣтъ той несообразности, той нелѣпости или пустяка, которыхъ они не испробовали бы, услыхавъ о нихъ;

наконецъ, даже самыя незначительныя причины возбуждаютъ въ нихъ то надежду на лучшее, то снова боязнь за
3. худшее. Люди, вѣдь, находясь въ страхѣ, если замѣчаютъ, какой нибудь случай, напоминающій имъ о какомъ либо прежнемъ благѣ или злѣ, думаютъ, что онъ предвѣщаетъ или счастливый или дурной исходъ, и поэтому называютъ его благопріятнымъ или неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ, хотя бы этотъ случай стократъ ихъ обманывалъ. Далѣе, если они съ большимъ удивленіемъ взираютъ на что либо необыкновенное, то считаютъ его за дурное предзнаменованіе, указывающее на гнѣвъ боговъ или Высшаго Существа; не искупить этого предзнаменованія жертвами и обѣтами люди, подверженные суевѣрію и отвратившіеся отъ истиннаго благочестія, считаютъ за беззаконіе. Подобно этому они создаютъ безконечное множество выдумокъ и толкуютъ природу столь удивительно, какъ будто и она
4. за одно съ ними безумствуетъ. А когда это такъ, то для насъ ясно, что суевѣріямъ всякаго рода болѣе всего преданы тѣ люди, которые неумѣренно желаютъ чего нибудь сомнительнаго, и что всѣ обращаются къ божественной помощи больше всего тогда, когда именно они находятся въ опасности и не умѣютъ сами себѣ помочь. Тутъ они даютъ обѣты и проливаютъ женскія слезы, называютъ разумъ слѣпымъ (потому что онъ не можетъ указать вѣрнаго пути къ призрачнымъ благамъ, которыхъ добиваются люди), а мудрость человѣческую суетною и наоборотъ, бредъ воображенія, сны, дѣтскій вздоръ они считаютъ за божественные отвѣты; даже болѣе—вѣрятъ, что Богъ отвращается отъ мудрыхъ и написалъ свои рѣшенія не въ душѣ, но во внутренностяхъ животныхъ или что эти рѣшенія предсказываются дураками, безумными и птицами по боже-

ственному вдохновенію и внушенію. До такой степени 5.
боязнь заставляетъ людей безумствовать. Итакъ страхъ
есть причина, благодаря которой суевѣріе возникаетъ, со-
храняется и поддерживается. Если кто желаетъ знать, кромѣ
уже сказаннаго, частные примѣры этого, то пусть посмот-
ритъ на Александра Македонскаго. Послѣдній только тогда
началъ обращаться, вслѣдствіе суевѣрія, къ прорицателямъ,
когда онъ впервые убоялся судьбы въ Сузіанскихъ воро-
тахъ (см. Курція, кн. 5, гл. 4); послѣ же побѣды надъ Да-
ріемъ онъ пересталъ совѣтоваться съ вѣдунами и прори-
цателями, пока вторично не испыталъ страха при неблаго-
пріятныхъ обстоятельстахъ,—потому что бактряне отложи-
лись, а скиѳы вынуждали его на сраженіе, между тѣмъ
какъ самъ онъ лежалъ вслѣдствіе раны въ бездѣйствіи.
Тогда онъ (какъ утверждаетъ самъ Курцій въ кн. 7, гл. 7)
„снова впавши въ суевѣріе, это посмѣяніе надъ человѣче-
скимъ умомъ, приказываетъ Аристандру, предъ которымъ
онъ обнаружилъ свое легковѣріе, открыть посредствомъ
жертвоприношеній исходъ дѣлъ“. Подобнымъ образомъ 6.
можно было бы привести очень много примѣровъ, весьма
ясно показывающихъ то же самое, именно: что люди пора-
бощаются суевѣріемъ только, пока продолжается страхъ,
и что все то, что когда-либо почиталось изъ ложнаго бла-
гочестія, ничего кромѣ фантазій и бреда подавленной и
робкой души не представляло, и наконецъ, что прорицатели
при очень затруднительномъ положеніи государства больше
всего царили надъ простымъ народомъ и были весьма
опасны для своихъ царей. Но такъ какъ это всѣмъ, я ду-
маю, достаточно извѣстно, то я воздерживаюсь говорить
объ этомъ.

7. Итакъ изъ этой причины суевѣрія ясно слѣдуетъ, что всѣ люди отъ природы подвержены ему (что̀ бы ни говорили другіе, думающіе, что оно возникаетъ вслѣдствіе нѣкоторой смутной идеи о божествѣ, которую имѣютъ всѣ смертные). Слѣдуетъ потомъ, что суевѣріе должно быть очень разнообразно и непостоянно, какъ всѣ причуды души и припадки безумія и, наконецъ, что оно обороняется только надеждою, ненавистью, гнѣвомъ и хитростью, потому что оно, въ самомъ дѣлѣ, порождается не разумомъ, но
8. только аффектомъ, и притомъ самымъ сильнымъ. Итакъ насколько легко случается, что люди охватываются какимъ-нибудь родомъ суевѣрія, настолько, наоборотъ, трудно добиться, чтобы они въ одномъ и томъ же суевѣріи коснѣли; напротивъ даже, такъ какъ чернь всегда остается одинаково жалкой, она поэтому никогда не остается спокойной надолго, но ей болѣе всего нравится то, что̀ ново и что̀ еще ее не обманывало. Это-то непостоянство и было причиною многихъ возмущеній и страшныхъ войнъ, ибо (какъ явствуетъ изъ только что сказаннаго, и какъ Курцій также отлично замѣтилъ въ кн. 4, гл. 10) „ничто лучше не властвуетъ надъ толпой какъ суевѣріе“; вслѣдствіе этого бываетъ, что народу подъ видомъ религіи легко внушается то почитать своихъ царей какъ боговъ, то проклинать и чураться ихъ какъ общей погибели рода человѣческаго.
9. Посему во избѣжаніе этого зла было употреблено огромное стараніе обставить религію, истинную или ложную, обрядами и церемоніями такъ, чтобы она считалась важнѣе всего, и чтобы къ ней всѣ постоянно относились съ величайшимъ почтеніемъ. Это удачнѣе всего вышло у турокъ. Они считаютъ даже за грѣхъ разсуждать о религіи и мысль каждаго подавляютъ такой массой предразсудковъ, что они

ни одного уголка въ душѣ не оставили здравому разсудку,—даже для сомнѣнія. Но, вѣдь, если высшая тайна 10.
монархическаго правленія и чрезвычайная для него важность заключается въ томъ, чтобы держать людей въ обманѣ, а страхъ, которымъ они должны быть сдерживаемы, прикрывать громкимъ именемъ религіи, дабы люди за свое порабощеніе сражались какъ за свое благополучіе и считали не постыднымъ, но въ высшей степени почетнымъ не щадить живота и крови ради тщеславія одного какого-нибудь человѣка, то, напротивъ, въ свободномъ государствѣ не можетъ быть мыслимо и предпринимаемо что-либо приносящее несчастіе, потому что пригнетать предразсудками или инымъ образомъ обуздывать свободное сужденіе всякаго человѣка совершенно противорѣчитъ общей свободѣ. А что касается раздоровъ, возникающихъ подъ 11.
предлогомъ религіи, то положительно они происходятъ только оттого, что о спекулятивныхъ предметахъ издаются законы, и что мнѣнія подобно преступнымъ дѣяніямъ вмѣняются въ вину и осуждаются, а защитники и приверженцы мнѣній приносятся въ жертву не общественному благу, а только ненависти и жестокости противниковъ. Если бы на основаніи государственнаго права обвиняли только за дѣянія, за слова же не наказывали, то подобные раздоры не могли бы прикрываться никакимъ видомъ права, и разногласія не переходили бы въ возмущенія. И такъ какъ 12.
намъ выпало на долю это рѣдкое счастье жить въ государствѣ, гдѣ каждому предоставлена полная свобода суженія, и каждый чтитъ Бога по своему разумѣнію, гдѣ милѣе и драгоцѣннѣе свободы ничего не признаютъ, то я думалъ бы, что сдѣлаю не непріятное и не безполезное дѣло, если бы показалъ, что эта свобода не только можетъ быть допу-

щена безъ вреда благочестію и спокойствію государства, но что, скорѣе, она только съ самимъ спокойствіемъ государства и благочестіемъ и можетъ быть уничтожена.

13. И это самое главное, что я рѣшилъ доказать въ этомъ трактатѣ. Для этого необходимо было прежде всего указать самые выдающіеся предразсудки касательно религіи, то есть, слѣды древняго рабства, потомъ указать также предразсудки относительно права верховной власти. Многіе, большею частью съ какимъ-то наглымъ произволомъ, стараются это право присвоить себѣ и отвлечь отъ верховной власти, подъ предлогомъ религіи, на свою сторону большинство умовъ, преданныхъ еще языческому суевѣрію, дабы все снова повергнуть въ рабство. Скажу же теперь вкратцѣ, въ какомъ порядкѣ это будетъ показано; но прежде изложу причины, побудившія меня написать трактатъ.

14. Я часто удивлялся, что люди, хвалящіеся исповѣданіемъ христіанской религіи, то есть, исповѣданіемъ любви, радости, мира, воздержности и довѣрія ко всѣмъ, болѣе чѣмъ несправедливо спорятъ между собою и ежедневно питаютъ другъ къ другу самую ожесточенную ненависть, такъ что вѣра каждаго по поступкамъ познается легче, чѣмъ по тѣмъ добродѣтелямъ. Давно ужъ, вѣдь, дѣло дошло до того, что всякаго почти, кто бы онъ ни былъ, христіанинъ, магометанинъ, еврей или язычникъ, можно распознать только по внѣшнему виду тѣла и одѣянію, или по тому, что онъ посѣщаетъ тотъ или этотъ храмъ или, наконецъ, по тому, что придерживается того или иного мнѣнія и имѣетъ обыкновеніе клясться словами какого-нибудь учителя. Житей-

15. скія же правила у всѣхъ одинаковы. Отыскивая причину зла, я не сомнѣвался, что оно возникло оттого, что простому народу вмѣнялось въ религіозную обязанность

смотрѣть на служеніе при церкви какъ на достоинство, а на церковныя должности какъ на доходную статью и оказывать священникамъ высшій почетъ. Вѣдь, какъ только началось въ церкви это злоупотребленіе, тотчасъ у всякаго негодяя явилось сильнѣйшее желаніе занять священнослужительскую должность, а любовь къ распространенію божественной религіи превратилась въ гнусную алчность и честолюбіе, и такимъ образомъ самый храмъ обратился въ театръ, гдѣ слышны не церковные учители, а ораторы. И ни одинъ изъ такихъ ораторовъ не руководится желаніемъ учить народъ, но старается вызвать въ немъ удивленіе къ себѣ, публично осудить разномыслящихъ съ нимъ и учить только тому, что̀ ново и необыкновенно, чему толпа больше всего и удивляется. Отъ этого, конечно, должны были возникнуть великіе споры, зависть и ненависть, которую никакая давность не въ состояніи была ослабить. Слѣдовательно, не удивительно, что отъ прежней религіи ничего не осталось кромѣ внѣшняго культа (да и онъ, кажется, воздается толпой Богу болѣе изъ лести, чѣмъ изъ благоговѣнія), и вѣра теперь стала ничѣмъ инымъ, какъ легковѣріемъ и предразсудками. И какими предразсудками! Такими, которые превращаютъ людей изъ разумныхъ существъ въ скотовъ, такъ какъ они совершенно препятствуютъ пользоваться каждому своимъ свободнымъ сужденіемъ и распознавать истину отъ лжи, и которые точно нарочно, повидимому, придуманы для окончательнаго погашенія свѣта разума. О Боже безсмертный! Благочестіе и религія заключаются въ нелѣпыхъ тайнахъ! Люди, которые прямо презираютъ разумъ, отвергаютъ умъ и чураются его, точно онъ отъ природы поврежденъ, считаются взаправду—что̀ горше всего — обладателями божественнаго

16.

17.

свѣта! Въ самомъ дѣлѣ, если бы у нихъ была хоть только искорка божественнаго свѣта, они не безумствовали бы столь высокомѣрно, но учились бы разумнѣе почитать Бога и выдавались бы среди другихъ не ненавистью, какъ теперь, но, наоборотъ, любовью; они не преслѣдовали бы столь враждебно людей, разномыслящихъ съ ними, но скорѣе жалѣли бы ихъ (если только они боятся за ихъ спа-
18. сеніе, а не за свое счастіе). Кромѣ того, если бы у нихъ былъ какой нибудь божественный свѣтъ, то онъ обнаружился бы, по крайней мѣрѣ, изъ ученія. Я признаю, что они никогда не могли достаточно надивиться глубочайшимъ тайнамъ Священнаго Писанія, но вижу однако, что они, кромѣ умозрѣній аристотеликовъ и платониковъ, ничему не научились и къ нимъ приспособили Священное Писаніе,
19. чтобы не казаться приверженцами язычниковъ. Имъ недостаточно было сумасбродствовать съ греками, но они захотѣли еще, чтобы и пророки за одно съ ними вздоръ говорили. Это, конечно, ясно показываетъ, что они о божественности Писанія и во снѣ не грезили, и чѣмъ сильнѣе они удивляются этимъ тайнамъ, тѣмъ больше показываютъ, что они не столько вѣрятъ Писанію, сколько одобряютъ его. Это также явствуетъ изъ того, что очень многіе кладутъ въ основу для пониманія Писанія и раскрытія его истиннаго смысла положеніе, что оно во всемъ истинно и божественно; то есть, постановляютъ съ самаго начала за правило для его толкованія то именно, что̀ должно было бы стать извѣстнымъ только послѣ его уразумѣнія и строгаго изслѣдованія, и чему мы научились бы гораздо лучше изъ самого Писанія, не нуждающагося нисколько въ человѣческихъ выдумкахъ.

Когда, слѣдовательно, я разобралъ это, то есть, что 20.
Естественный Свѣтъ не только презирается, но и осуждается многими какъ источникъ нечестія,—потомъ, что человѣческіе вымыслы признаются за божественное ученіе, что легковѣріе принимается за вѣру; когда я замѣтилъ, что разногласія философовъ обсуждаются съ большою горячностью ума и въ церкви и въ государствѣ, вслѣдствіе чего возникаютъ страшная ненависть и пререканія, легко приводящія народъ къ мятежу, замѣтилъ и многое другое, о чемъ было бы слишкомъ долго здѣсь разсказывать, то я серьезно рѣшилъ вновь изслѣдовать Писаніе свободно и безъ предвзятыхъ мыслей; рѣшилъ не утверждать о немъ и не принимать за его ученіе ничего такого, чему оно не научило бы меня самымъ яснымъ образомъ. И вотъ при такой 21.
осторожности я выработалъ методъ толкованія священныхъ фоліантовъ и, руководствуясь имъ, сталъ прежде всего спрашивать: что такое пророчество? и какимъ образомъ Богъ открывалъ себя пророкамъ? и почему они были пріятны Богу? потому ли именно, что они имѣли возвышенныя мысли о Богѣ и природѣ, или же за благочестіе только. Послѣ того какъ я узналъ это, я легко могъ опредѣлить, что авторитетъ пророковъ имѣетъ значеніе только относительно практической жизни и истинной добродѣтели; въ остальномъ же ихъ мнѣнія для насъ мало подходящи. Узнавши 22.
это, я потомъ задался вопросомъ, на какомъ основаніи евреи были названы избранниками Бога? Когда же я увидѣлъ, что основаніе для этого было только то, что Богъ выбралъ имъ извѣстную страну на землѣ, гдѣ они могли бы спокойно и удобно жить, то я научился изъ этого, что законы, открытые Моисею Богомъ, были ничѣмъ инымъ, какъ правами отдѣльнаго еврейскаго государства, и, стало быть, за-

коны эти никто, кромѣ евреевъ, не долженъ былъ принимать; да даже и евреи то сами придерживались ихъ только
23. при цѣлости ихъ государства. Далѣе, чтобы узнать, можно ли на основаніи Писанія заключать, что человѣческій умъ отъ природы поврежденъ, я захотѣлъ изслѣдовать, была ли всеобщая религія или божественный законъ, открытый черезъ пророковъ и апостоловъ всему человѣческому роду, чѣмъ инымъ, нежели то, чему насъ научаетъ и Естественный Свѣтъ? и потомъ, неужели чудеса совершались вопреки порядку природы и убѣждаютъ насъ въ существованіи и промыслѣ Божіемъ вѣрнѣе и яснѣе, чѣмъ вещи, которыя мы ясно и отчетливо понимаемъ посред-
24. ствомъ ихъ первыхъ причинъ? Но такъ какъ въ томъ, чему Писаніе выразительно учитъ, я не нашелъ ничего, что̀ не согласовалось бы съ умомъ или что̀ противорѣчило бы ему, и кромѣ того я видѣлъ, что пророки учили только вещамъ очень простымъ, которыя каждымъ легко могли быть поняты, изложили ихъ такимъ слогомъ и подкрѣпили такими доводами, которыми духъ народа больше всего можетъ быть подвигнутъ къ благоговѣнію передъ Богомъ, то я вполнѣ убѣдился, что Писаніе оставляетъ разумъ совершенно свободнымъ и что оно съ философіей ничего общаго не имѣетъ, но что какъ одно, такъ и другая опи-
26. раются на свою собственную пяту. А чтобы доказать это аподиктически и опредѣлить все дѣло, я показываю, какъ должно толковать Писаніе, и показываю, что все познаніе о немъ и о духовныхъ вещахъ должно почерпаться только изъ него, а не изъ того, что мы познаемъ при помощи Естественнаго Свѣта. Затѣмъ перехожу къ показанію тѣхъ предразсудковъ, которые произошли оттого, что народъ (преданный суевѣрію и любящій остатки старины боль-

ше самой вѣчности) лучше почитаетъ книги Писанія, нежели самое слово Божіе. Послѣ этого показываю, что 26.
Откровенное Слово Божіе не есть нѣкоторое извѣстное число книгъ, но простое понятіе божественной души, открытой пророкамъ, именно: понятіе о повиновеніи Богу отъ всего сердца при соблюденіи справедливости и любви. Показываю и то, что въ Писаніи ученіе излагается сообразно съ понятіями и мнѣніями тѣхъ, кому пророки и апостолы имѣли обыкновеніе проповѣдывать это Слово Божіе. Это они дѣлали для того, чтобы люди принимали его безъ всякаго сопротивленія и всей душой. Затѣмъ, показавши 27.
основаніе вѣры, я заключаю наконецъ, что предметъ Откровеннаго познанія есть не что иное какъ повиновеніе, и что поэтому оно совершенно отличается отъ естественнаго познанія какъ предметомъ, такъ и основаніями и средствами и ничего съ нимъ общаго не имѣетъ, но какъ то, такъ и другое владѣютъ своею областью, не предъявляя никакого возраженія другъ другу, и что ни одно изъ нихъ не должно быть прислужницей другого. Далѣе, такъ какъ складъ 28.
ума у людей весьма разнообразенъ, и одинъ лучше успокаивается на однихъ, другой на другихъ мнѣніяхъ, и что̀ одного побуждаетъ къ благоговѣнію, то̀ въ другомъ вызываетъ смѣхъ, то изъ этого, согласно съ вышесказаннымъ, я заключаю, что каждому должна быть предоставлена свобода его сужденія и могота (potestas) толкованія основъ вѣры по его разумѣнію, и что по однимъ дѣламъ должно судить о вѣрѣ каждаго, благочестива она или злочестива. Такимъ образомъ, слѣдовательно, всѣ будутъ въ состояніи повиноваться Богу свободно и отъ всей души, и будетъ цѣниться у всѣхъ только справедливость и любовь. Указавъ этимъ на сво- 29.
боду, которую божественный Законъ Откровенія дозволяетъ

каждому, я перехожу къ другой части изслѣдованія, именно: показываю, что эта самая свобода, не нарушающая спокойствія въ государствѣ и права верховной власти, можетъ и даже должна быть допущена, и что она не можетъ быть отнята безъ большой опасности для мира и безъ большого вреда для цѣлаго государства. Чтобы доказать это, я начинаю съ естественнаго права каждаго, то есть, доказываю, что оно простирается такъ далеко, какъ далеко простирается желаніе и возможность каждаго, и что никто на основаніи права природы не обязывается жить сообразно съ склонностями другого, но каждый есть защитникъ своей
30. свободы. Кромѣ того показываю, что никто этимъ правомъ не поступается на самомъ дѣлѣ, если онъ не переноситъ на другого моготы (potestatem) самозащиты и что тотъ, на кого каждый перенесъ свое право жить сообразно съ собственными своими склонностями вмѣстѣ съ моготой самозащиты, необходимо удерживаетъ это право абсолютно. Отсюда я показываю, что тѣ, у кого въ рукахъ находится верховная власть, имѣютъ право на все, что они въ состояніи сдѣлать, и что только они суть защитники права и свободы; остальные же должны во всемъ дѣйство-
31. вать только согласно съ ихъ рѣшеніемъ. Но такъ какъ никто не въ состояніи отказаться отъ своей моготы самозащиты на столько, чтобы перестать быть человѣкомъ, то заключаю отсюда, что никто не можетъ быть совершенно лишенъ своего естественнаго права, но что подданные, какъ бы по праву природы, удерживаютъ нѣчто, чего отъ нихъ нельзя отнять безъ большой опасности для государства, и что̀ поэтому имъ молчаливо уступается, или о чемъ они сами выразительно договариваются съ тѣми, въ чьихъ рукахъ находится власть. Разсмотрѣвъ это, я перехожу къ

государству евреевъ, которое довольно подробно описываю, чтобы показать, на какомъ основаніи и по чьему рѣшенію религія получила силу права; мимоходомъ отмѣчаю кое-что и другое, казавшееся мнѣ достойнымъ знанія. Послѣ 32.
этого показываю, что обладатели верховной власти суть защитники и толкователи не только права гражданскаго, но и церковнаго, и что только они имѣютъ право рѣшать, что̀ справедливо, что̀ несправедливо, что̀ благочестиво, что̀ нечестиво; и наконецъ заключаю, что они наилучшимъ образомъ могутъ удерживать это право и сохранять господство не подвергаясь опасности, если только каждому дозволяется думать то̀, что̀ онъ хочетъ, и говорить то̀, что̀ онъ думаетъ.

Вотъ все, читатель-философъ, что я предлагаю тебѣ 33.
здѣсь на разсмотрѣніе въ надеждѣ, что оно вслѣдствіе важности и полезности содержанія какъ всего сочиненія, такъ и каждой главы не будетъ непріятно. Сказалъ бы объ этомъ больше, но не хочу, чтобы это предисловіе разрослось въ цѣлый томъ, въ особенности же потому, что самое главное, думаю, весьма хорошо извѣстно философамъ. Остальнымъ же я не хочу рекомендовать этотъ трактатъ, ибо у меня нѣтъ никакихъ основаній надѣяться, что онъ можетъ понравиться имъ въ какомъ-либо отношеніи; я вѣдь знаю, какъ упорно держатся въ душѣ тѣ предразсудки, которымъ духъ предался подъ видомъ благочестія; знаю затѣмъ, что избавить толпу отъ суевѣрія такъ же невозможно, какъ и отъ страха; наконецъ знаю, что постоянство толпы заключается въ упорствѣ, и что она въ выраженіи похвалы или порицанія руководится не разумомъ, но увлекается страстью. Поэтому толпу и всѣхъ тѣхъ, 34.
кто подверженъ такимъ же аффектамъ, какъ она, я не при-

глашаю къ чтенію этого труда; даже лучше желалъ бы, чтобы они совсѣмъ не обратили вниманія на эту книгу, нежели были бы огорчены ею, толкуя ее превратно, какъ это обыкновенно они всегда дѣлаютъ. Ибо пользы они себѣ нисколько не принесутъ, а между тѣмъ повредятъ другимъ, которые философствовали бы свободнѣе, если бы имъ не мѣшала единственная мысль, что разумъ долженъ быть служанкой богословія; послѣднимъ, я надѣюсь, это сочиненіе будетъ весьма полезно.

35. Впрочемъ, такъ какъ у многихъ, вѣроятно, не будетъ ни досуга, ни охоты прочитать всю книгу, то я долженъ здѣсь же, какъ и въ концѣ этого трактата, напомнить, что я не пишу ничего такого, чего весьма охотно не подвергъ бы разбору и сужденію верховной власти моего отечества. Ибо, если она признаетъ, что нѣчто изъ того, что̀ я говорю, противорѣчитъ отечественнымъ законамъ или вредитъ общественному благосостоянію, то и я хочу, чтобы это не было сказано. Я знаю, что я человѣкъ и могъ ошибиться; но я всячески старался о томъ, чтобы не впасть въ ошибку, а первѣе всего о томъ, чтобы все, что я ни писалъ, соотвѣтствовало законамъ отечества, благочестію и добрымъ нравамъ.

Глава I.

О пророчествѣ.

Пророчество или Откровеніе есть извѣстное познаніе о какой-нибудь вещи, открытое людямъ Богомъ. Пророкъ же есть тотъ, кто истолковываетъ откровеніе Божіе тѣмъ, которые не могутъ имѣть вѣрнаго познанія о предметахъ божественнаго Откровенія и которые поэтому могутъ принимать предметы Откровенія только на чистую вѣру. Пророкъ, вѣдь, называется у евреевъ נָבִיא *наби* *), то есть ораторъ и истолкователь; но въ Писаніи онъ всегда принимается за истолкователя Бога, какъ видно изъ 7 главы 1 ст. Исхода. Тамъ Богъ говоритъ Моисею: *„вотъ я поставляю тебя Богомъ фараону, и Ааронъ твой братъ будетъ твоимъ пророкомъ“*. Какъ будто онъ хотѣлъ сказать: такъ какъ Ааронъ, истолковывая фараону то, что ты говоришь, играетъ роль пророка, то ты, стало быть, будешь для фараона какъ бы Богомъ или заступающимъ его мѣсто.

О пророкахъ мы будемъ говорить въ слѣдующей 2.
главѣ; здѣсь поведемъ рѣчь о пророчествѣ, изъ даннаго опредѣленія котораго уже слѣдуетъ, что естественное познаніе можетъ быть названо пророчествомъ. Ибо то, что

*) См. Примѣч. I.

мы познаемъ при помощи Естественнаго Свѣта, зависитъ только отъ познанія Бога и его вѣчныхъ рѣшеній [1]). Но такъ какъ это естественное познаніе обще всѣмъ людямъ (оно, вѣдь, зависитъ отъ общихъ всѣмъ людямъ основаній), поэтому оно не столь цѣнится толпою, всегда падкою до рѣдкаго и чуждаго ея природѣ и презирающею естественные дары; вслѣдствіе этого толпа желаетъ, чтобы оно было исключаемо оттуда, гдѣ говорится о пророческомъ
3. познаніи. Тѣмъ не менѣе однако естественное познаніе, какъ и другое, каково бы оно ни было, можетъ съ одинаковымъ правомъ называться божественнымъ, такъ какъ его какъ бы подсказываетъ намъ природа Бога, по скольку мы причастны ей, и рѣшенія Бога; и отличается оно отъ того, которое всѣ называютъ божественнымъ, лишь тѣмъ, что послѣднее простирается дальше границъ перваго, и что законы человѣческой природы, разсматриваемые сами въ себѣ, не могутъ быть его причиной. Что же касается достовѣрности, которую естественное познаніе въ себѣ содержитъ [2]), и источника, изъ котораго оно проистекаетъ (именно Бога), то оно никоимъ образомъ не уступаетъ пророческому познанію, если только кто-нибудь не желаетъ думать или, лучше сказать, грезить, что пророки хоть и имѣли человѣческое тѣло, но душа у нихъ была не человѣческая [3]), и потому ихъ ощущенія и сознаніе были совсѣмъ другой природы, нежели наши.

4. Но хотя естественное познаніе и божественно, однако распространители его не могутъ быть названы пророками [*]). Ибо то, чему они учатъ, и остальные люди съ рав-

[1]) Эт. I, 15, 16; II, 5, 8.
[2]) Эт. II, 43.
[3]) Эт. II, 11, 13.
[*]) См. Примѣч. II.

ною достовѣрностью и основательностью, какъ и они, могутъ усмотрѣть и принять, и притомъ не на вѣру только.

Итакъ, коль скоро наша душа на основаніи того 5.
только, что она объективно содержитъ въ себѣ природу Бога и причастна ей, имѣетъ возможность образовать нѣкоторыя понятія, объясняющія природу вещей и научающія образу жизни, то мы, по справедливости, можемъ считать природу души, по скольку она понимается какъ таковая, за первую причину божественнаго Откровенія. Вѣдь все то, что мы ясно и отчетливо понимаемъ, все это намъ подсказываетъ идея о Богѣ (какъ только что мы указали) и природа, и притомъ не словами, но гораздо болѣе превосходнымъ образомъ, лучше всего согласующимся съ природою души, какъ, безъ сомнѣнія, всякій, отвѣдавшій достовѣрности разума, на себѣ испыталъ. Но такъ какъ я намѣ- 6.
ренъ говорить преимущественно только о томъ, что касается одного Писанія, то о Естественномъ Свѣтѣ достаточно и того немногаго, что я сказалъ. Поэтому перехожу къ другимъ причинамъ и средствамъ, которыми Богъ открываетъ людямъ то, что превосходитъ границы естественнаго познанія, а также и то, что не превосходитъ ихъ (Богу, вѣдь, ничто не препятствуетъ сообщать людямъ и другими способами то самое, что мы познаемъ посредствомъ Естественнаго Свѣта), съ цѣлью разобрать ихъ подробнѣе.

Но, разумѣется, все, что можно сказать объ этомъ, 7.
должно заимствовать изъ одного Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, что мы можемъ сказать о вещахъ, превышающихъ границы нашего разума, кромѣ того, что передается намъ самими пророками устно или письменно? И такъ какъ въ настоящее время, сколько я знаю, у насъ нѣтъ никакихъ проро-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ковъ, то намъ ничего не остается, какъ только развернуть священные фоліанты, оставленные намъ пророками, развернуть, конечно, съ той осторожностью, чтобы о подобныхъ вещахъ мы ничего не утверждали или не приписывали самимъ пророкамъ чего-нибудь такого, чего они сами ясно
8. не высказали. Но прежде всего здѣсь должно замѣтить, что евреи никогда не упоминаютъ о посредствующихъ или частныхъ причинахъ и не заботятся о нихъ, но всегда изъ религіознаго и благочестиваго побужденія или (какъ толпа обыкновенно выражается) изъ преданности къ Богу относятъ все къ Нему. Вѣдь если, напримѣръ, они получили отъ торговли деньги, то говорятъ, что онѣ Богомъ имъ посланы; если они желаютъ, чтобы случилось что-нибудь, то говорятъ, что Богъ расположилъ ихъ сердце къ этому; и если также они додумываются до чего-нибудь, то говорятъ, что это имъ Богъ сказалъ. Поэтому не все то, о чемъ Писаніе говоритъ какъ о сказанномъ кому-нибудь Богомъ, нужно считать за пророчество и сверхъестественное познаніе, но только то, о чемъ Писаніе выразительно говоритъ или изъ обстоятельствъ разсказа слѣдуетъ, что было пророчество или Откровеніе.

9. Итакъ, если мы пересмотримъ священные свитки, то увидимъ, что все, что̀ Богъ открывалъ пророкамъ, было открыто имъ или въ словахъ или въ образахъ или тѣмъ и другимъ способомъ, то есть въ словахъ и образахъ. Слова же, а равно и образы были или дѣйствительные и внѣ воображенія слышащаго или видящаго пророка или же были воображаемые, потому именно, что воображеніе пророка и на-яву было такъ настроено, что ему ясно казалось, будто онъ слышитъ слова и видитъ что-нибудь.

Посредствомъ дѣйствительнаго голоса Богъ открылъ 10.
Моисею законы, которые онъ хотѣлъ предписать евреямъ, какъ явствуетъ изъ Исхода гл. 25, ст. 22, гдѣ онъ говоритъ: וְנוֹעַדְתִּי לְךָ שָׁם וְדִבַּרְתִּי אִתְּךָ מֵעַל הַכַּפֹּרֶת מִבֵּין שְׁנֵי הַכְּרֻבִים *„и я буду готовъ для тебя тамъ и буду говорить съ тобою изъ той части ковчега, которая находится между двухъ херувимовъ“*. А это показываетъ, что Богъ пользовался какимъ-то дѣйствительнымъ голосомъ, такъ какъ Моисей, когда-бы ни пожелалъ, находилъ тамъ Бога готовымъ для бесѣды съ собою. И только этотъ голосъ, именно тотъ, которымъ былъ высказанъ законъ, былъ дѣйствительный голосъ, какъ вскорѣ покажу.

Я предполагалъ бы, что голосъ, которымъ Богъ воззвалъ 11.
Самуила, былъ дѣйствительный, потому что въ 1 книгѣ Царствъ, гл. 3, послѣд. ст. говорится: וַיֹּסֶף יְהוָה לְהֵרָאָה בְּשִׁלֹה כִּי־נִגְלָה יְהוָה אֶל־שְׁמוּאֵל בְּשִׁלֹו בִּדְבַר יְהוָה *«и опять явился Богъ Самуилу въ Силомѣ, потому что Богъ открывалъ Самуилу въ Силомѣ чрезъ слово Божіе»*; авторъ какъ будто желалъ сказать, что явленіе Бога Самуилу было ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что Богъ открылъ ему себя въ словѣ, или было не что иное, какъ то, что Самуилъ слышалъ говорящаго Бога. Но такъ какъ мы принуждены дѣлать различіе между пророчествомъ Моисея и пророчествомъ остальныхъ пророковъ, то необходимо должно сказать, что этотъ голосъ, слышанный Самуиломъ, былъ воображаемый. Это можно заключить также и изъ того, что онъ походилъ на голосъ Илія; этотъ голосъ Самуилъ чаще всего обыкновенно слышалъ и потому легче могъ воображать его; вѣдь, трижды воззванный Богомъ, онъ думалъ, что его зоветъ Илій. Голосъ, слышанный Авимелехомъ, былъ вообра- 12.

жаемый, ибо въ гл. 20, ст. 6 Бытія говорится: וַיֹּאמֶר אֵלָיו הָאֱלֹהִים בַּחֲלֹם „*и сказалъ ему Богъ во снѣ и проч.*“. Стало быть, Авимелехъ не на-яву, но только во снѣ могъ воображать волю Бога (именно въ то время, когда воображеніе естественнымъ образомъ болѣе всего способно къ представленію несуществующихъ вещей).

13. Слова десяти заповѣдей по мнѣнію нѣкоторыхъ іудеевъ не были произнесены Богомъ, но они думаютъ, что израильтяне слышали только шумъ, не произносившій, конечно, никакихъ словъ, и въ продолженіе его они восприняли законы Десятисловія непосредственно душою. Это и я когда-то думалъ, такъ какъ видѣлъ, что слова десяти заповѣдей Исхода разнятся отъ словъ десяти заповѣдей Второзаконія, изъ чего, кажется, слѣдуетъ (такъ какъ Богъ только одинъ разъ ихъ высказалъ), что Десятисловіе хочетъ научить не
14. самымъ словамъ Бога, но только смыслу ихъ. Но если мы не хотимъ насиловать Писаніе, то вполнѣ слѣдуетъ допустить, что израильтяне слышали дѣйствительный голосъ. Ибо Писаніе во Второзакон. гл. 5, ст. 4, выразительно говоритъ: פָּנִים בְּפָנִים דִּבֶּר יְהוָה עִמָּכֶם בָּהָר מִתּוֹךְ הָאֵשׁ „*лицомъ къ лицу Богъ говорилъ съ вами и пр.*“ то есть, какъ два человѣка обыкновенно сообщаютъ другъ другу свои мысли посредствомъ своихъ двухъ тѣлъ. Поэтому, кажется, болѣе согласно съ Писаніемъ то, что Богъ дѣйствительно создалъ какой-то голосъ, которымъ Самъ и открылъ десять заповѣдей. О причинѣ же, почему слова и мысли одного Десятисловія разнятся отъ словъ и
15. мыслей другаго, смотри главу VIII. Но и такимъ образомъ все-таки не уничтожается вся трудность. Ибо довольно мало, повидимому, вяжется съ разумомъ утвержденіе, что

созданная вещь, зависящая отъ Бога такъ же, какъ и остальныя, могла бы дѣломъ или словами выразить сущность или существованіе Бога или объяснить его посредствомъ своей особы, именно, говоря въ первомъ лицѣ: *я есмь Іегова Богъ твой и пр.* И хотя, когда кто-нибудь произноситъ ртомъ: *я понялъ*, никто не думаетъ, что понялъ ротъ, но только душа человѣка, говорящаго это, однако онъ легко понимаетъ душу говорящаго человѣка по сравненію съ собою, потому что ротъ принадлежитъ къ природѣ человѣка, который это говоритъ, а также и потому, что тотъ, кому это говорится, постигъ природу разума. Но люди, 16.
которые раньше о Богѣ ничего кромѣ имени не знали и желали его разговора съ цѣлью удостовѣриться въ его существованіи,—какъ ихъ требованіе, я не вижу, было удовлетворено созданіемъ, которое, допустимъ, сказало: *я есмь Богъ* (созданіемъ, относящимся къ Богу не больше, чѣмъ и остальныя твари, и не принадлежащимъ къ природѣ Бога)? Спрашиваю, что̀ если бы Богъ заставилъ губы Моисея—но зачѣмъ Моисея? просто даже какого-нибудь животнаго произнести и сказать тоже самое: *я есмь Богъ*? уразумѣли ли бы они изъ этого, что Богъ существуетъ?
Затѣмъ, Писаніе, кажется, вполнѣ ясно указываетъ, что 17.
Богъ самъ говорилъ (съ каковой цѣлью онъ и сошелъ съ неба на Синайскую гору), и іудеи не только слышали его говорящимъ, но старѣйшины даже видѣли его (смотри Исхода гл. 24). И открытый Моисею Законъ, въ которомъ нельзя было ничего ни прибавить, ни убавить, и который былъ установленъ какъ отечественное право, никогда не предписывалъ намъ вѣрить, что Богъ безтѣлесенъ, а также и то, что Онъ не имѣетъ никакого образа или вида, но только, что Богъ существуетъ, и что нужно въ Него вѣ-

рить и Ему одному покланяться; онъ предписывалъ не отступать отъ Его культа, не придумывать для Него какого-
18. либо образа и не дѣлать никакого Его изображенія. Ибо они, не видавъ образа Бога, не могли сдѣлать никакого изображенія, которое походило бы на Него; оно неизбѣжно походило бы на какую-нибудь сотворенную вещь, видѣнную ими, и, стало быть, они, поклоняясь предъ тѣмъ изображеніемъ Богу, думали бы не о Богѣ, но о вещи, на которую то изображеніе походитъ, и такимъ образомъ честь и поклоненіе, слѣдуемые Ему, они въ концѣ концовъ воздавали бы той вещи. А все-таки Писаніе ясно указываетъ, что Богъ имѣетъ видъ, и Моисей видѣлъ его фигуру, когда онъ слышалъ Бога говорящимъ, но видѣть ему удалось только заднюю сторону Бога [1]). Поэтому я не сомнѣваюсь, что здѣсь скрывается какая-то тайна; объ этомъ ниже мы будемъ говорить обстоятельнѣе. Здѣсь же я перейду къ показанію мѣстъ Писанія, указывающихъ на средства, которыми Богъ открывалъ людямъ свои рѣшенія.

19. Что Откровеніе бывало посредствомъ однихъ образовъ, это явствуетъ изъ первой книги Паралипоменонъ гл. 21, гдѣ Богъ обнаруживаетъ предъ Давидомъ свой гнѣвъ чрезъ ангела, держащаго мечъ въ рукѣ. Также точно и предъ Валаамомъ [2]). И хотя Маймонидъ [*]) и другіе желаютъ думать, что эта исторія (а также и всѣ, гдѣ разсказывается о явленіи какого-нибудь ангела, какъ напр. явленіе Маною [3]), Аврааму, когда онъ думалъ принести въ жертву сына [4]) и пр.) случилась во снѣ, а не на-яву, потому что,

[1]) Исх. 32, 20 и слѣд.
[2]) Числ. гл. 22.
[*]) См. Прим. переводчика въ концѣ книги.
[3]) Суд. гл. 13.
[4]) Быт. гл. 22.

по ихъ мнѣнію, не можетъ быть, чтобы кто-нибудь, видѣлъ ангела открытыми глазами, однако они говорятъ, конечно, зря; ибо они только о томъ и заботились, чтобы выкручивать изъ Писанія аристотелевскія бредни и свои собственныя выдумки; смѣшнѣе этого,—для меня, по крайней мѣрѣ,—кажется, ничего нѣтъ.

Въ образахъ же не реальныхъ, а зависящихъ только 20.
отъ воображенія пророка, открылъ Богъ Іосифу [1]) его будущее господство. Посредствомъ образовъ и словъ открылъ Богъ Іисусу, что онъ будетъ сражаться за нихъ, именно, показавъ ему ангела съ мечемъ, какъ бы предводителя войска; это же Онъ и въ словахъ открылъ ему, и Іисусъ слышалъ ангела [2]). Исаіи также было представлено (какъ въ 6 гл. разсказывается) образно, что Провидѣніе Божіе оставляетъ народъ, именно: онъ видѣлъ въ воображеніи трижды святаго Бога сидящимъ на очень высокомъ тронѣ, а израильтянъ, покрытыхъ грѣховной нечистотою, какъ бы погруженными въ помойную яму и, потому, очень далеко отстоящими отъ Бога. Изъ этого онъ уразумѣлъ настоящее весьма бѣдственное состояніе народа; грядущія же его бѣдствія были открыты ему въ словахъ, какъ бы произнесенныхъ Богомъ. Я могъ бы привести изъ Священнаго Писанія множество примѣровъ вродѣ этого, если бы не полагалъ, что они всѣмъ достаточно извѣстны.

Но все это яснѣе подтверждается изъ текста кн. Числъ 21.
гл. 12, ст. 6, 7, гласящаго такъ: אִם־יִהְיֶה נְבִיאֲכֶם יְהוָה
בַּמַּרְאָה אֵלָיו אֶתְוַדָּע בַּחֲלוֹם אֲדַבֶּר־בּוֹ: לֹא־כֵן עַבְדִּי מֹשֶׁה:
פֶּה אֶל־פֶּה אֲדַבֶּר־בּוֹ וּמַרְאֶה וְלֹא בְחִידֹת וּתְמֻנַת יְהוָה יַבִּיט

[1]) Быт. гл. 37.
[2]) Іис. Нав. гл. 5 ст. 13 и сл.

„если кто изъ васъ будетъ пророкомъ Божіимъ, то я буду открываться ему въ видѣніи (то есть посредствомъ образовъ и іероглифовъ; ибо о пророчествѣ Моисея Богъ говоритъ, что оно есть видѣніе безъ іероглифовъ), *въ снахъ буду говорить съ нимъ* (то есть не посредствомъ дѣйствительныхъ словъ и истиннаго голоса). *Но не такъ Моисею открываюсь; устами къ устамъ говорю съ нимъ, и въ видѣніи, но не загадками, и образъ Бога онъ видитъ*“, то есть, видя меня, онъ какъ товарищъ, а не перепуганный, говоритъ со мною, какъ читается въ Исходѣ гл. 33, ст. 12. Поэтому не должно сомнѣваться въ томъ, что остальные пророки не слышали дѣйствительнаго голоса; это еще болѣе подтверждается изъ Второзак. гл. 34, ст. 10, гдѣ говорится: וְלֹא־קָם נָבִיא עוֹד בְּיִשְׂרָאֵל כְּמֹשֶׁה אֲשֶׁר יְדָעוֹ יְהוָה פָּנִים אֶל־פָּנִים „*и никогда не существовалъ* (собственно возставалъ) *въ Израилѣ пророкъ какъ Моисей, котораго Богъ зналъ лицомъ къ лицу*“. Это, конечно, должно разумѣть въ смыслѣ голоса только, ибо самъ Моисей никогда не видѣлъ лица Божія (Исх. гл. 33).

22. Кромѣ этихъ средствъ я не нахожу въ Священномъ Писаніи никакихъ другихъ, посредствомъ которыхъ Богъ сообщался бы съ людьми, и потому, какъ выше мы показали, никакихъ другихъ средствъ и не должно выдумывать и допускать. И хотя мы ясно понимаемъ, что Богъ можетъ непосредственно сообщаться съ людьми, ибо онъ, не употребляя никакихъ тѣлесныхъ средствъ, сообщаетъ нашей душѣ свою сущность, однако для того, чтобы какой-нибудь человѣкъ только душою воспринималъ что-нибудь, что̀ не содержится въ первыхъ основахъ нашего познанія и что̀ не можетъ быть выведено изъ нихъ, душа его необходимо должна быть превосходнѣе и гораздо возвышеннѣе чело-

вѣческой. Поэтому я не думаю, что кто-нибудь другой до- 23
стигалъ до такого совершенства передъ другими кромѣ Христа, которому божественныя изволенія, ведущія людей къ спасенію, были открыты не въ словахъ или видѣніяхъ, но непосредственно, такъ что Богъ черезъ душу Христа открылъ себя апостоламъ, какъ нѣкогда открылся Моисею посредствомъ голоса слышимаго въ воздухѣ. И потому голосъ Христа, какъ и голосъ, слышанный Моисеемъ, можетъ быть названъ голосомъ Божіимъ. И въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать также, что мудрость Божія, то есть, мудрость превышающая человѣческую, приняла въ Христѣ человѣческую природу и Христосъ былъ путемъ къ спасенію.

Но здѣсь необходимо напомнить, что я говорю вовсе 24
не о томъ, что утверждаютъ нѣкоторыя церкви о Христѣ, а также не отрицаю ихъ положеній, ибо охотно признаюсь, что я ихъ не понимаю. То, что я сейчасъ утверждалъ, я заключаю изъ самого Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, я нигдѣ не читалъ, что Богъ являлся Христу или говорилъ съ нимъ, но читалъ, что Богъ чрезъ Христа открылся апостоламъ, и что онъ есть путь къ спасенію, и наконецъ, что старый законъ переданъ ангеломъ, а не Богомъ непосредственно и проч. Поэтому, если Моисей говорилъ съ Богомъ лицомъ къ лицу, какъ обыкновенно человѣкъ разговариваетъ съ собесѣдникомъ (то есть посредствомъ двухъ тѣлъ), то, конечно, Христосъ имѣлъ общеніе съ Богомъ душой къ душѣ.

И такъ мы утверждаемъ, что кромѣ Христа никто не 25
получалъ божественныхъ откровеній иначе какъ при помощи воображенія, именно при помощи словъ или образовъ; и стало быть, для пророчествованія нужна не душа болѣе совершенная, но болѣе живое воображеніе, какъ я яснѣе

покажу въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же теперь должно изслѣдовать, что понимаетъ Священное Писаніе подъ Духомъ Божіимъ, которымъ пророки были исполнены, или что пророки говорили отъ Духа Божія. Чтобы найти это, должно прежде изслѣдовать, что означаетъ еврейское слово רוח *руагъ*, которое люди истолковываютъ словомъ духъ.

26 Слово רוח *руагъ* въ собственномъ смыслѣ означаетъ, какъ извѣстно, вѣтеръ; но оно очень часто употребляется во многихъ другихъ значеніяхъ, производныхъ однако отъ него. Его, вѣдь, берутъ 1) для означенія дыханія, какъ въ псалмѣ 134, ст. 17: אַף אֵין־יֶשׁ־רוּחַ בְּפִיהֶם *„и нѣтъ духа въ устахъ его“*; 2) для означенія бодрости или одушевленія, какъ въ 1 кн. Царствъ гл. 30, ст. 12: וַתָּשָׁב רוּחוֹ אֵלָיו *„и возвратился къ нему духъ“*, то есть онъ сталъ бодрымъ. Отсюда принимаютъ его 3) въ значеніи мужества и силы, какъ въ книгѣ Навина гл. 2, ст. 11: וְלֹא־קָמָה עוֹד רוּחַ בְּאִישׁ *„и ни въ одномъ человѣкѣ не стало потомъ духа“*. Также у Іезек. гл. 2, ст. 2: וַתָּבֹא בִי רוּחַ וַתַּעֲמִדֵנִי עַל־רַגְלָי *„и вошелъ въ меня духъ* (или сила), *который заставилъ меня стать на ноги мои“*. Отсюда принимается 4) въ значеніи таланта, способности, какъ у Іова гл. 32, ст. 8: אָכֵן רוּחַ־הִוא בֶּאֱנוֹשׁ *„конечно оно* (знаніе) *есть духъ въ человѣкѣ“*, то есть, знанія не должно искать непремѣнно у стариковъ, ибо я нахожу теперь, что оно зависитъ отъ особеннаго таланта и способности человѣка. Также въ кн. Числъ гл. 27, ст. 18: אִישׁ אֲשֶׁר־רוּחַ בּוֹ *„мужъ, въ которомъ есть*
27 *духъ“*. Берется затѣмъ 5) въ значеніи голоса чувства, какъ въ кн. Числъ гл. 14, ст. 24, הָיְתָה רוּחַ אַחֶרֶת עִמּוֹ *„потому что въ немъ былъ иной духъ“*, то есть, иной голосъ чувства или иная мысль. Такъ въ Притч. гл. 1, ст. 23: אַבִּיעָה לָכֶם רוּחִי *„я выскажу вамъ духъ*, (то есть мысль)

мой". И въ этомъ смыслѣ употребляется для обозначенія воли или рѣшенія, душевнаго побужденія и задора, какъ у Іезек. гл. 1, ст. 12: אֶל אֲשֶׁר יִהְיֶה־שָּׁמָּה הָרוּחַ לָלֶכֶת וְלֵכוּ „*они шли туда, итти куда былъ духъ* (или воля)". Также у Исаіи гл. 30, ст. 1: וְלִנְסֹךְ מַסֵּכָה וְלֹא רוּחִי „*чтобы заключать договоръ и не по духу моему*" и гл. 29, ст. 10: כִּי־נָסַךְ עֲלֵיכֶם יְהוָה רוּחַ תַּרְדֵּמָה „*потому что навелъ на нихъ Богъ духъ усыпленія* (то есть, охоту спать). И въ кн. Судей гл. 8, ст. 3: אָז רָפְתָה רוּחָם מֵעָלָיו „*тогда успокоился духъ ихъ*", или задоръ. Также въ Прит. гл. 16, ст. 32: וּמֹשֵׁל בְּרוּחוֹ מִלֹּכֵד עִיר „*владѣющій духомъ* (или побужденіемъ) *своимъ лучше берущаго городъ*". Также въ гл. 25, ст. 28: אִישׁ אֲשֶׁר אֵין־מַעְצָר לְרוּחוֹ „*мужъ не удерживающій духа своего*". И у Исаіи гл. 33, ст. 11: רוּחֲכֶם אֵשׁ תֹּאכְלֶכֶם „*духъ вашъ есть огонь, который васъ пожираетъ*". Далѣе, 28
это слово רוּחַ *руагъ*, по скольку означаетъ душу, понимаемую въ смыслѣ чувственнаго начала (animus), служитъ для выраженія всѣхъ душевныхъ страстей, а также и дарованій, какъ напр. רוּחַ נְבוֹהָה *высокій духъ* для означенія гордости רוּחַ שְׁפָלָה *уничиженный духъ* для смиренія, רוּחַ רָעָה *злой духъ* вмѣсто ненависти и меланхоліи, רוּחַ טוֹבָה *добрый духъ* вмѣсто благосклонности, רוּחַ קִנְאָה *духъ ревности*, רוּחַ זְנוּנִים *духъ* (или желаніе) *любодѣянія*, רוּחַ עַצְמָה נְבִירָה רוּחַ חָכְמָה *духъ мудрости, благоразумія, храбрости*, то есть (такъ какъ по еврейски мы чаще употребляемъ существительныя, нежели прилагательныя) мудрая, благоразумная, храбрая душа (animus) или доблесть мудрости, благоразумія, храбрости; רוּחַ חֵן *духъ благоволенія* и проч. б) означаетъ самое душу, понимаемую въ смыслѣ мыслительнаго начала (mentem) или душу въ смыслѣ жизненнаго начала (animam), какъ въ Екклес. 3, ст. 19: וְרוּחַ אֶחָד לַכֹּל „*духъ* (или *душа*)

одинъ и тотъ же у всѣхъ“ гл. 12, ст. 7 וְרוּחַ תָּשׁוּב אֶל־הָאֱלֹהִים „*и духъ возвращается къ Богу*“ 7) наконецъ, означаетъ страны свѣта (вслѣдствіе вѣтровъ, которые дуютъ изъ нихъ), а также стороны всякой вещи, обращенныя къ тѣмъ странамъ свѣта. Смотри Іезек. гл. 37, ст. 9 и гл. 42, ст. 16, 17, 18, 19 и проч.

29 Теперь должно замѣтить, что какая-нибудь вещь относится къ Богу и называется Божіей 1) потому, что принадлежитъ къ природѣ Бога и составляетъ какъ бы часть Бога, напр. когда говорятъ: כֹּחַ יְהוָה *могущество Бога*, עֵינֵי יְהוָה *очи Бога*; 2) потому, что находится во власти Бога и дѣйствуетъ по изволенію Божію; такъ небеса называются въ Писаніи שָׁמַי יְהוָה *небесами Божіими*, потому что они служатъ колесницею и жилищемъ Бога; Ассирія называется бичемъ Божіимъ и Навуходоносоръ рабомъ Божіимъ и проч. 3) потому, что посвящена Богу, какъ זֵכֶל יְהוָה *храмъ Божій*, נְזִיר אֱלֹהִים *назарянинъ Божій*, לֶחֶם יְהוָה *хлѣбъ Божій* и проч. 4) потому, что передана чрезъ пророковъ, а не открыта при помощи Естественнаго Свѣта; поэтому Моисеевъ законъ называется *закономъ Божіимъ*, 5) для выраженія вещи въ превосходной степени, какъ הַרְרֵי אֵל *горы Божіи*, то есть высочайшія горы; תַּרְדֵּמַת יְהוָה *сонъ Божій*, то есть самый глубокій сонъ, и въ этомъ смыслѣ должно быть объясняемо мѣсто у Амоса гл. 4, ст. 11, гдѣ Богъ самъ говоритъ такъ: הָפַכְתִּי בָכֶם כְּמַהְפֵּכַת אֱלֹהִים אֶת־סְדֹם וְאֶת־עֲמֹרָה „*я разрушилъ васъ, какъ разрушеніе Божіе* (разрушило) *Содомъ и Гоморру*“, то есть какъ то достопамятное разрушеніе. Ибо иначе собственно нельзя объяснить это мѣсто, коль скоро Богъ самъ говоритъ. Такъ же и естественное знаніе Соломона называется Божіимъ знаніемъ, то есть божественнымъ или выше обыкновеннаго. Въ Псал-

тыри также *кедры* называются *Божіими*, אַרְזֵי אֵל чтобы выразить ихъ необыкновенную величину. А въ кн. 1 Царствъ гл. 11, ст. 7 для означенія очень сильнаго страха говорится: וַיִּפֹּל פַּחַד־יְהוָה עַל־הָעָם *„и напалъ страхъ Божій на народъ“*. И въ этомъ смыслѣ іудеи обыкновенно 30
относили къ Богу все, что превосходило ихъ пониманіе и естественныхъ причинъ чего они въ то время не знали. Поэтому гроза называлась נַעֲרַת יְהוָה *бранью Божіей*, а громъ и молнія стрѣлами Божіими; они, вѣдь, думали, что Богъ держитъ вѣтры, заключенными въ пещерахъ, которыя они называли сокровищницами Божіими; въ этомъ мнѣніи они расходились съ язычниками въ томъ, что считали владыкой вѣтровъ не Эола, но Бога. На томъ же основаніи и чудеса называются дѣлами Божіими, то есть изумительными дѣлами. Ибо все естественное, конечно, есть дѣло Божіе и благодаря только божественному могуществу существуетъ и дѣйствуетъ. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, псалмопѣвецъ называетъ и египетскія чудеса могуществомъ Божіимъ, потому что они открыли евреямъ путь къ спасенію въ крайней опасности, когда они ничего подобнаго не ожидали; поэтому они и удивлялись имъ въ высшей степени.

Итакъ, коль скоро необыкновенныя дѣла природы 31
называются дѣлами Божіими, а деревья необыкновенной величины Божіими деревьями, то неудивительно, что въ Бытіи люди очень сильные и большого роста, не смотря на то, что они нечестивые грабители и блудодѣи, называются сынами Божіими [1]). Поэтому древніе, не только іудеи, но и язычники, обыкновенно относили къ Богу безусловно

[1]) Быт. 6, 1 и сл.

все то, чѣмъ кто-либо превосходилъ другихъ; фараонъ, вѣдь, какъ только услыхалъ толкованіе сна, сказалъ, что въ Іосифѣ находится душа боговъ [1]), также и Навуходоносоръ сказалъ Даніилу, что онъ обладаетъ душою святыхъ боговъ [2]). У римлянъ даже чаще этого ничего не встрѣчается, ибо про все искусно сдѣланное они говорятъ: это сдѣлано божественною рукою; если бы кто захотѣлъ перевести это на еврейскій языкъ, то онъ долженъ былъ бы сказать, какъ извѣстно знатокамъ еврейскаго языка, *это сдѣлано рукою Бога.*

32 Такимъ образомъ изъ этого легко можно понять и объяснить мѣста Писанія, въ которыхъ упоминается о Духѣ Божіемъ. Именно רוּחַ אֱלֹהִים *Духъ Бога* и רוּחַ יְהוָה *Духъ Іеговы* означаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не что иное, какъ очень сильный, очень сухой и пагубный вѣтеръ, какъ у Исаіи въ гл. 40, ст. 7: רוּחַ יְהוָה נָשְׁבָה בּוֹ „*вѣтеръ Іеговы* дуетъ *на него*“, то есть очень сухой и пагубный вѣтеръ; и въ кн. Бытія гл. 1, ст. 2: רוּחַ אֱלֹהִים מְרַחֶפֶת עַל־פְּנֵי הַמָּיִם „*и вѣтеръ Божій* (или весьма сильный вѣтеръ) *проносился надъ водою*“. Потомъ означаетъ великое мужество; вѣдь мужество Гедеона и Самсона называется въ Священномъ Писаніи רוּחַ יְהוָה *Духомъ Божіимъ*, то есть, весьма смѣлымъ и на все готовымъ мужествомъ [3]). Также и всякая добродѣтель или сила, превышающая обыкновенную, называется רוּחַ יְהוָה *духомъ* или *добродѣтелью Божіею*, какъ въ Исх. гл. 31, ст. 3: וָאֲמַלֵּא אֹתוֹ רוּחַ אֱלֹהִים „*и исполню его* (именно Веселіила) *Духомъ Божіимъ*“, то есть

---

[1]) Быт. 41; 38. 29.

[2]) Дан. 4, 6.

[3]) Суд. 6, 34; 13, 25; 14, 6; 19, 15, 14 и др.

(какъ само Писаніе объясняетъ) дарованіемъ и искусствомъ превышающими размѣръ, обычно встрѣчающійся у людей. Такъ у Исаіи въ гл. 11, ст. 2: וְנָחָה עָלָיו רוּחַ יְהוָה „*и почіетъ на немъ Духъ Божій*“ то есть, какъ самъ пророкъ, объясняя это потомъ въ частности (пріемъ самый употребительный въ Священномъ Писаніи), объявляетъ: добродѣтель мудрости, совѣта, храбрости и проч. Также и меланхолія Саула называется *злымъ Духомъ Божіимъ*, רוּחַ־אֱלֹהִים רָעָה то есть, очень глубокой меланхоліей; слуги Саула, называвшіе его меланхолію Божіей меланхоліей, совѣтовали, вѣдь, позвать къ себѣ какого-нибудь музыканта, чтобы онъ развлекъ его игрой на гусляхъ; это показываетъ, что они подъ *меланхоліей Божіей* понимали естественную меланхолію [1]). Потомъ чрезъ *Духъ Божій* 34
רוּחַ יְהוָה означается само или жизненное или мыслительное начало въ человѣкѣ, какъ у Іова въ гл. 27, ст. 3: וְרוּחַ אֱלוֹהַּ בְּאַפִּי „*и Духъ Божій въ носу моемъ*,—намекъ на то, что имѣется въ Бытіи, именно, что Богъ вдунулъ душу жизни въ носъ человѣка [2]). Такъ Іезекіиль, пророчествуя мертвымъ, говоритъ въ гл. 37, ст. 13: וְנָתַתִּי רוּחִי בָּכֶם וְחִיִּיתֶם „*и дамъ вамъ Духъ мой и оживете*“, то есть, возвращу вамъ жизнь. И въ этомъ смыслѣ говорится у Іова въ гл. 34, ст. 14: אִם־יָשִׂים אֵלָיו לִבּוֹ רוּחוֹ וְנִשְׁמָתוֹ אֵלָיו יֶאֱסֹף „*если бы онъ* (именно Богъ) *захотѣлъ, то духъ свой* (то есть мыслящую душу данную намъ) *и свою душу жизни онъ возвратитъ себѣ*“. Такъ же должно понимать въ кн. Бытія гл. 6, ст. 3: לֹא־יָדוֹן רוּחִי בָאָדָם לְעֹלָם בְּשַׁגַּם הוּא בָשָׂר „*не будетъ разсуждать* (или не будетъ рѣшать) *Духъ мой*

---

[1]) 1 Цар. 16, 14 и сл.

[2]) Быт. 2, 7.

въ человѣкѣ никогда, потому что онъ плоть есть“, то есть, человѣкъ впредь будетъ дѣйствовать по влеченію плоти, а не души, которую я далъ ему, чтобы онъ различалъ добро. Также и въ псалмѣ 51, ст. 12, 13: לֵב טָהוֹר בְּרָא־לִי אֱלֹהִים וְרוּחַ נָכוֹן חַדֵּשׁ בְּקִרְבִּי: אַל־תַּשְׁלִיכֵנִי מִלְּפָנֶיךָ וְרוּחַ קָדְשְׁךָ אַל־תִּקַּח מִמֶּנִּי „*сердце чистымъ сотвори у меня и духъ* (то есть, побужденіе) *приличный* (или умѣренный) *обнови во мнѣ; не отвергни меня отъ лица твоего и души твоей святости не отними отъ меня*“. Такъ какъ вѣрили, что грѣхи происходятъ только отъ плоти, душа же совѣтуетъ только доброе, то поэтому псалмопѣвецъ и взываетъ къ помощи Божіей противъ побужденія плоти и проситъ лишь о томъ, чтобы душа данная ему Богомъ святымъ, была сохранена Богомъ. Теперь, такъ какъ Писаніе ради слабости
35 толпы обыкновенно изображаетъ Бога на подобіе человѣка и приписываетъ Богу душу, духъ и душевныя страсти, а равно тѣло и дыханіе, то поэтому въ Священномъ Писаніи רוּחַ יְהוָה *Духъ Божій* часто употребляется вмѣсто души, т. е. чувства, аффекта, силы и дыханія устъ Божіихъ. Такъ Исаія въ гл. 40, ст. 13 говоритъ: מִי־תִכֵּן אֶת־רוּחַ יְהוָה „*кто расположилъ духъ* (или душу) *Божій*“? то есть, кто опредѣлилъ душу Бога, кромѣ самого Бога, къ желанію чего-нибудь? а въ главѣ 63, ст. 10: וְהֵמָּה מָרוּ וְעִצְּבוּ אֶת־רוּחַ
36 קָדְשׁוֹ „*и они огорчили и опечалили Духъ его святости*“. А отсюда происходитъ, что это слово обыкновенно берется вмѣсто Моисеева закона, потому что онъ объясняетъ какъ бы душу Бога, какъ самъ Исаія въ той же главѣ ст. 11 говоритъ: אַיֵּה הַשָּׂם בְּקִרְבּוֹ אֶת־רוּחַ קָדְשׁוֹ „*гдѣ тотъ, который вложилъ въ среду его Духъ своей святости*“, именно закочъ Моисеевъ, какъ ясно обнаруживается изъ всего содержанія рѣчи; а Неемія въ гл. 9, ст. 20: וְרוּחֲךָ הַטּוֹבָה

נָתַתָּ לְהַשְׂכִּילָם „*и духъ* (или *душу*) *твою благую Ты далъ имъ, чтобы сдѣлать ихъ разумѣющими*“; здѣсь онъ говоритъ, вѣдь, о времени законодательства и намекаетъ также на то мѣсто Втор. гл. 4, ст. 6, гдѣ Моисей говоритъ: כִּי הוּא חָכְמַתְכֶם וּבִינַתְכֶם „*потому что онъ* (т. е. законъ) *есть ваше знаніе и благоразуміе и проч.*“ Такъ же въ Псалмѣ 142, ст. 10: רוּחֲךָ טוֹבָה תַּנְחֵנִי בְאֶרֶץ מִישׁוֹר „*душа твоя благая поведетъ меня на землю ровную*“, то есть душа твоя, открытая намъ, поведетъ меня на правильный путь. Духъ Божій 37
означаетъ также, какъ мы сказали, дыханіе Бога, которое, какъ и душа, чувство и тѣло, приписывается Богу въ Писаніи тоже въ переносномъ смыслѣ, напр. въ псал. 32, ст. 6. Затѣмъ означаетъ могущество Божіе, силу или благость, какъ у Іова гл. 33, ст. 4: רוּחַ־אֵל עָשָׂתְנִי „*Духъ Божій меня сдѣлалъ*“, то есть, благость или могущество Божіе, или если хотите, рѣшеніе Божіе, ибо и псалмопѣвецъ говоритъ на поэтическомъ языкѣ [1]): בִּדְבַר יְהוָה שָׁמַיִם נַעֲשׂוּ וּבְרוּחַ פִּיו כָּל־צְבָאָם „*велѣніемъ Божіимъ небеса сдѣланы и духомъ* или дуновеніемъ *устъ его* (то есть его рѣшеніемъ, произнесеннымъ какъ бы однимъ дуновеніемъ) *все ихъ воинство*“. Также въ псалмѣ 139, ст. 7: אָנָה אֵלֵךְ מֵרוּחֶךָ וְאָנָה מִפָּנֶיךָ אֶבְרָח „*куда я пойду* (чтобы быть) *внѣ Духа Твоего или куда убѣгу* (чтобы быть) *внѣ созерцанія Твоего*“, т. е. (какъ явствуетъ изъ дальнѣйшаго разъясненія самого псалмопѣвца), куда я могу уйти, чтобы быть внѣ твоего могущества и присутствія? Наконецъ רוּחַ יְהוָה *Духъ Божій* 38
берется въ Священномъ Писаніи для выраженія аффектовъ чувства Божія, именно благосклонности Божіей и милосердія, напр. у Михея въ гл. 2, ст. 7: הֲנִקְצַר רוּחַ יְהוָה „*развѣ*

[1]) Псал. 32, 6.

умалился духъ Божій? (то есть милосердіе Божіе) *таковы ли* (т. е. неудачны) *дѣйствія его?*“ Также у Захар. гл. 4, ст. 6: לֹא בְחַיִל וְלֹא בְכֹחַ כִּי אִם־בְּרוּחִי „*не воинствомъ, не силою, но однимъ моимъ Духомъ*“, то есть, однимъ моимъ милосердіемъ. И въ этомъ смыслѣ, думаю, должно понимать и ст. 12 гл. 7 того же пророка, именно: וְלִבָּם שָׂמוּ שָׁמִיר מִשְׁמוֹעַ אֶת־הַתּוֹרָה וְאֶת־הַדְּבָרִים אֲשֶׁר שָׁלַח יְהוָה צְבָאוֹת בְּרוּחוֹ בְּיַד הַנְּבִיאִים הָרִאשֹׁנִים „*и они учинили сердце свое осторожнымъ, чтобы не повиноваться закону и заповѣдямъ, которые Богъ послалъ чрезъ первыхъ пророковъ по своему Духу*“, то есть, по своему милосердію. Въ этомъ же смыслѣ говоритъ Аггей гл. 2, ст. 5: רוּחִי עֹמֶדֶת בְּתוֹכָכֶם „*и духъ мой* (или моя милость) *пребываетъ среди*
39 *васъ, не бойтесь*“. Относительно же того, что говоритъ Исаія въ гл. 48, ст. 16: וְעַתָּה אֲדֹנָי יְהוִה שְׁלָחַנִי וְרוּחוֹ „*и теперь послалъ меня Господь Богъ и Духъ его*“, то это, конечно, можно понимать въ смыслѣ чувства расположенія и милосердія Божія, или же въ смыслѣ души его, открытой въ Законѣ; ибо онъ говоритъ: „*съ начала* (то есть, какъ только я пришелъ къ вамъ, чтобы возвѣстить вамъ гнѣвъ Божій и его сужденіе произнесенное противъ васъ) *я не говорилъ тайно; со времени, какъ это было произнесено, я присутствовалъ* (какъ самъ въ 7 гл. свидѣтельствуетъ), *а теперь я вѣстникъ радости, посланный Божіимъ милосердіемъ, чтобы объявить о вашемъ освобожденіи*“. Это также можно понимать, какъ я сказалъ, и въ смыслѣ души Божіей, открытой въ Законѣ, то есть, что онъ теперь пришелъ къ нимъ ради увѣщанія по предписанію Закона, именно Лев. гл. 19, ст. 17; поэтому онъ увѣщаетъ ихъ при тѣхъ же условіяхъ и такимъ же образомъ, какъ это дѣлалъ обыкновенно и Моисей, и наконецъ

заканчиваетъ, какъ и Моисей дѣлалъ, предсказаніемъ объ ихъ освобожденіи. Однако первое объясненіе мнѣ кажется болѣе подходящимъ.

Но вернемся наконецъ къ нашей цѣли. Изъ всего 40
этого становятся ясными слѣдующія выраженія Писанія, именно: у пророка былъ Духъ Божій, Богъ излилъ на людей Духъ свой, люди исполнены были Духа Божія и Духа святаго и проч. Они означаютъ, вѣдь, только то, что пророки обладали особенною добродѣтелью, превышающею обыкновенную [1]), и что они съ отмѣннымъ постоянствомъ духа подвизались въ благочестіи; потомъ, что они воспринимали душу Бога или сужденія его. Мы, вѣдь, показали, 41
что духъ по еврейски означаетъ какъ душу, такъ и сужденіе души; поэтому и самый Законъ, такъ какъ онъ объясняетъ душу Бога, могъ быть названъ духомъ или душею Бога; съ равнымъ правомъ посему и воображеніе пророковъ, по скольку чрезъ него были открываемы божественныя рѣшенія, могло быть названо душею Божіею и о пророкахъ можно было говорить, что въ нихъ была душа Божія. И хотя въ нашей душѣ также отображена душа Божія и ея вѣчныя сужденія, а слѣдовательно и мы (говоря согласно Писанію) познаемъ душу Божію, однако благодаря тому, что естественное познаніе обще всѣмъ, оно, какъ мы уже сказали, не столько цѣнится людьми, особенно евреями, хвалившимися, что они выше всѣхъ, даже болѣе,— обыкновенно презиравшими всѣхъ, а слѣдовательно—и знаніе доступное всѣмъ людямъ. Наконецъ говорилось, что 42
пророки имѣютъ духъ Божій потому, что люди не знали причинъ пророческаго познанія и удивлялись ему, и вслѣд-

[1]) См. Примѣч. III.

ствіе этого они обыкновенно относили его, какъ и остальныя предзнаменованія, къ Богу и называли божественнымъ познаніемъ.

43 Итакъ мы можемъ теперь утверждать безъ колебанія, что пророки воспринимали божественныя откровенія только при помощи воображенія, то есть, посредствомъ словъ или образовъ и притомъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ. Ибо, коль скоро мы не находимъ въ Писаніи никакихъ другихъ средствъ кромѣ этихъ, то, какъ мы уже показали,
44 намъ никакихъ другихъ и выдумывать нельзя. Но на основаніи какихъ законовъ природы это совершалось, я, признаюсь, не знаю. Конечно, я могъ бы сказать, какъ другіе, что это совершалось благодаря могуществу Бога, но я оказался бы болтуномъ. Ибо это было бы тоже самое, какъ если бы я захотѣлъ объяснить какимъ-нибудь трансцендентальнымъ терминомъ форму какой-нибудь единичной вещи. Все, вѣдь, совершено могуществомъ Божіимъ. Скажу болѣе, такъ какъ могущество природы не что иное, какъ само могущество Бога [1]), то несомнѣнно, что мы по стольку не понимаемъ могущества Божія, по скольку не знаемъ естественныхъ причинъ; стало быть глупо и прибѣгать къ этому могуществу Божію, когда мы не знаемъ естественной причины какой-нибудь вещи, то есть, самого могущества Божія. Да намъ теперь и не нужно знать причину пророческаго познанія. Ибо, какъ я уже напомнилъ, мы стараемся изслѣдовать здѣсь только документы Писанія, чтобы на основаніи ихъ, какъ бы изъ данныхъ природы, вывести свои заключенія; о причинахъ же документовъ мы нисколько не заботимся.

---

[1]) Эт. I, сх. теор. 15; теор. 18, 25, 26, 29 и пр.

Стало быть, коль скоро пророки воспринимали боже- 45
ственныя Откровенія при помощи воображенія, то несо-
мнѣнно, что они могли воспринимать многое, что находится
внѣ границъ разума; ибо изъ словъ и образовъ можно го-
раздо больше составить представленій, нежели изъ однихъ
тѣхъ принциповъ и понятій, на которыхъ зиждется все
наше естественное познаніе.

Далѣе ясно, почему пророки почти все воспринимали 46
и всему учили въ сравненіяхъ и загадкахъ и все духовное
выражали тѣлесно; все, вѣдь, это наиболѣе согласуется
съ природою воображенія. Теперь мы не удивимся, почему
Писаніе или пророки столь не прямо и темно говорятъ о
духѣ или душѣ Бога, какъ въ книгѣ Числъ гл. 11, ст. 17 и
въ третьей Царствъ гл. 22, ст. 21 и проч.; не удивимся да-
лѣе, что Михей [1]) видѣлъ Бога сидящимъ, а Даніилъ [2])
какъ старца, покрытаго бѣлою одеждою, Іезекіиль [3]) же въ
видѣ огня; а тѣ, которые находились при Христѣ, видѣли
Духа Святаго въ видѣ нисходящаго голубя [4]), апостолы
же въ видѣ огненныхъ языковъ [5]) и, наконецъ, Павелъ до
своего обращенія увидѣлъ его какъ великій свѣтъ [6]). Все
это, вѣдь, вполнѣ согласуется съ народными представле-
ніями о Богѣ и духахъ. Наконецъ, такъ какъ воображеніе 47
неопредѣленно и непостоянно, то поэтому и даръ проро-
чества оставался у пророковъ не долго, а также и встрѣ-
чался не часто, но очень рѣдко, именно у весьма немно-

---

[1]) 3 Цар. 22, 19; ср. Исаіи 6, 1.
[2]) Дан. 7, 9.
[3]) Іевек. 1, 4.
[4]) Матѳ. 3, 16; Іоан. 1, 32.
[5]) Дѣян. 2, 3.
[6]) Дѣян. 9, 3; 22, 6.

48 гихъ людей, да и у нихъ-то очень рѣдко. А когда это такъ, то мы принуждены теперь изслѣдовать, откуда въ пророкахъ могла возникнуть досотвѣрность относительно того, что они воспринимали только посредствомъ воображенія, а не съ помощью точныхъ началъ разума. Но все, что только можно сказать и объ этомъ, должно заимствовать изъ Писанія, такъ какъ у насъ нѣтъ (какъ мы уже сказали) истинной науки объ этомъ предметѣ, или мы не можемъ объяснить его посредствомъ первыхъ его причинъ. Чему же учитъ Писаніе относительно достовѣрности у пророковъ, это я покажу въ слѣдующей главѣ; въ ней я рѣшилъ говорить о пророкахъ.

Глава II.

О пророках.

Изъ предыдущей главы, какъ мы уже указали, слѣдуетъ, что пророки были одарены не душою болѣе совершенною, но способностью болѣе живого воображенія. Этому и разсказы Писанія научаютъ въ достаточной мѣрѣ. Вѣдь относительно Соломона извѣстно, что онъ отличался передъ другими именно мудростью, но не пророческимъ даромъ. Не были пророками также извѣстные Еманъ, Дарда, Халколъ [1])—самые благоразумные люди, и наоборотъ, люди деревенскіе, лишенные всякаго образованія, даже женки, какъ Агарь—служанка Авраама,—обладали даромъ пророчества. И это согласуется съ опытомъ и разумомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто болѣе всего надѣленъ воображеніемъ, тѣ менѣе способны къ отвлеченному мышленію о вещахъ, и наоборотъ, кто болѣе всего надѣленъ разумомъ и больше всего его изощряетъ, тѣ обладаютъ способностью воображенія болѣе умѣренною и болѣе подчиняютъ его,—держатъ какъ бы въ уздѣ, дабы оно не смѣшивалось съ разумомъ.

---

[1]) I Цар. гл. 5 ст. 11.

2 Стало быть, тѣ, которые стараются искать мудрости и познанія о матеріальныхъ и духовныхъ предметахъ въ пророческихъ книгахъ, всецѣло идутъ по ложному пути. Это я и рѣшилъ подробно показать здѣсь, потому что время, философія и, наконецъ, само дѣло этого требуетъ, мало заботясь о томъ, какой вой подниметъ суевѣріе, которое ни къ кому не питаетъ большей ненависти, какъ къ лицамъ, посвящающимъ себя истинной наукѣ и истинной жизни. Къ прискорбію дѣло дошло уже до того, что люди, открыто признающіеся, что у нихъ нѣтъ идеи о Богѣ, и что они познаютъ Бога только при посредствѣ созданныхъ вещей (причины которыхъ имъ неизвѣстны), не краснѣютъ обвинять философовъ въ атеизмѣ.

3 Но чтобы изложить предметъ послѣдовательно, я покажу, что пророчества различались не только въ зависимости отъ воображенія и физическаго темперамента каждаго пророка, но и въ зависимости отъ мнѣній, которыми пророки были пропитаны, и что поэтому пророчество никогда не дѣлало пророковъ болѣе знающими, какъ это я сейчасъ подробнѣе объясню. Но предварительно здѣсь должно сказать о достовѣрности бывшей у пророковъ, потому что это, во первыхъ, касается содержанія настоящей главы, а во вторыхъ, это нѣсколько послужитъ къ тому, что мы намѣреваемся доказать.

4 Такъ какъ простое воображеніе по своей природѣ не содержитъ въ себѣ достовѣрности, какъ всякая ясная и отчетливая идея, но къ нему необходимо должно быть придано нѣчто, именно разсудочность, для того, чтобы мы могли быть увѣрены въ вещахъ, которыя воображаемъ, то отсюда слѣдуетъ, что пророчество само по себѣ не можетъ содержать въ себѣ достовѣрности, потому что оно,

какъ мы уже показали, зависитъ только отъ воображенія, и потому пророки увѣрялись въ откровеніи Бога не посредствомъ самаго откровенія, а посредствомъ нѣкотораго знаменія, какъ это видно на Авраамѣ (см. Бытія гл. 15, ст. 8), Онъ, выслушавъ обѣщаніе Бога, попросилъ знаменія; Авраамъ, конечно, вѣрилъ Богу и требовалъ знаменія не затѣмъ, чтобы повѣрить Богу, но чтобы убѣдиться, что это Богомъ обѣщано ему. То же самое еще яснѣе видно 5. на Гедеонѣ. Онъ, вѣдь, такъ говоритъ Богу: וְעָשִׂיתָ לִּי אוֹת שְׁאַתָּה מְדַבֵּר עִמִּי *„и сдѣлай мнѣ знаменіе* (чтобы я зналъ), *что ты говоришь со мною“* (см. Суд. гл. 6 ст. 17). Моисею также Богъ говоритъ: וְזֶה־לְּךָ הָאוֹת כִּי אָנֹכִי שְׁלַחְתִּיךָ *„и это да будетъ тебѣ знаменіемъ, что я тебя послалъ“* [1]). Езекія, давно знавшій, что Исаія пророкъ, попросилъ знаменія пророчества, предсказавшаго ему выздоровленіе [2]). Это, конечно, показываетъ, что пророки всегда имѣли какое-нибудь знаменіе, дѣлавшее ихъ увѣренными въ томъ, что они пророчески воображали, и Моисей поэтому напоминаетъ (см. Втор. гл. 18, ст. послѣд.), чтобы отъ пророка требовали знаменія,—именно наступленія ка- 6. кого-нибудь будущаго событія. Итакъ пророчество въ этомъ отношеніи уступаетъ естественному познанію, которое не нуждается ни въ какомъ знаменіи, но содержитъ въ себѣ достовѣрность на основаніи своей природы. Пророческая достовѣрность была, вѣдь, не математическая, но только моральная. Это тоже изъ самаго Писанія видно, ибо во Второз. гл. 14, Моисей напоминаетъ, что если какой пророкъ захочетъ учить о новыхъ богахъ, то онъ, хотя

---

[1]) Исх. 3, 12.

[2]) Исаіи гл. 38, с. 7 и сл., ст. 22.

бы и подтверждалъ свое ученіе знаменіями и чудесами, повиненъ однако смерти; ибо, какъ самъ Моисей продолжаетъ, Богъ дѣлаетъ знаменія, а также и чудеса для искуше-
7. нія народа. Объ этомъ и Христосъ тоже напомнилъ своимъ ученикамъ, какъ видно изъ Матѳея гл. 24, ст. 24. А Іезекіиль въ гл. 14, ст. 9, даже ясно учитъ, что Богъ иногда обманываетъ людей ложными откровеніями; ибо онъ говоритъ: וְהַנָּבִיא כִּי יְפֻתֶּה וְדִבֶּר דָּבָר אֲנִי יְהוָה פִּתִּיתִי אֶת הַנָּבִיא הַהוּא „*и когда пророкъ* (ложный именно) *обманывается и скажетъ слово,—я Богъ обманулъ того пророка*“. Это и Михей свидѣтельствуетъ Ахаву о пророкахъ.

8. Хотя это, повидимому, и показываетъ, что пророчество и откровеніе—дѣло весьма сомнительное, однако оно имѣетъ, какъ мы сказали, много достовѣрнаго. Ибо Богъ благочестивыхъ и избранныхъ никогда не обманываетъ, но, согласно извѣстной древней поговоркѣ (см. 1 Царствъ гл. 24, ст. 14), и какъ видно изъ Исторіи Авигеи и ея рѣчи [1]), — Богъ пользуется благочестивыми какъ-бы орудіями своей благости, а нечестивыми какъ-бы исполните-
9. лями и средствомъ своего гнѣва. Это весьма ясно также видно изъ того случая съ Михеемъ, который мы только что цитировали [2]). Въ самомъ дѣлѣ, хотя Богъ рѣшилъ обмануть Ахава чрезъ пророковъ, онъ однако воспользовался только ложными пророками, благочестивому же открылъ дѣло такъ, какъ оно было, и не препятствовалъ ему предсказывать истину. Однако, какъ я сказалъ, достовѣрность у пророка была только моральная, потому что никто не можетъ оправдаться предъ Богомъ и хвалиться, что онъ

[1]) См. 1 Цар. 25, 24 и сл.
[2]) См. 3 Цар. 22, 19 и сл.

служитъ орудіемъ благости Бога, какъ само Писаніе учитъ и на самомъ дѣлѣ показываетъ, ибо гнѣвъ Божій соблазнилъ на народную перепись Давида, благочестіе котораго однако Писаніе подтверждаетъ достаточно [1]). Итакъ вся 10.
пророческая достовѣрность основывалась на слѣдующихъ трехъ вещахъ: 1) на томъ, что пророки воображали предметы Откровенія въ высшей степени живо,—такъ же, какъ мы обыкновенно на-яву воспринимаемъ впечатлѣнія отъ предметовъ; 2) на знаменіи; 3) наконецъ, и главнымъ образомъ, на томъ, что они обладали духомъ склоннымъ только къ справедливому и благому. И хотя Писаніе не всегда упоминаетъ о знаменіяхъ, однако слѣдуетъ вѣрить, что пророки всегда имѣли знаменіе; ибо Писаніе не всегда имѣетъ обыкновеніе разсказывать о всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ (какъ уже многіе замѣтили), но скорѣе предполагаетъ ихъ извѣстными вещами. Сверхъ того, мы 11.
можемъ допустить, что пророки, которые, кромѣ того что содержится въ законѣ Моисея, ни о чемъ новомъ не пророчествовали, не нуждались въ знаменіи, потому что ихъ подтверждалъ законъ. Напримѣръ, пророчество Іереміи о разореніи Іерусалима подтверждалось пророчествами другихъ пророковъ и угрозами закона, а потому и не нуждалось въ знаменіи; но Ананія, пророчествовавшій вопреки всѣмъ пророкамъ о скоромъ возстановленіи государства, необходимо нуждался въ знаменіи, иначе онъ долженъ былъ бы сомнѣваться въ своемъ пророчествѣ до тѣхъ поръ, пока наступленіе событія, предсказаннаго имъ, не подтвердило бы пророчества (см. Іерем. гл. 28, ст. 8).

Стало быть, коль скоро достовѣрность, возникавшая 12.
въ пророкахъ вслѣдствіе знаменія, была не математическая

[1]) См 2 Цар. 24, 1 сл.

(т. е. вытекающая изъ необходимости понятія воспринятой или видѣнной вещи), но только моральная, и знаменія давались только съ цѣлью убѣдить пророка, то отсюда слѣдуетъ, что знаменія давались сообразно мнѣніямъ и пониманію пророка; такъ что знаменіе, дѣлавшее одного пророка увѣреннымъ въ его пророчествѣ, другого, пропитаннаго иными мнѣніями, не могло убѣдить, и потому знаменія
13. каждаго пророка были различны. Точно также и самое Откровеніе различалось, какъ мы уже говорили, у каждаго пророка смотря по свойству физическаго темперамента, воображенія, а также и въ зависимости отъ мнѣній, усвоенныхъ прежде. Въ зависимости отъ темперамента пророчество различалось слѣдующимъ образомъ, именно: если пророкъ былъ человѣкъ веселый, то ему были открываемы побѣды, миръ и потомъ все, что̀ побуждаетъ людей къ радости; такіе люди, вѣдь, чаще обыкновеннаго представляютъ подобныя вещи; наоборотъ, если пророкъ былъ меланхоликъ, то ему были открываемы войны, наказанія и всякія бѣды, и такимъ образомъ, по сколько пророкъ былъ сострадателенъ, ласковъ, гнѣвенъ, суровъ и проч., по стольку онъ былъ болѣе склоненъ къ этимъ, нежели къ тѣмъ Откровеніямъ. По свойству же воображенія пророчество различалось
14. такимъ образомъ, именно: если пророкъ былъ человѣкъ со вкусомъ, то и душу Бога онъ воспринималъ въ изящномъ стилѣ, если же грубоватый, то грубо. Такъ потомъ было и въ отношеніи Откровеній, которыя были представляемы въ образахъ, именно: если пророкъ былъ селяниномъ, то ему представлялись быки и коровы и пр., если же воиномъ,—полководцы, войска; если наконецъ онъ былъ ца-
15. редворцемъ,—царскій тронъ и тому подобное. Наконецъ пророчество различалось и по несходству мнѣній проро-

ковъ, именно: волхвамъ (см. Матѳ. гл. 2), вѣрившимъ въ астрологическія бредни, рожденіе Христа было открыто чрезъ воображеніе звѣзды, взошедшей на востокѣ; жрецамъ Навуходоносора (см. Іезекіиля, гл. 21, ст. 29) было открыто по внутренностямъ животныхъ опустошеніе Іерусалима, о чемъ тотъ же царь узналъ и отъ оракуловъ и изъ направленія стрѣлъ, брошенныхъ вверхъ на воздухъ. Затѣмъ, пророкамъ вѣрившимъ, что люди дѣйствуютъ по свободному выбору и собственной мощи, Богъ открывался какъ равнодушный и незнающій о будущихъ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Все это мы теперь докажемъ на основаніи самого Писанія порознь.

Итакъ, первое обнаруживается изъ извѣстнаго случая 16.
съ Елисеемъ (см. Царст. кн. 4, гл. 3, ст. 15), который потребовалъ гусли, чтобы пророчествовать Іораму, и могъ воспринять душу Бога только послѣ того, какъ онъ былъ услажденъ музыкою гуслей; тогда уже онъ предсказалъ Іораму съ союзниками радостное событіе; раньше это не могло случиться, потому что Елисей гнѣвался на царя, а кто гнѣвенъ на кого-нибудь, тотъ, конечно, склоненъ представлять о немъ дурное, а не хорошее.

Что же касается того, что нѣкоторые желаютъ гово- 17.
рить, будто Богъ не открывается разгнѣваннымъ и печальнымъ людямъ, то они грезятъ, конечно, ибо Богъ открылъ Моисею, гнѣвавшемуся на фараона, памятное и достойное сожалѣнія истребленіе первенцевъ (см. Исхода гл. 11, ст. 8), и притомъ не употребляя никакой музыки. Каину тоже неистовствующему Богъ открылся [1]). Іезекіилю было открыто бѣдствіе и упорство іудеевъ, когда онъ сдѣлался нетер-

[1]) Быт. 4, 5 и сл.

пѣливымъ отъ гнѣва (см. Іезек. гл. 3, ст. 14), а Іеремія пророчествовалъ о несчастіяхъ іудеевъ, будучи въ глубокой печали и охваченный великою скукою жизни; такъ что Іосія пожелалъ совѣтоваться не съ нимъ, но съ его современницею, женщиною, такъ какъ она, благодаря женскому нраву, была болѣе способна открыть ему милосердіе Божіе
18. (см. кн. 2 Паралип. гл. 34). Михей тоже никогда не пророчествовалъ Ахаву чего-либо хорошаго, что однако дѣлали другіе истинные пророки (какъ видно изъ третьей книги Царствъ, гл. 20), но онъ въ продолженіе всей своей жизни пророчествовалъ дурное (кн. 3 Царст. гл. 22, ст. 8 и яснѣе въ 2 Паралипомен. гл. 18, ст. 7). Итакъ пророки, смотря по разному физическому темпераменту, были болѣе склонны
19. къ этимъ, нежели къ тѣмъ откровеніямъ. Затѣмъ, стиль пророчества различался смотря по краснорѣчію каждаго пророка. Пророчества Іезекіиля и Амоса написаны, вѣдь, не въ изящномъ стилѣ пророчествъ Исаіи, Наума, но въ болѣе грубомъ. И если кто, знакомый съ еврейскимъ языкомъ, желаетъ это тщательнѣе разобрать, тотъ пустъ сличитъ взаимно у разныхъ пророковъ нѣкоторыя главы, трактующія объ одномъ и томъ же предметѣ: онъ найдетъ большое различіе въ стилѣ. Пусть онъ сравнитъ именно гл. 1 царедворца Исаіи отъ ст. 11 до 20 съ главой 5 поселянина Амоса отъ ст. 21 до 24; пусть онъ сравнитъ затѣмъ порядокъ и пріемъ пророчества Іереміи, которое онъ написалъ въ главѣ 49 о Едомѣ [1]), съ порядкомъ и пріемомъ Авдія; далѣе, пусть онъ сличитъ также Исаіи гл. 40, ст. 19, 20 и гл. 44 отъ ст. 8 съ гл. 8, ст. 6 и гл. 13, ст. 2 Осіи. Тоже самое и относительно другихъ пророковъ. Если все

[1]) Ст. 7—22.

это правильно взвѣсить, то легко окажется, что у Бога нѣтъ никакого собственнаго стиля въ рѣчи, но что только смотря по эрудиціи и способностямъ пророка Богъ бываетъ изященъ, точенъ, суровъ, грубъ, многорѣчивъ и теменъ.

Пророческія представленія и іероглифы хотя означали 20.
одно и то же, однако различались; ибо Исаіи иначе была представлена слава Божія, оставляющая храмъ, нежели Іезекіилю [1]). Раввины же хотятъ думать, что оба представленія были совершенно тождественны, но что Іезекіиль, какъ селянинъ, удивился ему сверхъ мѣры и потому разсказалъ о немъ со всѣми обстоятельствами. Однако-жъ, если у нихъ не было извѣстнаго преданія объ этомъ, чему я не вѣрю, то они явно выдумываютъ это. Ибо Исаія видѣлъ шестикрылыхъ серафимовъ, а Іезекіиль четырехкрылыхъ животныхъ; Исаія видѣлъ Бога одѣяннаго и сидящаго на царскомъ тронѣ, Іезекіиль же на подобіе огня; тотъ и другой, безъ сомнѣнія, видѣлъ Бога сообразно тому, какъ онъ обыкновенно воображалъ его. Кромѣ того, представленія различались не 21.
только образомъ, но и ясностью; ибо представленія Захаріи столь темны, что они не могли быть поняты имъ безъ объясненія, какъ видно изъ разсказа о нихъ; представленія же Даніила и послѣ объясненія не могли быть поняты самимъ пророкомъ. Это, конечно, происходило не вслѣдствіе трудности предмета, подлежавшаго Откровенію (говорилось, вѣдь, только о человѣческихъ дѣлахъ, превышавшихъ границы человѣческихъ способностей лишь тѣмъ, что они относились къ будущему), но только потому, что воображеніе Даніила не было одинаково способно къ пророче-

[1]) См. Исаіи гл. 6 и Іез. 5 гл 1.

ствованію на-яву и во снѣ; это видно также изъ того, что тотчасъ по началѣ Откровенія онъ такъ перепугался, что почти отчаялся въ своихъ силахъ. Поэтому, вслѣдствіе слабости воображенія и силъ, вещи ему представлялись весьма темными, и онъ не могъ понимать ихъ и послѣ объясненія.
22. И здѣсь должно замѣтить, что слова, слышанныя Даніиломъ (какъ мы выше показали), были только воображаемыя; поэтому не удивительно, что онъ, будучи въ то время въ смущеніи, воображалъ всѣ тѣ слова столь сбивчиво и темно, что потомъ ничего изъ нихъ не могъ понять. Тѣ же, которые говорятъ, что Богъ не хотѣлъ ясно открыть Даніилу предметы, повидимому не читали словъ ангела, выразительно сказавшаго (см. гл. 10, ст. 14), что „*онъ пришелъ втолковать Даніилу то, что случится съ его народомъ въ послѣднія времена*“. Стало быть, эти вещи остались темными потому, что въ то время не находилось никого, кто обладалъ бы на столько силой воображенія, что-
23. бы они могли быть открыты ему яснѣе. Наконецъ, пророки, которымъ было открыто, взятіе Иліи Богомъ, желали убѣдить Елисея, что онъ перенесенъ въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ они могутъ еще найти его. Это, конечно, ясно показываетъ, что они не прямо поняли Откровеніе Божіе [1]). Нѣтъ нужды подробнѣе показывать это, ибо изъ Писанія ничего не обнаруживается яснѣе того, что Богъ одарялъ одного пророка гораздо большею благодатью для проро-
24. чествованія, нежели другого. А что пророчества или представленія различались также въ зависимостп отъ мнѣній, усвоенныхъ пророками, и что у пророковъ были разныя мнѣнія, даже противоположныя, и разные предразсудки

[1]) См. 4 Цар. гл. 2, ст. 11 и сл.

(говорю относительно вещей чисто спекулятивныхъ, ибо относительно того, что касается честности и добрыхъ нравовъ, должно думать совершенно иначе), это тщательнѣе и подробнѣе покажу; ибо я считаю это дѣломъ большой важности; изъ этого, вѣдь, я сдѣлаю подъ конецъ заключеніе, что пророчество никогда не дѣлало пророковъ болѣе ученными, но что они оставались при своихъ предвзятыхъ мнѣніяхъ, и что поэтому относительно чисто спекулятивныхъ вещей мы нимало не обязаны имъ вѣрить.

Вслѣдствіе какой-то странной поспѣшности всѣ убѣ- 25.
дились, что пророки знали все, чего человѣческій разумъ можетъ достигнуть; и хотя нѣкоторые мѣста Писанія весьма ясно говорятъ намъ, что пророки не знали нѣкоторыхъ вещей, все-таки люди предпочитаютъ говорить, что они въ тѣхъ мѣстахъ не понимаютъ Писанія, нежели допустить, что пророки чего-нибудь не знали, или же стараются перевернуть слова Писанія такъ, чтобы оно говорило то, чего оно совершенно не хочетъ. Если позволительно дѣлать то или другое изъ этого, то, по-истинѣ, всему Писанію пиши пропало. Напрасно, вѣдь, мы будемъ стараться показать что-нибудь изъ Писанія, если позволяется считать темнымъ и недоступнымъ то, что въ высшей степени ясно, или толковать его по произволу. Напримѣръ, въ Писаніи нѣтъ 26.
ничего яснѣе того, что Іисусъ Навинъ, а можетъ быть и авторъ, написавшій его исторію, думали, что солнце движется вокругъ земли, земля же находится въ покоѣ, и что солнце въ продолженіе нѣкотораго времени оставалось неподвижнымъ [1]). Однако многіе, не желая допускать, что въ небесахъ могло быть какое-нибудь измѣненіе, объяс-

[1]) Іис. Нав. гл. 10, ст. 12 и сл.

няютъ то мѣсто такимъ образомъ, что оно ничего похожаго, повидимому, и не говоритъ; другіе же, научившіеся философствовать правильнѣе, понимая, что земля движется, изъ всѣхъ силъ стараются выкрутить это же самое изъ Писанія, хотя оно явно противорѣчитъ этому. По истинѣ,
27. я удивляюсь имъ. Неужели, скажите, мы обязаны вѣрить, что воинъ Іисусъ зналъ астрономію? и что ему не могло быть открыто чудо? или что солнечный свѣтъ не могъ долѣе обыкновеннаго быть надъ горизонтомъ, если Іисусъ не понималъ его причины? Право, мнѣ и то и другое кажется смѣшнымъ. Итакъ я предпочитаю сказать открыто, что Іисусъ не зналъ истинной причины того болѣе продолжительнаго свѣта, и что онъ и вся присутствовавшая толпа, за-одно съ нимъ, думали, будто солнце въ ежедневномъ движеніи движется вокругъ земли и въ тотъ день на нѣкоторое время остановилось, и это именно они сочли за причину того болѣе продолжительнаго свѣта, не обративъ вниманія на то, что вслѣдствіе избытка льда, бывшаго въ то время въ воздушныхъ областяхъ (см. Іисуса Навина гл. 10, ст. 11), рефракція могла быть болѣе обыкновенной или что-нибудь иное подобное, чего мы сейчасъ не изслѣдуемъ.
28. Точно также и знаменіе отступавшей тѣни было открыто Исаіи сообразно съ его пониманіемъ, именно чрезъ отступленіе солнца назадъ [1]); ибо и онъ думалъ, что солнце движется, а земля находится въ покоѣ, и о ложныхъ солнцахъ онъ, можетъ быть, никогда даже во снѣ не думалъ. Это мы можемъ утверждать безъ всякаго колебанія, ибо знаменіе могло дѣйствительно произойти и быть предсказано царю Исаіею, хотя пророкъ и не зналъ истинной причины.

[1]) Исаіи г. 38, ст. 8.

его. О постройкѣ Соломоновой, если только она была 29.
открыта Богомъ, тоже самое должно сказать, именно: что
всѣ ея измѣренія были открыты Соломону по силѣ его ра-
зумѣнія и мнѣнія. Такъ какъ, вѣдь, мы не обязаны вѣрить,
что Соломонъ былъ математикъ, то можемъ утверждать,
что онъ отношенія между окружностью и діаметромъ круга
не зналъ и думалъ за одно съ толпой рабочихъ, что оно
равно 3:1. Если же позволяютъ говорить, что мы того тек-
ста (3 кн. Цар. гл. 7, ст. 23) не понимаемъ, то я, право, не
знаю, что̀ мы можемъ понять въ Писаніи, когда тамъ раз-
сказъ о построеніи ведется просто чисто исторически. Если 30.
же вдобавокъ позволяютъ измышлять, что Писаніе думало
иначе, но по какому-то неизвѣстному намъ основанію по-
желало такъ написать, то тогда выйдетъ не что иное, какъ
полнѣйшее извращеніе всего Писанія, ибо всякій будетъ
въ состояніи говорить съ равнымъ правомъ тоже самое о
всѣхъ мѣстахъ Писанія; и стало быть, все, что̀ только мо-
жетъ человѣческая злоба выдумать нелѣпаго и дурного,
все это позволительно будетъ защищать и исполнять, под-
крѣпляя авторитетомъ Писанія. Но то, что̀ мы утверждаемъ,
не содержитъ ничего нечестиваго, ибо Соломонъ, Исаія,
Іисусъ и проч., хотя и пророки, однако же люди были, и
надо думать, что ничто человѣческое было не чуждо имъ.
Также и Ною было открыто сообразно съ его пониманіемъ, 31.
что Богъ истребитъ родъ человѣческій, потому что онъ
полагалъ, будто міръ внѣ Палестины не населенъ. И не
только такихъ вещей, но и другихъ болѣе важныхъ про-
роки могли не знать, сохраняя благочестіе, и на самомъ
дѣлѣ не знали; вѣдь, относительно божественныхъ аттрибу-
товъ они ничему особенному не учили, но имѣли о Богѣ
весьма заурядныя мнѣнія; къ нимъ и приспосабливались

ихъ Откровенія, какъ я сейчасъ покажу на многихъ свидѣтельствахъ изъ Писанія; такъ что легко видѣть, что пророковъ восхваляютъ и прославляютъ не столько ради возвышенности и превосходства ихъ ума, сколько ради благочестія и постоянства ихъ духа.

32. Адамъ—первый, кому Богъ открылся,—не зналъ, что Богъ вездѣсущъ и всевѣдущъ; онъ, вѣдь, спрятался отъ Бога и старался извинить свой грѣхъ предъ Богомъ [1]), какъ будто онъ передъ собой имѣлъ человѣка; поэтому Богъ и былъ открытъ ему по его понятію, именно какъ не вездѣсущій и незнающій мѣстонахожденія и грѣха Адама; Адамъ, вѣдь, слышалъ или казалось ему, будто онъ слышитъ, что Богъ гуляетъ по саду, зоветъ его и спрашиваетъ, гдѣ онъ находится; потомъ по поводу его стыдливости спрашиваетъ его, не ѣлъ ли онъ отъ запрещеннаго дерева. Стало быть, Адамъ не зналъ никакого другого аттрибута Бога кромѣ того, что Богъ творецъ всѣхъ ве-
33. щей. Каину Богъ былъ открытъ тоже по его понятію, именно какъ не знающій человѣческихъ дѣлъ, и Каину для раскаянія въ своемъ грѣхѣ не нужно было имѣть болѣе возвышенное познаніе о Богѣ [2]). Лавану Богъ открылъ себя какъ Богъ Авраама, потому что онъ вѣрилъ, что всякая нація имѣетъ своего особеннаго Бога (см. Бытія гл. 31,
34. ст. 29). Авраамъ тоже не зналъ, что Богъ вездѣсущъ и предвидитъ всѣ вещи; вѣдь, какъ только онъ услыхалъ приговоръ надъ содомлянами, онъ попросилъ Бога не приводить его въ исполненіе, прежде чѣмъ онъ не узнаетъ, всѣ ли были достойны того наказанія; Авраамъ, вѣдь, гово-

---

[1]) Быт. 3. 8 и сл.
[2]) Быт. 4, 9 и сл.

ритъ: (см. Бытія гл. 18, ст. 24) אוּלַי יֵשׁ חֲמִשִּׁים צַדִּיקִם בְּתוֹךְ הָעִיר „*можетъ быть обрѣтаются пятьдесятъ праведниковъ въ томъ городѣ*“. И иначе Богъ не былъ открываемъ ему; въ воображеніи Авраама онъ, вѣдь, говоритъ такъ ст. 21: אֵרְדָה־נָּא וְאֶרְאֶה הַכְּצַעֲקָתָהּ הַבָּאָה אֵלַי עָשׂוּ כֻלָּה וְאִם־לֹא אֵדָעָה „*Теперь сойду посмотрѣть, дѣлали ли они согласно великому воплю, дошедшему до меня, а если нѣтъ, то узнаю (дѣло)*“. И божественное свидѣтельство объ Авраамѣ (о чемъ см. Бытія гл. 18, ст. 19) ничего не содержитъ кромѣ одного повиновенія и того, что онъ своихъ домашнихъ наставлялъ справедливому и доброму, но оно не говоритъ, чтобы онъ имѣлъ о Богѣ возвышенныя мысли. Моисей 35.
также недостаточно понималъ, что Богъ всевѣдущъ, и что всѣ человѣческія дѣйствія направляются только по его рѣшенію, ибо хотя Богъ сказалъ ему (см. Исхода гл. 3, ст. 18), что израильтяне будутъ ему повиноваться, однако онъ сомнѣвается и возражаетъ (см. Исхода гл. 4, ст. 1): וְהֵן לֹא־יַאֲמִינוּ לִי וְלֹא יִשְׁמְעוּ בְקֹלִי „*что если они мнѣ не повѣрятъ и не будутъ повиноваться мнѣ*“. Поэтому и ему Богъ былъ открытъ какъ равнодушный къ будущимъ человѣческимъ дѣйствіямъ и какъ незнающій о нихъ. Онъ, вѣдь, далъ ему два знаменія и сказалъ (Исхода гл. 4, ст. 8) „*если случится, что они не повѣрятъ первому знаменію, повѣрятъ однако послѣднему, а если и послѣднему не повѣрятъ, возьми тогда нѣсколько рѣчной воды и проч.*“ И дѣйствительно, 36.
еслибы кто захотѣлъ безъ предрассудка разобрать сужденія Моисея, тотъ явно найдетъ, что мнѣнія Моисея о Богѣ сводились къ тому, что Онъ есть существо; что онъ всегда существовалъ, существуетъ и всегда будетъ существовать; по этой причинѣ онъ и называетъ его יהוה Іегова,—име-

немъ, выражающимъ на еврейскомъ языкѣ эти три времени существованія [1]); о природѣ же его Моисей училъ только тому, что онъ милосердъ, благосклоненъ и проч. и въ высшей степени ревнивъ, какъ обнаруживается изъ весьма многихъ мѣстъ Пятикнижія. Потомъ онъ вѣрилъ и училъ, что это Существо такъ отличается отъ всѣхъ другихъ существъ, что никакое изображеніе какой-либо видимой вещи не можетъ Его выразить, и что Его нельзя видѣть, не столько по несообразности дѣла, сколько вслѣдствіе человѣческой слабости, и кромѣ того Оно въ отношеніи могу-
37. щества есть существо особенное или единственное. Онъ допускалъ даже, что есть существа, которыя (безъ сомнѣнія по распоряженію и по приказанію Бога) заступаютъ мѣсто Бога, т. е. существа, которымъ Богъ далъ авторитетъ, право и мощь управлять народами, промышлять о нихъ и заботиться; но объ этомъ Существѣ, которое евреи обязаны были чтить, онъ училъ, что Оно есть высшій и верховный Богъ, или (пользуясь еврейскимъ выраженіемъ) Богъ боговъ, и потому въ пѣсни Исхода (гл. 15, ст. 11) Моисей сказалъ: מִי־כָמֹכָה בָּאֵלִם יְהוָה „*кто изъ боговъ подобенъ тебѣ Іегова?*“ а Іоѳоръ (гл. 18, ст. 11) עַתָּה יָדַעְתִּי כִּי־גָדוֹל יְהוָה מִכָּל־הָאֱלֹהִים „*теперь я знаю, что Іегова больше всѣхъ боговъ*“, то есть, наконецъ я вынужденъ согласиться съ Моисеемъ, что Іегова больше всѣхъ боговъ и обладаетъ особеннымъ могуществомъ. Но вѣрилъ ли Моисей, что эти существа, заступающія мѣсто Бога, были сотворены Богомъ, въ этомъ можно сомнѣваться, такъ какъ о твореніи и началѣ ихъ, сколько намъ извѣстно, онъ ни-
38. чего не сказалъ. Кромѣ того, онъ училъ, что это Существо

[1]) Исх. гл. 3, ст. 14.

привело въ порядокъ изъ хаоса этотъ видимый міръ (см. Бытія гл. 1, ст. 2) и вложило въ природу сѣмена и, стало быть, надъ всѣмъ имѣетъ верховное право и верховное могущество и (см. Второз. гл. 10, ст. 14, 15) по этому верховному своему праву и могуществу Оно избрало еврейскую націю и извѣстную страну въ мірѣ (см. Второз. гл. 4, ст. 19 и гл. 32, ст. 8, 9) только для себя; остальные же народы и области Оно предоставило заботамъ прочихъ боговъ отъ него поставленныхъ, и потому Оно называлось Богомъ Израиля и Богомъ Іерусалима (см. 2 кн. Паралип. гл. 32, ст. 19), остальные же боги назывались богами прочихъ народовъ. И на этомъ основаніи іудеи вѣрили, что 39.
та область, которую Богъ избралъ себѣ, требуетъ особеннаго культа божества, совершенно отличнаго отъ культа другихъ областей, даже болѣе,—что она не можетъ терпѣть культа другихъ боговъ, свойственнаго другимъ областямъ, ибо вѣрили, что тѣ народы, которыхъ Ассирійскій царь переселилъ въ земли іудеевъ, растерзываются львами, потому что они не знали культа боговъ той земли (см. 4 кн. Царствъ гл. 17, ст. 25, 26 и проч.). Поэтому и Іаковъ, 40.
по мнѣнію Абенъ Ездры *), сказалъ сыновьямъ, когда онъ захотѣлъ отправиться въ отечество, чтобы они приготовились къ новому культу и оставили чужихъ боговъ, то есть культъ боговъ той земли, въ которой они тогда находились (см. Бытія гл. 35, ст. 2, 3). Также и Давидъ, желая сказать Саулу, что онъ вслѣдствіе его преслѣдованія принужденъ жить внѣ отечества, сказалъ, что онъ отъ наслѣдія Божія удаленъ и отправленъ на служеніе къ другимъ богамъ (см. 1 кн. Царствъ гл. 26, ст. 19). Наконецъ, Моисей 41.
вѣрилъ, что это Существо или Богъ имѣетъ свое мѣстожительство въ небесахъ (см. Второз. гл. 33, ст. 25), како-

*) См. примѣч. переводчика.

вое мнѣніе было самымъ распространеннымъ среди язычниковъ. Если теперь мы обратимъ вниманіе на Откровенія Моисею, то найдемъ, что они были приспособлены къ этимъ мнѣніямъ; въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ вѣрилъ, что природа Бога допускаетъ тѣ условія, о которыхъ мы говорили, именно милосердіе, благосклонность и пр., то поэтому Богъ и былъ открываемъ ему согласно съ этимъ его мнѣніемъ и подъ этими аттрибутами (см. Исхода гл. 34, ст. 6, 7, гдѣ разсказывается, какимъ образомъ Богъ явился Моисею,
42. и Десятислов. [Исх. гл. 20], ст. 4, 5). Потомъ въ гл. 33, ст. 18 разсказывается, что Моисей просилъ у Бога, чтобы ему можно было видѣть его, но такъ какъ Моисей, какъ было уже сказано, никакого образа Божія не сформировалъ въ мозгу, а Богъ (какъ я уже показалъ) открывался пророкамъ только въ зависимости отъ расположенія ихъ воображенія, то поэтому ни въ какомъ образѣ Богъ и не явился ему, и это, говорю, случилось потому, что образъ Бога не поддавался воображенію Моисея. Ибо другіе пророки свидѣтельствуютъ, что они Бога видѣли, именно Исаія [1]), Іезе-
43. кіиль [2]), Даніилъ [3]) и другіе. По этой причинѣ Богъ отвѣтилъ Моисею [4]): לֹא־תוּכַל לִרְאֹת אֶת־פָּנָי *„ты не будешь въ состояніи видѣть мое лицо“*; а такъ какъ Моисей вѣрилъ, что Богъ видимъ, то есть, что это по отношенію къ божественной природѣ не содержитъ въ себѣ никакого противорѣчія (иначе, вѣдь, онъ и не просилъ бы ни о чемъ подобномъ), то Богъ поэтому прибавляетъ: כִּי לֹא־יִרְאַנִי הָאָדָם וָחָי *потому что никто, увидѣвъ меня, не бу-*

[1]) Исаіи гл. 6.
[2]) Іезек. гл. 1.
[3]) Дан. гл. 7.
[4]) Исх. 33, 20.

детъ жить"; слѣдовательно, онъ даетъ мнѣнію Моисея соотвѣтственное основаніе; онъ, вѣдь, не говоритъ, что это содержитъ въ себѣ противорѣчіе по отношенію къ божественной природѣ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, но что это не можетъ произойти вслѣдствіе человѣческой слабости. Далѣе, чтобы открыть Моисею, что израильтяне вслѣд- 44.
ствіе поклоненія тельцу сдѣлались похожи на остальныхъ народовъ, Богъ говоритъ въ гл. 33, ст. 2, 3, что Онъ пошлетъ ангела, то есть существо, которое вмѣсто Верховнаго Существа заботилось бы объ израильтянахъ, Онъ же не хочетъ оставаться среди ихъ. И такимъ образомъ для Моисея ничего, вѣдь, не оставалось, изъ чего ему было бы извѣстно, что израильтяне милѣе Богу, нежели остальные народы, которыхъ Богъ также поручилъ заботѣ другихъ существъ или ангеловъ, какъ видно изъ ст. 16 той же главы. Наконецъ, такъ какъ вѣрили, что Богъ обитаетъ въ 45.
небесахъ, то поэтому Богъ открывался какъ сходящій съ неба на гору, и Моисей также восходилъ на гору, чтобы бесѣдовать съ Богомъ. Это не нужно было бы ему дѣлать, если бы онъ могъ одинаково легко воображать Бога находящимся всюду. Израильтяне почти ничего не знали о Богѣ, хотя онъ имъ и былъ открытъ. Это они показали болѣе чѣмъ достаточно, когда они чрезъ нѣсколько дней воздали тельцу божественную честь и поклоненіе и увѣровали, что онъ и есть тѣ боги, которые вывели ихъ
изъ Египта [1]). И, конечно, не слѣдуетъ вѣрить, что люди, 46.
привыкшіе къ суевѣріямъ египтянъ, грубые, угнетенные жалкимъ рабствомъ, сколько-нибудь здраво разумѣли о Богѣ, или что Моисей научилъ ихъ чему-нибудь иному

[1]) Исх. гл. 32, 1 и сл.

кромѣ образа жизни; къ тому же онъ училъ не какъ философъ, желающій добиться, чтобы они въ концѣ концовъ руководились свободою духа, но какъ законодатель, съ цѣлью принудить ихъ жить хорошо вслѣдствіе господства
47. закона. Поэтому для нихъ хорошее поведеніе или истинная жизнь, служеніе Богу и любовь къ Нему скорѣе были рабствомъ, нежели истинной свободой, милостью и даромъ Бога. Онъ, вѣдь, приказывалъ любить Бога и сохранять его законъ изъ благодарности къ Богу за ниспосланныя благодѣянія (именно освобожденіе отъ египетскаго рабства и проч.) И потомъ онъ пугаетъ ихъ угрозами, въ случаѣ, если они преступятъ тѣ правила и, наоборотъ, обѣщаетъ многія блага, въ случаѣ, если они сохранятъ ихъ. Слѣдовательно, онъ училъ ихъ такимъ же образомъ, какъ обыкновенно родители учатъ совсѣмъ еще глупенькихъ дѣтей. Поэтому несомнѣнно, что они не знали ни превосходства
48. добродѣтели, ни истиннаго блаженства. Іона думалъ убѣжать отъ лица Божія [1]). Это, повидимому, показываетъ, что и онъ вѣрилъ, будто Богъ поручилъ заботу о другихъ областяхъ внѣ Іудеи другимъ силамъ, отъ него однако поставленнымъ. И нѣтъ никого въ Ветхомъ Завѣтѣ, кто говорилъ бы о Богѣ болѣе сообразно съ разумомъ, нежели Соломонъ, превосходившій всѣхъ своихъ современниковъ Естественнымъ Свѣтомъ; поэтому онъ и считалъ себя выше закона (ибо онъ данъ только для тѣхъ, которымъ не хватаетъ разума и указаній природнаго ума) и всѣ законы, касающіеся царя и состоявшіе, главнымъ образомъ, изъ трехъ пунктовъ (см. Второзак. гл. 17, ст. 16, 17), мало уважалъ и даже совсѣмъ нарушалъ ихъ (въ этомъ однако онъ

[1]) Іонн 1, 2.

погрѣшалъ и поступалъ недостойно философа, предаваясь именно чувственнымъ вожделѣніямъ); онъ училъ, что всѣ блага счастія суетны для смертныхъ (см. Екклесіастъ), и что у людей нѣтъ ничего превосходнѣе разума, и что для нихъ нѣтъ бо̀льшаго наказанія, какъ глупость, (см. Притчей гл. 16, ст. 23).

Но возвратимся къ пророкамъ, которыхъ разнорѣчи- 49.
выя мнѣнія мы также предположили отмѣтить. Раввины, оставившіе намъ (какъ разсказывается въ трактатѣ Шаббата гл. 1, листъ 13, стр. 2) тѣ пророческія книги (какія только существуютъ теперь), нашли сужденія Іезекіиля до такой степени противорѣчащими сужденіямъ Моисея, что они почти порѣшили не допускать его книгу въ число каноническихъ и совершенно ее скрыли-бы, если бы нѣкій Хананія не взялся объяснить ее, что, говорятъ, наконецъ онъ и сдѣлалъ съ великимъ трудомъ и усердіемъ (какъ тамъ разсказывается). Но какимъ способомъ онъ это сдѣлалъ, именно: написалъ ли какой комментарій, который можетъ быть погибъ, или самыя слова и рѣчи Іезекіиля (на сколько хватило смѣлости) измѣнилъ и скрасилъ по своему разумѣнію, это недостаточно извѣстно. Что бы тамъ ни было, глава 18 [1]), по крайней мѣрѣ, явно не согласуется со ст. 7 гл. 34 Исхода и съ ст. 18 гл. 34 Іереміи и проч. Са- 50.
муилъ вѣрилъ, что Богъ, разъ рѣшивши что-нибудь, никогда не раскаивается въ рѣшеніи (см. 1 кн. Царствъ гл. 15, ст. 29), ибо Саулу, каявшемуся въ своемъ грѣхѣ и желавшему поклониться Богу и испросить отъ него прощеніе, онъ сказалъ, что Богъ своего рѣшенія о немъ не измѣнитъ. Іереміи же было открыто (см. гл. 18, ст. 8, 10) наоборотъ,

[1]) См. въ особенности ст. 17, 20.

именно: что Богъ, рѣшилъ ли онъ для какого-нибудь народа что-либо во вредъ или что-либо на благо, раскаивается въ своемъ рѣшеніи, если только люди со времени приговора измѣнились къ лучшему или къ худшему. А Іоиль училъ, что Богъ раскаивается только во вредѣ (см. у него
51. гл. 2, ст. 13). Наконецъ, изъ гл. 4 Бытія ст. 7 весьма ясно видно, что человѣкъ можетъ побороть искушенія грѣха и поступать хорошо; это, вѣдь, говорится Каину, который однако, какъ видно изъ самаго Писанія и изъ Іосифа, никогда не поборалъ ихъ. Это же самымъ очевиднымъ образомъ вытекаетъ изъ только что приведенной главы Іереміи, ибо онъ говоритъ, что Богъ раскаивается въ своемъ рѣшеніи, произнесенномъ во вредъ или на благо людямъ, смотря по желанію людей измѣнить нравы и образъ жизни. А Павелъ, напротивъ, ничему не учитъ яснѣе того, что люди не имѣютъ никакой власти надъ искушеніями плоти, развѣ только по особенному призванію и милости Божіей, см. Посл. къ Римлян. гл. 9 отъ ст. 10 и т. д., и гл. 3, ст. 5 и гл. 6, ст. 19, гдѣ онъ, приписавъ Богу справедливость, оговаривается, что говоритъ такъ по человѣческому спо-
52. собу и ради немощи плоти. Итакъ изъ этого весьма достаточно обнаруживается то, что мы предположили показать, именно что Богъ приспосабливаетъ откровенія къ пониманію и мнѣніямъ пророковъ, и что пророки могли не знать вещей, которыя касаются чистаго умозрѣнія, а не любви къ ближнему и житейской практики, и дѣйствительно не знали, и что у нихъ были противоположныя мнѣнія. Поэтому далеко невѣрно, что отъ пророковъ слѣдуетъ заимствовать познаніе
53. о естественныхъ и духовныхъ вещахъ. Итакъ заключаемъ, что мы не обязаны вѣрить пророкамъ ни въ чемъ кромѣ того, что составляетъ цѣль и сущность Откровенія; въ

остальномъ же предоставляется свобода вѣрить, какъ кому угодно. Напримѣръ, откровеніе Каину учитъ насъ только тому, что Богъ увѣщевалъ Каина къ истинной жизни; въ этомъ, вѣдь, только и состоитъ конечная цѣль и сущность откровенія, а не въ ученіи о свободѣ воли или о предметахъ философіи; поэтому, хотя въ словахъ и основаніяхъ того увѣщанія ясно содержится свобода воли, однако намъ позволительно думать противное, такъ какъ тѣ слова и основанія были приспособлены только къ пониманію Каина.
Точно также и откровеніе Михею хочетъ научить только 54.
тому, что Богъ открылъ Михею истинный исходъ сраженія Ахава съ Арамомъ; посему только этому мы и обязаны вѣрить; стало быть, все, что̀ только ни содержится кромѣ этого въ томъ откровеніи, именно: сообщеніе объ истинномъ и ложномъ Духѣ Божіемъ, о небесномъ воинствѣ, стоящемъ по обѣимъ сторонамъ Бога, а также и остальныя обстоятельства того откровенія, насъ не касается; и потому каждый пусть вѣритъ этому, какъ ему покажется
болѣе согласнымъ съ его разумомъ. О способахъ, кото- 55.
рыми Богъ показалъ Іову свое могущество надъ всѣмъ, если только вѣрно, что они были открыты Іову, и что авторъ старался разсказать исторію, а не иллюстрировать свои понятія (какъ нѣкоторые думаютъ), то же самое должно сказать, именно что они были указаны сообразно съ понятіемъ Іова и только для его убѣжденія, а не потому, что
они суть общія основанія для убѣжденія всѣхъ. Не иначе 56.
должно утверждать и объ основаніяхъ Христа, которыми онъ изобличаетъ фарисеевъ въ упорствѣ и незнаніи, а учениковъ увѣщеваетъ къ истинной жизни, именно что свои основанія онъ приспособлялъ къ мнѣніямъ и принципамъ каждаго. Напримѣръ, когда онъ сказалъ фарисеямъ (см.

Матѳея гл. 12, ст. 26): „и если сатана сатану изгоняетъ, то онъ противъ себя самого раздѣлился; итакъ, какъ же могло бы устоять его царство?“ онъ хотѣлъ только изобличить фарисеевъ, исходя изъ ихъ же началъ, а не учить тому, что существуютъ демоны или какое-то демонское царство. Точно также, когда Христосъ сказалъ ученикамъ (см. Матѳея гл. 18, ст. 10): „смотрите, не презирайте ни одного изъ тѣхъ малыхъ; говорю, вѣдь, вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ и т. д.“ онъ хочетъ научить только тому, чтобы они не были горды и не презирали никого, а не иному чему, что содержится въ его основаніяхъ, приведенныхъ
57. имъ только для убѣжденія учениковъ. Наконецъ, то же самое безусловно должно сказать объ основаніяхъ и знаменіяхъ апостоловъ. Да и нѣтъ надобности говорить объ этомъ подробнѣе; ибо, если бы я долженъ былъ перечислить всѣ мѣста въ Писаніи, которыя написаны только для одного человѣка, или сообразно съ чьимъ-либо понятіемъ, и которыя не безъ большаго вреда для философіи защищаютъ какъ божественное ученіе, то мнѣ пришлось бы значительно поступиться краткостью, о которой я стараюсь. И такъ пусть будетъ достаточно того, что мною затронуто кое-что немногое и общее; остальное любознательный чи-
58. татель пусть самъ разбираетъ самостоятельно. Но хотя къ цѣли, къ которой я стремлюсь, именно къ отдѣленію философіи отъ богословія, принадлежитъ главнымъ образомъ только то, что мы говорили о пророкахъ и пророчествѣ, однако по причинѣ того, что я коснулся этого вопроса въ общихъ чертахъ, желательно еще изслѣдовать: былъ ли пророческій даръ свойственъ только евреямъ или же общій всѣмъ націямъ, и потомъ, что должно утверждать о призваніи евреевъ. Объ этомъ смотри слѣдующую главу.

Глава III.

О призваніи евреевъ и о томъ, былъ ли пророческій даръ свойственъ только евреямъ.

Истинное счастіе и блаженство каждаго состоитъ только въ наслажденіи благомъ, а не въ той славѣ, что благомъ наслаждается лишь онъ одинъ и больше никто; тотъ, вѣдь, не знаетъ истиннаго счастія и блаженства, кто считаетъ себя болѣе блаженнымъ потому, что другимъ живется не такъ хорошо какъ ему одному, или что онъ блаженнѣе и счастливѣе остальныхъ. Радость, испытываемая имъ отъ этого, если только она не ребяческая, происходитъ не отъ чего иного какъ отъ зависти и дурнаго сердца. Напримѣръ, истинное счастіе и блаженство человѣка состоитъ только въ мудрости и познаніи истины, а отнюдь не въ томъ, что онъ мудрѣе остальныхъ или что остальные не обладаютъ познаніемъ истины; это, вѣдь, рѣшительно ни на іоту не увеличиваетъ его мудрости, то есть истиннаго его счастія. Итакъ кто радуется вслѣдствіе этого, тотъ радуется несчастію другаго; стало быть, онъ завистливъ и золъ и не знаетъ ни истинной мудрости, ни спокойствія истинной жизни. Слѣдовательно, когда Писаніе, 2. 3.

убѣждая евреевъ повиноваться закону, говоритъ, что Богъ избралъ ихъ себѣ изъ прочихъ народовъ (см. Второз. гл. 10, ст. 15), что онъ къ нимъ ближе, а къ другимъ нѣтъ (Второз. гл. 4, ст. 4, 7), что онъ только имъ предписалъ справедливые законы (той же гл. ст. 8), наконецъ, что онъ, минуя прочихъ народовъ, только имъ объявилъ себя (см. той же гл. ст. 32) и пр., то оно говоритъ только сообразно съ понятіями людей, не знавшихъ истиннаго блаженства, какъ мы показали въ предыдущей главѣ, и какъ Моисей
4. свидѣтельствуетъ (см. Второз. гл. 9, ст. 6, 7). Въ самомъ дѣлѣ, они, конечно, были бы не менѣе блаженны, если бы Богъ всѣхъ одинаково призвалъ къ спасенію; и онъ былъ бы къ нимъ не менѣе близокъ, хотя бы и одинаково близко отстоялъ отъ другихъ; законы были бы не менѣе справедливы, и они сами были бы не менѣе мудры, если бы первые были предписаны всѣмъ народамъ; чудеса не менѣе показывали бы могущество Божіе, если бы они и ради другихъ народовъ были совершены; наконецъ евреи были бы обязаны почитать Бога не менѣе, если бы Богъ всѣ эти
5. дары одинаково щедро излилъ на всѣ народы. Что же касается того, что Богъ говоритъ Соломону (см. Царст. кн. 3, гл. 3, ст. 12), будто никто послѣ него не будетъ столь мудръ какъ онъ, то это, повидимому, есть только риторическая фигура для означенія исключительной мудрости. Что бы это ни было, мы не должны вѣрить, будто Богъ обѣщалъ Соломону для бо̀льшаго его счастья никого не одарять впослѣдствіи такой мудростью; это, вѣдь, нисколько не увеличивало бы разумъ Соломона, и мудрый царь былъ бы благодаренъ Богу за такой даръ не меньше, если бы Богъ сказалъ, что онъ всѣхъ одаритъ такою мудростью.

Но хотя мы и утверждаемъ, что въ только что при- 6.
веденныхъ мѣстахъ Пятикнижія Моисей говоритъ сообразно
съ понятіями евреевъ, мы однако не хотимъ отрицать ни
того, что Богъ имъ однимъ предписалъ извѣстные законы
Пятикнижія, ни того, что онъ только съ ними говорилъ,
ни того, наконецъ, что никакому другому народу не удава-
лось видѣть столько чудеснаго, какъ евреямъ. Мы хотимъ
только сказать, что такимъ способомъ, а въ особенности
тѣми доводами, Моисей хотѣлъ убѣдить евреевъ съ цѣлью
болѣе привлечь ихъ къ почитанію Бога при ихъ дѣтскихъ
понятіяхъ; наконецъ мы хотѣли показать, что евреи отли-
чались отъ другихъ народовъ не знаніемъ и не благоче-
стіемъ, но чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, или (выражаясь съ
Писаніемъ по понятію ихъ) евреи были избраны Богомъ
изъ остальныхъ народовъ не для истинной жизни и возвы-
шенныхъ умозрѣній, хотя и объ этомъ имъ часто напоми-
налось, но совершенно для другого дѣла. Каково же именно
оно было, я покажу здѣсь по порядку. Но прежде чѣмъ 7.
начать это, я хочу объяснить вкратцѣ, что̀ я понимаю въ
послѣдующемъ изложеніи подъ управленіемъ Бога и что̀
подъ внѣшнею и внутреннею помощью Божіей, что̀ подъ
избраніемъ Божіимъ и что̀, наконецъ, подъ счастіемъ. Подъ
управленіемъ Бога я понимаю извѣстный незыблемый и
неизмѣнный порядокъ природы или связь естественныхъ
вещей. Мы, вѣдь, выше говорили, а также и въ другомъ 8.
мѣстѣ показали, что всеобщіе законы природы, по кото-
рымъ все совершается и опредѣляется, суть только вѣч-
ныя рѣшенія Бога, заключающія въ себѣ всегда вѣчную исти-
ну и необходимость. Слѣдовательно, говоримъ ли мы, что все
происходитъ по законамъ природы или что все устрояется

по рѣшенію и управленію Божію,—мы говоримъ одно и то
9. же. Затѣмъ, такъ какъ могущество всѣхъ естественныхъ вещей есть только само могущество Божіе, посредствомъ котораго только и происходитъ все и опредѣляется, то отсюда слѣдуетъ, что все, что человѣкъ, составляющій также часть природы, ни приготовляетъ себѣ въ помощь для сохраненія своего бытія, или все, что природа ни предлагаетъ ему безъ всякой затраты труда съ его стороны, все это дано ему однимъ божественнымъ могуществомъ, поскольку оно дѣйствуетъ или чрезъ человѣческую природу или чрезъ вещи, находящіяся внѣ человѣческой природы. Итакъ все, что только природа человѣка благодаря одному своему могуществу можетъ предоставить для сохраненія его бытія, все это мы можемъ по справедливости назвать внутреннею помощью Божіею, а все, что сверхъ этого выпадаетъ человѣку на пользу благодаря могуществу внѣшнихъ причинъ,—все то мы можемъ назвать внѣшнею по-
10. мощію Божіею. А уже отсюда легко заключить, что должно понимать подъ избраніемъ Божіимъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ всякій дѣлаетъ что нибудь только по предопредѣленному порядку природы, то есть по вѣчному управленію и рѣшенію Божію, то отсюда слѣдуетъ, что всякій избираетъ себѣ какой-нибудь образъ жизни или какое-нибудь занятіе только по особенному призванію Божію, которое его выбрало изъ другихъ къ этому дѣлу или къ этому
11. образу жизни. Наконецъ, подъ счастіемъ я понимаю не что иное, какъ управленіе Божіе, поскольку оно руководитъ человѣческими дѣлами чрезъ внѣшнія и непредвидимыя причины. Предпославъ эти замѣчанія, вернемся къ нашей цѣли, посмотримъ, чѣмъ было то, за что еврейскій народъ назывался избраннымъ отъ Бога предпочтительно предъ остальными. Чтобы показать это, я продолжаю такъ.

Все, чего мы непостыдно желаемъ, сводится главнымъ 12.
образомъ къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ, именно: къ познаванію вещей чрезъ первыя ихъ причины, къ господствованію надъ страстями или пріобрѣтенію привычки къ добродѣтели и, наконецъ, къ спокойной жизни при физическомъ здоровьѣ. Средства, которыя прямо способствуютъ первому и второму, и которыя можно разсматривать какъ ближайшія и дѣйствующія причины, заложены въ самой человѣческой натурѣ, такъ что пріобрѣтеніе ихъ зависитъ главнымъ образомъ только отъ нашего могущества или только отъ законовъ человѣческой природы; и поэтому слѣдуетъ рѣшительно утверждать, что эти дары не составляли особенной принадлежности одного какого-либо народа, но всегда были общи всему человѣческому роду, если только мы не хотимъ грезить, что природа нѣкогда произвела различные роды людей. Но средства, способ- 13.
ствующія спокойной жизни и сохраненію тѣла, находятся преимущественно въ внѣшнихъ вещахъ; и называются они дарами счастія потому, что они, дѣйствительно, зависятъ больше всего отъ неизвѣстнаго намъ управленія внѣшнихъ причинъ, такъ что въ этомъ случаѣ глупецъ бываетъ почти такъ же счастливъ и несчастливъ, какъ и умный. Однако человѣческая распорядительность и бдительность можетъ много способствовать спокойной жизни и избѣжанію обидъ отъ другихъ людей, а также и вреда отъ животныхъ. Разумъ и опытъ научилъ, что для этого нѣтъ болѣе вѣр- 14.
наго средства какъ сформированіе общества на извѣстныхъ законахъ, занятіе извѣстной страны въ мірѣ и направленіе силы всѣхъ на одно какъ бы тѣло, именно на общество. Но, вѣдь, для образованія и сохраненія общества нуженъ незаурядный умъ и бдительность; и поэтому то общество

будетъ спокойнѣе и болѣе устойчиво и менѣе подвержено случайностямъ, которое основывается и управляется по большей части людьми разумными и старательными, и наоборотъ, общество, состоящее изъ людей съ умомъ необразованнымъ, большею частію зависитъ отъ случая и менѣе устойчиво.

15: Если бы однако такое общество и продлило свое существованіе, то этимъ оно было бы обязано не себѣ, а управленію другого кого-нибудь. Если даже оно преодолѣетъ большія опасности, и обстоятельства сложатся для него счастливо, то оно не въ состояніи будетъ не удивляться управленію Божію (именно поскольку Богъ дѣйствуетъ чрезъ скрытыя внѣшнія причины, а не поскольку чрезъ человѣческую натуру и душу) и не преклоняться предъ нимъ, такъ какъ для него все происходитъ крайне неожиданно и сверхъ чаянія, что̀, дѣйствительно, можно счесть даже за чудо.

16. Этимъ, слѣдовательно, народы только и различаются другъ отъ друга, именно по отношенію къ обществу и законамъ, при которыхъ они живутъ и управляются. Стало быть, еврейскій народъ былъ избранъ Богомъ изъ другихъ, не по отношенію къ разуму и спокойствію духа, но по отношенію къ обществу и счастью, благодаря которому онъ достигъ господства и удержалъ его въ продолженіе

17. столькихъ лѣтъ. Это весьма ясно обнаруживается и изъ самого Писанія. Вѣдь, если кто хоть слегка просматриваетъ его, тотъ ясно видитъ, что евреи превосходили другіе народы только тѣмъ, что они счастливо устраивали свои дѣла, относящіяся къ спокойной жизни, и преодолѣвали большія опасности, достигая этого большею частію только благодаря внѣшней помощи Божіей; но что въ остальномъ они были равны другимъ, и что Богъ одинаково милостивъ

ко всѣмъ. Ибо по отношенію къ разуму видно (какъ въ 18.
предыдущей главѣ мы показали), что они о Богѣ и природѣ имѣли весьма заурядныя мысли; поэтому они были избраны Богомъ передъ другими не въ отношеніи разума. Но и не въ отношеніи добродѣтели и истинной жизни; въ этомъ, вѣдь, они также были равны другимъ народамъ, и избирались (изъ евреевъ) только очень немногіе. Итакъ 19.
избраніе и призваніе ихъ состояло только во временномъ счастіи и выгодахъ государства; и мы не видимъ, чтобы Богъ обѣщалъ патріархамъ *) или ихъ преемникамъ что-нибудь иное кромѣ этого; въ законѣ даже ничего иного не обѣщается за повиновеніе кромѣ постояннаго счастія государства и остальныхъ удобствъ въ этой жизни, и наоборотъ за непокорство и нарушеніе завѣта обѣщается гибель государства и величайшія невзгоды. Это и неудивительно: 20.
ибо цѣль всего общества и государства состоитъ (какъ изъ только что сказаннаго явствуетъ, и какъ подробнѣе мы покажемъ въ дальнѣйшемъ изложевіи) въ спокойной и удобной жизни; государство же можетъ существовать только при законахъ соблюдаемыхъ каждымъ, потому что если бы всѣ члены общества захотѣли не признавать законовъ, то ео ipso общество распалось бы, и государство разрушилось бы. Итакъ обществу евреевъ могло быть обѣщано за по- 21.
стоянное сохраненіе законовъ не что иное, какъ спокойная жизнь **) съ ея выгодами, и наоборотъ, за непокорство не могло быть предсказано никакое болѣе вѣрное наказаніе какъ паденіе государства и бѣды, которыя вообще слѣдуютъ изъ этого, а сверхъ того и другія, которыя изъ гибели ихъ отдѣльнаго государства для нихъ въ частности

*) См. примѣч. IV.
**) См. примѣч. V.

могли бы произойти; но объ этомъ въ настоящее время
22. нѣтъ надобности разсуждать подробнѣе. Прибавлю лишь то, что законы ветхаго завѣта были открыты и предписаны только іудеямъ; ибо коль скоро Богъ избралъ только ихъ для составленія отдѣльнаго общества и государства, то необходимо они должны были имѣть и законы отдѣльные. Но предписывалъ ли Богъ особенные законы также и другимъ народамъ и открывался ли пророчески ихъ законодателямъ, именно подъ тѣми [аттрибутами, подъ которыми они обыкновенно воображали Бога,—мнѣ не достаточно очевидно; изъ самого Писанія, по крайней мѣрѣ, то явствуетъ, что и другіе народы благодаря внѣшнему управле-
23. нію Божію имѣли государство и отдѣльные законы. Чтобы показать это, я приведу только два мѣста изъ Писанія. Въ главѣ 14 Бытія ст. 18, 19, 20 разсказывается, что Мельхиседекъ былъ іерусалимскій царь и первосвященникъ Бога Вышняго, и что онъ благословилъ Авраама по праву первосвященника (см. Числ. гл. 6, ст. 23), и наконецъ, что Авраамъ, избранникъ Божій, отдалъ этому первосвященнику
24. Божію десятую часть всей добычи. Все это достаточно показываетъ, что Богъ, прежде чѣмъ создать израильскій народъ, поставлялъ въ Іерусалимѣ царей и первосвященниковъ и предписывалъ имъ богослужебные обряды и законы; но пророчески ли—это, какъ мы сказали, не достаточно очевидно; я, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ въ томъ что Авраамъ, пока онъ тамъ жилъ, жилъ благочестиво согласно съ тѣми законами; ибо Авраамъ никакихъ богослужебныхъ обрядностей въ частности отъ Бога не принялъ, а тѣмъ не менѣе въ Бытіи гл. 26, ст. 5 говорится, что Авраамъ сохранялъ культъ, правила, постановленія и законы Божіи; это несомнѣнно должно понимать въ смыслѣ

культа, правилъ, постановленій и законовъ царя Мельхиседека. Малахія въ гл. 1, ст. 10, 11 упрекаетъ іудеевъ слѣ- 25.
дующими словами: מִי גַם־בָּכֶם וְיִסְגֹּר דְּלָתַיִם וְלֹא־תָאִירוּ מִזְבְּחִי חִנָּם אֵין־לִי חֵפֶץ בָּכֶם וגו׳: כִּי מִמִּזְרַח שֶׁמֶשׁ וְעַד־מְבוֹאוֹ גָּדוֹל שְׁמִי בַּגּוֹיִם וּבְכָל־מָקוֹם מֻקְטָר מֻגָּשׁ לִשְׁמִי וּמִנְחָה טְהוֹרָה כִּי־גָדוֹל שְׁמִי בַּגּוֹיִם אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת *„кто же среди васъ, затворяющій двери (именно храмовыя), чтобы на мой алтарь огонь не возлагался даромъ; это мнѣ не нравится въ васъ и пр. Ибо отъ востока сслнца и до его заката имя мое велико среди народовъ, и всюду виміамъ мнѣ приносится и чистая жертва; имя мое, вѣдь, велико среди народовъ, говоритъ Богъ воинствъ“.* Такъ какъ эти слова никакого другого времени кромѣ настоящаго не могутъ означать, если мы не хотимъ насиловать ихъ смыслъ, то, конечно, они весьма достаточно свидѣтельствуютъ, что іудеи въ то время были Богу не милѣе другихъ націй, что скорѣе, напротивъ, Богъ другимъ народамъ чрезъ чудеса былъ болѣе извѣстенъ, нежели іудеямъ тогдашняго времени, безъ чудесъ получившимъ тогда уже снова государство; свидѣтельствуютъ потомъ, что народы имѣли обряды и церемоніи, благодаря которымъ они были пріятны Богу. Но я 26.
опускаю это, такъ какъ для моей цѣли достаточно указанія, что избраніе іудеевъ касалось не иного чего, какъ временнаго тѣлеснаго счастія и свободы, другими словами—государства, способа и средствъ, которыми они достигли его, а слѣдовательно и законовъ, поскольку они были необходимы для утвержденія того отдѣльнаго государства; и наконецъ, способа, которымъ они были открыты; въ остальномъ же и въ томъ, что составляетъ истинное счастіе человѣка, они были равны съ прочими народами. Итакъ, ког- 27.

да въ Писаніи (см. Втор. гл. 4, ст. 7) говорится, что ни къ одному народу боги такъ не близки, какъ близокъ Богъ къ іудеямъ, то это нужно понимать только по отношенію къ государству и относительно того только времени, когда у нихъ совершилось столько чудесъ и проч.; вѣдь, въ отношеніи разума и добродѣтели, то есть въ отношеніи блаженства Богъ, какъ мы уже сказали и показали на основаніи самого разума, ко всѣмъ одинаково милостивъ. Это
28. же и изъ самого Писанія довольно очевидно. Псалмопѣвецъ, вѣдь, говоритъ въ псал. 145, ст. 18: קָרוֹב יְהוָה לְכָל־קֹרְאָיו לְכֹל אֲשֶׁר יִקְרָאֻהוּ בֶּאֱמֶת *„близокъ Господь всѣмъ призывающимъ его, всѣмъ призывающимъ его истинно“*. Также въ томъ же псалмѣ ст. 9: טוֹב־יְהוָה לַכֹּל וְרַחֲמָיו עַל־ כָּל־מַעֲשָׂיו *„милостивъ Богъ ко всѣмъ и его милосердіе (простирается) на все, что Онъ сдѣлалъ“*. Въ псал. 33, ст. 15 ясно говорится, что Богъ всѣмъ далъ одинъ и тотъ же разумъ, въ такихъ именно словахъ: הַיֹּצֵר יַחַד לִבָּם *„который образуетъ однимъ и тѣмъ же образомъ сердце ихъ“*. Сердце, вѣдь, евреями считалось за мѣстопребываніе души и раз-
29. зума, что̀, я думаю, всѣмъ достаточно извѣстно. Затѣмъ изъ гл. 28 ст. 28 Іова ясно, что Богъ предписалъ всему человѣческому роду слѣдующій законъ: почитать Бога и воздерживаться отъ дурныхъ дѣлъ или поступать хорошо; и потому Іовъ, хотя и язычникъ, былъ Богу милѣе всѣхъ, такъ какъ онъ всѣхъ превосходилъ благочестіемъ и религіозностью. Наконецъ, изъ гл. 4 ст. 2 Іоны весьма ясно видно, что Богъ не только къ іудеямъ, но и ко всѣмъ милостивъ, сострадателенъ, великодушенъ, исполненъ благосклонности и раскаивается въ злѣ. Іона, вѣдь, говоритъ: עַל־כֵּן קִדַּמְתִּי לִבְרֹחַ תַּרְשִׁישָׁה כִּי יָדַעְתִּי כִּי אַתָּה אֵל־חַנּוּן

וְרַחוּם אֶרֶךְ אַפַּיִם וְלַב־חֶסֶד וְנִחָם עַל־הָרָעָה „*потому сначала я положилъ бѣжать въ Ѳарсисъ, что я зналъ* (именно изъ словъ Моисея, которыя имѣются въ гл. 34 ст. 6 Исхода), *что ты Богъ милостивый, сострадательный и проч., и потому простишь ниневитянамъ язычникамъ*". Мы заключаемъ слѣдовательно (такъ какъ Богъ ко всѣмъ равно милостивъ, а евреи были избраны только въ отношеніи общества и государства), что всякій іудей, разсматриваемый самъ по себѣ внѣ общества и государства, не имѣетъ никакого дара Божія больше другихъ, и между нимъ и язычниковъ нѣтъ никакого различія. Итакъ, коль скоро справедливо, что Богъ ко всѣмъ одинаково благосклоненъ, милосердъ и пр., и обязанность пророка заключалась не столько въ наученіи законамъ, свойственнымъ отечеству, сколько въ наученіи истинной добродѣтели и въ напоминаніи о ней людямъ, то несомнѣнно, что всѣ націи имѣли пророковъ, и что пророческій даръ былъ свойственъ не только іудеямъ. И дѣйствительно, какъ гражданская, такъ и священная исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ. И хотя изъ священной исторіи ветхаго завѣта не видно, что другія націи имѣли столько пророковъ, какъ евреи,—напротивъ, видно, что ни одинъ языческій пророкъ не былъ выразительно посылаемъ Богомъ къ народамъ, однако это нисколько не важно, ибо евреи заботились только писать о своихъ дѣлахъ, а не о дѣлахъ другихъ народовъ. Итакъ достаточно того, что въ ветхомъ завѣтѣ мы находимъ, что язычники и необрѣзанные, какъ Ной, Енохъ, Авимелехъ, Валаамъ и др., пророчествовали; потомъ, что еврейскіе пророки были посылаемы Богомъ не только къ своему, но и ко многимъ другимъ народамъ. Іезекіиль, вѣдь, предсказывалъ всѣмъ народамъ тогда извѣстнымъ. Даже болѣе, Авдій, наскольк-

30.

31.

32.

ко мы знаемъ, былъ предсказателемъ только у идумейцевъ,
33. а Іона, главнымъ образомъ, у ниневитянъ. Исаія оплакиваетъ и предсказываетъ бѣдствія не только іудеевъ, возрожденіе не только ихъ, но также и другихъ народовъ. Онъ, вѣдь, говоритъ въ гл. 16, ст. 9: עַל־כֵּן אֶבְכֶּה בִּבְכִי יַעְזֵר *„поэтому я буду плачемъ оплакивать Іазира“*, а въ гл. 19 сперва предсказываетъ египтянамъ бѣдствія, а потомъ ихъ возрожденіе (см. ту же главу ст. 19, 20, 21, 25), именно, что Богъ пошлетъ имъ спасителя, который освободитъ ихъ, что Богъ имъ станетъ извѣстенъ, и что, наконецъ, египтяне почтутъ Бога жертвами и дарами, а въ заключеніе называетъ эту націю благословеннымъ египетскимъ народомъ Божіимъ. Все это, по истинѣ, весьма достойно
34. того, чтобы быть отмѣченнымъ. Іеремія, наконецъ, называется пророкомъ не только еврейскаго народа, но народовъ безусловно (см. его гл. 1 ст. 5 נְבִיא לַגּוֹיִם נְתַתִּיךָ). Онъ также, предсказывая бѣдствія народовъ, плачетъ о нихъ и предсказываетъ ихъ возрожденіе; онъ, вѣдь, въ гл. 48, ст. 31 говоритъ о моавитянахъ: עַל־כֵּן עַל־מוֹאָב אֲיֵלִיל וְלִמוֹאָב כֻּלֹּה אֶזְעָק *„поэтому ради Моава буду рыдать и ради всего Моава вопію и пр.“*, и въ ст. 36: עַל־כֵּן לִבִּי לְמוֹאָב כַּחֲלִלִים יֶהֱמֶה *„поэтому сердце мое изъ-за Моава какъ цѣвница звучитъ“*; и наконецъ предсказываетъ ихъ возрожденіе, равно какъ и возрожденіе египтянъ, амонитянъ и эла-
35. митовъ. Поэтому несомнѣнно, что и прочіе народы, подобно іудеямъ, имѣли своихъ пророковъ, пророчествовавшихъ имъ и іудеямъ. Но хотя Писаніе упоминаетъ только объ одномъ Валаамѣ, которому были открыты будущія дѣла іудеевъ и другихъ націй, однако не слѣдуетъ вѣрить, что Валаамъ пророчествовалъ по поводу одного того случая;

вѣдь, изъ самой исторіи весьма ясно видно, что онъ задолго прежде прославился пророчествованіемъ и другими божественными дарами. Ибо Валакъ, приказывая привести его къ себѣ, говоритъ (Числ. гл. 22, ст. 6): כִּי יָדַעְתִּי אֵת אֲשֶׁר־תְּבָרֵךְ מְבֹרָךְ וַאֲשֶׁר תָּאֹר יוּאָר „*потому что я знаю, что кого ты благословляешь, тотъ благословенъ, и кого ты проклинаешь, тотъ проклятъ*“. Значитъ, онъ имѣлъ ту же самую добродѣтель, которою Богъ щедро одарилъ Авраама (см. Быт. гл. 12, ст. 3). Затѣмъ Валаамъ, какъ привыкшій 36.
къ пророчествамъ, отвѣчаетъ посланнымъ, чтобы они остались у него, пока ему не откроется воля Божія. Когда онъ пророчествовалъ, то есть, когда онъ истинно истолковывалъ мысль Бога, онъ обыкновенно говорилъ о себѣ такъ [1]): נְאֻם שֹׁמֵעַ אִמְרֵי־אֵל וְיוֹדֵעַ דַּעַת עֶלְיוֹן מַחֲזֵה שַׁדַּי יֶחֱזֶה נֹפֵל וּגְלוּי עֵינָיִם „*рѣчь того, кто слышитъ слова Бога, и кому извѣстно знаніе (или мысль и предвѣдѣніе) Вышняго, кто видитъ видѣніе Всемогущаго падая, но не закрывая глазъ*“. Наконецъ, послѣ того какъ онъ благословилъ евреевъ по приказанію Бога (какъ обыкновенно онъ дѣлалъ, конечно), онъ начинаетъ пророчествовать другимъ народамъ и предсказывать ихъ будущія дѣла [2]). Все это вполнѣ достаточно показы- 37.
ваетъ, что онъ всегда былъ пророкомъ или очень часто пророчествовалъ и что онъ (что̀ еще здѣсь должно замѣтить) обладалъ тѣмъ, что̀ въ особенности дѣлало пророковъ увѣренными въ истинности пророчества, то есть, духомъ склоннымъ только къ справедливости и добру. Онъ, вѣдь, благословлялъ не того, кого самъ хотѣлъ, и не того, кого хотѣлъ, проклиналъ, какъ думалъ Валакъ, но только

[1]) Числ. гл. 24, ст. 4, 16.
[2]) Числ. гл. 24, ст. 17 и сл.

тѣхъ, кого Богъ хотѣлъ благословить или проклясть. Поэтому онъ отвѣтилъ Валаку [1]): *„хотя Валакъ далъ бы мнѣ столько серебра и золота, сколько домъ его могъ бы вмѣстить, я не въ состояніи буду преступить повелѣніе Бога, чтобы по своему желанію дѣлать добро или зло; что̀ Богъ*
38. *скажетъ, то и я скажу“*. Что же касается того, что Богъ разгнѣвался на него [2]), пока онъ былъ въ пути, то это случилось и съ Моисеемъ въ то время, какъ онъ отправлялся въ Египетъ по порученію Бога (см. Исхода гл. 4, ст. 24), а что онъ бралъ серебро за пророчествованіе, то это и Самуилъ дѣлалъ (см. 1 Царств. гл. 9, ст. 2, 8), и если онъ въ чемъ согрѣшилъ (объ этомъ см. 2 Посл. Петра гл. 2, ст. 15, 26 и Іуды ст. 11), то никто не бываетъ на столько праведенъ, чтобы всегда хорошо поступать и никогда не согрѣшить (см. Екклес. гл. 7, ст. 20). И конечно, ходатайства его всегда должны были имѣть большое значеніе у Бога, а его сила проклинать, несомнѣнно, была очень велика, такъ какъ въ Писаніи, чтобы засвидѣтельствовать великое милосердіе Божіе къ Израильтянамъ, много разъ встрѣчается, что Богъ не захотѣлъ послушать Валаама, и что Онъ проклятіе обратилъ въ благословеніе (см. Втор. гл. 23, ст. 6, Іисуса Нав. 24, ст. 10, Неем. 13, ст. 2). Поэтому, безъ сомнѣнія, онъ былъ весьма пріятенъ Богу, ибо ходатайства и проклятія нечестивыхъ Бога нимало не тро-
39. гаютъ. Слѣдовательно, такъ какъ онъ былъ истинный пророкъ, а Іисусъ Навинъ однако называетъ его קוֹסֵם волхвомъ или гадателемъ, гл. 13, ст. 22) то несомнѣнно, что это имя принимается и въ хорошемъ смыслѣ, и что тѣ, кого язычники обыкновенно называли гадателями и волхвами,

[1]) См. Числ. гл. 24, 13; гл. 22, 18.
[2]) См. Числ. 22, 22 и сл.

были истинные пророки, а тѣ, которыхъ Писаніе часто обвиняетъ и осуждаетъ, были псевдоволхвы, обманывавшіе язычниковъ, подобно тому какъ ложные пророки обманывали іудеевъ. Это и изъ другихъ мѣстъ Писанія довольно ясно видно; поэтому мы заключаемъ, что даръ пророческій не былъ свойственъ исключительно іудеямъ, но былъ общій всѣмъ націямъ. Фарисеи однако, напротивъ, горячо утверждаютъ, что этотъ божественный даръ былъ исключительно свойственъ только ихъ націи, остальные же народы предсказывали будущія вещи благодаря не знаю ужъ какой дьявольской силѣ (чего въ концѣ концовъ не повыдумываетъ суевѣріе!). Самое главное, что они приводятъ изъ ветхаго завѣта для подтвержденія этого мнѣнія авторитетомъ Писанія, есть то мѣсто Исхода гл. 33, ст. 16, гдѣ Моисей говоритъ Богу: וּבַמֶּה יִוָּדַע אֵפוֹא כִּי־מָצָאתִי חֵן בְּעֵינֶיךָ אֲנִי וְעַמְּךָ הֲלוֹא בְּלֶכְתְּךָ עִמָּנוּ וְנִפְלִינוּ אֲנִי וְעַמְּךָ מִכָּל־הָעָם אֲשֶׁר עַל־פְּנֵי הָאֲדָמָה „*вѣдь изъ чего именно будетъ вѣдомо, что я и народъ Твой обрѣли милость въ очахъ Твоихъ? конечно, когда Ты пойдешь съ нами; и я и народъ Твой будемъ отдѣлены отъ всего люда, находящагося на лицѣ земли*“. Отсюда они хотятъ, я говорю, вывести, что Моисей просилъ у Бога, чтобы Онъ находился съ іудеями и пророчески открывалъ имъ себя, а потомъ чтобы эту милость Онъ не оказывалъ никакой другой націи. Смѣшно конечно, что Моисей завидовалъ язычникамъ изъ-за присутствія Бога, или что онъ осмѣлился просить у Бога чего-то подобнаго. Но суть дѣла въ слѣдующемъ: послѣ того какъ Моисей узналъ непокорный характеръ и духъ своего народа, онъ ясно увидѣлъ, что они безъ величайшихъ чудесъ и особливой внѣшней помощи Божіей не могутъ выполнить начатыхъ

40.

41.

дѣлъ; даже напротивъ, что они безъ такой помощи необходимо погибнутъ. Поэтому чтобы было очевидно, что Богъ желаетъ ихъ сохранить, онъ и просилъ объ этой особенной внѣшней помощи Божіей. Въ гл. 34, ст. 9 онъ, вѣдь, такъ говоритъ: *„если я обрѣлъ милость предъ очами Твоими, Господи, то прошу, чтобы Господь шелъ съ нами,*
42. *потому что народъ этотъ жестоковыйный и проч.“*. Итакъ основаніе, почему онъ проситъ объ особенной внѣшней помощи Божіей, заключается въ томъ, что народъ былъ непокоренъ; но что еще яснѣе показываетъ, что Моисей ни о чемъ кромѣ этой особливой внѣшней помощи Божіе не просилъ, такъ это самый отвѣтъ Бога; Онъ, вѣдь, тотчасъ отвѣтилъ (ст. 20 той же главы): *„вотъ Я поставляю завѣтъ предъ всѣмъ народомъ твоимъ, что Я совершу удивительныя дѣла, какихъ не совершалось ни на всей землѣ, ни во всѣхъ языкахъ и проч.“*. Значитъ, Моисей здѣсь хлопочетъ только объ избраніи евреевъ въ томъ смыслѣ, какъ я его
43. объяснилъ, и ничего другого не просилъ отъ Бога. Впрочемъ въ посланіи Павла къ Римлянамъ я нахожу другой текстъ, болѣе поражающій меня, именно въ гл. 3, ст. 1, 2; тамъ Павелъ, повидимому, учитъ другому, нежели мы здѣсь; онъ вѣдь говоритъ: *„итакъ какое преимущество у іудея? или какая польза отъ обрѣзанія? Великая во всѣхъ отношеніяхъ; первѣе всего, вѣдь, въ томъ, что іудею были ввѣрены словеса Божіи“*. Но если мы вникнемъ въ ученіе Павла, которому онъ желаетъ главнымъ образомъ научить, то мы не найдемъ ничего, что противорѣчило бы этому нашему ученію; напротивъ, онъ желаетъ научить тому же самому, чему и мы здѣсь; вѣдь, въ 29 ст. той же главы онъ говоритъ, что Богъ есть Богъ какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ, а въ гл. 2, ст. 25, 26: *„если обрѣзанный отступилъ*

бы отъ закона, то сдѣланное обрѣзаніе станетъ необрѣзаніемъ и, наоборотъ, если необрѣзанный сохранилъ бы заповѣдь закона, то его необрѣзаніе вмѣняется въ обрѣзаніе". Потомъ въ ст. 9 гл. 3 и ст. 15, гл. 4 онъ говоритъ, 44.
что „*всѣ, то есть іудеи и язычники, одинаково были подъ грѣхомъ; грѣхъ же безъ заповѣди и закона не существуетъ*" [1]). Поэтому отсюда весьма ясно видно, что законъ, подъ которымъ всѣ жили, абсолютно для всѣхъ былъ открытъ (что мы и выше изъ гл. 28, ст. 28 Іова показали), именно законъ, касающійся только истинной добродѣтели, а не той, которая устанавливается сообразно основанію и строю какого-нибудь отдѣльнаго государства и приспособляется къ характеру одной націи. Наконецъ, заключаетъ 45.
Павелъ [2]), такъ какъ Богъ есть Богъ всѣхъ народовъ, то есть, Онъ ко всѣмъ одинаково милостивъ, и всѣ одинаково были подъ закономъ и грѣхомъ, то поэтому Богъ послалъ своего Христа всѣмъ народамъ, чтобы онъ всѣхъ одинаково освободилъ отъ рабства закона, дабы они впредь поступали хорошо не по заповѣди закона, а вслѣдствіе твердаго рѣшенія духа. Такимъ образомъ Павелъ учитъ точь
въ точь тому же, что̀ и мы утверждаемъ. Слѣдовательно, 46.
когда онъ говоритъ, что только іудеямъ были ввѣрены словеса Божіи, то это или нужно понимать такъ, что только имъ были вѣренны законы изложенные письменно, остальнымъ же народамъ они даны только въ одномъ Откровеніи и понятіяхъ, или же нужно говорить, что Павелъ (такъ какъ онъ старается опровергнуть то, что̀ только іудеи могли возразить) отвѣчаетъ сообразно съ пониманіемъ и мнѣніями іудеевъ, усвоенными въ то время; ибо уча тому,

[1]) См. къ Римл. 4, 15; гл. 3, 20.
[2]) См. къ Римл. 3, 21 и сл.

что онъ отчасти видѣлъ, отчасти слышалъ, онъ былъ съ
47. греками грекъ, а съ іудеями іудей. Теперь остается только
отвѣтить на доводы нѣкоторыхъ людей, которыми они же-
лаютъ убѣдить себя въ томъ, что избраніе евреевъ было
не временное и не въ отношеніи только государства, но вѣч-
ное. Ибо, говорятъ они, мы видѣли, что іудеи послѣ разгрома
государства, будучи разбросаны всюду и отдѣлены въ про-
долженіе столькихъ лѣтъ отъ всѣхъ народовъ, сохранились,
чего ни съ какой другой націей не случилось; потомъ, что
Священное Писаніе во многихъ мѣстахъ, повидимому, учитъ,
что Богъ избралъ себѣ іудеевъ на вѣки, и потому хотя они
и потеряли государство, тѣмъ не менѣе однако остаются из-
48. бранниками Божіими. Мѣста, которыя, по ихъ мнѣнію, учатъ
этому вѣчному избранію какъ нельзя яснѣе, суть главнымъ
образомъ во I) ст. 36, гл. 32 Іереміи *), гдѣ пророкъ сви-
дѣтельствуетъ, что сѣмя Израиля на вѣки останется наро-
домъ Божіимъ, сравнивая ихъ именно съ неизмѣннымъ по-
рядкомъ небесъ и природы; во II) Іезекіиля гл. 20, ст. 32 и
проч., гдѣ, кажется, пророкъ хочетъ сказать, что хотя іудеи
ревностно желаютъ отстать отъ почитанія Бога, Богъ
однако соберетъ ихъ изъ всѣхъ странъ, въ которыхъ они
были разсѣяны, и поведетъ въ пустыню народовъ, какъ
повелъ отцевъ ихъ въ пустыни Египта, и наконецъ оттуда,
отдѣливши ихъ отъ мятежниковъ и отступниковъ, поведетъ
ихъ къ горѣ своей святости, гдѣ вся семья Израиля
49. почтетъ его. Кромѣ этого и другія мѣста обыкновенно
приводятся, особенно фарисеями, но я думаю, что удовле-
творю всѣхъ, если отвѣчу и на эти два мѣста. Это я сдѣ-
лаю довольно легко, послѣ того какъ покажу изъ самого

*) Сличи гл. 33, ст. 25, 26.

Писанія, что Богъ не избиралъ евреевъ на вѣки, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, подъ какимъ избралъ раньше ханаанитянъ. Они тоже, какъ мы выше показали, имѣли первосвященниковъ, свято почитавшихъ Бога, и однако Богъ отвергъ ханаанитянъ вслѣдствіе ихъ роскоши, нерадѣнія и плохого благочестія. Моисей въ книгѣ Левитъ гл. 18, ст. 50.
27, 28 напоминаетъ, вѣдь, израильтянамъ, чтобы они не осквернялись кровосмѣшеніемъ подобно ханаанитянамъ, дабы земля не извергла ихъ, какъ она извергнула тѣ народы, которые населяли тѣ мѣста. И во Второзак. гл. 8, ст. 19, 20 онъ угрожаетъ имъ въ самыхъ выразительныхъ словахъ общею гибелью. Онъ, вѣдь, говоритъ такъ: הַעִדֹתִי בָכֶם הַיּוֹם כִּי אָבֹד תֹּאבֵדוּן כַּגּוֹיִם אֲשֶׁר יְהוָה מַאֲבִיד מִפְּנֵיכֶם כֵּן תֹּאבֵדוּן „*свидѣтельствую вамъ сегодня, что вы совершенно погибнете; погибнете такъ же, какъ народы, которыхъ Богъ заставляетъ гибнуть отъ вашего присутствія*“. И подобнымъ образомъ въ Законѣ находятся другія мѣста, выразительно указывающія, что Богъ не безусловно и не на вѣки избралъ еврейскій народъ. Такимъ образомъ легко 51.
убѣдиться, что если пророки и предсказывали имъ о новомъ и вѣчномъ завѣтѣ познанія любви и милости Божіей, то это обѣщается только благочестивымъ, ибо въ той же главѣ Іезекіиля, которую мы только что цитовали, выразительно говорится, что Богъ отдѣлитъ отъ нихъ мятежниковъ и отступниковъ *), а у Софоніи въ гл. 3, ст. 12, 13,— что Богъ извергнетъ гордыхъ изъ среды и оставитъ бѣдныхъ, и такъ какъ это избраніе касается истинной добродѣтели, то не слѣдуетъ полагать, что оно было обѣщано благочестивымъ только изъ іудеевъ, устраняя прочихъ, но не-

*) Іезек. 20, 38.

премѣнно нужно думать, что языческіе истинные пророки (которыхъ, какъ мы показали, имѣли всѣ націи) также обѣщали это избраніе вѣрнымъ изъ своего народа и утѣшали
52. ихъ имъ. Посему этотъ вѣчный завѣтъ познанія Бога и любви къ нему—всеобщій, какъ весьма ясно видно тоже изъ гл. 3, ст. 10, 11 Софоніи, а потому въ этомъ отношеніи не должно допускать никакого различія между іудеями и язычниками, а слѣдовательно и иного, имъ лишь свойственнаго, избранія кромѣ того, которое мы уже показали. А что пророки, говоря объ этомъ избраніи, касающемся только истинной добродѣтели, прибавляютъ многое о жертвоприношеніяхъ и другихъ церемоніяхъ, о возобновленіи храма и города, то они, согласно съ практикой и природой пророчества, желали изъяснять духовные предметы въ такихъ образахъ, чтобы они въ то же время указывали іудеямъ, пророками которыхъ они были, на возстановленіе государства и храма, котораго слѣдовало ожидать во времена
53. Кира. Поэтому въ настоящее время у іудеевъ нѣтъ ровно ничего, что они могли бы приписать себѣ какъ преимущество передъ всѣми націями. Что же касается того, что они, будучи разсѣяны и не составляя государства, въ продолженіе столькихъ лѣтъ сохранились, то это нисколько неудивительно, послѣ того какъ они на столько обособились отъ всѣхъ націй, что возбудили къ себѣ ненависть всѣхъ, и притомъ не только внѣшними обрядами, противоположными обрядамъ другихъ націй, но и признакомъ обрѣзанія, который они добросовѣстно соблюдаютъ. А что ихъ очень сохраняетъ ненависть націй, это подтвердилъ теперь опытъ.
54. Когда недавно испанскій король принуждалъ іудеевъ принять религію государства или отправиться въ изгнаніе, то весьма многіе іудеи приняли религію папъ; но такъ какъ

принявшимъ религію были предоставлены всѣ привилегіи природныхъ испанцевъ, и притомъ они были признаны достойными занимать всѣ почетныя должности, то вскорѣ они такъ смѣшались съ испанцами, что спустя короткое время отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ и никакого воспоминанія. Но совершенно обратное случилось съ тѣми, которыхъ португальскій король принудилъ принять религію его государства. Они хотя и перемѣнили религію, жили всегда обособленно отъ всѣхъ, потому именно, что король объявилъ ихъ недостойными занимать всѣ почетныя должности. Въ этомъ дѣлѣ, я думаю, знакъ обрѣзанія на столько 55.
могущественъ, что по моему убѣжденію онъ одинъ сохранитъ эту націю на вѣки; даже болѣе, если бы основы ихъ религіи не дѣлали характеръ ихъ женоподобнымъ, я вполнѣ былъ бы увѣренъ, что они когда-нибудь при удобномъ случаѣ (человѣческія дѣла весьма измѣнчивы) опять возстановятъ свое государство, и что Богъ снова ихъ изберетъ. Прекрасный примѣръ этому мы имѣемъ въ китайцахъ, ко- 56.
торые тоже какую-нибудь косу на головѣ свято сохраняютъ, чѣмъ выдѣляются отъ всѣхъ другихъ. Выдѣлившись такимъ образомъ, китайцы сохранили себя въ продолженіе стольких тысячъ лѣтъ, что древностью они далеко превосходятъ всѣ остальные народы; и они не всегда удерживали государство, однако снова возстановляли его послѣ потери и, безъ сомнѣнія, опять возстановятъ, лишь только мужество татаръ начнетъ ослабѣвать вслѣдствіе матеріальной роскоши и безпечности. Наконецъ, если бы кто захотѣлъ 57.
защищать положеніе, что іудеи вслѣдствіе той или другой причины были избраны Богомъ на вѣки, то я не буду ему противорѣчить, если только онъ утверждаетъ, что это избраніе, временное ли, или вѣчное, на сколько оно при-

надлежитъ только іудеямъ, касается лишь государства и тѣлесныхъ удобствъ (такъ какъ только это можетъ отличать одну націю отъ другой); но что въ отношеніи разума и истинной добродѣтели ни одна нація отъ другой не отличается, и стало быть, въ отношеніи къ этимъ вещамъ ни одна предпочтительно передъ другой не избирается Богомъ.

Глава IV.

О божественномъ законѣ.

Слово законъ, взятое въ абсолютномъ смыслѣ, означаетъ то, что заставляетъ каждаго индивидуума или всѣхъ или нѣсколькихъ одного и того же вида дѣйствовать однимъ и тѣмъ же извѣстнымъ и опредѣленнымъ образомъ; а это зависитъ или отъ естественной необходимости или отъ людскаго соизволенія. Законъ зависящій отъ естественной необходимости есть тотъ, который необходимо слѣдуетъ изъ самой природы или опредѣленія вещи; законъ же зависящій отъ людскаго соизволенія, и называемый удачнѣе правомъ, есть тотъ, который люди предписываютъ себѣ и другимъ, чтобы безопаснѣе и удобнѣе жить или по другимъ причинамъ. Напримѣръ, то, что всѣ тѣла, сталкиваясь съ другими меньшими, теряютъ въ своемъ движеніи столько, сколько сообщаютъ его другимъ, есть всеобщій законъ всѣхъ тѣлъ, вытекающій изъ необходимости природы. Точно также и то, что человѣкъ, когда вспоминаетъ о какой-нибудь вещи, тотчасъ вспоминаетъ и другую, которая похожа на нее, или отъ которой онъ получилъ воспріятіе въ одно время съ первою, есть законъ 2.

необходимо вытекающій изъ человѣческой природы. А что
люди поступаются своимъ правомъ, которое они имѣютъ
отъ природы, или ихъ принуждаютъ поступаться имъ, и
они обязываются жить извѣстнымъ образомъ, то это зави-
3. ситъ отъ людскаго соизволенія. И хотя я безусловно допу-
скаю, что все согласно всеобщимъ законамъ природы опре-
дѣляется къ существованію и дѣйствію извѣстнымъ и опре-
дѣленнымъ образомъ, тѣмъ не менѣе однако я говорю, что
эти законы зависятъ отъ соизволенія людей I) потому, что
человѣкъ, поскольку онъ есть часть Природы, постольку
составляетъ и часть могущества Природы; стало быть, что
вытекаетъ изъ необходимости человѣческой натуры, то
есть изъ самой Природы, поскольку мы понимаемъ ее опре-
дѣленною посредствомъ человѣческой натуры, то хотя и
необходимо, однако изъ человѣческаго могущества выте-
каетъ; поэтому можно отлично сказать, что санкція этихъ
законовъ зависитъ отъ изволенія людей, потому что она
отъ могущества человѣческой души зависитъ главнымъ
образомъ такъ, что послѣдняя, поскольку она познаетъ
вещи съ точки зрѣнія истиннаго и ложнаго, и безъ этихъ
законовъ тѣмъ не менѣе весьма ясно можетъ быть пони-
маема; но не безъ необходимаго закона, какъ мы его сей-
4. часъ опредѣлили. II) я сказалъ, что эти законы зависятъ
отъ соизволенія людей еще и потому, что мы должны опре-
дѣлять и объяснять вещи посредствомъ ближайшихъ ихъ
причинъ, и пресловутое общее разсужденіе о судьбѣ и связи
причинъ мало можетъ послужить намъ для образованія и
упорядоченія нашихъ мыслей объ отдѣльныхъ вещахъ.
Прибавьте еще, что мы совершенно не знаемъ самаго рас-
предѣленія и связи вещей, то есть не знаемъ, какимъ обра-
зомъ вещи распредѣлены и связаны въ дѣйствительности;

поэтому для житейской практики лучше, даже необходимо,
разсматривать вещи какъ возможныя. Это о законѣ раз-
сматриваемомъ абсолютно. Но такъ какъ слово законъ при- 5.
лагается къ естественнымъ вещамъ, повидимому, въ пере-
носномъ смыслѣ, и подъ закономъ обыкновенно понимается
не что иное какъ приказаніе, которое люди могутъ и испол-
нить и пренебречь на томъ основаніи именно, что онъ
сдерживаетъ человѣческую мощь въ извѣстныхъ предѣлахъ,
за которые она стремится перейти, и не приказываетъ чего-
нибудь сверхъ силъ; поэтому законъ должно, кажется,
опредѣлить тѣснѣе, именно, что онъ есть образъ жизни,
предписываемый человѣкомъ себѣ или другимъ ради какой-
нибудь цѣли. А такъ какъ истинная цѣль законовъ обык- 6.
новенно ясна только для немногихъ, и большинство людей
почти неспособно понять ее и живетъ менѣе всего согласно
съ разумомъ, то поэтому законодатели, чтобы одинаково
сдерживать всѣхъ, мудро поставили другую цѣль весьма
отличную отъ той, которая необходимо слѣдуетъ изъ при-
роды законовъ, именно: они пообѣщали поборникамъ зако-
новъ то, что толпа больше всего любитъ, и, наоборотъ,
пригрозили нарушителямъ ихъ тѣмъ, чего она больше всего
боится; этимъ они старались сдержать толпу точно ло-
шадь уздою, насколько это возможно. Отсюда произошло 7.
то, что за законъ больше всего считали образъ жизни,
предписываемый людямъ по повелѣнію другихъ, а слѣдо-
вательно и то, что о повинующихся законамъ говорятъ,
что они живутъ подъ закономъ и кажутся его слугами. А
на самомъ дѣлѣ, кто воздаетъ всякому свое потому, что
онъ боится висѣлицы, тотъ дѣйствуетъ принужденно вслѣд-
ствіе приказанія другого лица подъ опасеніемъ кары и не
можетъ называться справедливымъ; напротивъ, кто воздаетъ

всякому свое вслѣдствіе того, что знаетъ истинное основаніе законовъ и ихъ необходимость, тотъ дѣйствуетъ съ твердостію духа и по собственному, а не по чужому рѣше-
8. нію, и потому заслуженно называется справедливымъ. Этому же, я думаю, и Павелъ желалъ учить, сказавъ, что тѣ, которые жили подъ закономъ, не могли оправдаться чрезъ законъ *); справедливость вѣдь, какъ она обыкновенно опредѣляется, есть твердая и постоянная воля признавать за каждымъ его право; и потому Соломонъ въ гл. 21, ст. 15 Притчей говоритъ, что справедливый радуется, когда соблюдается справедливость, несправедливые же страшатся.
9. Итакъ, коль скоро законъ есть не что иное какъ образъ жизни, который люди предписываютъ себѣ или другимъ ради какой-нибудь цѣли, то поэтому законъ должно, кажется, раздѣлить на человѣческій и божественный; подъ человѣческимъ закономъ я понимаю образъ жизни, который служитъ только для охраненія жизни и государства; подъ божественнымъ же тотъ, который имѣетъ цѣлью только высшее благо, то есть истинное познаніе Бога и любовь къ Нему. Основаніе, почему я называю этотъ законъ божественнымъ, кроется въ природѣ высшаго блага, которую я здѣсь вкратцѣ и, на сколько смогу, ясно сейчасъ покажу.
10. Такъ какъ лучшая часть въ насъ есть разумъ, то несомнѣнно, что мы, если дѣйствительно желаемъ искать пользы для себя, должны больше всего стараться о совершенствованіи его, насколько возможно; ибо въ его усовершенствованіи должно состоять высшее наше благо. Далѣе, такъ какъ все наше познаніе и достовѣрность, дѣйствительно устраняющая всякое сомнѣніе, зависитъ только отъ позна-

*) Къ Римл. 3, 20.

нія Бога (какъ потому, что безъ Бога ничто не можетъ существовать и быть понимаемо, такъ и потому, что во всемъ мы можемъ сомнѣваться, пока у насъ нѣтъ никакой ясной и отчетливой идеи о Богѣ), то отсюда слѣдуетъ, что высшее наше благо и совершенство зависятъ только отъ познанія Бога и проч. Затѣмъ, такъ какъ ничто безъ Бога 11.
не можетъ ни существовать, ни быть понимаемо, то несомнѣнно, что все, что есть въ природѣ, заключаетъ въ себѣ и выражаетъ понятіе о Богѣ, смотря по своей сущности и своему совершенству, и потому чѣмъ болѣе мы познаемъ естественныя вещи, тѣмъ большее и совершеннѣйшее познаніе о Богѣ пріобрѣтаемъ; или (такъ какъ познаніе дѣйствія чрезъ причину есть не что иное, какъ познаніе какого-нибудь свойства причины) чѣмъ болѣе мы познаемъ естественныя вещи, тѣмъ совершеннѣе познаемъ сущность Бога (которая составляетъ причину всѣхъ вещей). И поэтому 12.
все наше познаніе, то есть высшее наше благо, не только зависитъ отъ познанія Бога, но въ немъ всецѣло и состоитъ. Это слѣдуетъ также изъ того, что и человѣкъ, смотря по природѣ и совершенству вещи, которую онъ любитъ предпочтительно предъ остальными, становится тѣмъ совершеннѣе и наоборотъ; стало быть, тотъ необходимо наиболѣе совершененъ и наиболѣе всего причастенъ высшему блаженству, кто разумное знаніе о Богѣ, существѣ дѣйствительно самомъ совершенномъ, любитъ больше всего и испытываетъ отъ этого знанія высшее удовольствіе. Вотъ къ чему такимъ образомъ сводится наше высшее благо и наше блаженство, именно къ познанію Бога и любви къ Нему. Слѣдовательно средства, которыхъ требуетъ эта цѣль всѣхъ 13.
человѣческихъ дѣйствій, то есть самъ Богъ, поскольку въ насъ есть идея о Немъ, могутъ быть названы повелѣніями

Божіими, потому что они предписываются намъ какъ бы самимъ Богомъ, поскольку онъ существуетъ въ нашей душѣ; и потому образъ жизни, ведущей къ этой цѣли, весьма хорошо называютъ закономъ Божіимъ. Но каковы эти средства и каковъ образъ жизни, котораго эта цѣль требуетъ, и какимъ образомъ основы наилучшаго государства и образъ жизни среди людей достигаютъ ее, все это относится къ всеобщей этикѣ. Здѣсь я буду разсуждать о божественномъ законѣ только вообще.

14. Итакъ коль скоро любовь къ Богу есть высшее счастіе и блаженство для человѣка, послѣдній конецъ и цѣль всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, то отсюда слѣдуетъ, что тотъ только слѣдуетъ божественному закону, кто старается любить Бога не изъ боязни наказанія и не изъ любви къ другой вещи, напр. удовольствіямъ, славѣ и проч., но только потому, что онъ знаетъ Бога, или что онъ знаетъ, что по-
15. знаніе о Богѣ и любовь къ Нему есть высшее благо. Итакъ суть божественнаго закона и его главное правило заключается въ томъ, чтобы любить Бога какъ высшее благо, именно, какъ мы уже сказали, не изъ страха предъ какимъ-либо взысканіемъ и наказаніемъ и не изъ любви къ другой вещи, которой мы желаемъ наслаждаться; идея о Богѣ говоритъ вѣдь о томъ, что Богъ есть высшее наше благо или что познаніе Бога и любовь къ Нему есть послѣдняя цѣль, къ которой должны направляться всѣ наши
16. дѣйствія. Однако плотскій человѣкъ не можетъ понять этого, ему кажется это суетностью, потому что онъ обладаетъ слишкомъ скуднымъ познаніемъ о Богѣ, а также и потому, что онъ въ этомъ высшемъ благѣ не находитъ ничего, что можно было бы осязать, съѣсть или, наконецъ, что могло бы вызвать плотскія удовольствія, которыми онъ больше

всего наслаждается, не можетъ потому собственно, что
это благо состоитъ только въ размышленіи и душевной
чистотѣ. Но кто знаетъ, что у него нѣтъ ничего лучше
разума и здраваго смысла, тотъ, безъ сомнѣнія, сочтетъ
это благо самымъ существеннымъ. Итакъ мы объяснили 17.
въ чемъ, главнымъ образомъ, состоитъ божественный за-
конъ и каковы суть человѣческіе законы; они именно всѣ
тѣ, которые намѣчаютъ какую-нибудь цѣль, если не были
освящены вслѣдствіе Откровенія, ибо при такомъ взглядѣ
вещи также относятся къ Богу (какъ выше мы показали),
и въ этомъ смыслѣ Моисеевъ законъ, хотя онъ былъ и не
всеобщій, но въ высшей степени приноровленный къ харак-
теру и особому сохраненію одного народа, можетъ однако
быть названъ закономъ Бога или божественнымъ закономъ,
такъ какъ мы вѣримъ, что онъ былъ освященъ пророче-
скимъ свѣтомъ. Если мы теперь обратимъ вниманіе на при- 18.
роду естественнаго божественнаго закона, какъ мы его сей-
часъ объяснили, то увидимъ: I) что онъ универсаленъ или
общій всѣмъ людямъ; его вѣдь мы вывели изъ природы
человѣка вообще; II) что онъ не нуждается въ вѣрѣ въ
историческіе разсказы, каковы бы они ни были въ концѣ
концовъ; ибо коль скоро этотъ естественный божествен-
ный законъ уразумѣвается только изъ анализа человѣче-
ской природы, то несомнѣнно, что мы можемъ усмотрѣть
его какъ въ Адамѣ, такъ и во всякомъ другомъ человѣкѣ,
какъ въ человѣкѣ живущемъ среди людей, такъ и въ че-
ловѣкѣ, ведущемъ уединенную жизнь. И вѣра въ истори- 19
ческіе разсказы, какъ бы она сильна ни была, не можетъ
намъ дать познанія о Богѣ, а также слѣдовательно и любви
къ Нему; любовь къ Богу возникаетъ вѣдь изъ познанія о
Немъ; познаніе же о Немъ должно почерпаться изъ общихъ

понятій, которыя не подлежать сомнѣнію и извѣстны сами по себѣ. Поэтому далеко не правда, что вѣра въ историческіе разсказы есть необходимое требованіе для достиженія высшаго нашего блага. Но хотя вѣра въ историческіе разсказы не можетъ дать намъ познанія о Богѣ и любви къ Нему, однако мы не отрицаемъ, что чтеніе ихъ весьма полезно въ отношеніи гражданской жизни; вѣдь чѣмъ болѣе мы будемъ наблюдать и лучше знать нравы и положеніе людей, познаваемые лучше всего изъ ихъ дѣйствій, тѣмъ осторожнѣе мы будемъ жить среди людей, и тѣмъ лучше будемъ въ состояніи приспособлять наши дѣйствія и жизнь къ ихъ характеру, насколько это дозволяетъ разумъ;
20. III) видимъ, что этотъ естественный божественный законъ не нуждается въ религіозныхъ обрядахъ, то есть, въ дѣйствіяхъ самихъ по себѣ безразличныхъ и называющихся хорошими только потому, что они установлены, или представляющихъ какое-нибудь благо, необходимое для спасенія, или, если угодно, въ дѣйствіяхъ, смыслъ которыхъ превосходитъ человѣческое разумѣніе. Естественный Свѣтъ вѣдь не требуетъ ничего такого, до чего самъ свѣтъ не касается; но онъ требуетъ только того, что самымъ яснымъ образомъ можетъ показать намъ, что̀ есть благо или средство для нашего блаженства. Что же хорошо только вслѣдствіе заповѣди и постановленія или потому, что оно служитъ символомъ какого-нибудь блага, то не можетъ усовершенствовать нашъ разумъ; оно есть не что иное какъ голая тѣнь, и не можетъ считаться въ числѣ дѣйствій, которыя суть какъ бы дѣтища или плоды разума и здраваго смысла. Показывать это обстоятельнѣе здѣсь нѣтъ надоб-
21. ности; IV) наконецъ, мы видимъ, что высшая награда за божественный законъ есть самъ законъ, именно познаніе Бога

и любовь къ Нему совершенно свободная, отъ всего сердца и постоянная; наказаніе же состоитъ въ лишеніи этого блага и рабствѣ плоти или въ душевномъ непостоянствѣ и колебаніи.

Замѣтивъ такимъ образомъ это, должно теперь изслѣ- 22.
довать: I) можемъ ли мы благодаря Естественному Свѣту мыслить о Богѣ какъ о законодателѣ или властителѣ, предписывающемъ людямъ законы; II) чему учитъ Священное Писаніе относительно этого Естественнаго Свѣта и закона; III) для какой цѣли были установлены когда-то религіозные обряды; IV) наконецъ, насколько важно знать священную исторію и вѣрить ей? Первые два вопроса я разберу въ этой главѣ, послѣдніе же два въ слѣдующей.

Должное рѣшеніе перваго вопроса легко выводится 23.
изъ природы воли Бога, которая отличается отъ разума Бога только въ отношеніи къ нашему уму, то есть воля Бога и разумъ Бога въ дѣйствительности сами по себѣ суть одно и то же, и различаются только по отношенію къ нашимъ сужденіямъ, которыя мы образуемъ о разумѣ Бога, Напримѣръ, когда мы обращаемъ вниманіе только на то 24.
что природа треугольника отъ вѣчности содержится въ божественной природѣ какъ вѣчная истина, тогда мы говоримъ, что у Бога есть идея о треугольникѣ или Онъ понимаетъ природу треугольника. Но когда затѣмъ мы обращаемъ вниманіе на то, что природа треугольника содержится въ божественной природѣ такимъ образомъ только вслѣдствіе необходимости божественной природы, а не вслѣдствіе необходимости сущности и природы треугольника, даже болѣе, что необходимость сущности и свойствъ треугольника, поскольку и они мыслятся какъ вѣчныя истины, зависитъ только отъ необходимости божественной при-

роды и разума, а не отъ природы треугольника, тогда то самое, что мы назвали разумомъ Бога, мы называемъ во-
25. лею или рѣшеніемъ Бога. Поэтому по отношенію къ Богу мы утверждаемъ одно и то же, когда говоримъ, что Богъ отъ вѣчности рѣшилъ и захотѣлъ, что три угла треугольника равны двумъ прямымъ, или что это самое Богъ понялъ. Отсюда слѣдуетъ, что утвержденія и отрицанія Бога всегда заключаютъ въ себѣ вѣчную необходимость или
26. истину. Такимъ образомъ если, напримѣръ, Богъ сказалъ Адаму *), что Онъ не хочетъ, чтобы Адамъ вкусилъ отъ древа познанія добра и зла, то положеніе, что Адамъ можетъ вкусить отъ того древа, содержало бы противорѣчіе и потому было бы невозможно, чтобы Адамъ вкусилъ отъ древа; ибо то божественное рѣшеніе должно было содержать въ себѣ вѣчную необходимость и истину. Но такъ какъ Писаніе разсказываетъ однако, что Богъ предписалъ это Адаму, и Адамъ тѣмъ не менѣе вкусилъ отъ древа, то необходимо слѣдуетъ сказать, что Богъ открылъ Адаму только зло, которое необходимо воспослѣдуетъ для него, если онъ вкуситъ отъ того древа, но не открылъ необходи-
27. мости слѣдованія тому злу. Вслѣдствіе этого Адамъ воспринялъ то Откровеніе не какъ вѣчную и необходимую истину, но какъ законъ, то есть, какъ постановленіе, которое влечетъ за собою выгоду или вредъ не вслѣдствіе необходимости и природы выполненнаго дѣйствія, но благодаря только хотѣнію и безусловному господству какого-нибудь властелина. Поэтому только по отношенію къ Адаму и лишь ради недостаточности его познанія это Откровеніе было закономъ, а Богъ какъ бы законодателемъ или госу-

*) Быт. 2, 17.

даремъ. По этой же причинѣ, то есть вслѣдствіе недостаточности познанія, десятисловіе только по отношенію къ евреямъ было закономъ; потому что они, не зная о существованіи Бога какъ о вѣчной истинѣ, должны были воспринять какъ законъ то, что имъ было открыто въ десятисловіи, именно, что Богъ существуетъ и что только Бога должно почитать; а если бы Богъ говорилъ имъ непосредственно, не употребляя никакихъ вещественныхъ средствъ, то они восприняли бы то же самое не какъ законъ, но какъ вѣчную истину. 28.

И что мы сказали объ израильтянахъ и Адамѣ, то же должно сказать и о всѣхъ пророкахъ, писавшихъ законы отъ имени Бога, именно, что они воспринимали рѣшенія Бога не адэкватно, не какъ вѣчныя истины; напримѣръ, и о самомъ Моисеѣ должно сказать, что онъ изъ Откровенія или изъ основъ, открытыхъ ему, воспринялъ способъ, которымъ израильскій народъ въ извѣстной странѣ міра можетъ лучше всего объединиться и образовать цѣльное общество или создать государство; потомъ воспринялъ также способъ, которымъ лучше всего можно было привести тотъ народъ къ повиновенію, но онъ не воспринялъ и ему не было открыто, что этотъ способъ есть самый лучшій, а также и то, что общимъ повиновеніемъ народа въ той странѣ міра необходимо достиглась бы цѣль, къ которой они стремились. Вслѣдствіе этого онъ воспринялъ все это не какъ вѣчныя истины, но какъ правила и постановленія, и предписалъ ихъ какъ законы Бога, а отсюда произошло, что онъ вообразилъ Бога правителемъ, законодателемъ, царемъ, милосерднымъ, справедливымъ и проч., между тѣмъ какъ все это суть аттрибуты только человѣческой природы и отъ божественной природы они совершенно должны быть 29. 30.

устранены. Это, говорю, должно сказать только о пророкахъ, писавшихъ законы отъ имени Бога, но не о Христѣ.
31. О Христѣ вѣдь, хотя онъ, повидимому, тоже предписывалъ законы отъ имени Бога, должно однако думать, что онъ воспринималъ вещи истинно и адэкватно: ибо Христосъ былъ не столько пророкомъ, сколько устами Божіими. Богъ вѣдь чрезъ душу Христа (какъ въ 1 гл. мы показали *) открылъ нѣчто человѣческому роду подобно тому, какъ раньше открывалъ чрезъ ангеловъ, то есть посредствомъ созданнаго голоса, видѣній и проч. Вслѣдствіе этого утвержденіе, что Богъ приспособлялъ свои Откровенія къ мнѣніямъ Христа, было бы чуждо разуму, такъ же какъ и то, что раньше Богъ, чтобы сообщить пророкамъ вещи, подлежавшія Откровенію, приспособлялъ свои Откровенія къ мнѣніямъ ангеловъ, то есть, къ созданному голосу и видѣніямъ, нелѣпѣе чего, конечно, ничего нельзя было бы утверждать; въ особенности если Христосъ былъ посланъ научить не однихъ іудеевъ, но весь родъ человѣческій; стало быть, Христу не достаточно было приноравливать мысль только къ мнѣніямъ іудеевъ, но нужно было приноравливать ее къ мнѣніямъ и правиламъ общимъ всему человѣческому роду, то есть, къ общимъ и истиннымъ по-
32. нятіямъ. И конечно, изъ того, что Богъ открылъ себя Христу или душѣ его непосредственно, а не чрезъ слова и образы, какъ пророкамъ, мы ничего другаго не можемъ уразумѣть кромѣ того, что Христосъ воспринялъ или уразумѣлъ Откровенія истинно; вещь вѣдь тогда постигается, когда она усваивается чистою мыслью помимо словъ и образовъ. Итакъ Христосъ воспринималъ Откровенія истин-

*) См. гл. I, § 23, 24.

но и адэкватно. Слѣдовательно, если онъ когда-либо пред- 33.
писывалъ ихъ какъ законы, то дѣлалъ это вслѣдствіе на-
роднаго невѣжества и упорства. Въ этомъ случаѣ, значитъ,
онъ заступалъ мѣсто Бога, потому что приспосабливался
къ характеру народа, и потому хотя онъ говорилъ нѣ-
сколько яснѣе, чѣмъ остальные пророки, однако училъ
Откровеніямъ темно и часто посредствомъ сравненій; въ
особенности когда говорилъ тѣмъ, кому не дано еще было
понимать царство небесное (см. Матѳея гл. 13, ст. 10 и пр.).
А тѣхъ, кому дано было знать тайны небесъ, онъ, безъ 34.
сомнѣнія, училъ вещамъ какъ вѣчнымъ истинамъ, а не пред-
писывалъ ихъ какъ законы; въ этомъ отношеніи онъ, осво-
бодивъ ихъ отъ рабства закона, тѣмъ не менѣе еще болѣе
подтвердилъ и упрочилъ этимъ законъ и глубоко написалъ
его въ сердцахъ ихъ. На это, повидимому, и Павелъ ука-
зываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно: въ Посл. къ Римл.
гл. 7, ст. 6 и гл. 3, ст. 28. Впрочемъ и онъ также не хочетъ 35.
говорить прямо, но, какъ самъ говоритъ въ гл. 3, ст. 5 и
гл. 6, ст. 19 того же Посл., выражается человѣческимъ спо-
собомъ, о чемъ онъ выразительно говоритъ, когда назы-
ваетъ Бога справедливымъ, и, безъ сомнѣнія, тоже ради
немощи плоти онъ придаетъ Богу состраданіе, милость,
гнѣвъ и проч. и приноравливаетъ свои слова къ характеру
народа или (какъ самъ говоритъ въ гл. 3, ст. 1, 2 Посл.
1 къ Коринѳ.) плотскихъ людей. Ибо въ гл. 9, ст. 18 Посл. 36.
къ Римл. онъ безусловно учитъ, что гнѣвъ Бога и Его ми-
лосердіе зависятъ не отъ дѣлъ человѣческихъ, но только
отъ призванія Божія, то есть отъ воли; далѣе, что дѣлами
закона никто не оправдывается, но только вѣрою (см. Посл.
къ Римл. гл. 3, ст. 28), подъ которой онъ, конечно, разу-
мѣетъ не что иное, какъ полную душевную гармонію, и

наконецъ, что никто не дѣлается блаженнымъ, если не имѣетъ въ себѣ духа Христа (см. Посл. къ Римл. гл. 8, ст. 9), посредствомъ котораго именно онъ воспринимаетъ за-
37. коны Бога какъ вѣчныя истины. Итакъ мы заключаемъ, что Богъ только сообразно понятіямъ толпы и только вслѣдствіе дефекта въ мышленіи изображается какъ законодатель или властитель и называется справедливымъ, милосердымъ и проч., что въ дѣйствительности Богъ дѣйствуетъ и управляетъ всѣмъ только вслѣдствіе необходимости своей природы и совершенства, и наконецъ, что его рѣшенія и воленія суть вѣчныя истины и всегда заключаютъ въ себѣ необходимость. Вотъ то, что я рѣшилъ объяснить и показать въ первомъ пунктѣ.

38. Перейдемъ теперь ко второму пункту, пробѣжимъ священныя страницы и посмотримъ, чему они научаютъ относительно этого Естественнаго Свѣта и этого божественнаго закона. Первое, что намъ встрѣчается, есть именно исторія о первомъ человѣкѣ, въ которой разсказывается, [1]) что Богъ заповѣдалъ Адаму не вкушать отъ плодовъ древа познанія добра и зла; это, повидимому, означаетъ, что Богъ заповѣдалъ Адаму дѣлать добро и отыскивать его съ точки зрѣнія добра, а не поскольку оно противоположно злу, то есть отыскивать добро изъ любви къ добру, а не изъ боязни передъ зломъ. Вѣдь, какъ мы уже показали, кто дѣлаетъ добро вслѣдствіе истиннаго познанія добра и любви къ нему, тотъ поступаетъ свободно и съ душевной твердостью, а кто дѣйствуетъ изъ боязни передъ зломъ, тотъ дѣйствуетъ принуждаемый зломъ, какъ рабъ, и живетъ

---

[1]) Быт. 2, 17.

подъ господствомъ другого. И стало быть, одно то, что 39.
Богъ заповѣдалъ Адаму, заключаетъ въ себѣ весь естественный божественный законъ и абсолютно согласуется съ предписаніемъ Естественнаго Свѣта. Не трудно было бы объяснить всю эту исторію или параболу о первомъ человѣкѣ, исходя изъ этого основанія; но я предпочитаю лучше не дѣлать этого, отчасти потому, что не могу абсолютно быть увѣреннымъ въ томъ, что мое объясненіе согласуется съ мыслью автора, отчасти потому, что многіе не допускаютъ, что эта исторія есть парабола, но рѣшительно утверждаютъ, что она есть простой разсказъ. Слѣдовательно 40.
лучше будетъ привести другія мѣста Писанія, въ особенности тѣ, которыя были сказаны человѣкомъ, говорившимъ благодаря силѣ Естественнаго Свѣта, которымъ онъ превосходилъ всѣхъ мудрецовъ своего вѣка, и мнѣнія котораго народъ хранилъ столь же свято, какъ и пророческія. Я разумѣю Соломона, котораго не столько даръ пророчества и благочестіе прославляется въ Писаніи, сколько бла- 41.
горазумie и мудрость. Онъ въ своихъ притчахъ называетъ человѣческій разумъ источникомъ истинной жизни и полагаетъ несчастіе только въ глупости. Въ гл. 16., ст. 23. онъ вѣдь такъ говоритъ: מְקוֹר חַיִּים שֵׂכֶל בְּעָלָיו וּמוּסַר אֱוִלִים אִוֶּלֶת „*источникъ жизни* (есть) *разумъ своего господина,* [1]) *и наказаніе глупцамъ есть глупость*“. Здѣсь должно замѣтить, что подъ жизнью вообще въ еврейскомъ языкѣ разумѣется истинная жизнь, какъ видно изъ гл. 30,

[1]) Гебраизмъ. Кто имѣетъ какую-нибудь вещь или содержитъ ее въ своей натурѣ, тотъ называется господиномъ той вещи: такъ птица называется по еврейски господиномъ крыльевъ, потому что имѣетъ крылья; разумѣющій—господиномъ разума, потому что имѣетъ разумъ.

ст. 19 Второз. Итакъ плодъ разума заключается только въ истинной жизни, а наказаніе только въ лишеніи разума. Это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что мы замѣтили въ IV пунктѣ относительно естественнаго божественнаго закона [1]). А что этотъ источникъ жизни, или что одинъ разумъ, какъ мы тоже показали, предписываетъ мудрымъ законы, этому ясно учитъ тотъ же мудрецъ; въ гл. 13, ст. 14 онъ, вѣдь, говоритъ: תּוֹרַת חָכָם מְקוֹר חַיִּים *„законъ разумнаго* (есть) *источникъ жизни“*, то есть, разумъ, какъ видно изъ только
42. что приведеннаго текста. Далѣе, въ гл. 3, ст. 13 онъ въ весьма выразительныхъ словахъ учитъ, что разумъ дѣлаетъ человѣка блаженнымъ и счастливымъ и даетъ истинное спокойствіе духа. Ибо онъ говоритъ такъ: אַשְׁרֵי אָדָם מָצָא חָכְמָה ([2] וּבֶן אָדָם יָפִיק תְּבוּנָה וגו׳ : אֹרֶךְ יָמִים בִּימִינָהּ בְּשְׂמֹאולָהּ עשֶׁר וְכָבוֹד: דְּרָכֶיהָ דַרְכֵי־נֹעַם וְכָל־נְתִיבוֹתֶיהָ שָׁלוֹם *„Блаженъ человѣкъ, нашедшій знаніе, и сынъ человѣческій, пріобрѣвшій разумѣніе“*. И есть основаніе (какъ онъ продолжаетъ въ ст. 16, 17), потому что *„прямо оно даетъ долготу дней* [3]), *косвенно богатство и почетъ; пути его* (которые указываетъ именно знаніе) *пріятны и вся стези его миръ“*. Слѣдовательно и по мнѣнію Соломона только мудрые живутъ сохраняя душевное спокойствіе и постоянство, а не какъ нечестивцы, духъ которыхъ обуревается противоположными страстями и которые, стало быть, (какъ и Исаія говоритъ въ гл. 57, ст. 20) не имѣютъ ни мира, ни
43. покоя. Наконецъ, въ этихъ притчахъ Соломона мы въ особенности должны замѣтить тѣ, которыя имѣются во вто-

---

[1]) См. § 21.

[2]) Въ Масорет. текстѣ читается וְאָדָם

[3]) Гебраизмъ, означающій не что иное какъ жизнь.

рой главѣ. Онѣ какъ разъ подтверждаютъ наше мнѣніе всего яснѣе. Онъ вѣдь такъ начинаетъ 3 стихъ той же главы: כִּי אִם לַבִּינָה תִקְרָא לַתְּבוּנָה תִּתֵּן קוֹלֶךָ וגו׳: אָז תָּבִין יִרְאַת יְהוָה וְדַעַת אֱלֹהִים תִּמְצָא: כִּי־יְהוָה יִתֵּן חָכְמָה מִפִּיו דַּעַת וְתְבוּנָה *„Ибо если ты призовешь благоразуміе и разуму дашь твой голосъ* и проч., *тогда уразумѣешь боязнь передъ Господомъ и обрѣтешь познаніе о Богѣ* (или лучше любовь, потому что слово ידע [jadaa] означаетъ оба эти понятія), *ибо Богъ даетъ мудрость, изъ устъ Его* (исходитъ) *знаніе и благоразуміе“*. Этими словами онъ, конечно, весьма ясно показываетъ I), что только мудрость или разумъ научаетъ насъ мудро бояться Бога, то есть, почитать Его съ истиннымъ благоговѣніемъ. Потомъ онъ учитъ, что мудрость и знаніе исходитъ изъ устъ Бога и что Богъ даетъ ее; это и мы также выше показывали, именно, что нашъ разумъ и наше знаніе зависитъ, происходитъ и совершенствуется только отъ идеи или познанія о Богѣ. Затѣмъ въ ст. 9 онъ продолжаетъ учить въ весьма выразительныхъ словахъ, что это знаніе содержитъ въ себѣ истинное ученіе о нравственности и политикѣ и вытекаетъ изъ той идеи: אָז תָּבִין צֶדֶק וּמִשְׁפָּט וּמֵישָׁרִים כָּל־מַעְגַל־טוֹב *„тогда уразумѣешь справедливость и судъ и правоту и всякую стезю благую“* и, не довольствуясь этимъ, продолжаетъ: כִּי־תָבוֹא חָכְמָה בְלִבֶּךָ וְדַעַת לְנַפְשְׁךָ יִנְעָם : מְזִמָּה תִּשְׁמֹר עָלֶיךָ תְּבוּנָה תִּנְצְרֶכָּה *„когда знаніе внидетъ въ сердце твое, и мудрость будетъ тебѣ мила, тогда твоя предусмотрительность* [1]) *будетъ пещись*

44.

45.

---

[1]) מְזִמָּה *мезима* означаетъ собственно мышленіе, обсужденіе и бдительность.

46. *о тебѣ и благоразуміе будетъ охранять тебя*". Все это согласуется съ естественнымъ знаніемъ, ибо оно учитъ этикѣ и истинной добродѣтели, послѣ того какъ мы пріобрѣли познаніе о вещахъ и вкусили превосходство науки. Поэтому счастіе и спокойствіе того, кто изощряетъ естественный разумъ, и по мнѣнію Соломона больше всего зависятъ не отъ власти счастія (то есть внѣшней помощи Божіей), но отъ своей внутренней добродѣтели (или внутренней помощи Божіей), именно потому, что онъ больше всего сохраняетъ себя бодрствованіемъ, дѣятельностью и хоро-
47. шимъ размышленіемъ. Наконецъ, никоимъ образомъ нельзя здѣсь обойти мѣсто у Павла, которое находится въ гл. I, ст. 20 Посл. къ Римл., гдѣ (по переводу Тремеллія [1]) съ сирійскаго текста) онъ говоритъ такъ: *„вѣдъ тайны Бога отъ созданія міра въ твореніяхъ Его разумомъ усматриваются и сила и божественность Его, которая вѣчна, такъ что они*
48. *лишены отговорокъ*" [2]). Этимъ довольно ясно онъ показываетъ, что каждый при помощи Естественнаго Свѣта ясно понимаетъ силу и вѣчную божественность Бога, изъ которой люди могутъ узнать и вывести то, что имъ должно отыскивать или чего должно избѣгать, потому онъ и заключаетъ, что всѣ лишены отговорокъ и не могутъ извинять себя незнаніемъ; это, конечно, они могли бы сдѣлать, если бы онъ говорилъ о сверхъестественномъ свѣтѣ и о
49. плотскомъ страданіи и воскресеніи Христа и проч. И потому нѣсколько ниже, въ ст. 24, онъ такъ продолжаетъ:

---

[1]) См. прим. переводчика.

[2]) По гречески: *Τὰ γὰρ ἀόρατα αὐτοῦ ἀπὸ κτίσεως κόσμου τοῖς ποιήμασι νοούμενα καθορᾶται, ἥ τε ἀΐδιος αὐτοῦ δύναμις καὶ θειότης, εἰς τὸ εἶναι αὐτοὺς ἀναπολογήτους.*

„*поэтому предалъ ихъ Богъ въ нечистыхъ похотяхъ сердца ихъ*“ и проч. до конца главы; въ этихъ стихахъ онъ описываетъ пороки невѣжества и разсказываетъ о нихъ какъ о наказаніи за невѣжество. Это вполнѣ согласуется съ той притчей Соломона въ гл. 16, ст. 22, которую мы уже цитовали, именно: וּמוּסַר אֱוִלִים אִוֶּלֶת „*и наказаніе глупцамъ есть глупость*“. Поэтому не удивительно, если Павелъ 50.
говоритъ, что дѣлающіе зло—неизвинительны. Ибо, смотря потому какъ каждый сѣетъ, такъ онъ и жать будетъ; изъ зла, если оно мудро не исправляется, необходимо слѣдуетъ зло, а изъ добра, если оно сопровождается душевной твердостью, добро. Такимъ образомъ Писаніе безусловно рекомендуетъ Естественный Свѣтъ и естественный божественный законъ. Этимъ я и заканчиваю то, что предположилъ сдѣлать въ этой главѣ.

Глава V.

Объ основаніи, почему были установлены религіозные обряды и о вѣрѣ въ историческіе разсказы, именно: на какомъ основаніи и кому она необходима.

Въ предыдущей главѣ мы показали, что божественный законъ, дѣлающій людей истинно блаженными и научающій истинной жизни, есть общій для всѣхъ людей; мы даже такъ его вывели изъ человѣческой природы, что его должно считать врожденнымъ человѣческой душѣ и
2. какъ бы написаннымъ въ ней. А такъ какъ религіозные обряды, по крайней мѣрѣ тѣ, которые указываются въ Ветхомъ Завѣтѣ, были установлены только для евреевъ и были такъ приноровлены къ ихъ государству, что они большею частію могли исполняться всѣмъ обществомъ, а не отдѣльнымъ человѣкомъ, то несомнѣнно, что они не относятся къ божественному закону, а стало быть, и не доставляютъ чего-либо для блаженства и добродѣтели; они касаются только избранія евреевъ, то есть (на основаніи показаннаго нами въ третьей главѣ) только времен-

наго благополучія тѣла и спокойствія государства, вслѣдствіе этого они только при цѣлости ихъ государства и могли быть пригодны. Стало быть, если они въ Ветхомъ 3.
Завѣтѣ и относятся къ Закону Божію, то это сдѣлано потому только, что они были установлены вслѣдствіе Откровенія или основъ Откровенія. Но такъ какъ основаніе, хотя бы и въ высшей степени солидное, не очень цѣнится у обыкновенныхъ богослововъ, то мнѣ хочется здѣсь подкрѣпить только что сказанное авторитетомъ Писанія, а потомъ для большей ясности показать, на какомъ основаніи и какимъ образомъ религіозные обряды способствовали укрѣпленію и сохраненію государства іудеевъ. Исаія ничему 4.
не учитъ яснѣе того, что божественный законъ, принимаемый въ безусловномъ смыслѣ, означаетъ тотъ всеобщій законъ, который состоитъ въ истинномъ образѣ жизни, а не въ религіозныхъ обрядахъ. Вѣдь въ гл. 1, ст. 10 пророкъ призываетъ свой народъ выслушать отъ него божественный законъ; изъ него онъ сперва выключаетъ всѣ роды жертвоприношеній и всѣ праздники, а потомъ научаетъ самому закону (смотри ст. 16, 17) и полагаетъ его въ немногомъ, именно: въ чистотѣ духа, упражненіи или навыкѣ въ добродѣтели или хорошихъ дѣйствіяхъ и наконецъ въ оказаніи помощи неимущему. Не менѣе ясное свидѣтельство на- 5.
ходится и въ Псалмѣ 40, ст. 7, 9; здѣсь, вѣдь, псалмопѣвецъ обращается къ Богу: זֶבַח וּמִנְחָה לֹא־חָפַצְתָּ אָזְנַיִם כָּרִיתָ לִי עוֹלָה וַחֲטָאָה לֹא שָׁאָלְתָּ׃ לַעֲשׂוֹת רְצוֹנְךָ אֱלֹהַי חָפָצְתִּי וְתוֹרָתְךָ בְּתוֹךְ מֵעָי „*жертвы и дара не восхотѣлъ, уши ты мнѣ проткнулъ* [1]), *всесожженія и жертвы за грѣхъ ты не тре-*

[1]) Выраженіе для означенія пониманія.

бовалъ; волю Твою исполнить, мой Боже, я хотѣлъ, ибо законъ Твой въ моемъ сердцѣ". Слѣдовательно онъ называетъ закономъ Бога только тотъ законъ, который написанъ въ сердцѣ или душѣ. Онъ исключаетъ изъ него религіозные обряды, ибо они хороши не по природѣ, а только вслѣдствіе установленія и, стало быть, они не написаны въ душахъ. Кромѣ этого находятся еще другія мѣста въ Писаніи, свидѣтельствующія о томъ же; но достаточно и
6. этихъ двухъ, приведенныхъ мною. А что религіозные обряды нисколько не способствуютъ блаженству, но касаются только временнаго благополучія государства, это также ясно изъ самаго Писанія. Оно за религіозные обряды обѣщаетъ лишь удобства и удовольствія для тѣла, блаженство же только за всеобщій божественный законъ. Вѣдь въ пяти книгахъ, называемыхъ обыкновенно Моисеевыми, ничего другаго, какъ выше мы сказали, не обѣщается кромѣ этого временнаго благополучія, то есть: почестей или славы,
7. побѣдъ, богатствъ, удовольствій и здоровья. И хотя тѣ пять книгъ кромѣ религіозныхъ обрядовъ содержатъ въ себѣ много моральныхъ предписаній, однако послѣднія не излагаются въ Пятикнижіи какъ моральныя правила общія для всѣхъ людей, но какъ заповѣди весьма приноровленныя къ пониманію и характеру только еврейской націи, поэтому они и имѣютъ въ виду пользу одного государства. Напр., Моисей не учитъ іудеевъ какъ учитель и пророкъ не убивать и не красть, но приказываетъ это какъ законодатель и владыка; онъ вѣдь не подкрѣпляетъ правилъ доводами разума, но присоединяетъ къ приказаніямъ наказаніе, которое, какъ опытъ достаточно подтвердилъ, можетъ
8. и должно мѣняться смотря по характеру каждой націи. Точно также и заповѣдь не прелюбодѣйствовать касается пользы

только общества и государства, потому что еслибы она желала научить моральному правилу, которое имѣло бы въ виду не одну пользу общества, но и душевный покой и истинное блаженство каждаго, тогда она осудила бы не только внѣшнее дѣйствіе, но и самое вожделѣніе души, какъ это сдѣлалъ Христосъ, учившій только всеобщимъ правиламъ (см. Матѳ. гл. 5, ст. 28); по этой причинѣ Христосъ и обѣщаетъ духовную награду, а не тѣлесную, какъ Моисей. Ибо Христосъ былъ посланъ, какъ я сказалъ, не 9.
ради сохраненія государства и установленія законовъ, но только для наученія всеобщему закону. А отсюда намъ легко понятно, что Христосъ нимало не отмѣнялъ Моисеева закона, такъ какъ Христосъ никакихъ новыхъ законовъ не хотѣлъ вводить въ общественную жизнь и ни о чемъ другомъ болѣе не заботился, какъ о наученіи моральнымъ правиламъ и о различеніи ихъ отъ государственныхъ законовъ; это онъ дѣлалъ главнымъ образомъ вслѣдствіе невѣжества фарисеевъ, думавшихъ, что тотъ ведетъ блаженную жизнь, кто защищаетъ права государства или Моисеевъ законъ; между тѣмъ какъ послѣдній, какъ мы сказали, имѣлъ отношеніе только къ государству и служилъ не столько къ наученію евреевъ, сколько къ ихъ принужденію. Но воз- 10.
вратимся къ нашему намѣренію и приведемъ другія мѣста Писанія, въ которыхъ за религіозные обряды не обѣщается ничего кромѣ тѣлесныхъ удобствъ, а блаженство обѣщается только за всеобщій божественный законъ. Изъ пророковъ никто яснѣе Исаіи не училъ этому. Онъ вѣдь въ гл. 58, послѣ того какъ осудилъ лицемѣріе, рекомендуетъ свободу и любовь къ себѣ самому и ближнему, обѣщая за это слѣдующее [1]): אָז יִבָּקַע כַּשַּׁחַר אוֹרֶךָ וַאֲרֻכָתְךָ מְהֵרָה תִצְמָח

[1]) Исаіи гл. 58, ст. 8.

וְהָלַךְ לְפָנֶיךָ צִדְקֶךָ כְּבוֹד יְהוָֹה יַאַסְפֶךָ *„тогда появится какъ заря свѣтъ твой, и здоровье твое быстро процвѣтетъ, и пойдетъ предъ тобою справедливость твоя и слава Божія приложитъ тебя“* [1]) и проч. Потомъ онъ также рекомендуетъ праздникъ субботы, за усердное соблюденіе которой онъ обѣщаетъ слѣдующее [2]): אָז תִּתְעַנַּג עַל־יְהוָֹה וְהִרְכַּבְתִּיךָ עַל־בָּמָוֹתֵי אֶרֶץ וְהַאֲכַלְתִּיךָ נַחֲלַת יַעֲקֹב אָבִיךָ כִּי פִּי יְהוָֹה דִּבֵּר *„тогда будешь радоваться съ Богомъ* [3]), *и Я какъ на коня посажу* [4]) *тебя на высотахъ земли и сдѣлаю, что ты вкусишь наслѣдія Іакова, отца твоего, какъ уста Іеговы изрекли“*. Итакъ мы видимъ, что пророкъ обѣщаетъ за свободу и любовь здоровый умъ въ здоровомъ тѣлѣ, а также и славу Божію послѣ смерти; за религіозные же обряды обѣщаетъ только безопасность государства, благоденствіе и тѣлесное
11. счастіе. Въ псалмахъ 15 и 24 нѣтъ никакого упоминанія о религіозныхъ обрядахъ, но только о нравственныхъ правилахъ; именно потому, что въ нихъ говорится только о блаженствѣ, и только оно предполагается, хотя и въ сравненіяхъ. Ибо несомнѣнно, что тамъ подъ горою Бога и его шатрами и обитаніемъ въ нихъ разумѣется блаженство и спокойствіе духа, а не Іерусалимская гора и не скинія Моисея; эти мѣста вѣдь никѣмъ не были обитаемы и находились въ управленіи только тѣхъ, кто былъ изъ колѣна
12. Левія. Далѣе, всѣ тѣ изреченія Соломона, которыя я при-

---

[1]) Гебраизмъ, означающій время смерти; приложиться къ своему народу значитъ умереть; см. Быт. гл. 49, ст. 29, 33.

[2]) Исаіи гл. 58, ст. 14.

[3]) Значитъ «честно радоватьса», какъ по голландски говорится met Godt en met eere.

[4]) Означаетъ господство, подобно сдерживанію лошади уздою.

велъ въ предъидущей главѣ, также обѣщаютъ истинное блаженство только за воспитываніе разума и мудрости; потому именно, что благодаря ей наконецъ будетъ понятъ страхъ Божій, и найдено будетъ познаніе о Богѣ. А что 13.
евреи послѣ разрушенія ихъ государства не обязаны исполнять религіозные обряды, это ясно изъ Іереміи, который въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ видитъ и предсказываетъ предстоящее опустошеніе города, говоритъ, *„что Богъ тѣхъ только любитъ, которые знаютъ и понимаютъ, что Онъ творитъ милость, судъ и правду въ мірѣ; и потому въ будущемъ только знающіе это будутъ признаны достойными похвалы“* (см. гл. 9, ст. 23). Іеремія какъ бы хотѣлъ сказать, что Богъ послѣ опустошенія города ничего особеннаго не требуетъ отъ іудеевъ и не добивается отъ нихъ въ будущемъ ничего кромѣ слѣдованія естественному закону, обязательному для всѣхъ смертныхъ. Кромѣ того и Новый Завѣтъ 14.
вполнѣ подтверждаетъ то же самое. Въ немъ вѣдь, какъ мы сказали, преподаются только нравственныя правила, и за соблюденіе ихъ обѣщается царство небесное; религіозные же обряды апостолы оставили, послѣ того какъ евангеліе стало проповѣдываться и другимъ народамъ, которые были связаны правомъ другого государства. Что же касается того, что фарисеи послѣ паденія государства сохранили ихъ, или по крайней мѣрѣ большую ихъ часть, то это они сдѣлали болѣе изъ враждебнаго чувства къ христіанамъ, нежели изъ желанія угодить Богу. Ибо послѣ перваго опу- 15.
стошенія города, когда ихъ плѣнниками отвели въ Вавилонъ, они тотчасъ стали пренебрегать религіозными обрядами, такъ какъ въ то время, на сколько мнѣ извѣстно, они не были раздѣлены на секты; даже болѣе, они оставили весь Моисеевъ законъ и предали забвенію права сво-

его отечества, какъ совершенно излишнія, и начали смѣшиваться съ другими народами, какъ довольно ясно видно изъ книгъ Ездры и Нееміи. Поэтому несомнѣнно, что іудеи и послѣ разрушенія государства придерживались Моисеева закона не болѣе, чѣмъ до возникновенія ихъ союза и государства; вѣдь пока они до исхода изъ Египта жили среди другихъ народовъ, у нихъ не было никакихъ особенныхъ законовъ, и они не были связаны никакимъ правомъ кромѣ естественнаго, а также, безъ сомнѣнія, и права того государства, въ которомъ они жили, поскольку это право не противорѣчило естественному божественному закону.

16. А что патріархи приносили жертвы Богу, то, полагаю, это они дѣлали затѣмъ, чтобы болѣе расположить къ благоговѣнію свой духъ, съ дѣтства пріученный къ жертвоприношеніямъ; вѣдь со временъ Еноха всѣ люди вполнѣ привыкли къ жертвоприношеніямъ, такъ что послѣднія больше всего возбуждали благоговѣніе въ людяхъ. Слѣдовательно патріархи научились приносить жертву Богу не вслѣдствіе повелѣнія какого-нибудь божественнаго права или общихъ основаній божественнаго закона, но лишь вслѣдствіе обычая того времени; если они и дѣлали это по чьему-нибудь наказу, то наказъ этотъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ правомъ того государства, въ которомъ они жили. Этому праву они и подчинялись (какъ мы уже замѣтили здѣсь, а

17. также и въ третьей главѣ, говоря о Мельхиседекѣ). Думаю посему, что я подкрѣпилъ свое мнѣніе авторитетомъ Писанія; остается теперь показать, какимъ образомъ и на какомъ основаніи религіозные обряды способствовали сохраненію и устойчивости еврейскаго государства. Это я покажу сколь возможно кратко, исходя изъ общихъ основаній.

18. Общество весьма полезно и въ высшей степени необхо-

димо не только для того, чтобы обезопасить жизнь отъ враговъ, но и въ видахъ сбереженія многихъ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, если бы люди не желали оказывать взаимную услугу другъ другу, то имъ не достало бы ни умѣнья, ни времени поддерживать и сохранять себя, на сколько это возможно. Вѣдь не всѣ одинаково ко всему способны, и 19.
не каждый былъ бы въ состояніи приготовить себѣ то, въ чемъ онъ одинъ больше всего нуждается. Силъ и времени, говорю, ни у кого не хватило бы, если бы онъ одинъ долженъ былъ пахать, сѣять, жать, молоть, варить, ткать, шить и дѣлать многое другое для поддержанія жизни. Не говорю уже объ искусствахъ и наукахъ, которые также въ высшей степени необходимы для совершенства человѣческой природы и для ея блаженства. Вѣдь мы видимъ, 20.
что люди живущіе въ невѣжествѣ, безъ гражданственности, ведутъ жалкую и почти скотскую жизнь, однако и они то немногое, жалкое и грубое, имѣющееся у нихъ, не приготовляютъ себѣ безъ взаимной помощи, какова бы она ни была. Теперь, если бы люди отъ природы такъ были созданы, что они ничего не желали бы кромѣ того, на что имъ указываетъ истинный разумъ, то общество, конечно, не нуждалось бы ни въ какихъ законахъ, но безусловно довольствовалось бы обученіемъ людей истиннымъ правиламъ морали, дабы люди добровольно, свободно и отъ всей души дѣлали то, что очень полезно. Но человѣческая природа 21.
устроена совсѣмъ иначе. Всѣ, конечно, отыскиваютъ свою пользу, а домогаются вещей и считаютъ ихъ полезными отнюдь не вслѣдствіе голоса здраваго разсудка, но большею частію по увлеченію вслѣдствіе только страсти и душевныхъ аффектовъ (которые не имѣютъ никакого отношенія ни къ будущему, ни къ другимъ вещамъ). Поэтому ни одно об- 22.

щество не можетъ существовать безъ власти и силы, а слѣдовательно и безъ законовъ, умѣряющихъ и сдерживающихъ страсти и необузданные порывы людей. Однако человѣческая природа не терпитъ, чтобы ее неограниченно принуждали, и, какъ трагикъ Сенека говоритъ: „жестокаго господства никто долго не выдерживалъ, умѣренное—долго длится“ [1]). Вѣдь пока люди дѣйствуютъ только изъ страха, до тѣхъ поръ они исполняютъ и то, чего они больше всего не желаютъ; они не принимаютъ въ соображеніе полезности и необходимости исполненія вещи, но заботятся только о томъ, чтобы не подвергнуться именно казни или взысканію. Они даже не могутъ не радоваться несчастію или вреду для повелителя, хотя бы и на великую бѣду себѣ, и не могутъ не желать и не устроить ему, гдѣ будетъ возможно, всяческихъ непріятностей. Затѣмъ, люди ничего менѣе не могутъ выносить, какъ служенія равнымъ себѣ и ихъ управленія. Наконецъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ вновь отнять у людей свободу, разъ имъ предоставленную. 23. Изъ этого слѣдуетъ во-первыхъ, что или все общество должно коллегіально, если возможно, удерживать господство такъ, чтобы всѣ сами себѣ были обязаны служить, и никто равному себѣ, или же, если господство удерживаютъ немногіе или одинъ только, онъ долженъ имѣть что-нибудь высшее въ сравненіи съ обыкновенной человѣческой природой или, по крайней мѣрѣ, долженъ изъ всѣхъ силъ стараться убѣдить 24. въ этомъ толпу. Затѣмъ, законы въ каждомъ государствѣ должно такъ устанавливать, чтобы люди были сдерживаемы не столько страхомъ, сколько надеждою на какое-нибудь

[1]) См. Сенек. Троян. дѣйствіе 2, ст. 258, 259.

благо, котораго больше всего желаютъ; вѣдь такимъ образомъ каждый охотно будетъ исполнять свою обязанность.
Наконецъ, такъ какъ повиновеніе состоитъ въ томъ, что 25.
кто-нибудь слѣдуетъ приказаніямъ только вслѣдствіе авторитета повелителя, то отсюда слѣдуетъ, что оно не имѣетъ никакого мѣста въ обществѣ, въ которомъ власть находится въ рукахъ всѣхъ, и законы санкціонируются съ общаго согласія, и что народъ, будутъ ли въ такомъ обществѣ законы умножаться или уменьшаться, тѣмъ не менѣе пребываетъ одинаково свободенъ, потому что онъ дѣйствуетъ не вслѣдствіе авторитета другого лица, но вслѣдствіе своего собственнаго соглашенія. Но обратное происходитъ тамъ, гдѣ одинъ только неограниченно обладаетъ властью; ибо всѣ слѣдуютъ приказаніямъ власти только вслѣдствіе авторитета одного лица, стало быть, если они первоначально не были воспитаны такъ, чтобы зависѣть отъ устъ повелителя, то ему трудно будетъ установить, когда понадобится, новые законы и отнять у народа свободу однажды допущенную.

Разсмотрѣвъ это въ общихъ чертахъ, перейдемъ къ 26.
государству евреевъ. Они, какъ только вышли изъ Египта, не были больше связаны никакимъ правомъ другого народа, и стало быть, имъ было позволительно освятить ad libitum новые законы или установить новыя права и основать государство, гдѣ бы они ни пожелали, и занять земли, какія имъ было желательно. Но ни къ чему они 27.
менѣе способны не были, какъ къ мудрому установленію правъ и удержанію у себя власти сообща; всѣ они были нрава почти грубаго и подавлены тяжелымъ рабствомъ. Слѣдовательно власть должна была остаться только у одного того, кто могъ бы повелѣвать другими, принуждать

ихъ силою, и кто, наконецъ, могъ бы предписывать законы
28. и толковать ихъ впослѣдствіи. Власть же эту Моисей легко могъ удержать, потому что онъ выдавался передъ остальными божественною силою и убѣдилъ народъ, что онъ обладаетъ ею и доказалъ это многими свидѣтельствами (см. Исхода гл. 14 ст. послѣдній и гл. 19 ст. 9). Такимъ образомъ онъ благодаря божественной силѣ, которою былъ исполненъ, установилъ права и предписалъ ихъ народу. Но при этомъ онъ больше всего старался о томъ, чтобы народъ не столько изъ страха, сколько добровольно исполнялъ свою обязанность; къ этому его побуждали, главнымъ образомъ, два слѣдующіе обстоятельства, именно: упрямство народнаго характера (который не выноситъ принужденія одной силы) и предстоящая война, гдѣ для счастливаго хода дѣлъ необходимо нужно болѣе ободрять воиновъ, нежели устрашать наказаніями и угрозами,—вѣдь тогда всякій болѣе старается отличиться храбростью и му-
29. жествомъ духа, нежели только избѣгнуть наказанія. Слѣдовательно по этой причинѣ Моисей ввелъ благодаря силѣ и божественному повелѣнію религію въ государствѣ, дабы народъ исполнялъ свою обязанность не столько изъ страха, сколько изъ преданности. Затѣмъ онъ обязалъ ихъ благодѣяніями и обѣщалъ многое отъ имени божества въ будущемъ и законы установилъ не очень суровые, въ чемъ всякій, изучившій ихъ, легко согласится съ нами, въ особенности если обратитъ вниманіе на обстоятельства, которыя
30. требовались для осужденія какого-нибудь обвиняемаго. Наконецъ, для того, чтобы народъ, не могшій быть свободнымъ, зависѣлъ отъ устъ повелителя, онъ ничего не позволилъ дѣлать по произволу людямъ, привыкшимъ именно къ рабству; народъ вѣдь ничего не могъ сдѣлать безъ того,

чтобы онъ въ тоже время не принужденъ былъ вспомнить законъ и слѣдовать приказаніямъ, зависѣвшимъ только отъ рѣшенія повелителя. Вѣдь не по произволу, но по извѣстному и опредѣленному приказанію закона позволялось пахать, сѣять, жать; также и ѣсть что-нибудь, надѣвать, стричь голову и бороду, веселиться и безусловно что-либо дѣлать позволялось только по приказаніямъ и заповѣдямъ, предписаннымъ въ законѣ, и не только это, но и на косякахъ, рукахъ и надъ переносьемъ они обязаны были имѣть нѣкіе знаки *), которые постоянно напоминали бы имъ о послушаніи. Итакъ цѣль религіозныхъ обрядовъ была та, 31.
чтобы люди ничего не дѣлали по собственному рѣшенію, но все дѣлали бы по приказанію другого, и чтобы они благодаря постояннымъ дѣйствіямъ и размышленіямъ признали, что они рѣшительно не вольны ни въ чемъ, но во всемъ зависятъ отъ другого. Изъ всего этого яснѣе дня видно, что религіозные обряды нисколько не содѣйствовали блаженству и что религіозные обряды Ветхаго Завѣта, даже весь Моисеевъ законъ, имѣли въ виду не что иное, какъ государство евреевъ, а слѣдовательно ничего кромѣ удобствъ для тѣла. Что же касается христіанскихъ религіозныхъ 32.
обрядовъ, именно крещенія, причащенія, праздниковъ, наружныхъ моленій и если имѣются еще какіе иные, которые суть и всегда были общи всему христіанству, то они, если и были когда-либо установлены Христомъ или апостолами (что еще мнѣ недостаточно очевидно), были установлены только какъ наружные признаки всеобщей церкви, а не какъ вещи, содѣйствующія сколько-нибудь блаженству или заключающія въ себѣ что-нибудь священное. Посему эти 33.

*) Второзак. гл. 6, ст. 8, 9.

религіозные обряды хотя и не по отношенію къ государству, однако же по отношенію къ цѣлому обществу только были установлены; стало быть, тотъ, кто живетъ одиноко, нисколько не связанъ ими; даже болѣе, кто живетъ въ государствѣ, гдѣ христіанская религія запрещена, тотъ обязанъ воздерживаться отъ этихъ религіозныхъ обрядовъ, и тѣмъ
34. не менѣе онъ будетъ въ состояніи жить блаженно. Примѣръ этому имѣется въ Японскомъ царствѣ, гдѣ христіанская религія запрещена, и живущіе тамъ голландцы, согласно приказанію Восточнаго Индійскаго Общества, обязаны воздерживаться отъ всякаго внѣшняго богослуженія [1]). Подкрѣплять это теперь другимъ авторитетомъ я не помышляю, и хотя не трудно было бы вывести это же самое изъ основаній Новаго Завѣта и сверхъ того, можетъ быть, представить ясныя свидѣтельства, однако я охотнѣе отлагаю это въ сторону, потому что мысль стремится къ другому. Итакъ перехожу къ тому, относительно чего я рѣшилъ разобрать въ этой главѣ на второмъ мѣстѣ, именно, кому и на какомъ основаніи необходима вѣра въ историческіе разсказы, содержащіеся въ Священномъ Писаніи. Но чтобы изслѣдовать это при помощи Естественнаго Свѣта, должно, кажется, вести разсужденіе такъ.

35. Если кто нибудь желаетъ убѣдить или разубѣдить людей въ чемъ-нибудь, что само по себѣ неизвѣстно, то для того чтобы они это приняли, онъ долженъ свое положеніе выводить изъ допущеній и убѣждать ихъ опытомъ или разумомъ именно на основаніи вещей, относительно которыхъ они убѣдились посредствомъ чувствъ, что онѣ встрѣчаются въ природѣ, или на основаніи аксіомъ согласныхъ съ разумомъ и самихъ по себѣ извѣстныхъ. Но если опытъ не таковъ, чтобы онъ ясно и отчетливо уразумѣвался, то хотя

[1]) См. Прим. переводчика.

онъ и убѣждаетъ человѣка, однако не въ состояніи будетъ дѣйствовать на разумъ и разсѣять его туманъ такъ же, какъ въ томъ случаѣ, когда ученіе о предметѣ выводится только изъ аксіомъ согласныхъ съ разумомъ, то есть только на основаніи силы разума и его порядка пониманія, въ особенности если вопросъ идетъ о предметѣ духовномъ, который никакимъ способомъ не воспринимается внѣшними чувствами. Но такъ какъ для вывода положеній изъ однихъ 36.
разсудочныхъ понятій весьма часто требуется длинная цѣпь понятій и кромѣ того еще величайшая осторожность, острота ума и весьма большое самообладаніе—что все рѣдко встрѣчается у людей,—то поэтому люди лучше желаютъ научиться изъ опыта, нежели всѣ свои понятія выводить изъ немногихъ аксіомъ и связывать ихъ другъ съ другомъ.
Отсюда слѣдуетъ, что если кто-нибудь желаетъ научить 37.
цѣлую націю, не говоря уже про весь родъ человѣческій, какому-нибудь ученію и во всемъ быть понятымъ всѣми, то онъ обязанъ свое положеніе подкрѣплять только опытомъ, а свои основанія и опредѣленія вещей, подлежащихъ изученію, главнымъ образомъ приспособлять къ пониманію простого народа, составляющаго самую большую часть человѣческаго рода, а не нанизывать ихъ и не давать опредѣленій, поскольку они служатъ для лучшей связи основаній. Иначе онъ напишетъ только для ученыхъ, то есть его можно будетъ понять только весьма немногимъ людямъ,
если ихъ сравнивать съ остальными. Стало быть, такъ какъ 38.
все Священное Писаніе было открыто сперва на пользу цѣлаго народа, а потомъ всего человѣческаго рода, то содержаніе Писанія необходимо должно было какъ можно болѣе приспособляться къ пониманію простаго народа и подкрѣпляться только опытомъ. Изложимъ дѣло яснѣе. То,

что составляетъ предметъ только умозрѣнія, и чему Писаніе хочетъ научить, заключается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ, именно: есть Богъ или Существо, которое все сдѣлало, всѣмъ въ высшей степени мудро управляетъ и все поддерживаетъ, которое весьма много заботится о людяхъ, именно о тѣхъ, которые живутъ благочестиво и честно, остальныхъ же подвергаетъ многимъ наказаніямъ
39. и отдѣляетъ отъ добрыхъ. И Писаніе доказываетъ это только опытомъ, именно тѣми исторіями, которыя оно разсказываетъ; и оно не даетъ никакихъ опредѣленій этихъ вещей, но всѣ слова и основанія приспособляетъ къ пониманію простаго народа. И хотя опытъ не можетъ дать никакого яснаго познанія объ этихъ вещахъ и научить, что есть Богъ и какимъ образомъ Онъ поддерживаетъ всѣ вещи, управляетъ ими и заботится о людяхъ, однако онъ можетъ научить и просвѣтить людей настолько, сколько это требуется для того, чтобы запечатлѣть въ ихъ сердцахъ по-
40. слушаніе и благоговѣніе. И я полагаю, что изъ этого довольно ясно видно, кому и на какомъ основаніи необходима вѣра въ историческіе разсказы, содержащіеся въ Священномъ Писаніи; вѣдь изъ только что показаннаго весьма ясно слѣдуетъ, что знаніе историческихъ разсказовъ и вѣра въ нихъ весьма необходима толпѣ, способность которой къ ясному и отчетливому пониманію вещей незначительна. Затѣмъ слѣдуетъ, что тотъ нечестивъ, кто отрицаетъ историческіе разсказы потому, что онъ не вѣритъ въ существованіе Бога и въ Его промыслъ о вещахъ и людяхъ; но кто не знаетъ ихъ и тѣмъ не менѣе узналъ путемъ Естественнаго Свѣта, что Богъ есть, и потомъ (о чемъ впрочемъ мы говорили) ведетъ истинный образъ жизни, тотъ вполнѣ блаженъ, даже блаженнѣе толпы, потому что онъ кромѣ

истинныхъ мнѣній имѣетъ вдобавокъ ясное и отчетливое
понятіе. Наконецъ слѣдуетъ, что кто не знаетъ этихъ исто- 41.
рическихъ разсказовъ Писанія и путемъ Естественнаго Свѣ-
та не освѣдомленъ о чемъ-либо, тотъ, если и не безбож-
никъ или упрямецъ, однако невѣжда и почти скотъ и не
имѣетъ никакого божественнаго дара. Но здѣсь должно за-
мѣтить, что говоря о необходимости знанія историческихъ
разсказовъ для толпы, мы разумѣемъ подъ этимъ знаніе
не всѣхъ вообще исторій, содержащихся въ Священномъ
Писаніи, но только самыхъ главныхъ, которыя однѣ, по-
мимо остальныхъ, ясно показываютъ ученіе, о которомъ
мы сейчасъ говорили, и больше всего могутъ возбуждать
душу людей. Ибо если бы всѣ исторіи Писанія были необ- 42.
ходимы для доказательства его ученія, и заключеніе можно
было бы вывести только изъ всеобщаго разсмотрѣнія всѣхъ
вообще исторій, содержащихся въ Писаніи, тогда, конечно,
доказательство его ученія и заключеніе превысило бы не толь-
ко пониманіе и силы толпы, но и вообще человѣческое пони-
маніе и силы. Кто вѣдь былъ бы въ состояніи сосредото-
чить вниманіе заразъ на столь большомъ числѣ исторій и
на столькихъ обстоятельствахъ и частяхъ ученія, которое
должно было бы вывести изъ столь многихъ и столь раз-
личныхъ исторій? Я, по крайней мѣрѣ, не могу убѣдиться 43.
въ томъ, что люди, оставившіе намъ Писаніе въ томъ видѣ,
какъ мы его имѣемъ, были преисполнены такихъ дарова-
ній, что могли найти такое доказательство; а еще менѣе
могу убѣдиться въ томъ, что ученіе Писанія могло быть
понято только по выслушаніи споровъ Исаака [1]), совѣтовъ
данныхъ Авессалому Ахитофеломъ [2]) и гражданской войны

[1]) Быт. 26, 14 и сл.
[2]) См. 2 Царствъ 16, 20 и сл. 17, 1 и сл.

іудеевъ съ израильтянами и иныхъ повѣствованій въ этомъ
родѣ; или что первымъ іудеямъ, жившимъ во времена Мои-
сея, это ученіе не могло быть доказано изъ исторій такъ
же легко, какъ тѣмъ, которые жили во времена Ездры.
44. Но объ этомъ подробнѣе говорится дальше. Итакъ простой
народъ обязанъ знать только тѣ исторіи, которыя больше
всего могутъ побудить душу его къ послушанію и благо-
говѣнію. Но самъ простой народъ не достаточно способенъ
составить о нихъ сужденіе, потому именно, что онъ раз-
сказами и необыкновеннымъ и неожиданнымъ исходомъ
дѣлъ увлекается болѣе, нежели самымъ смысломъ исторій;
и по этой причинѣ народъ кромѣ чтенія исторій нуждается
еще въ пастыряхъ или служителяхъ церкви, которые учили
45. бы его ради слабости его разумѣнія. Однако не станемъ
отклоняться отъ нашей цѣли, но сдѣлаемъ заключеніе о
томъ, что мы главнымъ образомъ намѣревались показать,
именно, что вѣра въ историческіе разсказы, каковы бы они
въ концѣ концовъ ни были, не относится къ божествен-
ному закону, и сама по себѣ не дѣлаетъ людей блажен-
ными, и имѣетъ нѣкоторую пользу только относительно
ученія, и въ этомъ лишь отношеніи одни историческіе раз-
46. сказы могутъ быть лучше другихъ. Итакъ повѣствованія,
содержащіяся въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, превосходнѣе
прочихъ мірскихъ исторій, а также и сами между собою
отличнѣе одни передъ другими, только по отношенію къ
спасительнымъ мыслямъ, которыя изъ нихъ слѣдуютъ. По-
этому, если кто-нибудь прочтетъ историческіе разсказы
Св. Писанія и во всемъ дастъ ему вѣру, а на ученіе одна-
ко-жъ, которому оно тѣми разсказами старается научить,
не обратитъ вниманія и не исправитъ жизнь, то это для
него все равно, что если-бы онъ прочелъ коранъ или дра-

матическія произведенія поэтовъ или, по крайней мѣрѣ, обыкновенныя лѣтописи съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ обыкновенно читаетъ простой народъ, и наоборотъ, кто ихъ совершенно не знаетъ и тѣмъ не менѣе имѣетъ спасительныя мнѣнія и ведетъ истинный образъ жизни, тотъ, какъ мы сказали, безусловно блаженъ и на самомъ дѣлѣ имѣетъ въ себѣ Духъ Христа. Но іудеи думаютъ совсѣмъ 47.
напротивъ. Они вѣдь утверждаютъ, что истинныя мнѣнія, истинный образъ жизни нисколько не способствуютъ блаженству, пока люди получаютъ ихъ только путемъ Естественнаго Свѣта, а не какъ правила, открытыя пророчески Моисею. Маймонидъ вѣдь въ 8 гл. Царствъ, въ законѣ 11 открыто дерзаетъ утверждать это въ слѣдующихъ словахъ: כל המקבל שבע מצות ונזהר לעשותן הריזה מהסידי אומות העולם ויש לו חלק לעולם הבא: והוא שיקבל אותן ויעשה אותן מפני שצוה בהן הקדוש ברוך הוא בתורה והודיענו על ידי משה רבינו שבני נה מקדם נצטוו בהן אבל אם עשהן מפני הכרע הדעת אין זה גר תושב ואינו מהסידי אומות העולם ואינו מהכמיהם: *всякій, кто принимаетъ семь правилъ *) и будетъ старательнымъ исполнителемъ ихъ, тотъ—изъ благочестивыхъ у народовъ и наслѣдникъ будущаго міра; конечно при условіи, если онъ приметъ и исполнитъ ихъ потому, что Богъ предписалъ ихъ въ законѣ и потому, что Онъ открылъ намъ ихъ чрезъ Моисея, что раньше они же были предписаны сыновьямъ Ноя; но если кто исполнитъ ихъ, руководясь разумомъ, тотъ—не житель*

*) Замѣть, что іудеи думаютъ, будто Богъ далъ Ною семь правилъ и ими только обязалъ всѣ народы; еврейскому же одному кромѣ этихъ онъ далъ много другихъ, чтобы сдѣлать его блаженнѣе остальныхъ народовъ.

и не изъ благочестивыхъ, и не изъ мудрыхъ у народовъ".

48. Таковы слова Маймонида, къ которымъ Р. Іосифъ, сынъ Шема Тоба, въ своей книгѣ, называемой Кебодъ Елогимъ или „Слава Божія", прибавляетъ, что хотя Аристотель (который, по его мнѣнію, написалъ самую лучшую Этику, и котораго онъ цѣнитъ выше всѣхъ) ничего изъ того, что относится къ истинной Этикѣ, и что онъ принялъ также и въ своей Этикѣ, не опустилъ, но все тщательно изложилъ, однако это не могло ему принести пользы для спасенія, потому что то, чему онъ учитъ, онъ принялъ не какъ божественныя правила открытыя пророчески, но только
49. какъ голосъ разума. Но, я думаю, всякому внимательному читателю ясно, что все это чистыя выдумки, и никакими основаніями и ни авторитетомъ Писанія не подкрѣплено. Поэтому для опроверженія этого взгляда достаточно того, что я изложилъ его. Я не намѣренъ также опровергать здѣсь мнѣніе тѣхъ, которые именно утверждаютъ, будто Естественный Свѣтъ не можетъ научить ничему здравому, относящемуся къ истинному спасенію; это вѣдь и сами не допускающіе въ себѣ никакого здраваго разсудка никакимъ основаніемъ не могутъ подтвердить. Если они и хвастаются, что обладаютъ чѣмъ-то, что выше разума, то это „что-то" чистая выдумка и гораздо ниже разума; это уже достаточно показалъ ихъ обычный образъ жизни Но откровеннѣе говорить объ этомъ не нужно.

50. Прибавлю лишь то, что мы можемъ узнать всякаго только изъ дѣлъ; стало быть, кто будетъ богатъ такими плодами какъ любовь, радость, миръ, великодушіе, благосклонность, доброта, вѣрность, кротость, воздержаніе, противъ которыхъ (какъ говоритъ Павелъ въ Посланіи къ

Галатамъ гл. 5, ст. 23) законъ не былъ данъ, тотъ—былъ ли онъ наученъ только разумомъ или только Писаніемъ—дѣйствительно наученъ Богомъ и совершенно блаженъ. Итакъ этимъ я закончилъ все, что предполагалъ сказать о божественномъ законѣ.

Глава VI.

О чудесахъ.

Подобно тому какъ знаніе, превышающее человѣческое пониманіе, называется божественнымъ, такъ и дѣло, причина котораго толпѣ неизвѣстна, люди привыкли называть божественнымъ или дѣломъ Божіимъ. Толпа вѣдь думаетъ, что могущество и промыслъ Божій обнаруживаются яснѣе всего тогда, когда она видитъ, что въ природѣ случается нѣчто необыкновенное и противорѣчащее мнѣнію, которое въ силу привычки она имѣетъ о природѣ; особенно, если это доставитъ ей выгоду или удобство; и толпа думаетъ, что существованіе Бога ни изъ чего нельзя яснѣе доказать, какъ изъ того, что природа, какъ полагаютъ, не сохраняетъ своего порядка. И потому полагаютъ, что всѣ тѣ, которые объясняютъ вещи и чудеса естественными причинами или стараются уразумѣть ихъ, устраняютъ
2. Бога или, по крайней мѣрѣ, промыслъ Божій. Думаютъ именно, что Богъ до тѣхъ поръ ничего не дѣлаетъ, пока природа дѣйствуетъ обычнымъ порядкомъ, и наоборотъ, что могущество природы и естественныя причины до тѣхъ

поръ бездѣятельны, покуда Богъ дѣйствуетъ. Такимъ образомъ они воображаютъ два по числу могущества, отдѣльныя другъ отъ друга, именно: могущество Бога и могущество естественныхъ вещей, Богомъ однако опредѣленное извѣстнымъ образомъ или (какъ многіе въ настоящее время охотнѣе принимаютъ) сотворенное. Но что̀ они разумѣютъ подъ тѣмъ и другимъ и что̀ разумѣютъ подъ Богомъ и природой, они конечно не знаютъ,—развѣ что представляютъ себѣ могущество Бога вродѣ господства какого-то царскаго величества, а могущество природы вродѣ силы и натиска. Итакъ необыкновенныя дѣла природы толпа называетъ чудесами или дѣлами Бога, и она отчасти изъ набожности, отчасти изъ желанія противорѣчія тѣмъ, кто разрабатываетъ естественныя науки, не желаетъ знать о естественныхъ причинахъ вещей и жаждетъ слышать только о томъ, о чемъ она больше всего не знаетъ и чему вслѣдствіе этого больше всего удивляется; потому именно, что она можетъ почитать Бога и относить все къ Его господству и волѣ не на иномъ какомъ основаніи, какъ только устраняя естественныя причины и представляя себѣ вещи внѣ порядка природы, и потому, что она удивляется болѣе могуществу Божію, только пока представляетъ себѣ могущество природы какъ бы преодолѣннымъ отъ Бога. Это, кажется, повело свое начало отъ первыхъ іудеевъ, которые разсказывали о своихъ чудесахъ, чтобы убѣдить язычниковъ своего времени, почитавшихъ видимыхъ боговъ, именно солнце, луну, землю, воду, воздухъ и проч. и показать имъ, что тѣ боги слабы и непостоянны или измѣнчивы и подчинены невидимому Богу; этимъ они старались сверхъ того показать, что вся природа направлена въ ихъ только пользу благодаря господству Бога, чтимаго ими. Это такъ понра-

3.

4.

вилось людямъ, что они до сихъ поръ не прекратили выдумывать чудеса, дабы про нихъ думали, что они Богу милѣе остальныхъ и составляютъ конечную цѣль, ради которой
5. Богъ все создалъ и непрерывно все направляетъ. Чего только не припишетъ себѣ глупость толпы, не имѣющей никакого здраваго понятія ни о природѣ, ни о Богѣ, смѣшивающей рѣшенія Бога съ рѣшеніями людей и наконецъ воображающей природу до того ограниченною, что думаетъ, будто человѣкъ составляетъ самую главную ея часть! Этимъ я довольно подробно разсказалъ о мнѣніяхъ и предразсудкахъ
6. толпы относительно природы и чудесъ; однако, чтобы изложить предметъ послѣдовательно я покажу: I) что ничто не совершается вопреки природѣ, но что она сохраняетъ вѣчный, прочный и неизмѣнный порядокъ, и заодно,—что должно разумѣть подъ чудомъ; во II) что мы изъ чудесъ не можемъ познать ни сущности, ни существованія, а слѣдовательно и промысла Божія; но что все это гораздо лучше понимается изъ прочнаго и неизмѣннаго порядка природы; въ III) на нѣсколькихъ примѣрахъ изъ Писанія покажу, что Писаніе подъ рѣшеніями и воленіями Бога, а слѣдовательно и подъ промысломъ, разумѣетъ не что иное, какъ самый порядокъ природы, необходимо вытекающій изъ ея вѣчныхъ законовъ; въ IV) наконецъ скажу о способѣ толкованія чудесъ Писанія и о томъ, на что преимущественно должно обращать вниманіе въ повѣствованіяхъ о чудесахъ. И это самое главное, что относится къ предмету настоящей главы и что кромѣ того, думаю, не мало послужитъ цѣли всего этого труда.

7. Что касается перваго, то оно легко показывается изъ того, что мы доказали въ 4 главѣ *) относительно боже-

*) См. гл. 4 § 23 и слѣд.

ственнаго закона, именно: что все, чего Богъ хочетъ или что Онъ опредѣляетъ, заключаетъ въ себѣ вѣчную необходимость и истину. Вѣдь изъ того, что разумъ Бога не отли- 8.
чается отъ воли Бога, мы показали, что мы утверждаемъ одно и то же, когда говоримъ, что Богъ хочетъ чего-нибудь, и когда говоримъ, что Богъ разумѣетъ это же самое; поэтому съ той же необходимостью, съ которою изъ божественной природы и совершенства слѣдуетъ, что Богъ разумѣетъ какую-нибудь вещь такъ, какъ она есть, изъ нея слѣдуетъ, что Богъ и хочетъ той вещи, какъ она есть. А 9.
такъ какъ все необходимо истинно только вслѣдствіе божественнаго рѣшенія, то отсюда весьма ясно слѣдуетъ, что всеобщіе законы природы суть настоящія рѣшенія Бога, вытекающія изъ необходимости и совершенства божественной природы. Слѣдовательно, если бы въ природѣ случилось что-нибудь такое, что противорѣчило бы ея всеобщимъ законамъ, то это также необходимо противорѣчило бы и разуму и природѣ божественной; или если бы кто утверждалъ, что Богъ дѣлаетъ что-нибудь вопреки законамъ природы, тотъ вынужденъ былъ бы въ то же время утверждать, что Богъ дѣлаетъ вопреки своей природѣ. Нелѣпѣе этого ничего нѣтъ. Это же самое легко можно было бы показать изъ того, что могущество природы дѣйствительно есть само божественное могущество и сила, божественное же могущество есть самая что ни на есть (ipsissima) сущность Бога. Но это теперь я охотнѣе опускаю. Итакъ въ 10.
природѣ *) не случается ничего, что противорѣчило бы ея всеобщимъ законамъ, а также ничего, что не согласуется

*) Замѣть, что здѣсь я разумѣю подъ природой не одну матерію и ея состояніе, но кромѣ матеріи и иное безконечное.

съ ними или что не вытекаетъ изъ нихъ; ибо все, что ни дѣлается, дѣлается по волѣ и вѣчному рѣшенію Бога, то есть, какъ мы уже показали, все, что ни дѣлается, дѣлается по законамъ и правиламъ, заключающихъ въ себѣ вѣчную
11. необходимость и истину. Такимъ образомъ природа всегда сохраняетъ законы и правила, содержащія въ себѣ вѣчную необходимость и истину, хотя они и не всѣ намъ извѣстны, а стало быть, она сохраняетъ и прочный и неизмѣнный порядокъ. И никакое здравое основаніе не побуждаетъ приписывать природѣ ограниченное могущество и силу и утверждать, что ея законы принаровлены только къ извѣстной сферѣ, а не ко всему; въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ сила и могущество природы есть самая сила и могущество Бога, а законы и правила природы суть самыя рѣшенія Бога, то всеконечно должно думать, что могущество природы безконечно, а ея законы столь обширны, что простираются на все, что и самимъ божественнымъ разумомъ мыслится.
12. Иначе вѣдь придется утверждать, что Богъ создалъ природу столь безсильной, а ея законы и правила установилъ столь безполезными, что Онъ часто вынуждается вновь приходить къ ней на помощь, если хочетъ, чтобы она сохранилась, и вещи слѣдовали согласно Его желанію. Это, ко-
13. нечно, весьма чуждо разуму, я полагаю. Итакъ изъ того, что въ природѣ не случается ничего, что не вытекаетъ изъ ея законовъ, и что ея законы простираются на все, что мыслится и самимъ Божественнымъ разумомъ, и что, наконецъ, природа сохраняетъ прочный и неизмѣнный порядокъ, весьма ясно слѣдуетъ, что слово чудо можно понимать только въ отношеніи къ мнѣніямъ людей, и оно означаетъ не что иное, какъ дѣло, естественной причины котораго мы не можемъ объяснить примѣромъ другой обыкновенной

вещи, или по крайней мѣрѣ не можетъ тотъ, кто пишетъ
или разсказываетъ о чудѣ. Правда, я могъ бы сказать, 14.
что чудо есть то, причина чего не можетъ быть объяснена
изъ извѣстныхъ принциповъ естествознанія при помощи
Естественнаго Свѣта; но такъ какъ чудеса были сдѣланы
сообразно съ пониманіемъ толпы, которая, конечно, прин-
циповъ естествознанія совершенно не знала, то несомнѣн-
но, что древніе считали за чудо то, что они не могли
объяснить тѣмъ способомъ, которымъ толпа обыкновенно
объясняетъ естественныя вещи, именно прибѣгая къ па
мяти, чтобы припомнить другую подобную вещь, которую
обыкновенно безъ удивленія представляетъ себѣ. Толпа
вѣдь полагаетъ, что она достаточно понимаетъ какую-ни-
будь вещь, когда не удивляется ей. Итакъ у древнихъ и 15.
у всѣхъ почти до настоящаго времени никакой, кромѣ этой,
нормы для чуда не было; поэтому не слѣдуетъ сомнѣваться,
что въ Священномъ Писаніи разсказывается, какъ о чуде-
сахъ, о многомъ, причины чего легко могутъ быть объясне-
ны изъ извѣстныхъ принциповъ естествознанія, какъ уже
выше мы намекнули во 2 главѣ, когда говорили*) о томъ,
что во времена Іисуса Навина солнце остановилось, и что
во времена Ахаза оно отступило назадъ. Но объ этомъ
мы скоро будемъ говорить подробнѣе, именно при толко-
ваніи чудесъ, что я обѣщалъ сдѣлать въ этой главѣ.

Теперь пора перейти здѣсь ко второму пункту, 16.
именно показать, что изъ чудесъ мы не можемъ уразумѣть
ни сущности, ни существованія, ни промысла Божія, но что,
наоборотъ, все это гораздо лучше понимается изъ проч-
наго и неизмѣннаго порядка природы. Чтобы доказать это,

*) См. гл. 2, § 26—28.

17. я разсуждаю такимъ образомъ: такъ какъ существованіе Бога само по себѣ неизвѣстно *), то о немъ необходимо должно заключать изъ понятій, истина которыхъ столь прочна и незыблема, что не можетъ существовать и быть мыслима никакая сила, которая могла бы ихъ измѣнить. По крайней мѣрѣ съ того момента, какъ мы заключили изъ нихъ о существованіи Бога, они должны казаться намъ таковыми, если мы желаемъ изъ нихъ внѣ всякаго сомнѣнія заключать о немъ. Ибо, если бы мы могли мыслить, что самыя понятія могутъ быть измѣнены какою-нибудь силою, какова бы она ни была въ концѣ концевъ, то сомнѣвались бы тогда въ ихъ истинности, а слѣдавательно и въ нашемъ выводѣ, то есть, въ существованіи Бога и ни
18. въ чемъ никогда не могли бы быть увѣрены. Потомъ мы знаемъ, что съ природой согласуется или ей противорѣчитъ только то, что, какъ мы показали, согласуется съ тѣми принципами или противорѣчитъ имъ; поэтому, если бы мы могли мыслить, что въ природѣ можетъ быть сдѣлано какою-нибудь силою (какова бы она ни была въ концѣ концовъ) то, что противорѣчитъ природѣ, то это будетъ противорѣчить тѣмъ первичнымъ понятіямъ, а стало быть, это должно быть отвергнуто какъ нелѣпость, или должно сомнѣваться въ первичныхъ понятіяхъ (какъ мы сейчасъ показали), а слѣдовательно въ Богѣ и во всемъ дознанномъ
19. какимъ бы то ни было образомъ. Итакъ далеко не вѣрно, что чудеса, поскольку подъ этимъ разумѣется дѣло, противорѣчащее порядку природы, показываютъ намъ существованіе Бога, такъ какъ, наоборотъ, они заставляютъ насъ сомнѣваться въ Немъ, между тѣмъ какъ безъ нихъ

*) См. Примѣч. VI.

мы абсолютно могли бы быть увѣрены въ Немъ, именно зная,
что все слѣдуетъ извѣстному и неизмѣнному порядку при-
роды. Но пусть положатъ, что чудо есть то, что не мо- 20.
жетъ быть объяснено естественными причинами. Это можно
понимать, конечно, двояко: или оно имѣетъ дѣйствительно
естественныя причины, которыя однако человѣческимъ ра-
зумомъ не могутъ быть найдены; или же оно никакой при-
чины кромѣ Бога или воли Божіей не признаетъ. Но такъ 21.
какъ все, что совершается по естественнымъ причинамъ,
совершается также только вслѣдствіе могущества и воли
Божіей, то необходимо въ концѣ концовъ должно притти
къ тому, что чудо собственно—имѣетъ ли оно естествен-
ныя причины или нѣтъ—есть дѣло, которое причиною
объяснить нельзя, то есть дѣло, превосходящее человѣче-
ское пониманіе. Но изъ дѣлъ и вообще изъ того, что пре-
восходитъ наше пониманіе, мы ничего не можемъ понять.
Ибо все, что мы ясно и отчетливо понимаемъ, то должно
становиться для насъ извѣстнымъ само чрезъ себя или
чрезъ иное, что само чрезъ себя ясно и отчетливо поним-
мается. Поэтому изъ чуда или дѣла, превышающаго наше 22.
пониманіе, мы не можемъ понять ни сущности, ни суще-
ствованія Божія и вообще чего-либо о Богѣ и природѣ;
но наоборотъ, зная, что все Богомъ опредѣлено и устано-
влено, и что дѣйствія природы вытекаютъ изъ сущности
Бога, законы же природы суть вѣчныя рѣшенія и изволе-
нія Божіи, безусловно должно заключить, что мы тѣмъ
лучше знаемъ Бога и волю Божію, чѣмъ лучше знаемъ
естественныя вещи и чѣмъ яснѣе понимаемъ, какимъ обра-
зомъ онѣ зависятъ отъ своей первой причины и какимъ
образомъ онѣ дѣйствуютъ по вѣчнымъ законамъ природы.
Поэтому по отношенію къ нашему разуму гораздо съ боль- 23.

шимъ правомъ должно называть дѣлами Бога и относить къ волѣ Божіей тѣ дѣла, которыя мы ясно и отчетливо понимаемъ, нежели тѣ, которыхъ мы вовсе не знаемъ, хотя они весьма занимаютъ воображеніе и возбуждаютъ въ людяхъ удивленіе къ себѣ; такъ какъ тѣ только дѣла природы, которыя мы ясно и отчетливо понимаемъ, даютъ болѣе высокое познаніе о Богѣ и яснѣе всего указываютъ волю и рѣшенія Бога. Слѣдовательно, тѣ, которые прибѣгаютъ къ волѣ Божіей, когда не знаютъ чего-либо, совершенно пустословятъ. Забавный конечно способъ призна-
24. ваться въ невѣдѣніи! Далѣе, хотя изъ чудесъ мы и могли бы что-нибудь вывести, однако никоимъ образомъ изъ нихъ нельзя было бы вывести существованіе Бога. Ибо, такъ какъ чудо есть ограниченное дѣло и всегда выражаетъ только извѣстное и ограниченное могущество, то несомнѣнно, что мы изъ такого дѣйствія не можемъ заключать о существованіи причины, могущество которой безконечно, но самое бо̀льшее—о существованіи причины, могущество которой было бы больше. Говорю самое бо̀льшее; можетъ вѣдь и изъ многихъ причинъ, одновременно встрѣчающихся, послѣдовать какое-нибудь дѣло, котораго сила и могущество, хотя меньше могущества всѣхъ причинъ заразъ, но гораздо больше могущества каждой причины въ отдѣль-
25. ности. Но такъ какъ законы природы (какъ мы уже показали) простираются на безконечное и мыслятся нами подъ нѣкоторымъ видомъ вѣчности, и природа поступаетъ согласно имъ въ извѣстномъ и неизмѣнномъ порядкѣ, то они сами постольку и показываютъ намъ какимъ-нибудь обра-
26. зомъ безконечность, вѣчность и неизмѣнность Бога. Итакъ мы заключаемъ, что чрезъ чудеса мы не можемъ познать Бога и Его существованіе и промыслъ, но объ этомъ го-

раздо лучше можно заключать изъ прочнаго и неизмѣннаго порядка природы. Въ этомъ заключеніи я говорю о чудѣ, поскольку подъ нимъ разумѣется не что иное, какъ дѣло, которое превышаетъ или о которомъ думаютъ, что оно превышаетъ человѣческое пониманіе. Ибо поскольку предположили бы, что оно разрушаетъ или нарушаетъ порядокъ природы или противорѣчитъ ея законамъ, постольку (какъ мы сейчасъ показали) оно не только не могло бы дать никакого познанія о Богѣ, но, напротивъ, отняло бы и то, которое мы отъ природы получаемъ, и заставило бы насъ сомнѣваться о Богѣ и о всемъ. Здѣсь я не признаю 27.
никакого различія между дѣломъ противоестественнымъ и дѣломъ сверхъестественнымъ (то есть, какъ нѣкоторые говорятъ, дѣломъ, которое хоть и не противорѣчитъ природѣ, однако не можетъ быть произведено или сдѣлано ею). Ибо, такъ какъ чудо происходитъ не внѣ природы, но въ самой природѣ, то хотя бы и утверждали, что оно сверхъестественно, однако необходимо, чтобы оно нарушало порядокъ природы; въ противномъ случаѣ мы мыслимъ его прочнымъ и неизмѣннымъ въ силу рѣшеній Бога. Итакъ, еслибы въ природѣ произошло что-нибудь, что не слѣдуетъ изъ ея законовъ, то оно необходимо противорѣчило бы порядку, установленному Богомъ въ природѣ на вѣкъ посредствомъ всеобщихъ законовъ природы, и стало быть, оно было бы противъ природы и ея законовъ, а слѣдовательно вѣра въ него заставила бы насъ сомнѣваться во всемъ и привела бы къ атеизму. Такимъ 29.
образомъ я думаю, что то, что я намѣтилъ во второмъ пунктѣ, я показалъ посредствомъ довольно солидныхъ основаній; изъ этого опять мы можемъ заключить, что чудо, будетъ ли оно противо или сверхъестественно, есть чистый

абсурдъ, и что кромѣ того подъ чудомъ въ Священномъ Писаніи можно разумѣть не что иное, какъ дѣло природы (какъ мы сказали), которое превышаетъ или о которомъ думаютъ, что оно превышаетъ человѣческое пониманіе.

30. Теперь, прежде чѣмъ перейти къ III-му пункту, желательно сперва эту нашу мысль, именно, что изъ чудесъ мы не можемъ познать Бога, подтвердить авторитетомъ Священнаго Писанія; и хотя Писаніе нигдѣ открыто не учитъ этому, однако изъ него легко можно заключить объ этомъ, въ особенности изъ того, что Моисей (Второзак. гл. 13) предписываетъ осуждать на смерть пророка обман-
31. щика, хотя бы онъ и чудеса дѣлалъ. Онъ вѣдь такъ говоритъ [1]): וּבָא הָאוֹת וְהַמּוֹפֵת אֲשֶׁר־דִּבֶּר אֵלֶיךָ לֵאמֹר נֵלְכָה אֱלֹהִים אֲחֵרִים הַנָּבִיא הַהוּא וגו כִּי מְנַסֶּה יְהוָה אֱלֹהֵיכֶם אֶתְכֶם וגו וְהַנָּבִיא הַהוּא יוּמָת וגו „*и* (хотя) *произойдетъ знаменіе и чудо, о которомъ онъ тебѣ предсказалъ и пр. не слушай* (однако) *словъ того пророка и пр., потому что Господь Богъ вашъ искушаетъ васъ и пр.* Итакъ *пустъ осудятъ того пророка на смерть*“ и пр. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что чудеса могли совершаться и ложными пророками и что люди, если они недостаточно крѣпки въ истинномъ познаніи Бога и любви къ Нему, могутъ благодаря чудесамъ такъ же легко принять ложныхъ боговъ, какъ и истиннаго. Ибо Онъ прибавляетъ: כִּי מְנַסֶּה יְהוָה אֱלֹהֵיכֶם אֶתְכֶם וגו „*потому что Іегова вашъ Богъ искушаетъ васъ, чтобы знать, любите ли вы Его всѣмъ сердцемъ вашимъ и душою вашею*“.
32. Потомъ израильтяне, видя столько чудесъ, не могли обра-

---

[1]) Второз. 13, 3—6.

зовать никакого здраваго понятія о Богѣ; это самъ опытъ подтвердилъ. Ибо когда они убѣдились, что Моисей ушелъ отъ нихъ, они просили у Аарона видимыхъ боговъ, и, о стыдъ! ихъ представленіемъ о Богѣ, которое они наконецъ выработали себѣ изъ столькихъ чудесъ, былъ телецъ [1]). Асафъ хотя и слышалъ о многихъ чудесахъ, однако сомнѣ- 33.
вался въ промыслѣ Божіемъ и почти совратился было съ истиннаго пути, если бы наконецъ онъ не понялъ истиннаго блаженства (см. Псал. 73); Соломонъ, во времена котораго дѣла іудеевъ находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, также склоненъ думать, что все совершается благодаря случаю (см. Екклес. гл. 3, ст. 19, 20, 21, и гл. 9, ст. 2, 3 и пр.). Наконецъ почти для всѣхъ пророковъ было 34.
очень темно все это, именно: какимъ образомъ можно было бы согласить порядокъ природы и жребій людей съ понятіемъ, которое они образовали о промыслѣ Божіемъ; однако для философовъ, старающихся уразумѣть вещи не изъ чудесъ, но изъ ясныхъ понятій, это было всегда очень ясно; особливо для тѣхъ, которые полагаютъ истинное счастіе только въ добродѣтели и душевномъ спокойствіи и стараются не о томъ, чтобы природа имъ повиновалась, но, напротивъ, они природѣ; такъ какъ они достовѣрно знаютъ, что Богъ управляетъ природой такъ, какъ этого требуютъ ея всеобщіе законы, а не частные законы человѣческой природы, и что слѣдовательно Богъ принимаетъ въ соображеніе не одинъ человѣческій родъ, но всю природу. Итакъ 35.
и изъ самаго Писанія видно, что чудеса не даютъ истиннаго познанія о Богѣ и не учатъ ясно о промыслѣ Божіемъ. А что въ Писаніи часто встрѣчается, что Богъ дѣлалъ чу-

[1]) Исх. гл. 32.

деса, съ цѣлью сдѣлаться извѣстнымъ среди людей, какъ
въ гл. 10, ст. 2 Исхода, что Богъ издѣвался надъ египтя-
нами и давалъ знаменія о Себѣ, дабы израильтяне знали,
что Онъ есть Богъ, то изъ этого однако не слѣдуетъ, что
чудеса дѣйствительно научаютъ этому, но слѣдуетъ только,
что іудеи имѣли такія мнѣнія, что ихъ легко можно было
36. убѣдить тѣми чудесами. Выше, вѣдь, во второй главѣ мы
ясно показали [1]), что пророческія, т. е. образуемыя путемъ
Откровенія, основанія извлекаются не изъ общихъ и обще-
принятыхъ понятій, но изъ понятій допускаемыхъ, хотя бы
нелѣпыхъ, и мнѣній тѣхъ, кому открываются вещи или ко-
го Духъ Святый хочетъ убѣдить; это мы пояснили многими
примѣрами, а также свидѣтельствомъ Павла, который съ
37. греками былъ грекъ, а съ іудеями іудей [2]). Но хотя тѣ чу-
деса и могли убѣждать египтянъ и іудеевъ сообразно съ
ихъ допущенными понятіями, однако они не могли дать
истинной идеи и познанія о Богѣ; но смогли сдѣлать только
то, что египтяне и евреи допустили, что есть Божество,
которое могущественнѣе всѣхъ вещей имъ извѣстныхъ,
потомъ, что о евреяхъ, которымъ въ то время все сверхъ
чаянія удавалось самымъ счастливымъ образомъ, оно забо-
тилось больше чѣмъ о всѣхъ другихъ; но что Богъ о всѣхъ
равно заботится, не допускали, ибо этому можетъ научить
38. только философія. Поэтому іудеи и всѣ тѣ, которые узнали
о промыслѣ Божіемъ только изъ неодинаковаго состоянія
человѣческихъ дѣлъ и неравной судьбы людей, убѣдились,
что іудеи были Богу милѣе остальныхъ, хотя однако они
и не превосходили остальныхъ истиннымъ человѣческимъ

---

[1]) См. гл. 2 § 12 и слѣд.
[2]) 1 Коринѳ. 9, 20 и сл.

совершенствомъ, какъ уже мы показали въ 3 главѣ [1]).
Итакъ перехожу къ третьему пункту, именно покажу изъ 39.
Писанія, что рѣшенія и приказанія Бога, а слѣдовательно
и промыслъ въ дѣйствительности есть не что иное, какъ
порядокъ природы; то есть, когда Писаніе говоритъ, что
это или то сдѣлано Богомъ или волею Бога, то Писаніе
въ дѣйствительности разумѣетъ не что иное, какъ то, что
это именно было сдѣлано согласно съ законами и поряд-
комъ природы, а не разумѣетъ, какъ мнитъ толпа, будто
природа тогда перестала дѣйствовать, или будто ея поря-
докъ на нѣкоторое время былъ нарушенъ. Но Писаніе 40.
прямо не учитъ тому, что не относится къ его доктринѣ,
потому что [какъ мы показали относительно божествен-
наго закона [2])] не его дѣло объяснять вещи посредствомъ
естественныхъ причинъ и учить вещамъ чисто спекулятив-
нымъ. Поэтому то, что мы хотимъ показать здѣсь, должно
извлекать посредствомъ заключенія изъ нѣкоторыхъ исто-
рическихъ разсказовъ Писанія, случайно разсказанныхъ
подробнѣе и въ сопровожденіи многихъ обстоятельствъ.
Итакъ укажу на нѣкоторые изъ такихъ разсказовъ. Въ 41.
первой книгѣ Царствъ гл. 9, ст. 15, 16 разсказывается, что
Богъ открылъ Самуилу, что Онъ пошлетъ къ нему Саула,
и однако Богъ не послалъ его къ Самуилу какъ обыкно-
венно посылаютъ люди одного къ другому; но это посла-
ніе Богомъ было не что иное, какъ самый порядокъ при-
роды; дѣйствительно, Саулъ (какъ разсказывается въ
предыдущей главѣ) искалъ потерянныхъ имъ ослицъ, и,
намѣреваясь уже безъ нихъ возвратиться домой, по совѣту

---

[1]) См. гл. 3 § 57.
[2]) См. гл. 4 § 38 и сл.

своего слуги пришелъ къ пророку Самуилу узнать отъ него, гдѣ онъ можетъ найти ихъ; и изъ всего разсказа не видно, чтобы Саулъ кромѣ этого порядка природы имѣлъ
42. иное приказаніе отъ Бога притти къ Самуилу. Въ Псалмѣ 105, ст. 24 говорится, что Богъ измѣнилъ расположеніе духа у египтянъ такъ, что они возненавидѣли израильтянъ. Это измѣненіе тоже было вполнѣ естественно, какъ явствуетъ изъ гл. I Исхода, гдѣ излагается серьезное основаніе египтянъ, побудившее ихъ обратить израильтянъ въ
43. рабство [1]). Въ гл. 9 Бытія, ст. 13 Богъ говоритъ Ною, что Онъ дастъ радугу въ облакѣ; это дѣйствіе Бога конечно тоже есть не что иное, какъ преломленіе и отраженіе солнечныхъ лучей, претерпѣваемое самими лучами въ капляхъ воды. Въ Псалмѣ 147, ст. 18 то естественное дѣйствіе и теплота вѣтра, отъ котораго таетъ иней и снѣгъ, называется словомъ Божіимъ, а въ ст. 15 рѣчь Бога и слово называется вѣтромъ и холодомъ. Въ псалмѣ 104, ст. 4 вѣтеръ и огонь называются посланниками и служителями Бога; и многое другое въ этомъ родѣ встрѣчается въ Писаніи. Это весьма ясно указываетъ, что рѣшеніе, приказаніе, рѣчь и слово Бога суть не что иное, какъ само дѣй-
44. ствіе и порядокъ природы. Поэтому несомнѣнно, что все, о чемъ разсказывается въ Писаніи, произошло естественнымъ путемъ; тѣмъ не менѣе однако все относится къ Богу, потому что, какъ мы уже показали, Писанію не свойственно изучать вещи чрезъ естественныя причины, но свойственно только разсказывать о тѣхъ вещахъ, которыя широко охватываютъ воображеніе, и при томъ разсказывать по той методѣ и въ томъ стилѣ, которые лучше

[1]) См. Исх. гл. 1, ст. 8 и слѣд.

способствуютъ тому, чтобы больше удивлялись вещамъ, а
слѣдовательно и тому, чтобы внѣдрялось благоговѣніе въ
умы простого народа. Стало быть, если въ Священномъ 45.
Писаніи встрѣчается что-нибудь, причинъ чего мы не
умѣемъ изложить, и что, повидимому, случилось помимо,
даже вопреки порядку природы, то это не должно насъ
останавливать, но безусловно должно вѣрить, что то, что
дѣйствительно произошло, произошло естественнымъ обра-
зомъ. Это подтверждается также тѣмъ, что при чудесахъ
встрѣчалось много обстоятельствъ, хотя о нихъ не всегда
разсказывается, особенно когда воспѣваютъ въ поэтиче-
скомъ стилѣ; обстановка чудесъ, говорю, ясно указываетъ,
что они требуютъ естественныхъ причинъ. Такъ для того, 46.
чтобы египтяне заболѣли нарывами, нужно было, чтобы
Моисей разбрасывалъ вверхъ по воздуху золу (смотри
Исхода гл. 9, ст. 10); саранча напала на страну египтянъ
тоже благодаря естественному приказанію Бога, именно
вслѣдствіе восточнаго вѣтра, дувшаго въ продолженіе цѣ-
лаго дня и ночи, а оставила ее вслѣдствіе весьма силь-
наго западнаго вѣтра (см. Исхода гл. 10, ст. 14, 19); вслѣд-
ствіе такого же повелѣнія Бога и море открыло путь
іудеямъ (см. Исхода гл. 14, ст. 21), именно благодаря вос-
точному вѣтру, дувшему весьма сильно въ продолженіе
цѣлой ночи. Потомъ Елисей, чтобы оживить мальчика, ко- 47.
тораго считали мертвымъ, долженъ былъ нѣсколько времени
лежать на немъ, пока онъ сначала не согрѣлся и не открылъ
наконецъ глазъ (см. Царствъ кн. 4 гл. 4, ст. 34, 35). Точно
также въ евангеліи Іоанна въ гл. 9 разсказывается о нѣко-
торыхъ обстоятельствахъ, которыми пользовался Христосъ
для исцѣленія слѣпого *); также и многія другія обстоятель-

*) Іоан. 9, 6, 7.

ства находятъ въ Писаніи. Все это достаточно показываетъ, что чудеса требуютъ чего-то иного, нежели абсолютнаго,
48. какъ говорятъ, приказанія отъ Бога. Поэтому должно вѣрить, что хотя обстановка чудесъ и ихъ естественныя причины не всегда и не всѣ указываются, однако безъ нихъ чудеса не происходили. Это видно также изъ Исхода гл. 14, ст. 27, гдѣ только разсказывается, что по одному мановенію Моисея море снова взбушевалось, и нѣтъ никакого упоминанія о вѣтрѣ. А между тѣмъ въ пѣснѣ (гл. 15, ст. 10) говорится, что это произошло оттого, что Богъ подулъ вѣтромъ Своимъ (то есть весьма сильнымъ вѣтромъ); въ разсказѣ, слѣдовательно, это обстоятельство опущено,
49. и чудо по этой причинѣ кажется бо̀льшимъ. Но, можетъ быть, кто-нибудь будетъ настаивать на томъ, что въ Писаніи мы встрѣчаемъ весьма много такого, что никоимъ образомъ, повидимому, не можетъ быть объяснено естественными причинами; какъ напримѣръ то, что грѣхи людей и ихъ молитвы могутъ быть причиною дождя и плодородія земли, или что вѣра могла исцѣлять слѣпыхъ и иное подобное, о чемъ разсказывается въ библіи. Но я полагаю, что я уже отвѣтилъ на это. Я вѣдь показалъ, что Писаніе не изучаетъ вещи чрезъ ближайшія ихъ причины, но только разсказываетъ о вещахъ въ томъ порядкѣ и въ тѣхъ выраженіяхъ, которыми больше всего оно можетъ побудить людей, и въ особенности толпу, къ благоговѣнію, и по этой причинѣ оно говоритъ о Богѣ и о вещахъ очень не точно, потому что оно собственно старается не разумъ убѣдить, но затронуть и плѣнить фантазію и воображеніе
50. людей. Вѣдь, если бы Писаніе разсказывало о погромѣ какого-нибудь государства, какъ обыкновенно разсказываютъ политическіе историки, то это нисколько не трогало бы

толпу, и наоборотъ весьма сильно трогаетъ, если оно все изображаетъ поэтически и относитъ къ Богу, какъ оно обыкновенно дѣлаетъ. Итакъ, когда Писаніе разсказываетъ, что земля изъ-за людскихъ грѣховъ дѣлается неплодной, или что слѣпые исцѣлялись вслѣдствіе вѣры, то это должно трогать насъ не болѣе, чѣмъ когда оно разсказываетъ, что Богъ изъ-за людскихъ грѣховъ гнѣвается, печалится, раскаивается въ обѣщанномъ и сдѣланномъ благѣ, или что Богъ вспоминаетъ обѣщаніе оттого, что видитъ знаменіе и многое другое, что или выражено поэтически или разсказано сообразно съ мнѣніями и предразсудками писателя. Поэтому здѣсь мы рѣшительно заключаемъ, что все, о 51.
чемъ говорится въ Писаніи, какъ объ истинно случившемся, необходимо случилось, какъ и все, по законамъ природы, и если бы нашлось что, относительно чего аподиктически можно доказать, что оно противорѣчитъ законамъ природы или не могло изъ нихъ слѣдовать, то объ этомъ положительно должно думать, какъ о вставкѣ, сдѣланной въ Священномъ Писаніи людьми не уважающими святыни; вѣдь все, что противъ природы, то и противъ разума, а что противъ разума, то нелѣпо, а потому и должно быть отвергнуто.

Теперь остается только замѣтить еще немного о тол- 52.
кованіи чудесъ или лучше повторить (ибо главное уже сказано) и иллюстрировать тѣмъ или другимъ примѣромъ, что я обѣщалъ здѣсь сдѣлать въ четвертыхъ; и это я потому хочу сдѣлать, чтобы кто-нибудь, плохо толкуя какое-нибудь чудо, не удивлялся легкомысленно, что онъ нашелъ
въ Писаніи нѣчто, противорѣчащее свѣту природы. Очень 53.
рѣдко бываетъ, чтобы люди разсказали о какомъ-нибудь совершившемся дѣлѣ такъ просто, что ничего не примѣ-

шали бы къ разсказу отъ своего сужденія. Напротивъ, когда они видятъ или слушаютъ что-нибудь новое, то, если старательно не воздерживаются отъ своихъ предвзятыхъ мнѣній, они по большей части такъ ими охватываются, что воспринимаютъ совсѣмъ иное, нежели что видятъ, или слышатъ о случившемся; въ особенности если содѣянное превосходитъ пониманіе разсказчика или слушателя, а главнымъ образомъ, если для ихъ интересовъ важно, чтобы
54. оно случилось извѣстнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого и происходитъ, что люди въ своихъ лѣтописяхъ и исторіяхъ излагаютъ болѣе свои мнѣнія, нежели самыя дѣянія, и одинъ и тотъ же случай разсказывается двумя людьми, имѣющими различныя мнѣнія, столь разно, что они, повидимому, говорятъ о двухъ разныхъ случаяхъ; и, наконецъ, часто не очень трудно найти только изъ историческихъ разсказовъ мнѣнія лѣтописца и историка. Въ подтвержденіе этого я могъ бы привести множество примѣровъ какъ изъ философовъ, написавшихъ естественную исторію, такъ и изъ лѣтописцевъ, если бы не считалъ это излишнимъ. Изъ Священнаго-же Писанія я приведу только одинъ, а объ
55. остальныхъ читатель пусть самъ судитъ. Во времена Іисуса Навина евреи (какъ мы уже выше упоминали) вѣрили наравнѣ съ толпою, что солнце въ дневномъ движеніи, какъ они называютъ, движется, земля же покоится, и къ этому предвзятому мнѣнію они подогнали чудо, случившееся съ ними во время сраженія противъ извѣстныхъ пяти царей. Они вѣдь не просто разсказали, что тогдашній день былъ долѣе обыкновеннаго, но что солнце и луна остановились или прекратили свое движеніе. Это для нихъ въ то время также могло не мало послужить къ тому, чтобы убѣдить язычниковъ, почитавшихъ солнце, и подтвердить самимъ

опытомъ, что солнце находится подъ властью другаго божества, по мановенію котораго оно обязано измѣнить свой естественный порядокъ *). Поэтому отчасти изъ религіозного побужденія, отчасти въ силу предвзятыхъ мнѣній они поняли и разсказали дѣло совершенно иначе, нежели оно могло произойти въ дѣйствительности. Итакъ, чтобы толковать чудеса Писанія и понимать изъ разсказовъ о нихъ, какимъ образомъ они происходили на самомъ дѣлѣ, необходимо знать мнѣнія тѣхъ, которые о нихъ первые разсказали и которые оставили намъ о нихъ описаніе, и различать ихъ отъ того, что̀ могли представить имъ чувства. Иначе вѣдь съ самимъ чудомъ, какъ оно въ дѣйствительности происходило, мы смѣшаемъ мнѣнія и сужденія разсказчиковъ. И не только для этого, но и для того, чтобы не смѣшивать вещей, которые дѣйствительно произошли, съ вещами воображаемыми, бывшими только пророческими представленіями, важно знать ихъ мнѣнія. Въ Писаніи вѣдь о многомъ разсказывается какъ о реальномъ, и многое также считалось за реальное, что̀ однако было лишь представленіями и плодомъ воображенія, напримѣръ, что Богъ (Высшее Существо) сходилъ съ небесъ (смотри Исхода гл. 19, ст. 28 и Второзак. гл. 5, ст. 19); что гора Синай потому дымилась, что Богъ сошелъ на нее, окруженный огнемъ; что Илія восшелъ на небо на огненной колесницѣ и огненныхъ коняхъ **). Все это, конечно, были только фантазіи, приноровленныя къ мнѣніямъ лицъ, передавшихъ намъ о нихъ такъ, какъ онѣ имъ представлялись, то есть, какъ дѣйствительныя вещи. Вѣдь всѣ смыслящіе

56.

57.

58.

*) См. Іис. Нав. 10, 12 и слѣд.

**) См. 4 Цар. 2, 11.

хоть сколько-нибудь больше толпы, знаютъ, что Богъ не имѣетъ ни правой, ни лѣвой руки, что онъ ни движется, ни покоится, и существуетъ не на (одномъ) мѣстѣ, но абсолютно безконеченъ, и въ немъ содержатся всѣ совершенства. Это, говорю, знаютъ тѣ, которые судятъ о вещахъ сообразно съ понятіями чистаго разума, а не въ зависимости отъ того, какъ воображеніе возбуждается внѣшними чувствами, что обыкновенно дѣлаетъ толпа, воображающая поэтому Бога тѣлеснымъ и облеченнымъ царскою властью, представляющая, что тронъ его находится въ куполѣ неба надъ звѣздами, разстояніе которыхъ отъ земли, по ея мнѣнію, не особенно велико. Къ этимъ и подобнымъ мнѣніямъ приноровлены (какъ мы сказали) весьма многіе случаи въ Писаніи. Поэтому философами они не должны
59. приниматься какъ реальныя. Наконецъ, для пониманія того, какъ чудеса происходили въ дѣйствительности, важно знать еврейскіе фразеологію и тропы; вѣдь кто недостаточно обратитъ на нихъ вниманіе, тотъ припишетъ Писанію много чудесъ, о которыхъ написавшіе его никогда и не думали разсказывать; стало быть, онъ не только не будетъ знать того, какъ вещи и чудеса произошли въ дѣйствительности, но и мысли авторовъ священныхъ книгъ совершенно не
60. узнаетъ. Напримѣръ Захарія въ гл. 14, ст. 7, говоря о нѣкоей будущей войнѣ, утверждаетъ: וְהָיָה יוֹם־אֶחָד הוּא יִוָּדַע לַיהוָה לֹא־יוֹם וְלֹא־לָיְלָה וְהָיָה לְעֵת־עֶרֶב יִהְיֶה־אוֹר „*и единственный будетъ день, Богу только извѣстный*, (будетъ вѣдь) *ни день, ни ночь, въ вечернее же время свѣтъ будетъ*“. Повидимому этими словами онъ предсказываетъ большое чудо, а между тѣмъ ими онъ хочетъ обозначить не что иное, какъ то, что сраженіе въ продолженіе цѣлаго дня не опредѣлится, и исходъ его будетъ извѣстенъ только Богу, и

что въ вечернее время стяжаютъ побѣду; пророки обык-
новенно вѣдь въ такихъ выраженіяхъ предсказывали и опи-
сывали побѣды и пораженія народовъ. Подобное же ви- 61.
димъ и у Исаіи, который въ гл. 13 изображаетъ погромъ
Вавилона такимъ образомъ: כִּי־כוֹכְבֵי הַשָּׁמַיִם וּכְסִילֵיהֶם לֹא
יָהֵלּוּ אוֹרָם חָשַׁךְ הַשֶּׁמֶשׁ בְּצֵאתוֹ וְיָרֵחַ לֹא־יַגִּיהַ אוֹרוֹ „*потому что звѣзды неба и его созвѣздія не будутъ свѣтить своимъ свѣтомъ, солнце при восходѣ своемъ померкнетъ, и луна не будетъ испускать блеска свѣта своего*“ [1]). Конечно никто, полагаю, не вѣритъ, что это случилось при погромѣ того царства, равно какъ не вѣритъ и тому, что онъ вскорѣ прибавляетъ, именно: עַל־כֵּן שָׁמַיִם אַרְגִּיז וְתִרְעַשׁ הָאָרֶץ מִמְּקוֹמָהּ „*поэтому я поколеблю небо, и земля подвинется съ мѣста своего*“ [2]). Точно также Исаія въ гл. 48, ст. послѣднемъ, дабы 62.
показать іудеямъ, что они безпрепятственно возвратятся
изъ Вавилоніи въ Іерусалимъ и не испытаютъ въ пути
жажды, говоритъ: וְלֹא צָמְאוּ בֶּחֳרָבוֹת הוֹלִיכָם מַיִם מִצּוּר
הִזִּיל לָמוֹ וַיְבַקַּע־צוּר וַיָּזוּבוּ מָיִם „*и они не знали жажды, чрезъ пустыни онъ ихъ провелъ, воду изъ скалы источилъ имъ, разсѣкъ скалу и потекли воды*“. Этими словами, говорю,
онъ желаетъ означить не что иное, какъ то, что іудеи най-
дутъ въ пустыняхъ источники, какъ это бываетъ, изъ ко-
торыхъ они утолятъ свою жажду. Ибо извѣстно, что когда
они съ согласія Кира возвращались въ Іерусалимъ, то ни-
какихъ подобныхъ чудесъ для нихъ не случилось. И въ 63.
Священномъ Писаніи встрѣчается весьма много такого рода
чудесъ, которыя у іудеевъ были только фигурой рѣчи. И
нѣтъ надобности перечислять здѣсь всѣ въ отдѣльности; но

---

[1]) Исаіи гл. 13, ст. 10.
[2]) Исаіи гл. 13, ст. 13.

я желалъ бы только замѣтить вообще, что евреи благодаря этимъ выраженіямъ привыкли не только говорить вычурно, но даже, и главнымъ образомъ, благоговѣйно. По этой вѣдь причинѣ въ священномъ Писаніи встрѣчаютъ выраженіе „благословить“ Бога בֵּרַךְ אֱלֹהִים вмѣсто „хулить“ (см. 3 кн. Цар. гл. 21, ст. 10 и Іова гл. 2, ст. 9) и по той же причинѣ они все относили къ Богу; потому и кажется, что Писаніе разсказываетъ только о чудесахъ даже и тогда, когда оно говоритъ о вещахъ совершенно естественныхъ; нѣсколько примѣровъ чего мы уже выше привели. Поэтому когда Писаніе говоритъ, что Богъ ожесточилъ сердце фараона, то должно думать, что оно тогда означаетъ не что иное, какъ то, что Фараонъ былъ упрямъ [1]), и когда говорится, что Богъ открываетъ окна неба, то это обозначаетъ не что иное, какъ то, что много воды выпадаетъ въ видѣ дож-
64. дя [2]), и такъ далѣе. Итакъ если кто надлежащимъ образомъ обратитъ вниманіе на это и на то, что о многомъ разсказывается очень кратко, безъ всякихъ обстоятельствъ и почти отрывочно, тотъ ничего почти не найдетъ въ Писаніи, относительно чего можно доказать, что оно противорѣчитъ естественному свѣту, и, наоборотъ, многое, что казалось весьма темнымъ, при умѣренномъ размышленіи можно будетъ понять и легко истолковать. И этимъ, полагаю, я довольно ясно показалъ то, что было предполо-
65. жено мною. Но прежде чѣмъ окончить эту главу, остается еще нѣчто, о чемъ я хочу упомянуть здѣсь, именно, что относительно чудесъ я шелъ здѣсь совсѣмъ инымъ путемъ, нежели относительно пророчествъ. О пророчествѣ я утвер-

---

[1]) Исх. 4, 21. 7, 3. 14, 4. сл. 7, 13. 14, 22.
[2]) Быт. 7, 11.

ждалъ вѣдь только то, что могъ вывести изъ основоположеній открытыхъ въ Священномъ Писаніи; здѣсь же я сдѣлалъ выводы о самомъ главномъ только изъ принциповъ, дознанныхъ при помощи Естественнаго Свѣта. И это я сдѣлалъ намѣренно, потому что о пророчествѣ, такъ какъ оно превосходитъ человѣческое пониманіе и представляетъ вопросъ чисто богословскій, я помимо основоположеній Откровенія ничего не могъ ни утверждать, ни даже знать, въ чемъ главнымъ образомъ оно состоитъ, и потому я принужденъ былъ тогда согласоваться съ исторіей пророчества и образовать изъ нея нѣкоторыя догмы, которыя меня научили, насколько это возможно, природѣ пророчества и его свойствамъ. А здѣсь относительно чу- 66.
десъ, я ни въ чемъ подобномъ не нуждался, потому что то, что мы изслѣдуемъ (именно можемъ ли мы допустить, что въ природѣ случается нѣчто, что̀ противорѣчитъ ея законамъ или что̀ изъ нихъ нельзя вывести), есть предметъ вполнѣ философскій; напротивъ, я счелъ болѣе цѣлесообразнымъ выяснить этотъ вопросъ изъ основоположеній, дознанныхъ при помощи Естественнаго Свѣта, то есть, наиболѣе всего извѣстныхъ. Говорю, что я счелъ это болѣе цѣлесообразнымъ: ибо я могъ легко разрѣшить вопросъ на основаніи только догматовъ и основоположеній Писанія. Покажу это здѣсь коротенько, чтобы каждому было ясно. Писаніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утверждаетъ 67.
о природѣ вообще, что она сохраняетъ прочный и неизмѣнный порядокъ, какъ напр. въ Псалмѣ 148, ст. 6 и Іерем. гл. 31, ст. 35, 36. Кромѣ того философъ въ своемъ Еккл. гл. 1, ст. 10 весьма ясно учитъ, что въ природѣ ничего новаго не случается; а въ ст. 11, 12, иллюстрируя то же самое говоритъ, что хотя иногда и случается что-нибудь,

что̀ кажется новымъ, однако оно не есть новое, но случалось въ вѣки, которые прежде были, и о которыхъ нѣтъ никакой памяти; ибо, какъ онъ говоритъ, нѣтъ никакой памяти о древнихъ у нынѣшнихъ людей, и не будетъ также
63. никакой памяти о нынѣшнихъ у потомковъ. Затѣмъ въ гл. 3, ст. 11 онъ говоритъ, что Богъ все хорошо распредѣлилъ въ свое время, а въ ст. 14 говоритъ, что онъ знаетъ, что все, что ни дѣлаетъ Богъ, то пребудетъ во вѣки, и чего-либо къ тому прибавить и чего либо отъ того отнять нельзя. Все это весьма ясно учитъ, что природа сохраняетъ прочный и неизмѣнный порядокъ, что Богъ во всѣ вѣки намъ извѣстные и неизвѣстные былъ одинъ и тотъ же, и что законы природы столь совершенны и плодотворны, что къ нимъ ничего придать и ничего отъ нихъ отнять нельзя, и наконецъ что чудеса только благодаря
69. людскому незнанію кажутся чѣмъ-то новымъ. Итакъ въ Писаніи выразительно учатъ этому; но нигдѣ не говорится, что въ природѣ случается нѣчто, что противорѣчитъ ея законамъ или что не можетъ изъ нихъ слѣдовать; стало быть этого и не должно приписывать Писанію. Кромѣ того чудеса требуютъ причинъ и обстоятельствъ (какъ уже мы показали) и слѣдуютъ они не въ силу не знаю какой царской власти, приписываемой темнымъ людомъ Богу, но въ силу божественнаго господства и рѣшенія, то есть (какъ тоже мы показали изъ самаго Писанія), въ силу законовъ природы и ея порядка, и наконецъ чудеса могли совершать и шарлатаны, какъ убѣждаешься изъ гл. 13 Второзак. и
70. гл. 24, ст. 24 Матѳея. Изъ этого далѣе весьма ясно слѣдуетъ, что чудеса были естественнымъ дѣломъ и ихъ, слѣдовательно, должно объяснять такъ, чтобы они не казались (употребляя выраженіе Соломона) ни новыми, ни противо-

рѣчащими природѣ, но (если то могло случиться) болѣе всего похожими на естественныя вещи. Чтобы каждый легче могъ это сдѣлать, я преподалъ нѣкоторыя правила, заимствованныя только изъ Писанія. Впрочемъ хотя я и говорю, что 71.
Писаніе учитъ о чудесахъ, однако я не разумѣю подъ этимъ, что Писаніе излагаетъ ученіе о нихъ, какъ правила необходимыя для спасенія; но говорю только, что пророки принимали чудеса за то же, за что и мы; поэтому каждому вольно судить объ этомъ такъ, какъ онъ надумаетъ, что̀ для него лучше для того, чтобы предаться всѣмъ сердцемъ религіи и почитанію Бога. То же думаетъ и Іосифъ; 72.
онъ вѣдь въ заключеніи 11 книги Древностей пишетъ такъ: *„пусть же никто не относится скептически къ слову чудо, если древніе и простодушные люди вѣрятъ, что путь къ спасенію—открылся ли онъ по волѣ Бога или самъ собою—былъ совершенъ чрезъ море: между прочимъ вѣдь и для тѣхъ, которые съ Александромъ, Македонскимъ царемъ, были, нѣкогда въ старину Памфилійское море будто бы было раздѣлено противниками, и такъ какъ другого пути не было, то оно позволило имъ переходъ, потому что Богъ желалъ чрезъ Александра ниспровергнуть владычество персовъ, и это признаютъ всѣ, писавшіе о дѣяніяхъ Александра* [1]). *Итакъ пусть каждый думаетъ объ этомъ, какъ ему будетъ угодно“* [2]). Это слова Іосифа и его сужденіе о вѣрѣ въ чудеса.

---

[1]) Сравни Плутарха: Живнь Александра, гл. 17.
[2]) См. Примѣч. переводчика.

Глава VII.

Объ истолкованіи Писанія.

То Священное Писаніе есть слово Божіе, научающее людей истинному блаженству или пути къ спасенію, это, конечно, на устахъ у всѣхъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается совершенно другое. Толпа, повидимому, ни о чемъ вѣдь меньше всего не заботится, какъ о жизни по правиламъ Священнаго Писанія; и мы видимъ, что почти всѣ выдаютъ свои измышленія за слово Божіе, и стараются только о томъ, чтобы подъ предлогомъ религіи принудить
2. другихъ думать за одно съ ними. Мы видимъ, говорю, что богословы по большей части были озабочены тѣмъ, какъ бы имъ свои выдумки и мнѣнія выкрутить изъ священныхъ письменъ и подкрѣпить божественнымъ авторитетомъ, и что они ни въ чемъ другомъ не поступаютъ съ меньшей рачительностью и съ большимъ легкомысліемъ какъ въ истолкованіи Писанія или мысли Духа Святого. Если ихъ потомъ что-нибудь и безпокоитъ, такъ это опасеніе не за то, что они приписали Святому Духу какую-нибудь ошибку и уклонились съ пути спасенія, но за то, что какъ бы ихъ не уличили въ ошибкѣ другіе (и такимъ образомъ собствен-

ный ихъ авторитетъ былъ бы попранъ) и какъ бы ихъ другіе не презрѣли. Если бы люди отъ истиннаго чувства го- 3.
ворили то, что они свидѣтельствуютъ о Писаніи на словахъ, то они вели бы тогда совершенно другой образъ жизни, и столько разногласій не возмущало бы ихъ душу; они не спорили бы съ такой ненавистью и ихъ не охватывало бы столь слѣпое и легкомысленное желаніе толковать Писаніе и выдумывать новшества въ религіи; но наоборотъ, они не посмѣли бы принять за ученіе Писанія ничего, чему не научились сколь возможно яснѣе изъ него самого; и наконецъ тѣ святотатцы, которые не поопасились поддѣлать Писаніе въ очень многихъ мѣстахъ, въ значительной мѣрѣ поостереглись бы отъ такого преступленія и отстранили бы отъ нихъ святотатственныя руки. Но честолюбіе и дер- 4.
зость напослѣдокъ столь превозмогли, что религію обосновали не столько на повиновеніи ученіямъ Святого Духа, сколько на защитѣ человѣческихъ измышленій; даже болѣе,— религія будто бы заключается не въ любви, но въ возбужденіи разногласій между людьми и въ распространеніи самой ожесточенной ненависти, прикрываемой ложнымъ именемъ божественной ревности и пламеннаго усердія. Къ этимъ бѣдамъ присоединяется суевѣріе, учащее людей презирать разумъ и природу, и чтить и удивляться только тому, что противорѣчитъ тому и другой. Поэтому не уди- 5.
вительно, что люди, дабы больше удивляться Писанію и почитать его, стараются такъ его изъяснить, чтобы оно казалось какъ можно больше противорѣчащимъ имъ, т. е. разуму и природѣ; поэтому они и грезятъ, что въ Священныхъ Письменахъ скрываются глубочайшія тайны, и упражняются въ отыскиваніи ихъ, т. е. нелѣпостей, пренебрегая прочее полезное. И все что только они придумаютъ, безумствуя

такимъ образомъ, все это они приписываютъ Святому Духу и изо всей силы и съ порывистостью страстей стараются защищать. Люди вѣдь такъ устроены, что все, что они познаютъ чистымъ разумомъ, они и защищать стараются только разумомъ и разсудкомъ; наоборотъ, все, о чемъ они мыслятъ, руководясь аффектами души, они и защи-
6. щаютъ руководясь ими же. Но чтобы выпутаться изъ этихъ неурядицъ и освободить умъ отъ теологическихъ предразсудковъ и не принимать легкомысленно человѣческихъ выдумокъ за божественныя правила, мы должны повести рѣчь объ истинной методѣ толкованія Писанія и обсудить ее. Вѣдь не зная методы, мы нисколько не можемъ опредѣленно знать, чему Писаніе или чему Святой Духъ хочетъ учить. А эта метода истолкованія Писанія, характеризуя ее здѣсь кратко, не различается, говорю, отъ методы истолкованія природы, но согласуется съ ней совершенно.
7. Ибо какъ метода истолкованія природы состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что мы излагаемъ собственно исторію природы, изъ которой какъ изъ извѣстныхъ данныхъ мы выводимъ опредѣленія естественныхъ вещей, такъ равно и для истолкованія Писанія необходимо начертать его правдивую исторію и изъ нея, какъ изъ извѣстныхъ данныхъ и принциповъ, заключать при помощи законныхъ
8. выводовъ о мысли авторовъ Писанія. Вѣдь такимъ образомъ каждый (если дѣйствительно онъ для истолкованія Писанія и разсужденія о вещахъ, въ немъ содержащихся, не допуститъ никакихъ другихъ принциповъ и данныхъ кромѣ тѣхъ только, которые заимствуются изъ самаго Писанія и его исторіи) безъ всякой опасности ошибиться всегда будетъ преуспѣвать и о томъ, что превосходитъ наше пониманіе, будетъ въ состояніи разсуждать такъ же

вѣрно, какъ и о томъ, что мы познаемъ при помощи Естественнаго Свѣта. Но чтобы было ясно, что этотъ путь не 9.
только вѣрный, но и единственный, и что онъ согласуется
съ методой истолкованія природы, нужно замѣтить, что
Писаніе весьма часто говоритъ о вещахъ, которыя не мо-
гутъ быть выведены изъ принциповъ, дознанныхъ при по-
мощи Естественнаго Свѣта; вѣдь большую часть Писанія
составляютъ исторіи и откровенія. А исторіи содержатъ 10.
въ себѣ главнымъ образомъ разсказы о чудесахъ, то есть
[какъ въ предъидущей главѣ [1]) мы показали] разсказы о
необыкновенныхъ дѣлахъ природы, приспособленные къ
взглядамъ и сужденіямъ историковъ, писавшихъ о нихъ;
откровенія же тоже были приспособлены къ взглядамъ про-
роковъ [какъ мы показали во второй главѣ [2])], и они на са-
момъ дѣлѣ превосходятъ человѣческое пониманіе. Поэтому
познаніе всего этого, то есть всѣхъ почти вещей, содер-
жащихся въ Писаніи, должно быть заимствуемо только изъ
самого Писанія, подобно тому какъ познаніе природы—изъ
самой природы. Что касается нравственныхъ правилъ, ко- 11.
торыя также содержатся въ Библіи, то хотя они могутъ
быть доказаны изъ общихъ понятій, однако изъ нихъ
нельзя доказать, что Писаніе научаетъ имъ, но это можетъ
явствовать только изъ самого Писанія. Даже болѣе, если
мы безъ предразсудка желаемъ подтвержденія божествен-
ности Писанія, то для насъ должно быть яснымъ изъ него
одного, что оно научаетъ истиннымъ нравственнымъ пра-
виламъ; вѣдь только изъ этого можетъ быть доказана его
божественность: ибо мы показали, что достовѣрность про-

---

[1]) См. гл. 6, § 3, 13 и др.
[2]) См. гл. 2, въ особенности § 13—15.

роковъ главнымъ образомъ явствуетъ изъ того, что пророки имѣли духъ склонный къ справеливому и доброму. Посему это же самое и для насъ должно быть ясно, дабы
12. мы могли имѣть къ нимъ довѣріе. А что изъ чудесъ нельзя убѣдиться въ божественности Бога, мы также уже доказали, умалчивая уже о томъ, что чудеса могли совершаться и лже-пророками. Поэтому божественность Писанія должна явствовать изъ того только, что оно учитъ истинной добродѣтели. Но это можетъ явствовать только изъ Писанія. Если бы это не могло случиться, то мы не безъ великаго предразсудка приняли бы его и засвидѣтельствовали бы его божественность. И такъ все познаніе Писанія должно
13. заимствовать изъ него одного. Наконецъ Писаніе не даетъ опредѣленій вещей, о которыхъ оно говоритъ, какъ не даетъ также и природа. Поэтому, подобно тому какъ опредѣленія естественныхъ вещей должно выводить изъ различныхъ дѣйствій природы, такъ и тѣ должны быть извлечены изъ различныхъ разсказовъ, которые встрѣчаются въ Писаніи
14 о каждой вещи. Слѣдовательно общее правило толкованія Писанія таково: не приписывать Писанію, какъ его ученіе, ничего, чего мы не усмотрѣли бы самымъ яснымъ образомъ изъ его исторіи. Какова же должна быть его исторія, и о чемъ главнымъ образомъ она должна разсказать, надо теперь здѣсь сказать.

15. Именно, I. Она должна содержать природу и свойства языка, на которомъ книги Писанія были написаны, и на которомъ ихъ авторы обыкновенно говорили. Вѣдь такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи найти всѣ значенія, которыя каждая рѣчь можетъ допускать на основаніи обычнаго употребленія разговора. А такъ какъ всѣ писатели какъ Ветхаго такъ и Новаго Завѣта были евреи, то несо-

мнѣнно, что исторія еврейскаго языка прежде всего необходима не только для пониманія книгъ Ветхаго Завѣта, написанныхъ на этомъ языкѣ, но и Новаго; ибо хотя онѣ были обнародованы и на другихъ языкахъ, однако содержать гебраизмы. II. Она должна собрать положенія каждой 16.
книги и свести ихъ къ существеннымъ началамъ, чтобы такимъ образомъ всѣ положенія, встрѣчающіяся объ одномъ и томъ же предметѣ, могли быть у насъ на виду; затѣмъ отмѣтить всѣ тѣ, которыя двусмысленны или темны, или которыя кажутся противорѣчащими другъ другу. А здѣсь я называю темными или ясными тѣ положенія, смыслъ которыхъ легко или трудно усматривается разумомъ изъ текста рѣчи; мы вѣдь заботимся только о смыслѣ рѣчей, а не о истинѣ ихъ. Даже болѣе, пока мы отыскиваемъ 17.
смыслъ Писанія, въ высшей степени должно остерегаться предпосылать ему наше умозаключеніе, поскольку оно основано на принципахъ естественнаго познанія (умалчиваю уже о предразсудкахъ); но чтобы намъ не смѣшать истины смысла съ истиною вещей, его должно отыскивать на основаніи только употребленія языка или посредствомъ умозаключенія, которое никакого другого основанія кромѣ Писанія не признаетъ. Все это для лучшаго пониманія поясню примѣромъ. Слѣдующія положенія Моисея, что *Богъ есть* 18.
огонь и что *Богъ ревнивъ* [1]), весьма ясны, пока мы обращаемъ вниманіе только на значеніе словъ; и потому я отношу ихъ также къ яснымъ, хотя въ отношеніи къ истинѣ и разуму онѣ весьма темны; даже хотя бы буквальный смыслъ ихъ противорѣчилъ Естественному Свѣту, также если онъ ясно не противополагается принципамъ и осно-

[1]) См. Второз. 4, 24; сравни Исх. 24, 17; 34, 14. Второз. 5, 9.

ваніямъ, добытымъ изъ исторіи Писанія, этотъ смыслъ, именно буквальный, должно однако принять; и наоборотъ, если бы эти положенія оказались на основаніи ихъ буквальнаго толкованія противорѣчащими принципамъ, добытымъ изъ Писанія, то хотя бы они были и весьма согласны съ разумомъ, однако ихъ должно были бы истолковать
19. иначе (метафорически именно). Итакъ, чтобы намъ узнать, вѣрилъ ли Моисей, что Богъ есть огонь, или нѣтъ, объ этомъ никоимъ образомъ не должно заключать на основаніи того, что это мнѣніе согласно съ разумомъ или что оно ему противорѣчитъ, но только на основаніи другихъ положеній самого Моисея. Именно, такъ какъ Моисей въ очень многихъ мѣстахъ ясно также учитъ, что Богъ не имѣетъ никакого сходства съ видимыми вещами, находящимися въ небесахъ, на землѣ или въ водѣ, то отсюда должно заключить, что это положеніе или всѣ таковыя
20. нужно изъяснять метафорически. Но такъ какъ отъ буквальнаго смысла какъ можно меньше должно отступать, то поэтому должно изслѣдовать прежде, допускаетъ ли это единичное положеніе: *Богъ есть огонь*, иной смыслъ кромѣ буквальнаго, то есть, означаетъ ли реченіе огонь что иное
21. кромѣ естественнаго огня. Если въ практикѣ языка другое значеніе не встрѣчается, то это положеніе никакимъ другимъ образомъ и не должно истолковывать, сколько бы оно ни противорѣчило разуму; но наоборотъ, всѣ остальныя, хотя бы и согласныя съ разумомъ, должно было бы однако сообразовать съ нимъ. Если же на основаніи употребленія языка и этого нельзя было бы сдѣлать, тогда эти положенія были бы несогласны, и поэтому сужденіе о нихъ должно будетъ отложить въ сторону. Но такъ какъ реченіе огонь берется также вмѣсто гнѣва и ревности (смотри Іова гл.

31, ст. 12), то положенія Моисея здѣсь легко согласуются и мы законно заключаемъ, что эти два положенія: *Богъ есть огонь* и *Богъ ревнивъ* суть одно и то же положеніе. Далѣе, такъ какъ Моисей ясно учитъ, что Богъ ревнивъ, и 22.
нигдѣ не учитъ, что Богъ лишенъ страстей или волненій души, то отсюда по справедливости должно заключить, что Моисей этому самому вѣрилъ или по крайней мѣрѣ хотѣлъ учить, сколько бы намъ ни думалось, что это положеніе противорѣчитъ разуму. Ибо, какъ мы уже показали, намъ не позволительно извращать мысль Писанія по внушеніямъ нашего разума и сообразно съ нашими предвзятыми мнѣніями, но все познаніе о Библіи должно быть заимствуемо только изъ нея. III. Наконецъ эта исторія 23.
должна разсказать объ обстоятельствахъ, относящихся ко всѣмъ книгамъ пророковъ, память о которыхъ сохраняется у насъ, то есть: о жизни, характерѣ и занятіяхъ автора каждой книги; кто именно онъ былъ, по какому случаю, въ какое время, кому и, наконецъ, на какомъ языкѣ онъ написалъ; потомъ судьбу каждой книги, именно: какъ она первоначально была принята и въ чьи руки попала, потомъ сколько разночтеній ея было, и по чьему рѣшенію она была принята въ число священныхъ, и, наконецъ, какимъ образомъ всѣ книги, которыя теперь всѣми признаются за священныя, соединили въ одно цѣлое. Все это, говорю, исторія Писанія должна содержать. Ибо, чтобы намъ знать, какія 24.
именно положенія предлагаются какъ законы, а какія какъ нравственныя правила, важно знать жизнь, характеръ и занятія автора; прибавьте, что мы тѣмъ легче можемъ объяснить чьи-либо слова, чѣмъ лучше знаемъ его дарованіе и характеръ. Затѣмъ, чтобы не смѣшать вѣчныхъ правилъ съ тѣми, которыя только временно или для немногихъ

могли быть полезны, важно также знать, по какому случаю, въ какое время и для какого народа или вѣка всѣ
25. правила были написаны. Наконецъ важно знать остальное, о чемъ мы выше говорили, чтобы кромѣ достовѣрности каждой книги мы знали также и то: могла ли она быть испорчена руками поддѣлывателей или нѣтъ; вкрались ли ошибки, или онѣ были исправлены людьми достаточно опытными и заслуживающими довѣрія. Знать это все весьма необходимо, дабы мы въ слѣпомъ порывѣ увлеченія принимали не все, что намъ навязываютъ, но только то, что вѣрно и несомнѣнно.

26. Лишь послѣ того какъ у насъ будетъ эта исторія Писанія, и мы твердо рѣшимъ не выдавать доподлинно за ученіе пророковъ ничего, что не слѣдуетъ изъ этой исторіи или что не выводится изъ нея самымъ яснымъ образомъ, наступитъ потомъ время приняться за отыскиваніе мысли пророковъ и Святого Духа. Но для этого требуется и метода и порядокъ схожіе съ тѣмъ, которымъ мы пользуемся
27. при истолкованіи природы на основаніи ея исторіи. Вѣдь какъ при изслѣдованіи естественныхъ вещей мы стараемся найти прежде всего вещи самыя общія и присущія всей природѣ, именно: движеніе и покой и ихъ законы и правила, которые природа всегда сохраняетъ и по которымъ она постоянно дѣйствуетъ, а отъ нихъ постепенно переходимъ къ другому менѣе общему; такъ и на основаніи исторіи Писанія должно искать сперва то, что есть самое общее, и что составляетъ базизъ и основаніе всего Писанія и что наконецъ рекомендуется въ немъ всѣми пророками, какъ вѣчное и самое полезное для всѣхъ смертныхъ ученіе. Напримѣръ, что существуетъ единый и всемогущій Богъ, котораго одного должно почитать, и который о всѣхъ за-

ботится и расположенъ больше всего къ тѣмъ, кто почитаетъ Его и любитъ ближняго какъ самого себя и проч. Этому 28.
и подобному, говорю, Писаніе вездѣ столь ясно и столь выразительно учитъ, что никогда никого не было, кто сомнѣвался бы относительно этого въ его смыслѣ. Но что есть Богъ, и какимъ образомъ онъ видитъ всѣ вещи и промышляетъ о нихъ, этому и подобному Писаніе ясно и какъ вѣчной доктринѣ не учитъ; но напротивъ, мы уже выше показали [1]), что сами пророки были не согласны относительно этого, и потому относительно подобныхъ вещей не должно ничего выдавать за ученіе Святого Духа, хотя бы даже оно весьма хорошо могло быть опредѣлено посредствомъ Естественнаго Свѣта. Итакъ, узнавши хорошо это 29.
всеобщее ученіе Писанія, должно потомъ переходить къ другому, менѣе общему и касающемуся однако обычной житейской практики и какъ ручейки вытекающему изъ этого всеобщаго ученія, каковы суть всѣ частныя внѣшнія дѣйствія истинной добродѣтели, которыя могутъ обнаруживаться только при данномъ случаѣ; и все, что найдется въ Писаніи темнымъ или двусмысленнымъ относительно этого, то должно быть объясняемо и опредѣляемо изъ всеобщаго ученія Писанія; если же что и найдется противорѣчащимъ другъ другу, то должно посмотрѣть, по какому случаю, въ какое время или кому оно было написано. Напримѣръ, 30.
когда Христосъ говоритъ [2]): „*блаженны плачущіе, потому что они получатъ утѣшеніе*“, то мы изъ этого текста не знаемъ, какихъ плачущихъ онъ разумѣетъ; но такъ какъ онъ потомъ учитъ заботиться только объ одномъ царствѣ

---

[1]) См. гл. 2 § 32 и слѣд.
[2]) Матѳ. 5, 4.

Бога и Его справедливости, что̀ онъ рекомендуетъ какъ высшее благо (смотр. Матѳ. гл. 6, ст. 33), то отсюда слѣдуетъ, что онъ подъ плачущими разумѣетъ тѣхъ только, кто плачетъ по царствѣ Бога и справедливости, пренебрегаемой людьми; вѣдь объ этомъ могутъ плакать только тѣ, которые ничего кромѣ божественнаго царства или правоты не любятъ и остальные дары счастія совершенно презира-
31. ютъ. Точно также когда онъ говоритъ [1]): „*но тому, кто ударяетъ тебя по правой твоей ланитѣ, подставь ему и другую*“, и такъ далѣе. Еслибы Христосъ приказывалъ это какъ законодатель судьямъ, то этимъ правиломъ онъ разрушилъ бы законъ Моисея, на что однако онъ, напротивъ, ясно указываетъ (см. Матѳ. гл. 5, ст. 17); поэтому должно смотрѣть, кто именно это сказалъ, кому и въ какое время.
32. Именно, сказалъ Христосъ, который не устанавливалъ законовъ какъ законодатель, но какъ учитель училъ нравственнымъ правиламъ, потому что [какъ выше мы показали [2])] онъ желалъ исправить не столько внѣшнія дѣйствія, сколько душу. Затѣмъ, сказалъ онъ это людямъ угнетеннымъ, жившимъ въ государствѣ развратившемся, въ которомъ справедливость совершенно пренебрегалась, и котораго близкое наступленіе паденія онъ видѣлъ. Но мы видимъ, что и Іеремія при первомъ опустошеніи города, то есть въ подобное же время, училъ [см. Плачъ гл. 3, буквы тетъ и іодъ [3])] тому же самому, чему учитъ здѣсь Христосъ при предстоящемъ разрушеніи города.
33. Поэтому, такъ какъ пророки учили этому только во время

---

[1]) Матѳ. 5, 39 и сл.
[2]) См. гл. 5, § 8, 9.
[3]) Т. е. Плачъ Іерем. гл. 3, ст. 25—30.

угнетенія, и это нигдѣ не было провозглашаемо какъ законъ, и наоборотъ, Моисей [писавшій не во время угнетенія, а старавшійся (замѣтьте это) объ устройствѣ хорошаго государства] хотя также осудилъ мщеніе и ненависть къ ближнему, однако приказалъ платить око за око [1]), то отсюда весьма ясно слѣдуетъ, изъ самыхъ только основъ Писанія, что это правило Христа и Іереміи о перенесеніи обиды и уступкѣ во всемъ нечестивцамъ имѣетъ мѣсто только въ странахъ, гдѣ справедливость пренебрегается, и во времена угнетенія, а не въ хорошемъ государствѣ; напротивъ того въ хорошемъ государствѣ, гдѣ справедливость охраняется, каждый обязанъ, если онъ хочетъ показать себя справедливымъ, заявлять объ обидахъ предъ судьей (см. Левитъ гл. 5, ст. 1) не ради мести (см. Лев. гл. 19, ст. 17, 18), но изъ побужденія къ защитѣ справедливости и законовъ отечества, и чтобы дурнымъ людямъ не выгодно было быть дурными. Все это вполнѣ согла- 34.
суется и съ естественнымъ разумомъ. Подобнымъ образомъ я могъ бы привести много другихъ примѣровъ, но думаю, что и этого достаточно для объясненія моей мысли и полезности этой методы, о чемъ я теперь только и забочусь. Но до сихъ поръ мы учили изслѣдовать только тѣ мысли Писанія, которыя касаются обычаевъ жизни, и которыя поэтому легче можно изслѣдовать; ибо о нихъ дѣйствительно никогда никакого разногласія не было между библейскими писателями. Остальное же, что встрѣчается 35.
въ Писаніи и что составляетъ предметъ одного умозрѣнія, не такъ легко можно услѣдить: путь вѣдь къ этому болѣе узокъ; ибо, такъ какъ относительно умозрительныхъ вещей

[1]) См. Исх. 21, 24. Лев. 24, 20.

[какъ уже мы показали [1])] пророки между собою не соглашались, и разсказы о вещахъ больше всего были приспособливаемы къ предразсудкамъ каждой эпохи, то намъ нельзя о мысли одного пророка ни заключать на основаніи болѣе ясныхъ мѣстъ другого, ни объяснять ее, если не видно самымъ яснымъ образомъ, что они одну и ту же
36. мысль лелѣяли. Итакъ, какимъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ должна извлекаться изъ исторіи Писанія мысль пророковъ? Это я изложу уже вкратцѣ. Именно: относительно этого нужно начинать тоже съ самаго общаго, отыскивая конечно прежде всего изъ мыслей Писанія наиболѣе ясныхъ, что есть пророчество или Откровеніе, и въ чемъ главнымъ образомъ оно состоитъ; потомъ, что есть чудо, а затѣмъ далѣе—самыя обыкновенныя вещи; отсюда должно перейти къ мнѣніямъ каждаго пророка; а отъ нихъ наконецъ переходить къ смыслу каждаго Откровенія или
37. пророчества, исторіи и чуда. Какую же осторожность должно наблюдать, чтобы при этомъ не смѣшать мысль пророковъ и историковъ съ мыслью Святого Духа и истиною вещи, мы показали выше въ своемъ мѣстѣ на многихъ примѣрахъ [2]); поэтому я не нахожу нужнымъ говорить объ этомъ подробнѣе. Однако по отношенію къ смыслу Откровеній должно замѣтить, что эта метода учитъ изслѣдовать только то, что пророки въ самомъ дѣлѣ видѣли или слышали, а не то, что они хотѣли обозначить или представить извѣстными гіероглифами; объ этомъ вѣдь мы можемъ гадать, а не выводить съ увѣренностью изъ осно-
38. ваній Писанія. Итакъ мы показали способъ толкованія

---

[1]) См. гл. 2, § 48 и сл.

[2]) См. гл. 2.

Писанія и вмѣстѣ съ тѣмъ доказали, что онъ есть единственный и вѣрнѣйшій путь для нахожденія его истиннаго смысла. Я признаю, конечно, что о немъ болѣе знаютъ тѣ люди (если таковые есть), у которыхъ хранится извѣстное преданіе о немъ или истинное объясненіе, полученное отъ самихъ пророковъ, какъ заявляютъ фарисеи, или если у которыхъ есть первосвященникъ, не могущій ошибаться относительно толкованія Писанія, чѣмъ хвалятся римскіе католики. Но такъ какъ ни въ этомъ преданіи, ни въ авторитетѣ первосвященника мы не можемъ быть увѣрены, то ничего достовѣрнаго и не можемъ основать на этомъ; послѣдній вѣдь отрицали древнѣйшіе изъ христіанъ, а другое—древнѣйшія секты іудеевъ; и если наконецъ мы обратимъ вниманіе на рядъ лѣтъ (не говоря уже о другомъ), который фарисеи приняли отъ своихъ раввиновъ, и при помощи котораго они возводятъ это преданіе до Моисея, то мы найдемъ, что онъ ошибоченъ, какъ я показываю въ другомъ мѣстѣ [1]). Поэтому такое преданіе должно быть для насъ весьма подозрительнымъ; и хотя мы при нашей методѣ принуждены предполагать нѣкоторое преданіе іудеевъ какъ неиспорченное, именно значеніе словъ еврейскаго языка, который мы отъ нихъ получили, однако относительно того преданія мы сомнѣваемся, а относительно этого нисколько. Ибо измѣненіе значенія какого-либо слова никогда и никому, а измѣненіе смысла какой-нибудь рѣчи, конечно, нерѣдко могло быть полезно. Даже и сдѣлать это весьма трудно; ибо если бы кто попытался измѣнить значеніе какого-нибудь слова, то онъ былъ бы принужденъ въ то же время всѣхъ авторовъ, писавшихъ на томъ языкѣ

39.

40.

41.

[1]) См. гл. 9 и гл. 12.

и пользовавшихся тѣмъ словомъ въ общепринятомъ его
значеніи, объяснить сообразно генію или уму каждаго или
42. исказить съ величайшею осторожностью. Затѣмъ, языкъ
сохраняется народомъ съ учеными, смыслъ же рѣчей и
книги сохраняются только учеными; и потому мы легко
можемъ понять, что ученые могли измѣнить или исказить
смыслъ рѣчи какой-нибудь весьма рѣдкой книги, бывшей
въ ихъ власти, но не значеніе словъ; прибавьте, что если
бы кто захотѣлъ измѣнить значеніе какого-нибудь слова,
къ которому онъ привыкъ, на другое, то онъ не могъ бы
впослѣдствіи безъ затрудненія соблюдать его при разговорѣ
43. и писаніи. Такимъ образомъ изъ этихъ и другихъ основа-
ній мы легко убѣждаемся, что никому не могло притти на
умъ портить какой-нибудь языкъ; но мысль какого-нибудь
писателя, конечно, портили часто, измѣняя его рѣчи или
толкуя ихъ не надлежащимъ образомъ. Такъ какъ, стало
быть, эта наша метода (основывающаяся на томъ, чтобы
познаніе Писанія пріобрѣталось только изъ него) един-
ственная и вѣрная, то надежда на все, что она не будетъ
въ состояніи дать для пріобрѣтенія полнаго познанія Пи-
44 санія, должна быть совершенно оставлена. Здѣсь теперь
слѣдуетъ сказать, въ чемъ же состоитъ ея трудность, или
чего отъ нея нужно желать, для того чтобы она могла
вести насъ къ полному и вѣрному познанію священныхъ
книгъ. Большая трудность, во-первыхъ, происходитъ при
этой методѣ оттого, что она требуетъ полнаго знанія еврей-
45. скаго языка. Но откуда его теперь получить? Объ основа-
ніяхъ и ученіи этого языка древніе почитатели еврей-
скаго языка ничего не оставили потомству; мы, по крайней
мѣрѣ, отъ нихъ рѣшительно ничего не имѣемъ: ни сло-
варя какого-либо, ни грамматики, ни риторики; еврейская

же нація утратила все, что ее украшало, и всю славу (и не удивительно послѣ столькихъ пораженій и преслѣдованій претерпѣнныхъ ею) и удержала только немногіе коекакіе фрагменты языка и немногихъ книгъ; вѣдь благодаря несправедливости временъ утратились почти всѣ имена плодовъ, птицъ, рыбъ и весьма многое другое. Потомъ значеніе многихъ существительныхъ и глаголовъ, встрѣчающихся въ библіи, или совершенно неизвѣстно, или о немъ спорятъ. Какъ всего этого, такъ въ особенности 46.
фразеологіи этого языка намъ не достаетъ; вѣдь его выраженія и обороты рѣчи, свойственные еврейской націи, алчное время почти всѣ изгладило изъ памяти людей. Такимъ образомъ мы не всегда будемъ въ состояніи, какъ желаемъ, найти всѣ смыслы каждой рѣчи, которые она можетъ допускать на основаніи практики языка; и много встрѣтится рѣчей, которыя хотя и выражены самыми извѣстными словами, однако смыслъ ихъ будетъ весьма теменъ и совершенно непонятенъ. Къ этому, т. е., что мы не можемъ имѣть совершенной исторіи еврейскаго языка, 47.
присоединяется самый составъ и природа этого языка; изъ нея возникаетъ столько двусмыслицъ, что невозможно найти такую методу *), которая вѣрно научила бы отыскивать истинный смыслъ всѣхъ рѣчей Писанія. Ибо кромѣ причинъ двусмыслицы, общихъ всѣмъ языкамъ, существуютъ въ этомъ языкѣ нѣкоторыя другія, отъ которыхъ происходитъ весьма много двусмыслицъ; указать ихъ здѣсь я считаю не безполезнымъ.

Во-первыхъ, двусмыслица и темнота рѣчей въ Библіи 48.
возникаетъ часто оттого, что буквы одного и того же ор-

*) См. Примѣч. VII.

гана берутся однѣ вмѣсто другихъ. Именно, евреи раздѣляютъ всѣ буквы алфавита на пять классовъ, соотвѣтственно пяти органамъ рта, которые служатъ для произношенія (именно: губы, языкъ, зубы, небо и гортань). Напр. ה, ע, ח, א, алефъ, хетъ, хгајинъ и ге называются гортанными, и безъ всякаго различія, намъ по крайней мѣрѣ извѣстнаго, берутся одна вмѣсто другой. Именно אל *ель*, что означаетъ *къ*, берется часто вмѣсто על *хгаль*, что означаетъ *надъ*, и наоборотъ. Вслѣдствіе этого происходитъ, что всѣ части рѣчи часто дѣлаются или двусмысленными или какъ бы звуками, не имѣющими никакого значенія.

49. Затѣмъ, во-вторыхъ, двусмыслица въ рѣчахъ возникаетъ вслѣдствіе множественнаго значенія союзовъ и нарѣчій. Напр. ו *вавъ*, безъ различія служа для соединенія и раздѣленія, обозначаетъ *и, но, потому что, же, тогда.* כי *ки* имѣетъ семь или восемь значеній, именно: *потому что, хотя, если, когда, какъ, что, сжиганіе* и пр. И такъ почти всѣ частицы.

50. Есть третья причина, и она служитъ источникомъ многихъ двусмыслицъ,—та, что глаголы въ изъявительномъ наклоненіи не имѣютъ настоящаго, прошедшаго несовершеннаго, давнопрошедшаго, будущаго совершеннаго и другихъ временъ весьма употребительныхъ въ другихъ языкахъ; въ повелительномъ же и неопредѣленномъ они не имѣютъ кромѣ настоящаго всѣхъ, а въ сослагательномъ абсолютно всѣхъ временъ. И хотя всѣ эти дефекты временъ и наклоненій при помощи извѣстныхъ правилъ, выведенныхъ изъ основаній языка, легко, даже съ большимъ изяществомъ, можно было пополнить, однако древнѣйшіе писатели совершенно пренебрегали ими и безразлично употребляли будущее время вмѣсто настоящаго и прошед-

шаго и, обратно, прошедшее вмѣсто будущаго, и кромѣ того изъявительное наклоненіе вмѣсто повелительнаго и сослагательнаго; и это не безъ большой двусмысленности въ рѣчахъ.

Кромѣ этихъ трехъ причинъ двусмыслицъ въ еврей- 51.
скомъ языкѣ остается отмѣтить еще двѣ другія, каждая изъ которыхъ имѣетъ еще большую важность. Первая изъ нихъ та, что у евреевъ нѣтъ гласныхъ буквъ. Вторая та, что они никакими знаками препинанія обыкновенно рѣчей не раздѣляли и не выражали или не подчеркивали.
И хотя обѣ онѣ, т. е. и гласныя и знаки препинанія, 52.
обыкновенно восполняются точками и акцентами, мы однако не можемъ полагаться на нихъ, такъ какъ они были изобрѣтены и установлены людьми позднѣйшей эпохи, авторитетъ которыхъ не долженъ имѣть никакого значенія у насъ. Древніе же писали безъ точекъ, то есть безъ гласныхъ, и акцентовъ (какъ явствуетъ изъ многихъ свидѣтельствъ), но потомки прибавили ихъ обоихъ такъ, какъ имъ казалось надо толковать Библію, поэтому акценты и точки, которые мы теперь имѣемъ, суть только новѣйшія толкованія и заслуживаютъ не больше довѣрія и авторитета, чѣмъ и остальныя объясненія авторовъ. Тѣ же, кому 53.
это неизвѣстно, не знаютъ, на какомъ основаніи авторъ, написавшій Посланіе къ Евреямъ, долженъ быть извиненъ за то, что онъ въ 11 гл., 21 ст. истолковалъ текстъ Бытія гл. 47, ст. 31 совсѣмъ иначе, нежели онъ имѣется въ пунктированномъ еврейскомъ текстѣ; словно апостолъ долженъ былъ учиться смыслу Писанія у пунктистовъ! Мнѣ, конечно, пунктисты кажутся болѣе виноватыми. Чтобы каждому было видно это, а одновременно и то, что это разногласіе произошло только отъ недостатка гласныхъ, я приведу

54. здѣсь то и другое толкованіе. Пунктисты, благодаря своимъ точкамъ именно, истолковали: *и склонился Израиль на*, или (мѣняя ע хгаjинъ на א алефъ, то есть на букву того же органа) *къ изголовью постели*, а авторъ Посланія: *и склонился Израиль на вершину жезла*, читая именно מַטֶּה *мате* вмѣсто чего другіе читаютъ מִטָּה *мита*; эта разница происходитъ только отъ гласныхъ [1]). Теперь, такъ какъ въ этомъ разсказѣ рѣчь идетъ только о старости Іакова, а не о болѣзни его, какъ въ слѣдующей главѣ, то кажется болѣе правдоподобнымъ, что мысль историка была та, что Іаковъ склонился на вершину жезла (въ которомъ, дѣйствительно, старики глубокаго возраста нуждаются для своей поддержки), а не постели; особенно когда такимъ образомъ
55. не нужно предполагать какую-либо замѣну буквъ. И этимъ примѣромъ я не только хотѣлъ указанное мѣсто Посланія къ Евреямъ согласить съ текстомъ Бытія, но главнымъ образомъ показать, какъ мало довѣрія должно имѣть къ новѣйшимъ точкамъ и акцентамъ; и поэтому тотъ, кто хочетъ толковать Писаніе безъ всякаго предразсудка, обязанъ въ нихъ усумниться и вновь изслѣдовать его.

56. Итакъ (возвращаясь къ нашей цѣли) на основаніи такого склада и природы еврейскаго языка каждый легко можетъ предположить, что двусмыслицы должны возникнуть въ такомъ количествѣ, что нельзя дать никакой методы, благодаря которой можно было бы всѣ ихъ опредѣлить. Ибо наша

---

[1]) Авторъ Посланія къ Евреямъ, по обыкновенію, заимствовалъ эти слова изъ LXX толковниковъ: *καὶ προσεκύνησεν Ἰσραὴλ ἐπὶ τὸ ἄκρον τῆς ῥάβδου αὐτοῦ*. Иначе у Симмаха: *ἐπὶ τὸ ἄκρον τῆς κλίνης*. У Аквилы: *ἐπὶ κεφαλὴν τῆς κλίνης*. Вульгата: adoravit Deum conversus ad lectuli caput.

надежда на то, что взаимнымъ сопоставленіемъ рѣчей (мы показали, что это единственный путь для раскрытія истиннаго смысла изъ многихъ, которые каждая рѣчь можетъ допустить на основаніи употребленія языка) можно безусловно это сдѣлать, ничего не значитъ, какъ потому, что это сопоставленіе рѣчей только случайно можетъ иллюстрировать какую-нибудь рѣчь, такъ какъ ни одинъ пророкъ не писалъ съ той цѣлью, чтобы объяснять ex professo слова другого или свои собственныя, такъ равно и потому, что мы не можемъ заключать о мысли одного пророка, апостола и пр. на основаніи мысли другого, за исключеніемъ случаевъ, касающихся житейской практики, какъ уже мы ясно показали, но не тѣхъ когда говорится объ умозрительныхъ вещахъ, или когда разсказываютъ о чудесахъ и историческихъ событіяхъ. Впрочемъ это, т. е., что въ 57.
Св. Писаніи встрѣчаются многія необъяснимыя рѣчи, я могу показать на нѣкоторыхъ примѣрахъ, но сейчасъ охотнѣе откладываю ихъ и буду продолжать отмѣчать прочее, что остается, именно: что еще имѣетъ труднаго эта истинная метода толкованія Писанія или чего въ ней не достаетъ.

Другая трудность кромѣ того возникаетъ при этой 58.
методѣ оттого, что она требуетъ исторіи судебъ всѣхъ книгъ Писанія, которая намъ большею частью неизвѣстна; вѣдь авторовъ или (если лучше хотите) писателей многихъ книгъ мы или совсѣмъ не знаемъ или сомнѣваемся въ нихъ, какъ я подробно покажу въ слѣдующихъ главахъ [1]). Затѣмъ мы не знаемъ также: ни по какому поводу, ни въ

[1]) См. гл. 8 и 10.

какое время были написаны эти книги, писатели которыхъ
намъ не извѣстны. Кромѣ того мы не знаемъ, въ чьи руки
всѣ книги попали, въ чьихъ экземплярахъ были найдены
столь различныя чтенія и, наконецъ, не было ли многихъ
59. другихъ варіантовъ у иныхъ. А что все это важно знать,
я кратко указалъ въ своемъ мѣстѣ; однако я тамъ съ на-
мѣреніемъ выпустилъ кое-что, что здѣсь теперь прихо-
дится разсмотрѣть. Если мы читаемъ какую-нибудь
книгу, содержащую невѣроятныя или непонятныя вещи или
написанную въ довольно темныхъ выраженіяхъ, и не зна-
емъ ни ея автора, а также ни въ какое время и по како-
му поводу онъ писалъ, то напрасно будемъ стараться
60. узнать ея истинный смыслъ. Не зная вѣдь всего этого,
мы не можемъ знать, на что авторъ мѣтилъ или могъ
мѣтить; между тѣмъ, наоборотъ, хорошо зная это, мы опре-
дѣляемъ наши мысли такимъ образомъ, что никакой пред-
разсудокъ не завладѣваетъ нами, т. е., мы не приписываемъ
автору или тому, въ угоду кого авторъ писалъ, болѣе
или менѣе надлежащаго и думаемъ только о томъ, что
авторъ могъ имѣть въ умѣ, или чего требовали время и
61. случай. Это, конечно, всѣмъ ясно, я думаю. Вѣдь
весьма часто случается, что мы читаемъ въ разныхъ
книгахъ схожіе разсказы, о которыхъ дѣлаемъ совершенно
разное сужденіе вслѣдствіе именно разныхъ мнѣній, кото-
рыя мы имѣемъ о писателяхъ. Знаю, что я въ какой-то
книгѣ читалъ нѣкогда, будто человѣкъ, имя которому было
Неистовый Орландъ, имѣлъ обыкновеніе путешествовать
по воздуху на какомъ-то крылатомъ чудовищѣ, и перелета-
лъ въ какія бы ни захотѣлъ страны, будто онъ одинъ
убивалъ огромное число людей и гигантовъ,—и другія фан-
тазіи подобнаго же рода, которыя съ точки зрѣнія разума
62. совершенно непонятны. Подобную же этой исторію я чи-

талъ у Овидія [1]) о Персеѣ и наконецъ другую въ книгахъ Судей и Царствъ о Самсонѣ, который одинъ и безоружный тысячи человѣкъ убилъ [2]), и объ Иліи, который леталъ по воздуху и наконецъ поднялся на небо на огненныхъ коняхъ и колесницѣ [3]). Эти исторіи, говорю, совершенно схожи, однако далеко не схожее сужденіе мы дѣлаемъ о каждой: именно, что первый хотѣлъ написать только сказку, второй же о политическихъ, третій, наконецъ, о священныхъ событіяхъ; и въ этомъ мы убѣждаемся не на основаніи какой иной причины, какъ вслѣдствіе мнѣній, которыя мы имѣемъ о писателяхъ тѣхъ исторій. Итакъ ясно, что свѣдѣніе объ авторахъ, писавшихъ о 63.
предметахъ темныхъ и для разума непонятныхъ, весьма необходимо, если мы желаемъ толковать ихъ произведенія; по тѣмъ же причинамъ ради того, чтобы мы могли изъ разныхъ варіантовъ темныхъ разсказовъ выбрать истинные, необходимо знать, въ чьемъ экземплярѣ были найдены эти различные варіанты, и не было ли когда находимо много
другихъ у другихъ лицъ бо̀льшаго авторитета. Иная нако- 64.
нецъ трудность толкованія нѣкоторыхъ книгъ Писанія при помощи этой методы заключается въ томъ, что мы не имѣемъ ихъ на томъ языкѣ, на которомъ первоначально онѣ были написаны. Вѣдь евангеліе отъ Матѳея, и, безъ сомнѣнія, также Посланіе къ Евреямъ были написаны согласно общему мнѣнію по еврейски; каковыя однако не существуютъ. Относительно же книги Іова не рѣшено, на какомъ языкѣ она была написана. Абенъ-Езра въ своихъ

---

[1]) См. Овид. Метаморф. кн. 4, ст. 614 и слѣд.

[2]) Суд. гл. 15, ст. 15 и сл.; гл. 16, ст. 30.

[3]) 4 Цар. гл. 2, ст. 11.

комментаріяхъ утверждаетъ, что она съ другого языка была переведена на еврейскій, и что въ этомъ лежитъ причина ея темноты. Я ничего не говорю объ апокрифическихъ книгахъ, такъ какъ онѣ обладаютъ весьма неодинаковой достовѣрностью.

65. И это всѣ трудности этой методы толковать Писаніе на основаніи его исторіи, какую мы можемъ имѣть, о которыхъ я взялся разсказать; и ихъ я считаю столь большими, что не затрудняюсь утверждать, что во многихъ мѣстахъ мы истиннаго смысла Писанія или не знаемъ или
66. угадываемъ его безъ достовѣрности. Но съ другой стороны приходится замѣтить опять и то, что всѣ эти трудности только могутъ препятствовать нашему постиженію мысли пророковъ относительно непонятныхъ вещей и только воображаемыхъ, но не относительно вещей, которыя мы и разумомъ постичь, и о которыхъ ясное понятіе легко образовать можемъ [1]); вѣдь вещи, которыя по своей природѣ легко воспринимаются, никогда не могутъ быть выражены столь темно, чтобы ихъ не легко было понять согласно извѣстной пословицѣ: *разумному сказаннаго достаточно.* Эвклидъ, писавшій только о вещахъ очень простыхъ
67. и весьма понятныхъ, легко объясняется каждымъ на какомъ угодно языкѣ; чтобы постигнуть его мысль и быть увѣренными въ ея истинномъ смыслѣ, намъ не нужно вѣдь обладать безукоризненнымъ знаніемъ языка, на которомъ онъ писалъ, но достаточно только весьма обыкновеннаго и почти дѣтскаго знанія; не нужно знать жизнь, занятія,

---

[1]) См. Примѣч. VIII.

характеръ автора, ни кому, на какомъ языкѣ, ни когда онъ писалъ, ни судьбу книги, ни различныя ея чтенія, ни какимъ образомъ, ни по чьему, наконецъ, рѣшенію она была принята. И что здѣсь сказано о Эвклидѣ, то должно ска- 68.
зать про всѣхъ, писавшихъ о вещахъ понятныхъ по своей природѣ; и потому заключаемъ, что мысль Писанія относительно нравственныхъ правилъ мы изъ его исторіи, какую можемъ имѣть, легко можемъ постичь и быть увѣренными въ истинности его смысла. Вѣдь правила истиннаго благочестія выражаются словами самыми употребительными, такъ какъ они довольно обыкновенны, и не мѣнѣе просты и легки для разумѣнія; и такъ какъ истинное спасеніе и блаженство состоитъ въ истинномъ душевномъ спокойствіи, и мы истинно успокаиваемся только на томъ, что весьма ясно понимаемъ, то отсюда очевиднѣйшимъ 69.
образомъ слѣдуетъ, что мы можемъ вѣрно постигнуть мысль Писанія относительно вещей спасительныхъ и необходимыхъ для блаженства; поэтому нѣтъ основанія, почему бы мы такъ заботились объ остальномъ; вѣдь остальное скорѣе любопытно, нежели полезно, такъ какъ мы большей частью не можемъ обнять его ни разумомъ, ни разсудкомъ.

Этимъ, полагаю, я показалъ истинную методу толкованія Писанія и достаточно объяснилъ свою мысль о ней. Кромѣ того я не сомнѣваюсь, что теперь каждый видитъ, 70.
что эта метода не нуждается ни въ какомъ свѣтѣ кромѣ самаго естественнаго. Вѣдь природа и сила этого свѣта состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ вещи дѣйствительно темныя выводитъ и заключаетъ о нихъ на основаніи законныхъ слѣдствій изъ извѣстныхъ или какъ бы извѣстныхъ данныхъ. И иного нѣтъ, чего требуетъ эта

наша метода; и хотя мы допускаемъ, что она не достаточна для достовѣрнаго разслѣдованія всего, что встрѣчается въ Библіи, однако это происходитъ не отъ ея недостатка, но отъ того, что о дорогѣ, которую она объявляетъ истинною и прямою, никогда не заботились, и она людьми не протаривалась, а потому съ теченіемъ времени она сдѣлалась очень трудною и почти непроходимою, какъ, полагаю, изъ самыхъ трудностей, приведенныхъ мною, весьма ясно становится.

71. Остается теперь разобрать мнѣніе лицъ несогласныхъ съ нами. Первымъ что здѣсь приходится разобрать, это— мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, будто Естественный Свѣтъ не имѣетъ силы для толкованія Писанія, но для этого требуется больше всего сверхъестественный свѣтъ; а что это за свѣтъ кромѣ Естественнаго, объяснить пре-
72. доставляю имъ самимъ. Я по крайней мѣрѣ ничего другого не могу предположить кромѣ того, что они пожелали въ болѣе темныхъ выраженіяхъ признаться также, что относительно истиннаго смысла Писанія они большей частью сомнѣваются; вѣдь вникнувъ въ ихъ объясненія, мы найдемъ, что послѣднія ничего сверхъ естествтннаго не содержатъ, что они даже суть только чистыя догадки. Пусть ихъ сопоставятъ, если угодно, съ объясненіями тѣхъ, которые откровенно признаются, что они никакого свѣта кромѣ Естественнаго не имѣютъ, и ихъ найдутъ совершенно схожими, то есть человѣческими, придуманными
73. послѣ долгихъ размышленій и съ трудомъ. Что же касается утвержденія, будто Естественный Свѣтъ для этого не достаточенъ, то его ложность ясна какъ изъ нашего уже доказательства, что трудность толкованія Писанія произошла отнюдь не вслѣдствіе недостатка силъ Естественнаго Свѣта,

но только вслѣдствіе безпечности (чтобы не сказать злостности) людей, которые пренебрегли исторіей Писанія, между тѣмъ какъ они могли ее начертать; такъ и изъ того, что этотъ сверхъестественный свѣтъ есть божественный даръ, доступный только вѣрнымъ (какъ, если не ошибаюсь, всѣ признаютъ). Но пророки и апостолы проповѣдывали 74.
обыкновенно не только вѣрнымъ, но больше всего невѣрнымъ и нечестивымъ людямъ, которые, стало быть, были способны понимать мысль пророковъ и апостоловъ. Иначе казалось бы, что пророки и апостолы проповѣдывали ребятамъ и безсловеснымъ младенцамъ, а не мужамъ одареннымъ разумомъ; и Моисей напрасно предписалъ бы законы, если бы ихъ могли понимать только вѣрные, которые ни въ какомъ законѣ не нуждаются. Поэтому кто требуетъ сверхъестественнаго свѣта для разумѣнія мысли пророковъ и апостоловъ, тотъ, повидимому, дѣйствительно нуждается въ Естественномъ Свѣтѣ. Итакъ я очень далекъ отъ мысли, что такіе люди имѣютъ сверхъестественный божественный даръ.

Совершенно иное мнѣніе было у Маймонида: онъ вѣдь 75.
думалъ, что каждое мѣсто Писанія допускаетъ различные, даже противоположные смыслы, и что мы не увѣрены относительно истиннаго смысла какого-либо мѣста, если не знаемъ, что то мѣсто, смотря по его толкованію нами, не содержитъ ничего, что̀ не согласуется съ разумомъ или что̀ ему противорѣчитъ; вѣдь если бы изъ буквальнаго его смысла обнаружилось, что оно противорѣчитъ разуму, то онъ думаетъ, что мѣсто, сколь ни кажется смыслъ яснымъ, должно однако толковаться иначе. И это онъ весьма ясно 76.
указываетъ въ гл. 25 части 2 книги Море Небухимъ; онъ вѣдь говоритъ: דע כי אין ברירתנו מן המאמר בקדמות

העולם מפני הכתובים אשר באו בתורה בהוית העולם מהודש כי אין הכתובים המורים על הדוש העולם יותר מן הכתובים המורים על היות השם נשם ולא שערי הפידוש סתומים בפנינו ולא נמנעים לנו בענין הדוש העולם אבל היה אפשר לנו לפרשם כמו שעשינו בהדהקת הנשמות ואולי היה זה יותר קל דרבה והיינו יכולים יותר לפרש הפסוקים ההם ולהעמיד קדמות העולם כמו שפירשנו הפסוקים והדהקנו היותו יתברך נשם וגו „*Знай, что мы не ради текстовъ, встрѣчающихся въ Писаніи о твореніи міра, избѣгаемъ говорить, что міръ былъ отъ вѣчности. Ибо текстовъ, которые учатъ, что міръ сотворенъ, не больше тѣхъ, которые учатъ, что Богъ тѣлесенъ. И пути къ объясненію мѣстъ, находящихся въ этой матеріи о твореніи міра, намъ не закрыты, а также и не затруднены, но мы могли бы объяснить ихъ подобно тому, какъ мы сдѣлали при устраненіи тѣлесности отъ Бога; и можетъ быть сдѣлать это было бы много легче, и мы могли бы объяснить ихъ и обосновать вѣчность міра ловчье, нежели когда объяснили Писаніе съ цѣлью устранить тѣлесность благословеннаго Бога. Но не дѣлать этого и не вѣрить этому* (т. е., что міръ вѣченъ) *меня побуждаютъ двѣ причины: первая, такъ какъ благодаря ясному доказательству очевидно, что Богъ безтѣлесенъ, то и необходимо всѣ тѣ мѣста, которыхъ буквальный смыслъ противорѣчитъ доказательству, объяснить; ибо безспорно, что они тогда необходимо имѣютъ объясненіе* (другое кромѣ буквальнаго). *Но вѣчность міра никакимъ доказательствомъ не показывается, стало быть и насиловать Писаніе и объяснять его ради призрачнаго мнѣнія не нужно, буде мы, на какомъ-либо убѣдительномъ основаніи, могли быть склонны къ противоположному ему.*

Вторая причина: такъ какъ вѣра въ безтѣлесность Бога не противорѣчитъ основаніямъ Закона и проч., а вѣра въ вѣчность міра, какъ о ней думалось Аристотелю, разрушаетъ Законъ въ его основаніи" и проч. Это слова Маймонида. Изъ нихъ ясно слѣдуетъ то, что мы сейчасъ сказали; вѣдь если бы ему было очевидно изъ разума, что міръ вѣченъ, онъ не поколебался бы извратить и объяснить Писаніе такъ, что наконецъ казалось бы, что оно учитъ тому же самому. Онъ даже тотчасъ увѣрился бы, что Писаніе, какъ бы оно вездѣ открыто ни протестовало, хотѣло однако учить этой вѣчности міра; стало быть, онъ до тѣхъ поръ не могъ бы увѣриться въ истинномъ смыслѣ Писанія, сколь угодно ясномъ, пока не могъ бы сомнѣваться въ истинѣ вещи или пока она не стала бы ясною для него. Ибо пока истина вещи не ясна, до тѣхъ поръ мы не знаемъ, согласуется ли вещь съ разумомъ или же противорѣчитъ ему, и слѣдовательно до тѣхъ поръ также мы не знаемъ, истиненъ ли буквальный смыслъ или ложенъ. Конечно, если бы эта мысль была истинна, я безусловно допустилъ бы, что мы для толкованія Писанія нуждаемся кромѣ Естественнаго Свѣта въ другомъ. Ибо почти все, что встрѣчается въ Писаніи, нельзя вывести изъ началъ извѣстныхъ черезъ Естественный Свѣтъ (какъ мы уже показали); стало быть, относительно истины тѣхъ вещей, а также слѣдовательно и относительно истиннаго смысла и разума Писанія, намъ чрезъ силу Естественнаго Свѣта ничего не можетъ быть извѣстно; но для этого мы необходимо нуждались бы въ другомъ свѣтѣ. Затѣмъ, если бы эта мысль была истинна, то слѣдовало бы, что простонародіе, которое большею частью не знаетъ доказательствъ или не можетъ ими заняться, могло бы принимать все касающееся Писанія только

77.

78.

79.

на основаніи авторитета и свидѣтельства людей философствующихъ, а слѣдовательно оно должно будетъ предположить, что философы не могутъ ошибаться относительно толкованія Писанія. Это, конечно, былъ бы новый авторитетъ у церкви и новый родъ жрецовъ или первосвященниковъ, который простонародіе болѣе осмѣивало бы, не-
80. жели почитало. И хотя наша метода требуетъ знанія еврейскаго языка, изученіемъ котораго простонародіе также не можетъ заниматься, однако противъ насъ нельзя возразить ничего подобнаго, ибо простонародіе у іудеевъ и язычниковъ, которымъ нѣкогда пророки и апостолы проповѣдывали и писали, понимало языкъ пророковъ и апостоловъ, благодаря чему понимало и мысль пророковъ, но не основанія проповѣданныхъ вещей, которыя по мнѣнію Маймонида оно также должно было знать,
81. чтобы быть въ состояніи понять мысль пророковъ. Итакъ изъ основанія нашей методы не слѣдуетъ, чтобы простонародіе необходимо успокаивалось на свидѣтельствѣ толкователей; вѣдь я указываю на простонародіе, которое знало языкъ пророковъ и апостоловъ; но Маймонидъ никакого простонародія не укажетъ, которое разумѣло бы причины вещей, благодаря которымъ оно понимало бы
82. ихъ мысль. А что касается нынѣшняго простого народа, то мы уже показали [1]), что онъ все для спасенія необходимое, хотя основанія его и неизвѣстны, можетъ однако легко понимать на любомъ языкѣ по той причинѣ, что оно весьма обще и обыкновенно; и на этомъ пониманіи, а не на свидѣтельствѣ толкователей, простой народъ успо-

[1]) См. § 67 и слѣд.

каивается; а что касается до остального, то въ этомъ онъ раздѣляетъ одинаковую участь съ учеными. Но возвратимся къ мысли Маймонида и изслѣдуемъ ее тщательнѣе. 83.
Во-первыхъ, онъ предполагаетъ, что пророки во всемъ были согласны между собою, и что они были величайшіе философы и богословы: онъ вѣдь утверждаетъ, что они заключали на основаніи истины вещи; но во 2-ой главѣ мы показали, что это ложно. Затѣмъ онъ предполагаетъ, 84.
что смыслъ Писанія нельзя установить изъ самого Писанія: вѣдь истина вещей установляется не изъ самого Писанія (такъ какъ оно ничего не доказываетъ и не учитъ вещамъ, о которыхъ говоритъ, посредствомъ опредѣленія и ихъ первыхъ причинъ); поэтому, по мнѣнію Маймонида, и нельзя установить изъ него истинный его смыслъ, а стало быть, такового и не должно добиваться отъ него. Но что и это ложно, изъ этой главы подтверждается; мы вѣдь и отъ разума и примѣрами показали, что смыслъ Писанія устанавливается только изъ самого Писанія и изъ него только долженъ заимствоваться, даже когда говорится о вещахъ познаваемыхъ при помощи Естественнаго Свѣта. Наконецъ, онъ 85.
полагаетъ, что намъ позволительно изъяснять, извращать слова Писанія, и буквальный смыслъ, хотя бы и весьма ясный или весьма выразительный, отрицать и перемѣнять въ другой какой угодно согласно нашихъ предвзятыхъ мнѣній. Всякій конечно видитъ, что эта вольность, кромѣ того что она діаметрально противорѣчитъ доказанному нами въ этой главѣ и другихъ, чрезмѣрна и безразсудна. Но предоставимъ ему эту великую свободу; чему она на- 86.
конецъ способствуетъ? Конечно, ничему; вѣдь что недоказуемо, и что составляетъ бо́льшую часть Писанія, того мы не въ состояніи будемъ ни изслѣдовать разумомъ, ни объ-

яснить по этой нормѣ, ни истолковать; между тѣмъ, наоборотъ, слѣдуя нашей методѣ, мы можемъ объяснить большинство мѣстъ этого рода и увѣренно разсуждать о нихъ, какъ мы уже показали и отъ разума и самимъ фактомъ; что́ же по своей природѣ понятно, то смыслъ того, какъ мы также уже показали, становится яснымъ изъ одной связи рѣчей. Посему эта метода совершенно безполезна.

87. Прибавьте, что она совершенно отнимаетъ всякую увѣренность въ смыслѣ Писанія, которую простой народъ можетъ имѣть при безхитростномъ чтеніи, и которую могутъ имѣть всѣ слѣдуя другой методѣ. По этой причинѣ мы отвергаемъ эту мысль Маймонида какъ вредную, безполезную и нелѣпую.

88. Далѣе что касается преданія фарисеевъ, то мы уже выше сказали [1]), что оно не устойчиво; авторитетъ же римскихъ папъ нуждается въ болѣе яркомъ свидѣтельствѣ, и я бракую его не по какой иной причинѣ. Ибо если бы намъ могли показать его на основаніи самого Писанія такъ же вѣрно, какъ первосвященники іудеевъ нѣкогда могли, то меня это нисколько не разубѣдило бы въ томъ, что между римскими папами бывали еретики и нечестивцы, такъ какъ нѣкогда и между первосвященниками евреевъ находили еретиковъ и нечестивцевъ, достигшихъ неблаговидными средствами первосвященническаго сана; однако на основаніи повелѣнія Писанія высшее полномочіе (potestas) толкованія закона у нихъ было. См. Втор. гл. 17, ст. 11,

89. 12 и гл. 33, ст. 10 и Малах. гл. 2, ст. 8. Но такъ какъ намъ не показываютъ никакого такого свидѣтельства, то авто-

---

[1]) См. этой главы § 38 и слѣд.

ритетъ ихъ остается довольно подозрительнымъ; и чтобы кто-нибудь, увлекшись примѣромъ первосвященника евреевъ, не подумалъ, что каѳолическая религія также нуждается въ первосвященникѣ, приходится замѣтить, что законы Моисея необходимо нуждались для своего сохраненія въ какомъ-нибудь общественномъ авторитетѣ, потому что они были публичнымъ правомъ отчизны. Вѣдь если бы каждый имѣлъ свободу толкованія общественнаго права по своему усмотрѣнію, то ни одно государство не могло бы устоять, но благодаря именно этому тотчасъ распалось бы, а общественное право стало бы частнымъ. Но основаніе религіи совершенно другое. Ибо такъ какъ она состоитъ не столько въ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, сколько въ душевной простотѣ и правдивости, то она не есть предметъ ни какого-либо права, ни общественнаго авторитета. Вѣдь душевная простота и правдивость ни властью законовъ, ни общественнымъ авторитетомъ не вливается людямъ, и безусловно никто не можетъ быть принужденъ силою или законами сдѣлаться блаженнымъ, но для этого требуется благочестивое и братское увѣщаніе, хорошее воспитаніе, а больше всего собственное и свободное сужденіе. Слѣдовательно, такъ какъ верховное право свободно судить, даже о религіи, есть у каждаго, и нельзя понять, чтобы кто-либо могъ поступиться этимъ правомъ, то у каждаго слѣдовательно будетъ также верховное право и высшій авторитетъ свободно судить о религіи и, слѣдовательно, объяснять и толковать ее себѣ. Ибо высшій авторитетъ въ толкованіи законовъ и высшее сужденіе объ общественныхъ дѣлахъ принадлежатъ начальству, потому что они относятся къ общественному праву, а не вслѣдствіе какой другой причины; стало быть, по той же причинѣ будетъ у

90.

91.

92.

каждаго и высшій авторитетъ въ объясненіи религіи и въ сужденіи о ней, именно потому, что это относится къ праву
93. каждаго человѣка. Итакъ далеко до того, чтобы изъ авторитета еврейскаго первосвященника въ толкованіи отечественныхъ законовъ можно было заключать объ авторитетѣ римскаго папы въ толкованіи религіи, когда, наоборотъ, это легче заключить изъ того, что каждый больше всего
94. его имѣетъ. А отсюда мы можемъ показать также, что наша метода толкованія Писанія есть наилучшая. Ибо, такъ какъ высшій авторитетъ въ толкованіи Писанія есть у каждаго, то слѣдовательно ничто не должно быть нормой при толкованіи кромѣ Естественнаго Свѣта общаго всѣмъ (ни какой-либо сверхъестественный свѣтъ и ни какой-либо внѣшній авторитетъ); она также не должна быть настолько трудна, чтобы съ ней могла управиться только самые остроумные философы; но должна быть приспособлена къ естественному и обыкновенному уму и способностямъ людей, какъ наша метода по показанному нами. Мы вѣдь видѣли, что тѣ трудности, которыя она теперь имѣетъ, произошли отъ человѣческой безпечности, а не отъ природы методы.

Глава VIII,

въ которой показывается, что Пятикнижіе и книги Іисуса Навина, Судей, Руѳи, Самуила [1] и Царствъ не суть оригиналы. Затѣмъ изслѣдуется: были ли всѣ онѣ написаны многими авторами или однимъ только и кѣмъ именно?

Въ предыдущей главѣ мы разсуждали объ основаніяхъ и принципахъ познанія Священнаго Писанія и показали, что они суть не что иное, какъ правдивая его исторія. Но хотя эта исторія въ высшей степени необходима, однако древніе нерадѣли о ней, или если какую они и написали или передали, то благодаря невзгодѣ временъ утратили ее, и слѣдовательно большая часть основаній и принциповъ этого познанія погибла. Это еще можно было бы стерпѣть, если бы потомки держались въ правильныхъ границахъ, и то немногое, что они получили или нашли 2.

[1]) По нашей Библіи 1 и 2 книги Царствъ.

Прим. перев.

передавали своимъ преемникамъ добросовѣстно, а не выдумывали новшествъ изъ собственной головы. Вслѣдствіе этого исторія Писанія осталась не только несовершенна, но и ошибочна, то есть, основы познанія Писанія не только малочисленны, для того чтобы на основаніи ихъ можно
3. было возсоздать цѣлое, но и невѣрны. Исправленіе ихъ и устраненіе общихъ богословскихъ предразсудковъ относится къ цѣли моего труда. Опасаюсь однако, не слишкомъ ли поздно я приступаю къ этой попыткѣ; дѣло вѣдь почти уже дошло до того, что люди не допускаютъ исправленій въ этомъ отношеніи, но упорно защищаютъ то, что приняли подъ видомъ религіи; и только у весьма немногихъ (сравнительно съ остальными) осталось, повидимому, нѣкоторое мѣсто для разума; до того широко эти предразсудки охватили человѣческій умъ. Всѣми силами однако постараюсь сдѣлать опытъ и доведу его до конца, такъ какъ нѣтъ ничего, изъ-за чего должно бы совершенно отчаяваться въ этомъ дѣлѣ.

4. Но чтобы показать это въ порядкѣ, я начну съ предразсудковъ относительно истинныхъ авторовъ священныхъ книгъ, и прежде всего объ авторѣ Пятикнижія. Таковымъ почти всѣ считали Моисея; фарисеи даже до того упорно его отстаивали, что считали еретикомъ того, кто оказывался думающимъ иначе. И по этой причинѣ Абенъ-Езра, человѣкъ свободнаго ума и незаурядной эрудиціи, и первый изъ всѣхъ, кого я читалъ, обратившій вниманіе на этотъ предразсудокъ, не осмѣлился открыто высказать свою мысль, но посмѣлъ только указать въ довольно темныхъ словахъ на дѣло. Я не стану опасаться представить здѣсь это яснѣе и показать самый предметъ очевидно.
5. Итакъ слова Абенъ-Езры, которыя имѣются въ его ком-

ментаріяхъ на Второзаконіе, суть слѣдующія: בְּעֵבֶר הַיַּרְדֵּן וגו ואם תבין סוד השנים עשר גם וַיִּכְתֹּב מֹשֶׁה וְהַכְּנַעֲנִי אָז בָּאָרֶץ בְּהַר יְהוָה יֵרָאֶה גם תֵּכֶף עַרְשׂוֹ עֶרֶשׂ בַּרְזֶל תבין האמת *"За Іорданомъ и проч., лишь только разумѣешь тайну двѣнадцати, а также „и написалъ Моисей законъ", и „Хананеинъ тогда былъ на землѣ", „на горѣ Божіей будетъ открыто", потомъ также „вотъ постель его – постель желѣзная", тогда узнаешь истину".* Но этими немногими словами онъ 6.
указываетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что не Моисей былъ тотъ, кто написалъ Пятикнижіе, но кто-то другой, жившій долго спустя и, наконецъ, что книга, написанная Моисеемъ, была другая. Чтобы показать это, онъ, говорю, отмѣчаетъ I, самое предисловіе Второзаконія, которое Моисеемъ, не переходившимъ Іордана, не могло быть написано; отмѣчаетъ II, что вся книга Моисея была очень ясно 7.
написана только по окружности одного алтаря (см. Второз. гл. 27 и Іис. Нав. гл. 8, ст. 37 и пр.), который по отзыву раввиновъ состоялъ только изъ двѣнадцати камней; изъ этого слѣдуетъ, что книга Моисея была гораздо меньшаго объема, нежели Пятикнижіе. Думается, говорю, что это хотѣлъ этотъ авторъ обозначить чрезъ *„тайну двѣнадцати„*, если только онъ не разумѣлъ, можетъ быть, тѣ двѣнадцать проклятій, которыя содержатся въ вышесказанной главѣ Второз. Про нихъ онъ, можетъ быть, думалъ, что они не были написаны въ книгѣ Закона, и именно по той причинѣ, что Моисей кромѣ написанія закона приказываетъ еще левитамъ провозгласить тѣ проклятія, чтобы обязать народъ клятвою къ сохраненію писанныхъ законовъ; или, можетъ быть, онъ хотѣлъ означить послѣднюю главу Второзаконія о смерти Моисея, потому что глава состоитъ изъ двѣнадцати стиховъ. Но это, и что кромѣ этого пред-

полагаютъ иные, нѣтъ надобности разбирать здѣсь болѣе
8. тщательно. Потомъ онъ замѣчаетъ въ III, что въ гл. 31, ст. 9 Второз. говорится: וַיִּכְתֹּב מֹשֶׁה אֶת־הַתּוֹרָה „*и написалъ Моисей законъ*“. Эти слова, конечно, не могутъ принадлежать Моисею, но принадлежатъ другому писателю,
9. разсказывающему о дѣлахъ и писаніяхъ Моисея. Онъ замѣчаетъ, въ IV, мѣсто въ книгѣ Бытія гл. 12, ст. 6, гдѣ историкъ, разсказывая, что Авраамъ обходилъ землю Хананеевъ, прибавляетъ, что *Хананеинъ былъ въ то время въ той землѣ*; этими словами онъ ясно выдѣляетъ время, въ которое онъ это писалъ. Это, стало быть, должны были написать послѣ смерти Моисея, и когда Хананеи были уже изгнаны и болѣе не владѣли тѣми странами; тотъ же Абенъ Езра въ коментаріи на это мѣсто поясняетъ это слѣдующимъ образомъ: וְהַכְּנַעֲנִי אָז בָּאָרֶץ יתכן שארץ כנען תפשה מיד אחר וְאם אינכו כן ישלו סוד והמשכיל ידום „*и Хананеинъ былъ тогда въ той землѣ; это, кажется, означаетъ, что Ханаанъ* (внукъ Ноя) *занялъ землю ханаанскую, которою владѣлъ другой; если же это не вѣрно, то тутъ заключается тайна, и кто ее разумѣетъ, пусть молчитъ*“. То есть, если Ханаанъ вторгся въ тѣ страны, тогда будетъ смыслъ, что *Хананеинъ былъ уже тогда въ той землѣ*, включая именно предшествовавшее время, въ которое она была обитаема другимъ народомъ. Но если Ханаанъ первый заселилъ тѣ страны (какъ слѣдуетъ изъ 10 гл. Бытія), тогда текстъ исключаетъ настоящее время, то есть время писателя, стало быть не Моисея, въ эпоху котораго, въ дѣйствительности, они еще владѣли тѣми странами; это и
10. есть тайна, молчать о которой онъ рекомендуетъ. V, онъ замѣчаетъ, что въ Бытіи гл. 22, ст. 14 гора Морія [1]) на-

[1]) См. Примѣч. IX.

зывается горою Божіей; названіе же это она получила только послѣ того какъ была назначена подъ постройку храма; а этотъ выборъ горы не былъ еще сдѣланъ во время Моисея. Моисей вѣдь не указываетъ никакого мѣста избраннаго Богомъ, но, наоборотъ, предсказываетъ, что нѣкогда Богъ изберетъ нѣкоторое мѣсто, къ которому будетъ приложено имя „Божіе". VI, наконецъ, замѣчаетъ, что въ гл. 3 11.
Второз. въ разсказѣ объ Огѣ царѣ Васанскомъ вставлено слѣдующее [1]): *„только Огъ, царь Васанскій, оставался изъ остатка исполиновъ *), потому вотъ одръ его былъ одръ желѣзный; тотъ именно* (одръ), *который находится въ Рабатѣ у сыновъ Аммона, девять локтей въ длину и пр.*" Эта вставка весьма ясно указываетъ, что писатель этихъ книгъ жилъ долго спустя послѣ Моисея; вѣдь этотъ способъ выраженія свойственъ только тому, кто разсказываетъ о весьма древнихъ событіяхъ и кто, дабы ему вѣрили, указываетъ на остатки вещей; и, безъ сомнѣнія, этотъ одръ былъ найденъ только во времена Давида, который завоевалъ этотъ городъ, какъ разсказывается во 2 книгѣ Самуила гл. 12, ст. 30. Но не только тутъ, но 12.
и немного ниже тотъ же самый историкъ вставляетъ между словами Моисея [2]): *Іаиръ, сынъ Манассіи, взялъ всю область Аргоба до предѣловъ Гезурита и Мааката и назвалъ тѣ мѣста съ Васаномъ своимъ имснемъ селеніями Іаира, что и до нынѣ*". Это, говорю, историкъ прибавляетъ для

---

[1]) Ст. 11.

*) По еврейски רְפָאִים *рефаимъ* значитъ *осужденные*. а также, повидимому, и имя собственное, по Паралип. I гл. 20, ст. 4, 6, 8. И потому я думаю, что здѣсь оно означаетъ какую-нибудь фамилію.

[2]) Втор. гл. 3, ст. 14.

объясненія словъ Моисея, которыя онъ только что привелъ [1]), именно: „*и остальной Галаадъ и весь Васанъ, царство Ога, далъ половинѣ колѣна Манассіина, вся область Аргоба со всѣмъ Васаномъ, которая называется землею*
13. *Исполиновъ*". Безъ сомнѣнія, въ эпоху этого писателя евреи знали какія были селенія Іаира изъ колѣна Іудина, но не подъ именемъ области Аргоба и земли Исполиновъ; и потому онъ вынужденъ былъ объяснить, какія именно были эти мѣста, которыя въ древности такъ назывались и вмѣстѣ съ тѣмъ дать основаніе, почему въ его время они были обозначаемы именемъ Іаира, который былъ изъ колѣна Іуды, а не Манассіи (см. Паралип. 1 гл. 2, ст. 21 и 22).
14. Этимъ мы объяснили мысль Абенъ Езры, какъ и мѣста Пятикнижія, которыя онъ приводитъ для ея подтвержденія. Но, конечно, онъ отмѣтилъ не все и не главное; въ этихъ книгахъ вѣдь есть многое и бо́льшей важности, что должно
15. быть замѣчено. Именно во I, писатель этихъ книгъ говоритъ о Моисеѣ не только въ третьемъ лицѣ, но онъ сверхъ того свидѣтельствуетъ о немъ многое, напримѣръ: *Богъ говорилъ съ Моисеемъ* [2]); *Богъ разговаривалъ съ Моисеемъ лицомъ къ лицу* [3]); *Моисей изъ всѣхъ людей былъ самый кроткій* (Числ. гл. 12, ст. 3); *Моисей былъ охваченъ гнѣвомъ на вождей войска* (Числ. гл. 31, ст. 14); *Моисей мужъ божественный* (Втор. гл. 33, ст. 1); *Моисей рабъ Божій умеръ; никогда не возставалъ пророкъ въ Израилѣ*
16. *какъ Моисей* [4]), *и пр.* Но, напротивъ, во Второзаконіи, гдѣ

---

[1]) Ст. 13.
[2]) Числ. гл. 1, ст. 1; гл. 2, ст. 1 и др.
[3]) Исх. гл. 33, ст. 11.
[4]) Втор. гл. 34, ст. 5 и 10.

описывается законъ, который Моисей объяснилъ народу и который онъ написалъ, Моисей говоритъ и разсказываетъ о своихъ дѣяніяхъ въ первомъ лицѣ, именно: „*Богъ мнѣ сказалъ*“ (Втор. гл. 2, ст. 1, 17 и пр.) „*я просилъ Бога*“ [1]). Только потомъ въ концѣ книги [2]) историкъ, послѣ того какъ привелъ слова Моисея, опять продолжаетъ разсказывать, говоря въ третьемъ лицѣ, какимъ образомъ Моисей этотъ законъ (который онъ именно объяснялъ), изложивъ его письменно, передалъ народу, и въ послѣдній разъ увѣщалъ его и какъ, наконецъ, онъ окончилъ жизнь. Все это, именно: способъ выраженія, свидѣтельства и самый составъ всего повѣствованія, вполнѣ убѣждаетъ, что эти книги были написаны другимъ, а не самимъ Моисеемъ. II, слѣдуетъ также замѣтить, что въ этой 17.
исторіи разсказывается не только, какимъ образомъ Моисей умеръ, былъ погребенъ и повергъ евреевъ на тридцать дней въ печаль, но что въ ней, послѣ сравненія его со всѣми жившими впослѣдствіи пророками, говорится сверхъ того, что онъ ихъ превосходилъ. „*Не существовалъ никогда*“, говоритъ [3]), „*пророкъ въ Израилѣ какъ Моисей, котораго Богъ зналъ лицомъ къ лицу*“. Это свидѣтельство могъ конечно дать не Моисей самъ о себѣ и не другой, кто непосредственно слѣдовалъ за нимъ, но кто-нибудь, жившій много вѣковъ спустя, въ особенности потому, что историкъ говоритъ о прошедшемъ времени, именно: „*никогда не существовалъ пророкъ и проч.* И о могилѣ, что „*никто не знаетъ ее до сего дня*“ [4]). III, должно замѣтить, 18.

[1]) Втор. гл. 9, ст. 26.
[2]) Втор. гл. 27 и слѣд.
[3]) Втор. гл. 34, ст. 10.
[4]) Втор .гл. 34, ст. 6.

что нѣкоторыя мѣстности называются не тѣми именами, которыя онѣ имѣли при жизни Моисея, но другими, которыми онѣ были обозначены уже долго спустя. Напримѣръ, что Авраамъ *преслѣдовалъ* враговъ *до Дана* (см. Быт. 14, ст. 14). Это названіе этотъ городъ получилъ только долго
19. спустя послѣ смерти Іисуса (см. Судей гл. 18, ст. 29). IV, что разсказы историческіе иногда продолжаются и дальше времени жизни Моисея. Ибо въ Исходѣ (гл. 16, ст. 3) разсказывается, что сыны Израиля ѣли манну въ продолженіе сорока лѣтъ, пока не пришли въ обитаемую землю, пока не пришли къ границѣ земли Ханаанской; именно до времени, о которомъ говорится въ книгѣ Іисуса гл. 5, ст. 12. Въ книгѣ же Бытія гл. 36, ст. 31 говорится: „*это суть цари, царствовавшіе въ Едомѣ, прежде нежели царствовалъ царь у сыновъ Израиля*“. Здѣсь, безъ сомнѣнія, историкъ разсказываетъ о томъ, какіе цари были у Идумеянъ, прежде чѣмъ Давидъ покорилъ ихъ *) и поставилъ правителей въ
20. самой Идумеѣ (см. 2 Царств. гл. 8, ст. 14). Такимъ образомъ изъ всего этого яснѣе дневного свѣта видно, что Пятикнижіе было написано не Моисеемъ, но другимъ, кто жилъ много вѣковъ спустя послѣ Моисея. Но обратимъ сверхъ того вниманіе, если угодно, на книги, которыя написалъ самъ Моисей, и которыя указываются въ Пятикнижіи; изъ нихъ самихъ вѣдь будетъ видно, что онѣ были другія, не-
21. жели Пятикнижіе. Такъ, во-первыхъ, видно изъ Исхода гл. 17, ст. 14, что Моисей по повелѣнію Божію описалъ войну противъ Амалика, а въ какой книгѣ—изъ этой самой главы не видно; но въ Числахъ гл. 21, ст. 12 указывается нѣко-

*) См. Примѣч. X.

торая книга, названная книгою *браней Господнихъ* [1]), и въ ней, безъ сомнѣнія, было разсказано объ этой войнѣ противъ Амалика, а сверхъ того еще и о всѣхъ лагерныхъ стоянкахъ (о которыхъ и авторъ Пятикнижія въ Числ. гл. 33, ст. 2 свидѣтельствуетъ, что онѣ были описаны Моисеемъ). Кромѣ того 22. изъ Исх. гл. 24, ст. 4, 7 извѣстно о другой книгѣ, называвшейся סֵפֶר הַבְּרִית [2]) *Книгой Завѣта*, которую онъ прочиталъ предъ Израильтянами, когда они вступили въ первый договоръ съ Богомъ. Но эта книга или эта грамота содержала только немногое, именно законы или повелѣнія Божіи, о которыхъ разсказывается отъ ст. 22 гл. 20 Исхода до гл. 24 той же книги, чего никто не будетъ отрицать, кто прочелъ вышесказанную главу съ нѣкоторымъ здравымъ разсужденіемъ и безъ партійной пристрастности. Тамъ вѣдь разсказывается, что какъ только Моисей 23. узналъ мнѣніе народа о заключеніи завѣта съ Богомъ, то онъ тотчасъ записалъ Божіи изреченія и права и рано утромъ, выполнивъ нѣкоторыя церемоніи, прочелъ всему собранію условія заключаемаго завѣта. Когда они были прочитаны и, безъ сомнѣнія, поняты всѣмъ простонародіемъ, народъ съ полнымъ согласіемъ и принялъ обязательство [3]). Посему какъ изъ краткости времени, въ которое она была написана, такъ и изъ сущности заключаемаго договора слѣдуетъ, что эта книга не содержала въ себѣ ничего кромѣ того немногаго, о чемъ я сейчасъ сказалъ. Наконецъ извѣстно, что въ сороковой годъ отъ исхода изъ 24. Египта Моисей всѣ законы, какіе онъ внесъ, объяснилъ

[1]) סֵפֶר מִלְחֲמוֹת יְהוָה

[2]) סֵפֶר *сеферъ* по еврейски чаще означаетъ письмо или грамоту.

[3]) См. Исх. гл 24, ст. 3 и слѣд.

(см. Втор. гл. 1, ст. 5) и снова обязалъ ими народъ (см. Втор. гл. 29, ст. 14) и, наконецъ, написалъ книгу, содержавшую эти объясненные законы и этотъ новый договоръ (см. Второз. гл. 31, ст. 9); эта книга и была названа *Книгою Закона Божія* [1]), которую впослѣдствіи Іисусъ дополнилъ именно разсказомъ о договорѣ, которымъ въ его время народъ снова себя обязалъ и который онъ въ третій разъ заключилъ съ Богомъ (см. Іисус. Нав. гл. 24, ст. 25, 26).

25. Но такъ какъ у насъ нѣтъ никакой книги, которая содержала бы этотъ договоръ Моисея, а также и договоръ Іисуса, то необходимо должно допустить, что эта книга погибла; или надо будетъ безумствовать съ халдейскимъ парафрастомъ Іонатаномъ и коверкать слова Писанія по произволу: послѣдній вѣдь побуждаемый этой трудностью, предпочелъ исказить Писаніе, нежели признаться въ

26. своемъ незнаніи. Слѣдующія слова книги Іисуса (см. гл. 24, ст. 26): וַיִּכְתֹּב יְהוֹשֻׁעַ אֶת־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה בְּסֵפֶר תּוֹרַת אֱלֹהִים „*и написалъ Іисусъ эти слова въ книгѣ Закона Божія*“ онъ именно перевелъ по халдейски такъ: וכתב ורושע ית פתנמיא האילן ואצנעינון בספר אוריתא דיהוה „*и написалъ Іисусъ эти слова и сохранялъ ихъ съ книгою Закона*

27. *Божія*“. Что подѣлаешь съ тѣми, которые видятъ только то, что имъ угодно? Что это, говорю, иное, если не отрицаніе самого Писанія и не мастереніе новаго изъ собственной головы? Итакъ мы заключаемъ, что эта книга Закона Божія, которую написалъ Моисей, была не Пятикнижіе, но совершенно другая, которую авторъ Пятикнижія включилъ въ свой трудъ въ надлежащихъ мѣ-

---

[1]) סֵפֶר תּוֹרַת אֱלֹהִים

стахъ, что весьма ясно слѣдуетъ какъ изъ только что сказаннаго, такъ и изъ того, что сейчасъ слѣдуетъ сказать. Именно, когда въ цитованномъ уже мѣстѣ Второзаконія 28. разсказывается, что Моисей написалъ книгу Закона, историкъ прибавляетъ, что Моисей передалъ ее жрецамъ, и что сверхъ того онъ будто бы приказалъ имъ читать ее въ опредѣленное время всему народу [1]). Это показываетъ, что эта книга была значительно меньшаго объема нежели Пятикнижіе, потому что она въ одно собраніе могла быть такъ прочитана, что ее всѣ уразумѣвали. Не должно здѣсь 29. пропустить и того, что изъ всѣхъ книгъ, которыя написалъ Моисей, онъ будто бы приказалъ благоговѣйно сохранять и оберегать одну эту второго завѣта и Пѣснь [которую онъ также потомъ написалъ, чтобы ее весь народъ выучилъ [2])]. Ибо, такъ какъ онъ первымъ договоромъ обязалъ только присутствовавшихъ современниковъ а вторымъ и всѣхъ потомковъ ихъ (см. Второз. гл. 29, ст. 14. 15), то онъ поэтому приказалъ благоговѣйно сохранять и въ будущіе вѣка книгу этого второго договора и кромѣ того, какъ мы сказали, также и Пѣснь, которая по преимуществу касается будущихъ вѣковъ. Итакъ коль скоро не- 30. извѣстно, что Моисей написалъ другія книги кромѣ этихъ, а самъ онъ не приказывалъ потомству благоговѣйно сохранять кромѣ книжечки Закона съ Пѣснью никакой другой и, наконецъ, въ Пятикнижіи встрѣчается многое, что не могло быть написано Моисеемъ, то слѣдуетъ, что никто не утверждаетъ съ основательностью, но совершенно вопреки разуму, будто Моисей есть авторъ Пятикнижія. Но 31.

---

[1]) Второз. гл. 31, ст. 9 и сл.

[2]) Второз. гл. 32, ст. 44 и слѣд.

здѣсь можетъ быть кто-нибудь спроситъ, не записывалъ ли Моисей кромѣ этого также и законы, какъ только они ему были открываемы? то есть, развѣ онъ въ промежутокъ сорока лѣтъ изъ законовъ, которые онъ давалъ, никакихъ не записалъ кромѣ тѣхъ немногихъ, о которыхъ я ска-
32. залъ, что они содержались въ книгѣ перваго договора? Но на это я отвѣчаю: хотя я допустилъ бы, что съ разумомъ повидимому согласуется, что Моисей записывалъ законы въ то самое время и въ томъ мѣстѣ, гдѣ приходилось обнародовать ихъ, однако я отрицаю, что на этомъ основаніи намъ можно утверждать это; мы вѣдь выше показали [1]), что о подобныхъ вещахъ мы должны утверждать только то, что очевидно изъ самого Писанія или что выводится путемъ законныхъ заключеній только изъ его основаній, а не
33. изъ того, что кажется согласнымъ съ разумомъ. Прибавьте, что и самъ разумъ не принуждаетъ насъ утверждать это. Ибо возможно, что сенатъ сообщалъ народу письменно постановленія Моисея, которыя потомъ историкъ собралъ и вставилъ въ подходящихъ мѣстахъ въ исторію жизни Моисея. И это о пяти Моисеевыхъ книгахъ.

34. Теперь пора и остальныя изслѣдовать. На подобныхъ же основаніяхъ показывается, что книга Іисуса Навина не есть автографъ; другой вѣдь тотъ, кто свидѣтельствуетъ объ Іисусѣ, что слава о немъ была по всей землѣ (см. гл. 6, ст. 27); что онъ ничего не опустилъ изъ предписаннаго Моисеемъ (см. ст. послѣд. гл. 8 и гл. 11, ст. 15); что онъ состарѣлся и призвалъ всѣхъ на собраніе и что на-
35. конецъ онъ испустилъ духъ [2]). Потомъ разсказываются

---

[1]) См. гл. 8, § 7 и слѣд.
[2]) См. гл. 23 и 24.

также нѣкоторыя событія, случившіяся послѣ его смерти, именно: что послѣ его смерти израильтяне почитали Бога, пока были живы старѣйшины, знавшіе его [1]), а въ гл. 16, ст. 10, что (Ефремъ и Манассія) „*не изгнали Ханаана живущаго въ Газерѣ, но что* (прибавляетъ онъ) *Ханаанъ жилъ среди Ефрема до сего дня и былъ данникомъ*". Это то же самое, что разсказывается въ книгѣ Судей, гл. 1; также и способъ выраженія до сего дня показываетъ, что писатель разсказываетъ о древнемъ событіи. Подобенъ также этому текстъ гл. 15, ст. послѣд., о дѣтяхъ Іуды и исторія Халева отъ ст. 13 той же главы [2]). Кажется, что и тотъ случай, разсказанный въ гл. 22 отъ ст. 10 и пр. о двухъ съ половиною колѣнахъ, соорудившихъ алтарь за Іорданомъ, также произошелъ послѣ смерти Іисуса, такъ какъ во всей этой исторіи нѣтъ никакого упоминанія объ Іисусѣ, но только народъ рѣшаетъ вести войну, посылаетъ пословъ и ожидаетъ ихъ отвѣта и, наконецъ, одобряетъ его. Наконецъ изъ гл. 10 ст. 14 ясно слѣдуетъ, что эта книга была написана много вѣковъ спустя послѣ Іисуса; удостовѣряется вѣдь слѣдующее: „*ни одного другого дня не было какъ тотъ ни прежде, ни послѣ, въ который Богъ* (такъ) *повиновался бы кому-нибудь и пр.* Итакъ если Іисусъ и написалъ когда-либо какую книгу, то она, конечно, была та, которая цитуется въ гл. 10, ст. 13, т. е. въ томъ же самомъ разсказѣ [3]). А что книга Судей написана самими судьями, то, я думаю, ни одинъ здравомыслящій не убѣжденъ въ

36. 37. 38. 39.

---

[1]) Іис. Нав. гл. 24, ст. 31.

[2]) Сравн. Суд. гл. 1, ст. 10 и слѣд.

[3]) Т. е. סֵפֶר הַיָּשָׁר

этомъ: вѣдь эпилогъ всей исторіи, которая имѣется въ 21 главѣ, ясно показываетъ, что вся она была написана только однимъ историкомъ. Затѣмъ, такъ какъ писавшій ее часто упоминаетъ, что въ тѣ времена никакого царя не было въ Израилѣ, то несомнѣнно, что она была написана послѣ того
40. какъ цари получили власть [1]). Относительно книгъ Самуила тоже нѣтъ основанія, почему бы мы долго останавливались на нихъ, такъ какъ исторія продолжена далеко за его жизнь. Однако я желалъ бы замѣтить лишь то, что эта книга была написана тоже много вѣковъ спустя послѣ Самуила. Ибо въ кн. 1, гл. 9, ст. 9 историкъ замѣчаетъ въ скобкахъ: „*въ древности въ Израилѣ такъ говорили, когда кто-либо шолъ спросить совѣта у Бога: ну, пойдемъ къ видящему; ибо кто теперь называется пророкомъ, въ древ-*
41. *ности назывался видящимъ* [2])". Наконецъ книги Царей, какъ изъ нихъ же самихъ видно, были составлены на основаніи книгъ о дѣяніяхъ Соломона (см. 1 Цар. гл. 11, ст. 41), лѣтописей царей іудейскихъ (см. гл. 14, ст. 19, 29 той же
42. книги) и лѣтописей израильскихъ царей [3]). Такимъ образомъ мы заключаемъ, что всѣ эти книги, которыя мы до сихъ поръ разсматривали, суть списки съ другихъ, и что о событіяхъ, содержащихся въ нихъ, разсказывается какъ о старинѣ.

Если мы теперь обратимъ вниманіе на связь и содержаніе всѣхъ этихъ книгъ, то легко заключимъ, что всѣ онѣ были написаны однимъ и тѣмъ же историкомъ, желавшимъ написать объ іудейскихъ древностяхъ отъ перваго ихъ на-

---

[1]) Суд. гл. 17, ст. 6; 18, 1; 21, 25.

[2]) כִּי לְמֻבָּא הַיּוֹם וְקֹרֵא לְפָנִים הָרֹאֶה

[3]) См. 3 Цар. 14, 19; 15, 31 и др.

чала до перваго опустошенія города. Эти книги вѣдь такъ 43.
взаимно связаны, что по одному этому мы можемъ распознать, что онѣ содержатъ только одинъ разсказъ одного историка. Ибо какъ только онъ прекращаетъ разсказывать про жизнь Моисея, онъ переходитъ къ исторіи Іисуса такъ [1]): *„и случилось, послѣ того какъ умеръ Моисей рабъ Божій, что Богъ сказалъ Іисусу и пр.“*. И окончивъ ее смертью Іисуса, онъ такимъ же переходомъ и связью начинаетъ исторію Судей [2]), именно: *„и случилось, послѣ того кокъ умеръ Іисусъ, что сыны Израиля вопрошали отъ Бога и пр.“* А къ этой книгѣ, какъ приложеніе, онъ при- 44.
соединяетъ книгу Руѳь такимъ образомъ [3]): *„и случилось въ тѣ дни, когда судили судьи, быть голоду въ той землѣ“*. И къ ней такимъ же образомъ онъ присоединяетъ первую книгу Самуила, окончивъ которую, онъ обычнымъ своимъ переходомъ приступаетъ ко второй; а къ этой, не окончивъ еще исторіи Давида, онъ присоединяетъ первую книгу Царей, и продолжая разсказывать исторію о Давидѣ, присоединяетъ, наконецъ, къ ней при помощи такой же связи вторую книгу. Потомъ соединеніе и порядокъ историче- 45.
скихъ разсказовъ также указываетъ, что только одинъ былъ историкъ, поставившій себѣ извѣстную цѣль: онъ вѣдь начинаетъ разсказъ съ перваго появленія еврейской націи, потомъ говоритъ по порядку, по какому случаю и въ какое время Моисей издавалъ законы и предсказывалъ имъ многое; потомъ какимъ образомъ, согласно съ предсказаніями Моисея, они вступили въ обѣтованную землю (см.

---

[1]) Іис. Нав. гл. 1, ст. 1.
[2]) Суд. гл. 1, ст. 1.
[3]) Руѳь гл. 1, ст. 1.

гл. 7 Второз.); овладѣвъ же ею, они перестали соблюдать законы (Второз. гл. 31, ст. 16), вслѣдствіе чего ихъ преслѣдовали многія бѣдствія (той же гл. ст. 17). Какимъ образомъ затѣмъ они пожелали избрать царей (Второз. гл. 17, ст. 14), у которыхъ дѣла оканчивались благополучно или насчастливо постольку, поскольку и они соблюдали законы (Второз. гл. 28, ст. 36 и ст. послѣд.), пока, наконецъ, не разсказываетъ о паденіи государства, какъ предсказывалъ
46. объ этомъ Моисей [1]). Остальное же, что нисколько не служитъ упроченію Закона, онъ или совсѣмъ обходитъ молчаніемъ или отсылаетъ читателя къ другимъ историкамъ. Итакъ всѣ эти книги клонятъ къ одному, именно: научить изреченіямъ и постановленіямъ Моисея и доказать ихъ посредствомъ хода событій.

47. Такимъ образомъ изъ этихъ трехъ совмѣстно разсматриваемыхъ обстоятельствъ, именно: простоты содержанія всѣхъ этихъ книгъ, связи и того, что они суть списки, сдѣланные спустя много вѣковъ послѣ совершившихся событій, мы заключаемъ, какъ сейчасъ говорили, что всѣ онѣ
48. были написаны только однимъ историкомъ. Кто же именно онъ былъ, это я не могу показать такъ ясно; подозрѣваю однако, что это былъ самъ Ездра; и есть нѣкоторыя солидныя данныя, на основаніи которыхъ я дѣлаю догадку. Ибо, такъ какъ историкъ (о которомъ мы уже знаемъ, что онъ былъ только одинъ) доводитъ исторію до освобожденія Іехоніи и кромѣ того прибавляетъ [2]), что онъ обѣдалъ за царскимъ столомъ въ продолженіе всей его жизни (то есть или Іехоніи или сына Навуходо-

---

[1]) Втор. гл. 28, ст. 48 и слѣд.
[2]) См. 4 Цар. 25, 29, 30.

носора, ибо смыслъ вполнѣ двоякій), то отсюда слѣдуетъ,
что раньше Ездры никто имъ не былъ. Но Писаніе кромѣ 49.
одного Ездры ни о комъ, кто тогда славился, не свидѣтельствуетъ (см. Ездры гл. 7, ст. 10), что онъ прилагалъ свое стараніе къ отыскиванію Закона Божія и приведенію его въ порядокъ и что онъ былъ писатель (той же главы ст. 6) свѣдующій въ Законѣ Моисея. Вотъ почему могу подозрѣвать, что кромѣ Ездры не было никого, кто могъ бы написать эти книги. Затѣмъ изъ этого свидѣтельства о 50.
Ездрѣ мы видимъ, что онъ употреблялъ стараніе не только къ отыскиванію Закона Божія, но также и къ приведенію его въ порядокъ; и у Нееміи въ гл. 8, ст. 9 также говорится: *„что они читали книгу Закона Божія объясненную и прилагали разумѣніе и уразумѣвали Писаніе“*. А 51.
такъ какъ въ книгѣ Второзаконія содержится не только книга Закона Моисеева или большая ея часть, но сверхъ того находится многое, что вставлено для болѣе полнаго объясненія, то я заключаю изъ этого, что книга Второзаконія и есть та книга закона Божія Ездрой писанная, приведенная въ порядокъ и объясненная, которую тогда читали. А что въ этой книгѣ Второзаконія многое вста- 52.
влено въ скобкахъ для болѣе полнаго объясненія, то относительно этого мы показали два примѣра [1]) при объясненіи мысли Абенъ-Езры; примѣровъ этого рода встрѣчается много другихъ, напр. въ гл. 2, ст. 12: *„а на Сеирѣ обитали прежде Хорреи; сыны же Исава изгнали ихъ и истребили отъ лица своего и стали обитать вмѣсто ихъ, какъ Израиль сдѣлалъ въ землѣ наслѣдства своего, которую далъ ему*

[1]) См. § 11—13.

Богъ". То есть, онъ объясняетъ ст. 3 и 4 той же главы, именно: что гору Сеиръ, доставшуюся въ наслѣдство сынамъ Исава, они заняли не какъ безлюдное мѣсто, но что они завоевали ее, а Хорреевъ, населявшихъ ее прежде, оттуда изгнали и истребили, подобно тому какъ Израильтяне—Хананеевъ послѣ смерти Моисея. Въ скобкахъ также
53. включены въ слова Моисея стихи 6, 7, 8 и 9 гл. 10; всякій вѣдь видитъ, что ст. 8, начинающійся словами: „*въ то время отдѣлилъ Богъ колѣно Левія*" необходимо долженъ относиться къ ст. 5, но не къ смерти Аарона, замѣчаніе о которой Ездра вставилъ сюда, повидимому, не почему иному, какъ потому, что Моисей въ этомъ разсказѣ о тельцѣ, которому народъ поклонялся, сказалъ (см. гл. 9, ст. 20), что онъ просилъ Бога за Аарона. Затѣмъ онъ объясняетъ, что колѣно Левіино избрано Богомъ для себя въ то время, о которомъ Моисей здѣсь говоритъ, съ цѣлью показать причину избранія, и почему левиты не были призваны къ участію въ наслѣдствѣ, и сдѣлавъ это, онъ спѣшитъ
54. продолжать нить исторіи словами Моисея. Къ этому прибавьте предисловіе [1]) книги и всѣ мѣста, говорящія о Моисеѣ въ третьемъ лицѣ; и, безъ сомнѣнія, кромѣ этого онъ многое другое, что нами теперь не можетъ быть распознано, прибавилъ или выразилъ другими словами, чтобы
55. легче понималось людьми его эпохи. Если бы, говорю, у насъ была подлинная Моисеева Книга Закона, то я не сомнѣваюсь, что мы нашли бы большое отличіе какъ въ словахъ, такъ и въ распредѣленіи и основаніяхъ заповѣдей. Вѣдь когда я сравниваю только десятисловіе этой книги съ десятисловіемъ Исхода (гдѣ его исторія разсказывается

[1]) Втор. 1, 1—5.

ex professo), то я вижу, что первое отличается отъ второго во всѣхъ заповѣдяхъ: четвертая заповѣдь вѣдь не только предписывается другимъ образомъ, но вдобавокъ и излагается гораздо подробнѣе; основаніе же ея отъ того, которое приводится въ десятисловіи Исхода, отличается какъ небо отъ земли [1]). Наконецъ порядокъ, въ которомъ здѣсь изъясняется десятая заповѣдь также иной, нежели въ Исходѣ [2]). Итакъ я полагаю, что это какъ здѣсь, такъ 56.
и въ другихъ мѣстахъ сдѣлано, какъ я уже говорилъ, Ездрою, потому что онъ изъяснялъ своимъ современникамъ Законъ Божій, и что посему это есть книга Закона Божія исправленнаго имъ и объясненнаго. И я думаю, что эта книга была первая изъ всѣхъ, про которыя я сказалъ, что онъ написалъ. Это я заключаю потому, что она содержитъ законы отечества, въ которыхъ народъ больше всего нуждается, а также потому, что эта книга не соединена съ предшествующею никакою связью, какъ всѣ остальныя, но начинается самостоятельнымъ предложеніемъ [3]): *„Вотъ слова Моисея“* и пр. А послѣ того какъ онъ окончилъ ее 57.
и научилъ народъ законамъ, тогда, я думаю, онъ приложилъ стараніе къ тому, чтобы написать всю исторію еврейской націи, т. е. отъ сотворенія міра до окончательнаго раззоренія города. Въ нее онъ вставилъ на своемъ мѣстѣ и эту книгу Второзаконія. И первыя пять книгъ ея онъ, можетъ быть, назвалъ именемъ Моисея потому, что въ нихъ главнымъ образомъ содержится его жизнь, и онъ взялъ имя отъ главнаго лица. И на этомъ же основаніи шестую книгу 58.

---

[1]) См. Втор. 5, 12—16; Исх. 20, 8—11.
[2]) См. Втор. 5, 21; Исх. 20, 17.
[3]) Втор. гл. 1, ст. 1.

онъ назвалъ именемъ Іисуса, седьмую—Судей, восьмую—Руѳи, девятую и можетъ быть также десятую—Самуила и, наконецъ, одиннадцатую и двѣнадцатую—Царей. Но Ездра ли наложилъ послѣднюю руку на этотъ трудъ и завершилъ ли онъ его такъ, какъ желалъ, объ этомъ смотри слѣдующую главу.

Глава IX.

Разбираются другіе вопросы о тѣхъ же книгахъ, именно: Ездра ли наложилъ на нихъ послѣднюю руку, и затѣмъ, маргинальныя замѣтки, которыя находятся въ еврейскихъ кодексахъ, были ли разночтеніями?

Насколько предыдущее изслѣдованіе объ истинномъ авторѣ этихъ книгъ способствуетъ совершенному ихъ разумѣнію, это легко заключить изъ однихъ тѣхъ мѣстъ, которыя мы привели въ подтвержденіе нашей мысли объ этомъ предметѣ, и которыя безъ этого изслѣдованія каждому должны были бы казаться весьма темными. Но кромѣ автора есть въ самихъ книгахъ другія вещи заслуживающія вниманія, узнать которыя толпѣ не позволяетъ обыкновенное суевѣріе. Главная изъ нихъ та, что Ездра 2.
(его я буду считать за автора вышесказанныхъ книгъ, пока кто-нибудь не укажетъ другого болѣе достовѣрнаго) не наложилъ послѣдней руки на разсказы, содержащіеся въ этихъ книгахъ. Онъ сдѣлалъ не что иное, какъ собралъ исторіи изъ разныхъ авторовъ, а иногда только просто списалъ и оставилъ ихъ потомкамъ еще не провѣренными и

3. и не приведенными въ порядокъ. Какія же причины помѣшали (если не преждевременная, можетъ быть, смерть) выполнить ему это дѣло во всѣхъ его частяхъ, я не могу угадать. Но хотя мы и лишились древнихъ еврейскихъ историковъ, это однако весьма ясно видно на самомъ дѣлѣ изъ весьма немногихъ ихъ отрывковъ, которые у насъ
4. имѣются. Ибо исторія Езекіи отъ ст. 17, гл. 18 кн. 2 Царей списана съ разсказа Исаіи [1]), какъ онъ былъ найденъ написаннымъ въ лѣтописяхъ іудейскихъ царей; потому что мы читаемъ его цѣликомъ въ книгѣ Исаіи, содержавшейся въ лѣтописяхъ іудейскихъ царей (см. кн. 2 Паралип. гл. 32, ст. предпос.), изложеннымъ тѣми же словами, какъ и здѣсь, за весьма немногими только исключеніями *); но изъ послѣднихъ можно заключить не что иное, какъ то, что были находимы разныя чтенія этого разсказа Исаіи,—развѣ что кто предпочелъ бы и въ этомъ случаѣ бредить о тайнахъ.
5. Затѣмъ, также послѣдняя глава этой книги содержится въ послѣдней главѣ, 39 и 40 Іереміи [2]). Кромѣ того 7 гл. 2 Самуила мы находимъ написанною въ кн. 1 Паралип. гл. 17; но слова въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются до того удивительно измѣненными **), что весьма легко узнать, что эти двѣ главы были взяты изъ двухъ разныхъ экземп-
6. ляровъ исторіи о Натанѣ [3]). Наконецъ родословіе царей Идумеи, имѣющееся въ Быт. гл. 36, отъ ст. 31, въ тѣхъ же словахъ перенесено и въ кн. 1 Паралип. гл. 1, хотя впрочемъ видно, что авторъ этой книги взялъ свой разсказъ

---

[1]) См. Исаіи гл. 36—39.
*) См. Примѣч. XI.
[2]) Срав. 4 Цар гл. 25 съ Іерем. гл. 52.
**) См. Примѣч. XII.
[3]) Кромѣ того сравн. 1 Цар. гл. 31 съ 1 Парал. гл. 10.

изъ другихъ историковъ, а не изъ тѣхъ двѣнадцати книгъ, которыя мы приписали Ездрѣ. Поэтому несомнѣнно, что 7.
еслибы мы имѣли самихъ историковъ, дѣло само обнаружилось бы прямо; но такъ какъ мы лишены ихъ, какъ я сказалъ, то намъ остается только изслѣдовать самыя исторіи, именно: ихъ порядокъ и связь, разное повтореніе и, наконецъ, различіе въ счетѣ годовъ, чтобы мы могли судить и объ остальномъ.

Итакъ обсудимъ эти исторіи или, по крайней мѣрѣ, 8.
главныя, и сначала исторію объ Іудѣ и Ѳамари. Ее историкъ въ гл. 38 Бытія начинаетъ разсказывать такъ: „*случилось же въ то время, что Іуда отошелъ отъ своихъ братьевъ*“. Это время необходимо должно относиться къ другому *), о которомъ непосредственно говорилось, а къ тому, о которомъ въ Бытіи непосредственно ведется рѣчь, оно ни мало не можетъ относиться. Вѣдь съ того времени, именно со времени отвода Іосифа въ Египетъ, до тѣхъ поръ какъ патріархъ Іаковъ отправился туда же со всѣмъ семействомъ, мы можемъ считать не болѣе двадцати двухъ лѣтъ: ибо Іосифъ, когда онъ продавался братьями, 9.
былъ семнадцати лѣтъ отъ роду, и тридцати, когда по приказанію фараона онъ былъ вызванъ изъ темницы; къ нимъ если прибавить семь лѣтъ плодородія и два года голода, то составится вмѣстѣ двадцать два года. Но никто не бу- 10.
детъ въ состояніи понять, чтобы въ этотъ промежутокъ времени могло случиться столько событій, именно: что Іуда отъ одной жены, которую онъ тогда взялъ, прижилъ трехъ дѣтей одного за другимъ, изъ которыхъ старшій женился на Ѳамари, какъ только позволилъ возрастъ;

*) См. Примѣч. XIII.

послѣ же его смерти на Ѳамари женился второй, который
также умеръ; и что долго спустя послѣ того какъ это
произошло, самъ Іуда имѣлъ по невѣдѣнію дѣло съ самой
снохой Ѳамарью; отъ нея онъ получилъ опять двухъ дѣ-
тей, въ одни роды однако; одинъ изъ нихъ въ вышеука-
11. занное время тоже сдѣлался отцомъ. Итакъ коль скоро все
это не можетъ относиться къ тому времени, о которомъ
ведется рѣчь въ Бытіи, то необходимо должно отнести
это къ другому, о которомъ непосредственно говорилось
въ другой книгѣ; стало быть, и эту исторію Ездра просто
списалъ и вставилъ ее, еще не провѣривъ, среди остальн-
12. ныхъ. И необходимо слѣдуетъ признать, что не только эта
глава, но и вся исторія объ Іосифѣ и Іаковѣ была заим-
ствована и списана изъ разныхъ историковъ, такъ мало
мы видимъ ее согласною съ собою. Гл. 47 Бытія разска-
зываетъ вѣдь, что Іаковъ, когда онъ въ первый разъ въ
сопровожденіи Іосифа привѣтствовалъ фараона, имѣлъ сто
тридцать лѣтъ отъ роду; если отъ нихъ отнять двадцать
два года, которые онъ провелъ въ печали вслѣдствіе отсут-
ствія Іосифа, и кромѣ того семнадцать лѣтъ возраста
Іосифа, когда его продавали, и наконецъ семь, которые
Іаковъ служилъ изъ-за Рахили, то оказывается, что онъ
былъ весьма преклоннаго возраста, именно восьмидесяти
четырехъ лѣтъ, когда женился на Ліи; и наоборотъ, Динѣ
было едва семь лѣтъ отъ роду *), когда она претерпѣла
насиліе отъ Сихема. Симеонъ и Левій были едва двѣнад-
цати и одиннадцати лѣтъ, когда они разграбили весь этотъ
13. городъ и избили мечемъ всѣхъ его гражданъ. Но мнѣ нѣтъ

*) См. Примѣч XIV.

надобности разсматривать здѣсь всѣ исторіи Пятикнижія. Если кто обратитъ вниманіе только на то, что все, т. е. и предписанія и исторіи, разсказывается въ этихъ пяти книгахъ смѣшанно, безъ порядка и не обращая вниманія на время, и что одна и та же исторія часто, а иногда и различнымъ образомъ повторяется, тотъ легко распознаетъ, что все это было собрано и сгружено безъ разбора, чтобы потомъ легче можно было изслѣдовать и приводить въ порядокъ. Да и не только то, что содержится въ Пятикни- 14.
жіи, но и остальныя исторіи до раззоренія города, содержащіяся въ остальныхъ семи книгахъ, были собраны такимъ же образомъ. Кто вѣдь не видитъ, что во 2 гл. Судей отъ ст. 6 приводится новый историкъ (который тоже описывалъ дѣянія, совершенныя Іисусомъ), и слова его просто списываются. Ибо какимъ образомъ нашъ историкъ, послѣ того какъ онъ въ послѣдней гл. книги Іисуса Навина разсказалъ о его смерти и погребеніи, а въ первой главѣ этой книги обѣщалъ разсказать о томъ, что произошло послѣ его смерти, могъ бы, если желалъ продолжать нить своей исторіи, присоединить къ предыдущимъ разсказамъ то, что здѣсь начинаетъ разсказывать о самомъ Іисусѣ *). Также и главы 17, 18 и пр. 1 Самуила были 15.
взяты изъ другого историка, который думалъ, что причина почему Давидъ сталъ посѣщать дворъ Саула, была другая, совершенно отличная отъ той, о которой разсказывается въ гл. 16 той же книги; онъ вѣдь не думалъ, что Давидъ пришелъ къ Саулу, вызванный имъ по совѣту служителей (какъ въ гл. 16 разсказывается), но что, случайно послан-

*) См. Примѣч. XV

ный отцомъ къ братьямъ въ лагерь, онъ сдѣлался тогда уже извѣстнымъ Саулу по случаю побѣды, одержанной надъ филистимлянином Голіаѳомъ и былъ удержанъ при дворѣ. То же самое подозрѣваю и относительно гл. 26 той же книги; именно, что историкъ, повидимому, разсказываетъ тамъ согласно мнѣнію другого лица ту же исторію, которая въ гл. 24 имѣется. Но я опускаю это и перехожу къ разсмотрѣнію счета годовъ. Въ 6 главѣ 1 книги Царей говорится, что Соломонъ соорудилъ храмъ въ 480 году по исходѣ изъ Египта; но на основаніи самихъ исторій мы выводимъ гораздо большее число, ибо

16.

17.

	лѣта
Моисей управлялъ народомъ въ пустынѣ . . .	40
Іисусу, жившему сто десять лѣтъ, приписываютъ согласно съ мнѣніемъ Іосифа и другихъ не болѣе какъ	26
Хушанъ Ришафаимъ держалъ народъ въ подданствѣ	8
Гоѳоніилъ, сынъ Кеназа, судилъ *)	40
Еглонъ, царь Моавитскій, держалъ власть надъ народомъ	18
Аодъ и Самгаръ судили его же	80
Іавинъ, царь Ханаана, снова держалъ народъ въ подданствѣ	20
Послѣ того народъ покоился	40
Потомъ онъ былъ въ подданствѣ Мадіанитянъ .	7
Во время Гедеона онъ жилъ на свободѣ	40
Подъ властью же Авимелеха	3
Ѳола, сынъ Фуи, судилъ	23

*) См. Примѣч. XVI.

лѣта

Іаиръ же 22

Народъ опять въ подданствѣ филистимлянъ и аммонитянъ былъ 18

Іефѳай судилъ 6

Есеонъ изъ Виѳлеема 7

Елонъ Завулонянинъ 10

Авдонъ Пираѳонянинъ 8

Народъ опять былъ въ подданствѣ филистимлянъ 40

Самсонъ судилъ *) 20

Илій же 40

Народъ былъ опять въ подданствѣ филистимлянъ, прежде чѣмъ онъ былъ освобожденъ Самуиломъ 20

Давидъ царствовалъ 40

Соломонъ до сооруженія храма 4

А всѣ они по сложеніи даютъ число лѣтъ 580. Затѣмъ къ нимъ должны быть приданы годы того столѣтія, въ которое по смерти Іисуса еврейское государство процвѣтало, пока не было покорено Хушанъ Ришафаимомъ; число ихъ, я думаю, было большое; вѣдь я не могу убѣдиться ни въ томъ, что тотчасъ послѣ смерти Іисуса всѣ тѣ, которые видѣли чудесныя дѣла его, погибли въ одно мгновеніе, ни въ томъ, что ихъ преемники съ одного взмаха порѣшили съ законами и съ высшей доблести ниспали въ величайшую порочность и нерадивость, и ни въ томъ, наконецъ, что Хушанъ Ришафаимъ сказано-сдѣлано покорилъ ихъ. Но такъ какъ каждое изъ этихъ событій 18. 19.

*) См. Примѣч. XVII.

требуетъ почти людского вѣка, то несомнѣнно, что Писаніе въ гл 2, ст. 7, 9, 10 книги Судей охватило исторію многихъ годовъ, которые прошло молчаніемъ. Кромѣ того должны быть приданы годы, въ теченіе которыхъ Самуилъ былъ судьей, и числа которыхъ въ Писаніи не имѣется.
20. Потомъ должны быть приданы годы царствованія Саула, которые я опустилъ при вышеприведенномъ счетѣ, потому что изъ исторіи о немъ не достаточно ясно, сколько лѣтъ онъ царствовалъ; говорится, правда, въ гл. 13, ст. 1, книги 1 Самуила, что онъ царствовалъ два года, но и этотъ текстъ оборванъ, а изъ самой исторіи мы заключаемъ
21. о большемъ числѣ. Что текстъ оборванъ, въ этомъ никто хоть мало-мальски ознакомившійся съ еврейскимъ языкомъ не можетъ сомнѣваться. Онъ вѣдь начинается такъ: בֶּן־שָׁנָה שָׁאוּל בְּמָלְכוֹ וּשְׁתֵּי שָׁנִים מָלַךְ עַל־יִשְׂרָאֵל „*года отъ роду былъ Саулъ, когда онъ воцарился, и два года онъ царствовалъ надъ Израилемъ*“. Кто, говорю, не видитъ, что число лѣтъ Саулова возраста, когда онъ вступилъ на цар-
22. ство, опущено. А что изъ самой исторіи выводится большее число, въ этомъ, я думаю, никто и не сомнѣвается. Ибо въ гл. 27, ст. 7 той же книги значится, что Давидъ у филистимлянъ, къ которымъ онъ убѣжалъ изъ-за Саула, пробылъ одинъ годъ и четыре мѣсяца; поэтому на основаніи этого счета остальныя событія должны были случиться въ промежутокъ восьми мѣсяцевъ, чему, я полагаю, никто не вѣритъ. Іосифъ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ шестой книги Древностей такъ исправилъ текстъ: „*итакъ царствовалъ Саулъ при жизни Самуила восемнадцать лѣтъ, послѣ*
23. *же его смерти два года*“. Да и вся эта исторія гл. 13 никоимъ образомъ не согласуется съ предшествующимъ. Въ концѣ гл. 7 разсказывается, что филистимляне такъ были

поражены евреями, что не осмѣливались при жизни Самуила вступать въ предѣлы Израиля; а здѣсь, что евреи (при жизни Самуила) подвергались нападеніямъ со стороны филистимлянъ, которыми они были доведены до такой крайности и нищеты, что были лишены оружія, которымъ могли бы защищаться, а сверхъ того и средствъ сдѣлать оное. Я, 24.
конечно, достаточно попотѣлъ бы, если бы попытался всѣ эти исторіи, имѣющіяся въ этой первой книгѣ Самуила, согласовать между собою такъ, чтобы всѣ онѣ казались написанными и распредѣленными однимъ историкомъ. Но возвращаюсь къ моей цѣли. Итакъ годы царствованія Саула должны быть приданы къ вышеприведенному счисленію. Наконецъ, я не считалъ также годы безначалія у евреевъ, 25.
потому что ихъ не установишь изъ самого Писанія. Время, говорю, въ которое случилось то, о чемъ разсказывается отъ гл. 17 до конца книги Судей, по моему, не установлено. Такимъ образомъ изъ этого весьма ясно слѣдуетъ, что 26.
истинный счетъ годовъ и не устанавливается изъ самихъ исторій, и сами исторіи не согласны между собою въ одномъ и томъ же счисленіи, но предполагаютъ весьма разный счетъ. И потому должно признать, что эти исторіи были собраны изъ разныхъ писателей и не были еще ни приведены въ порядокъ, ни подвергнуты разбору. И не меньшее, 27.
кажется, различіе было относительно счета годовъ въ книгахъ лѣтописей царей іудейскихъ и книгахъ лѣтописей царей израильскихъ. Вѣдь въ лѣтописяхъ израильскихъ царей значилось, что Іорамъ, сынъ Ахава, началъ царствовать во второй годъ царствованія Іорама, сына Іосафатова (см. Царей кн. 2, гл. 1, ст. 17), а въ лѣтописяхъ іудейскихъ царей, что Іорамъ, сынъ Іосафата, началъ царствовать въ пятый годъ царствованія Іорама, сына Ахавова (см. гл. 8, ст.

28. 16 той же книги). И если кто желалъ бы кромѣ того сравнить исторіи книги Парал. съ исторіями книгъ Царей, то онъ найдетъ много подобныхъ несоотвѣтствій, которыя разбирать здѣсь мнѣ нѣтъ надобности, а измышленія авторовъ, пытающихся съ помощью ихъ согласить эти исторіи,—тѣмъ менѣе. Ибо раввины совершенно безумствуютъ; комментаторы же, которыхъ я прочелъ, грезятъ, выдумываютъ и, на-
29. конецъ, самый языкъ совершенно искажаютъ. Напримѣръ, когда въ кн. 2 Паралип. говорится: „*сорока двухъ лѣтъ отъ роду былъ Охозія, когда воцарился*“, то нѣкоторые воображаютъ, что эти годы берутъ начало отъ царствованія Іорама, а не отъ рожденія Охозіи; но если бы они могли показать, что намѣреніе автора книгъ Паралип. было это самое, то я не затруднился бы утверждать, что онъ не умѣлъ говорить. Подобнымъ образомъ они выдумываютъ и много другихъ объясненій, и если бы эти объясненія были истинны, то я безусловно сказалъ бы, что древніе евреи совершенно не знали ни языка своего, ни порядка въ разсказѣ, и не признавалъ бы ни какого-либо основанія, ни правила толковать Писаніе, но было бы позволительно все измышлять по произволу.

30. Если однако кто-нибудь думаетъ, что я говорю здѣсь слишкомъ обще и недовольно основательно, то я его прошу сдѣлать это и показать намъ въ этихъ именно исторіяхъ какой-нибудь опредѣленный порядокъ, которому историки могли бы безъ огрѣха подражать въ лѣтописяхъ, и пусть онъ, толкуя и пытаясь согласовать исторіи, столь строго соблюдаетъ и такъ объясняетъ фразы и обороты языка, распредѣленіе и построеніе предложеній, чтобы и мы могли подражать имъ въ письмѣ согласно съ его объясненіемъ *);

*) См. Примѣч. XVIII.

если онъ это сдѣлаетъ, тотчасъ дамъ ему руки и будетъ
онъ для меня великимъ оракуломъ. Ибо признаюсь, что 31.
я хотя и долго искалъ, ничего однако подобнаго никогда
не могъ найти. Даже прибавлю, что я здѣсь не пишу ни-
чего такого, чего я давнымъ давно и зрѣло не обдумалъ бы
и хотя я съ дѣтства былъ пропитанъ обычными мнѣніями
о Писаніи, однако я не могъ, наконецъ, не допустить этого.
Но нѣтъ основанія, почему бы я долго задерживалъ чита-
теля на этомъ и приглашалъ его къ безнадежному занятію.
Однако предложить самое занятіе нужно было, чтобы лучше
объяснить мою мысль. Итакъ перехожу къ остальному, что 32.
я взялся замѣтить относительно судьбы этихъ книгъ.

Такъ кромѣ того, что мы сейчасъ показали, должно
замѣтить, что эти книги не были сохраняемы потомками
съ тою заботливостью, чтобы въ нихъ не закралось ни-
какихъ ошибокъ; вѣдь древніе писцы замѣтили много со-
мнительныхъ чтеній и кромѣ того нѣсколько мѣстъ отры-
вочныхъ; однако они замѣтили не все. Но такого ли сорта
ошибки, чтобы читателю стоило на нихъ долго останавли-
ваться, объ этомъ я теперь не разсуждаю; думаю однако,
что онѣ меньшей важности, по крайней мѣрѣ для тѣхъ
лицъ, которые читаютъ Писаніе, руководствуясь свобод-
нымъ сужденіемъ; и могу опредѣленно утверждать то, что
относительно нравственыхъ правилъ я не замѣтилъ нака-
кой ошибки, ни разночтенія, которыя могли бы сдѣлать
ихъ темными или сомнительными. Впрочемъ очень многіе 33.
не допускаютъ, чтобы и въ остальное содержаніе Библіи
вкралась какая-нибудь погрѣшность, но утверждаютъ, что
Богъ въ силу особеннаго какого-то смотрѣнія сохранилъ
неповрежденною всю Библію; различныя же чтенія, по ихъ
словамъ, суть знаки глубочайшихъ тайнъ; то же самое они

утверждаютъ и о звѣздочкахъ, которыхъ имѣется 28 въ срединѣ параграфа[1]); утверждаютъ даже, что въ самыхъ значкахъ надъ буквами содержатся большія тайны. Положительно
34. не знаю, говорятъ ли они это вслѣдствіе глупости и набожности, свойственной старымъ бабамъ, или же вслѣдствіе высокомѣрія и порочности съ цѣлью, чтобы ихъ однихъ считали обладателями тайнъ Божіихъ; знаю по крайней мѣрѣ то, что я ничего у нихъ не читалъ, что отзывалось бы тайною, но только дѣтскія разсужденія. Читалъ также, и кромѣ того зналъ, нѣкоторыхъ болтуновъ каббалистовъ, безумію которыхъ я никогда не могъ достаточно надивиться. А что ошибки, какъ мы сказали, вкрались, то
35. въ этомъ, я думаю, не сомнѣвается ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, прочитавшій извѣстный текстъ о Саулѣ (уже приводившійся нами изъ кн. I Самуил. гл. 13, ст. 1), а также 2 ст. 6 гл. 2 Самуила именно: „*и всталъ и пошелъ Давидъ и весь народъ, который находился съ нимъ, изъ Іудеи, чтобы вынести оттуда ковчегъ Божій*". Здѣсь также никто не можетъ не видѣть, что мѣсто, куда они пошли, именно Кіріаѳъ-Іаримъ *), чтобы оттуда принести ковчегъ, было пропущено. Не можемъ также отрицать,
36. что 37 ст. 13 гл. 2 Самуила искаженъ и оборванъ, именно: „*и Авессаломъ убѣжалъ и ушелъ къ Θалмаю, сыну Аміуда, царю Гедсурскому, и сѣтовалъ о сынѣ своемъ всѣ дни, и Авессаломъ убѣжалъ, и ушелъ въ Гедсуръ и оставался тамъ три года*" **). Знаю, что раньше я замѣчалъ и другія мѣста такого же рода, которыя въ данную минуту не попадаются подъ руку.

---

[1]) См. главу IX. § 62.

*) См. Примѣч. XIX.

**) См. Примѣч. XX.

А что маргинальныя замѣтки, встрѣчаемыя иногда въ 37.
еврейскихъ кодексахъ, были сомнительными чтеніями, въ этомъ также никто не можетъ сомнѣваться, кто обращаетъ вниманіе на то, что очень многія (изъ замѣтокъ) произошли вслѣдствіе большого сходства еврейскихъ буквъ между собою. Именно вслѣдствіе сходства, какое имѣетъ כ Кафъ съ ב Бетъ, י Іодъ съ ו Вавъ, ד Далетъ съ ר Решъ и проч. Напр., гдѣ въ кн. 2 Сам. гл. 5, ст. предпос. пишется: „*и въ то время, въ которое услышишь*“ [1]), на поляхъ имѣется: כשמעך „*когда услышишь*“ и въ гл. 21 Суд., ст. 22: וְהָיָה כִּי־יָבֹאוּ אֲבוֹתָם אוֹ אֲחֵיהֶם לָרוֹב „*и когда отцы ихъ или братья во множествѣ* (т. е. часто) *будутъ приходить къ намъ*“ и пр., на поляхъ имѣется *для тяжбы* [2]). И такимъ образомъ очень многія замѣтки произошли потомъ также 38.
вслѣдствіе употребленія буквъ, называемыхъ *покоящіяся* [3]), произношеніе которыхъ дѣйствительно весьма часто вовсе не слышно, и берутся они безразлично одна вмѣсто другой. Напр., въ кн. Левитъ гл. 25, ст. 30 пишется: וְקָם הַבַּיִת אֲשֶׁר־בָּעִיר אֲשֶׁר־לֹא חוֹמָה „*и будетъ закрѣпощенъ домъ, который находится въ городѣ, у котораго нѣтъ стѣны*“; на поляхъ же имѣется: אשר לו חמה *у котораго есть стѣна*, и проч.

Но хотя это само по себѣ довольно ясно, однако 39.
хочется отвѣтить на доводы нѣкоторыхъ фарисеевъ, которыми они пытаются убѣдить, что маргинальныя замѣтки были прибавлены или показаны для обозначенія нѣкоторой тайны самими писателями священныхъ книгъ. Первый изъ

---

[1]) וּבְשָׁמְעֲךָ

[2]) לָרִיב

[3]) См. Прим. переводчика.

этихъ доводовъ, который даже мало касается меня, они берутъ изъ практики чтенія Св. Писанія; если, говорятъ, эти замѣтки были прибавлены вслѣдствіе разницы въ чтеніи, въ которомъ потомки древнихъ евреевъ не могли разобраться, то почему возымѣлъ силу обычай, чтобы вездѣ удерживался смыслъ маргинальныхъ замѣтокъ? почему, говорятъ, смыслъ, который они хотѣли удержать, отмѣченъ ими на поляхъ? они, напротивъ, должны были самые свитки писать такъ, какъ имъ хотѣлось ихъ читать, а не на поляхъ отмѣчать смыслъ и чтеніе, которое они всего больше
40. одобряли. Второй же доводъ, обнаруживающій, повидимому, нѣкоторую зоркость,—изъ самой природы предмета, именно: что ошибки не намѣренно, но случайно вкрадывались въ кодексы, а подобныя ошибки бываютъ разнообразны. Но въ пяти книгахъ всегда слово נַעֲרָה *дѣвушка*, за исключеніемъ только одного мѣста, пишется не сполна, вопреки правилу грамматики, безъ буквы ה хе, на поляхъ же—правильно по общему правилу грамматики [1]). Неужели это случилось бы тоже оттого, что рука ошиблась при писаніи? Какими судьбами могло произойти то, что перо всегда, сколько бы разъ это слово ни встрѣчалось, спѣшило? Потомъ могли бы этотъ дефектъ легко и безъ затрудненія пополнить и исправить по правиламъ грамматики.
41. Итакъ коль скоро эти чтенія произошли не случайно, и оставлены безъ исправленія столь явныя погрѣшности, то изъ этого заключаютъ, что это было сдѣлано первыми писателями съ извѣстнымъ намѣреніемъ, чтобы чрезъ это обозначить нѣчто. Но на это мы легко можемъ отвѣтить, ибо ссылка въ аргументаціи на практику, имѣвшую у нихъ

---

[1]) См. Быт. 24, 16; Втор. 22, 15, 16, 20, 21, 24—29 и др.

силу, меня нисколько не останавливаетъ. Суевѣріе могло 42.
присовѣтовать не-знай-что, и можетъ быть, это произошло
оттого, что то и другое чтеніе они считали одинаково хо-
рошимъ или сноснымъ, а потому, чтобы не пренебрегать
которымъ-либо изъ нихъ, они положили, что одно должно
писать, а другое читать. Они именно боялись опредѣленно
выразить сужденіе въ такомъ дѣлѣ, чтобы не выбрать бла-
годаря неувѣренности ложное вмѣсто истиннаго, и потому
они не захотѣли предпочесть одно другому; а это они безу-
словно сдѣлали бы, если бы постановили писать и читать толь-
ко одно, особливо когда въ священныхъ свиткахъ маргиналь-
ныя замѣтки не пишутся. Или, можетъ быть, это произошло 43.
оттого, что они пожелали, чтобы нѣкоторыя слова, хотя
и правильно написанныя, читались однако иначе, именно
такъ, какъ они отмѣтили на поляхъ, и потому вообще
установили, чтобы Библія читалась по маргинальнымъ за-
мѣткамъ. Я сейчасъ скажу, что за причина побудила пис- 44.
цовъ отмѣтить на поляхъ нѣкоторыя слова, которыя долж-
но читать особенно (ибо не всѣ маргинальныя замѣтки
суть сомнительныя чтенія, но онѣ отмѣтили также и сло-
ва вышедшія изъ употребленія), именно: устарѣлость словъ,
которыя добрые нравы того времени не дозволяли читать
въ общественныхъ собраніяхъ; ибо древніе простодушные 45.
писатели называли вещи безъ всякихъ придворныхъ оби-
няковъ, но собственными ихъ именами, а послѣ того какъ
воцарились порочность и роскошь, стали считать непри-
личнымъ то, что не стыдясь говорили древніе. Но вслѣд-
ствіе этой причины не было надобности измѣнять самое
Писаніе, тѣмъ не менѣе однако, чтобы помочь слабости
народа, ввели въ обычай читать въ общественныхъ собра-
ніяхъ названія для полового совокупленія и испражненій

благопристойнѣе, именно такъ, какъ ихъ отмѣтили на по-
46. ляхъ. Наконецъ, какая бы причина ни была, по которой вошло въ обычай читать и толковать Писаніе по маргинальнымъ чтеніямъ, не было по крайней мѣрѣ того, что вѣрное толкованіе по нимъ должно дѣлаться. Ибо кромѣ того, что сами раввины въ Талмудѣ часто отступаютъ отъ масоретовъ и придерживаются другихъ чтеній, которыя они одобряютъ, какъ я скоро покажу, на поляхъ находятся еще нѣкоторыя замѣтки, которыя практикой языка, повидимому,
47. менѣе одобряются. Напр. въ кн. 2 Сам. гл. 14, ст. 22 пишется: אֲשֶׁר־עָשָׂה הַמֶּלֶךְ אֶת־הַדָּבָר עַבְדּוֹ „*потому что царь сдѣлалъ по мнѣнію своего слуги*“; эта конструкція совершенно правильна и согласна съ конструкціею ст. 15 той же главы, а конструкція, имѣющаяся на поляхъ (עבדך слуги
48. твоего) не согласуется съ лицомъ глагола. Точно также ст. послѣд. гл. 16 той же книги пишется: כַּאֲשֶׁר יִשְׁאַל־בִּדְבַר הָאֱלֹהִים „*какъ когда спрашиваетъ* (то есть спрашивается) *о словѣ Божіемъ*“; здѣсь на поляхъ прибавляется איש *кто*, какъ именительный при глаголѣ. Это сдѣлано, очевидно, довольно неправильно, ибо обычная практика этого языка требуетъ употребленія безличныхъ глаголовъ въ третьемъ лицѣ единственнаго числа дѣйствительнаго залога, какъ очень хорошо извѣстно грамматикамъ. И подобнымъ образомъ встрѣчаются многія замѣтки, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть пред-
49. почтены текстуальному чтенію. Что же касается до второго довода фарисеевъ, то и на него легко отвѣтить на основаніи только что сказаннаго; именно, писцы кромѣ сомнительныхъ чтеній отмѣчали также слова вышедшія изъ употребленія. Ибо несомнѣнно, что въ еврейскомъ языкѣ,

какъ въ остальныхъ, позднѣйшая практика сдѣлала многія слова неупотребительными и устарѣвшими, и они были находимы позднѣйшими писцами въ Библіи; они, какъ мы сказали, отмѣтили ихъ всѣ, чтобы передъ народомъ читать ихъ по принятому тогда обычаю. Вслѣдствіе этой, стало 50.
быть, причины всюду встрѣчается отмѣченнымъ имя נער *нахгаръ*, потому что въ древности оно было общаго рода и обозначало то же, что у латинянъ juvenis *). Точно также столица евреевъ обыкновенно называлась у древнихъ יְרוּשָׁלַם *Іерушалемъ*, а не יְרוּשָׁלַיִם *Іерушалаимъ*. О мѣстоименіи הוּא *самъ* и *сама* думаю то же самое, именно, что новѣйшіе писцы измѣняли ו *вавъ* въ י *іодъ* (каковое измѣненіе часто бываетъ въ еврейскомъ языкѣ), когда хотѣли обозначить женскій родъ; тогда какъ древніе только гласными обыкновенно различали женскій родъ этого мѣстоименія отъ мужескаго. Такъ кромѣ того и неправильность 51.
въ нѣкоторыхъ глаголахъ у древнихъ была одна, у позднѣйшихъ другая; и, наконецъ, древніе употребляли парагогическія буквы הָאמנתיון какъ особое изящество своего времени. Все это я могъ бы иллюстрировать здѣсь многими примѣрами, но не хочу удерживать читателя за скучнымъ чтеніемъ. Но если бы кто спросилъ меня, откуда я это 52.
узналъ, я отвѣчаю: я это часто находилъ у самыхъ древнихъ писателей именно въ Библіи, и имъ однако позднѣйшіе писатели не желали подражать; это есть единственное начало, руководясь которымъ мы и въ остальныхъ языкахъ, хотя также уже мертвыхъ, узнаемъ однако обветшалыя слова.

*) Юнецъ или юница.

53. Но, можетъ быть, кто-нибудь по поводу моего утвержденія, что большая часть этихъ замѣтокъ суть сомнительныя чтенія, будетъ еще возражать, отчего никогда не встрѣчалось больше двухъ чтеній одного мѣста? отчего не встрѣчалось когда-либо трехъ или больше? Возразитъ потомъ, что нѣкоторыя мѣста въ Писаніи столь очевидно противорѣчатъ грамматикѣ—эти мѣста на поляхъ отмѣчаются правильно,—что отнюдь не должно думать, будто писцы могли затрудняться и сомнѣваться въ томъ, которое
54. изъ двухъ чтеній было правильное. Но и на это легко отвѣтить. И на первое возраженіе я, конечно, отвѣчаю, что было больше варіантовъ, нежели мы находимъ ихъ отмѣченными въ нашихъ кодексахъ. Въ Талмудѣ вѣдь отмѣчается много варіантовъ, не принимаемыхъ масоретами, а во многихъ мѣстахъ они до того рѣзко отступаютъ отъ нихъ, что извѣстный суевѣрный корректоръ Бомбергской Библіи [1]) принужденъ былъ, наконецъ, признаться въ своемъ предисловіи, что онъ не умѣетъ ихъ согласить: דלא ידענא לתרוצי אלא כדתר יענא לעילאדרהיה דגמרא לפלוגי על המסורת *„и мы не умѣемъ“*, говоритъ онъ, *„отвѣтить кромѣ того, что выше отвѣтили*, именно, *что обычай Талмуда—противорѣчитъ масоретамъ“*. Поэтому мы не можемъ съ достаточной основательностію утверждать, что никогда не
55. было больше двухъ варіантовъ одного мѣста. Впрочемъ легко допускаю, даже увѣренъ, что больше двухъ варіантовъ одного мѣста никогда не находили, и это допускаю по двумъ основаніямъ, именно: во I, причина, отъ которой, какъ мы указали, произошла разница въ этихъ чтеніяхъ, можетъ допустить не больше двухъ (варіантовъ); вѣдь мы показали, что они произошли главнымъ образомъ отъ-
56. сходства нѣкоторыхъ буквъ. Поэтому сомнѣніе почти всегда

[1]) См. Прим. переводчика.

въ концѣ концовъ выходило отсюда, то есть, которую изъ двухъ буквъ должно было писать: ב *бетъ* или כ *кафъ*, י *іодъ* или ו *вавъ*, ד *далетъ* или ר *решъ* и проч. Эти буквы чаще всѣхъ употребляются, и потому часто могло случаться, что и та и другая являла смыслъ терпимый. Затѣмъ,— былъ ли слогъ дологъ или кратокъ, количество каковыхъ опредѣляется тѣми буквами, которыя мы назвали *покоящимися*. Къ этому прибавьте, что не всѣ замѣтки суть сомнительныя чтенія; многія вѣдь, мы сказали, были прибавлены въ видахъ приличія для объясненія словъ древнихъ и вышедшихъ изъ употребленія. II, основаніе, почему я 57. убѣжденъ, что больше двухъ чтеній одного мѣста не встрѣчается, лежитъ въ моей вѣрѣ въ то, что писцы нашли только немного экземпляровъ, можетъ быть не больше двухъ или трехъ. Въ трактатѣ Писцовъ סופרים, гл. 6, упоминается лишь о трехъ экземплярахъ, которые будто бы были найдены во времена Ездры, почему и выставляютъ на видъ, что эти замѣтки были прибавлены самимъ Ездрою. Что бы ни было, мы легко можемъ понять, что если 58. у нихъ было три экземпляра, то два всегда были согласны въ одномъ и томъ же мѣстѣ; наоборотъ же, всякій могъ бы дѣйствительно удивляться, если бы въ трехъ только экземплярахъ были найдены и три различныя чтенія одного и того же мѣста. Но какими судьбами сдѣлалось, что послѣ Ездры оказался такой недостатокъ въ экземплярахъ? Этому перестанетъ удивляться тотъ, кто прочтетъ только или гл. 1, кн. 1 Маккавеевъ [1]) или гл. 5 кн. 12 Древностей Іосифа. Даже кажется похожимъ на чудо, что послѣ такого

[1]) См. 1 Маккав. гл. 1, ст. 59, 60

и столь продолжительнаго преслѣдованія можно было сохранить и тѣ немногіе (экземпляры); въ этомъ, полагаю, не сомнѣвается ни одинъ человѣкъ, который прочелъ ту
59. исторію хоть съ умѣреннымъ вниманіемъ. Итакъ мы видимъ причины, почему нигдѣ не встрѣчается сомнительныхъ чтеній больше двухъ. Поэтому далеко невѣрно, что изъ наличности вездѣ не больше двухъ варіантовъ, можно заключить, что Библія въ отмѣченныхъ мѣстахъ намѣренно неправильно была написана для обозначенія
60. тайнъ. Что же касается до второго возраженія, т. е., что встрѣчаются нѣкоторыя мѣста до того неправильно написанныя, что никоимъ образомъ нельзя было сомнѣваться въ противорѣчіи ихъ съ практикою письма всѣхъ временъ, и, стало быть, писцы безусловно должны были исправить ихъ, а не на поляхъ отмѣтить, то оно меня мало касается; вѣдь я не обязанъ знать, какой религіозный мотивъ по-
61. будилъ ихъ не дѣлать этого. Можетъ быть, они сдѣлали это по душевной простотѣ, захотѣвъ передать потомкамъ Библію такъ, какъ она была найдена въ немногихъ оригинальныхъ экземплярахъ, и отмѣтить несходства оригиналовъ не какъ сомнительныя, но какъ разныя чтенія; я назвалъ ихъ сомнительными только въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно нахожу ихъ почти всѣ такими, что рѣшительно не знаю, которое какому слѣдуетъ предпочесть.
62. Наконецъ, кромѣ этихъ сомнительныхъ чтеній писцы отмѣтили еще (оставляя пустое пространство въ серединѣ параграфовъ) много мѣстъ оборванныхъ,—число ихъ передаютъ масореты; они именно считаютъ двадцать восемь мѣстъ, гдѣ въ серединѣ параграфа оставляется пустое пространство; думаютъ ли они, что и въ числѣ скрывается какая-нибудь тайна—не знаю. Но извѣстную величину про-

странства фарисеи соблюдаютъ какъ святыню. Примѣръ 63.
этого (чтобы привести одинъ) имѣется въ Бытіи гл. 4, ст. 8, гдѣ такъ пишется: „*и сказалъ Каинъ Авелю брату своему..... и случилось, въ то время какъ они были въ полѣ, что Каинъ*“ и пр. Здѣсь оставляется пустой промежутокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ожидали узнать, что именно сказалъ Каинъ брату. И такимъ образомъ (кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя мы уже замѣтили) находятся двадцать восемь (мѣстъ), оставленныхъ писцами. Однако многія изъ нихъ не казались бы оборванными, если бы не было оставлено промежутка. Но объ этомъ довольно.

Глава X.

Остальныя книги Ветхаго Завѣта изслѣдуются тѣмъ же способомъ, какъ и предыдущія.

Перехожу къ остальнымъ книгамъ Ветхаго Завѣта. Но о двухъ книгахъ Паралипоменонъ я ничего опредѣленнаго и что стоитъ труда не имѣю замѣтить кромѣ того, что онѣ были написаны долго спустя послѣ Ездры, а можетъ быть, и послѣ того какъ Іуда Маккавей возобновилъ храмъ *). Ибо въ гл. 9 кн. 1 историкъ разсказываетъ, какія именно семьи сначала (т. е. во время Ездры) обитали въ Іерусалимѣ; и потомъ въ ст. 17 указываетъ привратниковъ, о двухъ изъ которыхъ разсказывается и у Нееміи въ гл. 11, ст. 19. Это показываетъ, что книги эти были написаны долго спустя послѣ возстановленія города. Впрочемъ, объ истинномъ авторѣ ихъ, и о
2. ихъ достовѣрности, полезности и ученіи для меня ничего нѣтъ установленнаго. Я даже не могу достаточно надивиться, почему онѣ были приняты въ число священныхъ книгъ тѣми людьми, которые изъ канона священныхъ

*) См. Примѣч. XXI.

книгъ изъяли книгу Премудростей, Товита, и прочія, считающіяся апокрифами; однако уменьшать ихъ авторитетъ у меня нѣтъ намѣренія, но такъ какъ онѣ всѣми приняты, то я и оставляю ихъ такъ, какъ онѣ есть.

Псалмы также были собраны и раздѣлены на пять 3.
книгъ въ эпоху второго храма; ибо псал. 88 по свидѣтельству іудея Филона появился въ то время, пока еще царь Іехонія содержался въ темницѣ въ Вавилонѣ, а псал. 89 тогда, когда тотъ же царь получилъ свободу; я не думаю, чтобы Филонъ когда-либо позволилъ себѣ сказать это, если бы въ его время не было принято такое мнѣніе, или если бы онъ не получилъ его отъ другихъ достойныхъ довѣрія лицъ. Я думаю, что и Притчи Соломона были со- 4.
браны въ то же время или, по крайней мѣрѣ, во время царя Іосіи, и это потому, что въ гл. 24, ст. послѣд. [1]) говорится: „*это также Притчи Соломона, которыя перенесли мужи Езекіи, царя іудейскаго*“. Но не могу умолчать здѣсь о смѣ- 5.
лости раввиновъ, которые желали, чтобы эта книга съ Екклесіастомъ была исключена изъ канона священныхъ книгъ, и чтобы она хранилась съ другими, которыхъ теперь уже не существуетъ. Это безусловно они сдѣлали бы, если бы не нашлись нѣкоторыя мѣста, гдѣ рекомендуется Моисеевъ законъ. Должно конечно скорбѣть, что священные и самые лучшіе предметы зависѣли отъ ихъ выбора. Однако я благодаренъ имъ и за то, что они пожелали сообщить намъ эти книги; но не могу не сомнѣваться въ томъ, добросовѣстно ли они передали ихъ, что̀ подвергать здѣсь строгому изслѣдованію я не хочу.

---

[1]) Въ нѣкот. изд. гл. 25, ст. 1.

6. Итакъ перехожу къ книгамъ пророковъ. Всякій разъ какъ я вникаю въ нихъ, я вижу, что пророчества, содержащіяся въ нихъ, были собраны изъ другихъ книгъ; и не всегда списаны въ нихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были высказаны или написаны самими пророками; и что содержатся не всѣ пророчества, но только тѣ, которыя можно было найти здѣсь или тамъ; поэтому эти книги
7. суть только фрагменты пророческихъ. Ибо Исаія началъ пророчествовать въ царствованіе Озіи, какъ самъ писатель свидѣтельствуетъ въ первомъ стихѣ. Но онъ въ то время не только пророчествовалъ, но сверхъ того и описалъ всѣ дѣла, совершенныя этимъ царемъ (см. Парал. кн. 2, гл. 26, ст. 22). Этой книги теперь нѣтъ. Которыя же у насъ есть, тѣ, мы показали, списаны изъ
8. лѣтописей царей іудейскихъ и израильскихъ. Прибавьте къ этому, что раввины утверждаютъ, будто этотъ пророкъ пророчествовалъ и въ царствованіе Манассіи, которымъ онъ, наконецъ, былъ умерщвленъ, и хотя они, кажется, разсказываютъ басню, однако они, повидимому, вѣрили,
9. что пророчества его не всѣ имѣются. Затѣмъ излагаемыя исторически пророчества Іереміи извлечены и собраны изъ разныхъ лѣтописцевъ. Ибо помимо того, что онѣ безпорядочно, не обращая никакого вниманія на послѣдовательность, сгружены, въ нихъ одна и та же исторія вдобавокъ повторяется различнымъ образомъ. Ибо гл. 21 излагаетъ причину ареста Іереміи именно за то, что онъ предсказалъ разореніе города Седекіи, спрашивавшему у него совѣта; а гл. 22, прервавъ эту исторію, переходитъ къ разсказу о его воззваніи къ Іоакиму, царствовавшему до Седекіи, и о томъ, что онъ предсказалъ плѣнъ царя, а затѣмъ гл. 25 описываетъ то, что было открыто пророку до этого, именно въ четвертый годъ Іоакима, потомъ, что

въ первый годъ этого царя [1]), и такъ продолжаютъ ску- 10.
чивать пророчества далѣе безъ всякаго соблюденія по-
рядка во времени, пока, наконецъ, въ гл. 38 (какъ будто
эти 15 главъ были сказаны въ скобкахъ) не возвращаются
къ тому, что въ гл. 21 начали разсказывать. Ибо соеди-
неніе, начинающее ту главу, относится къ ст. 8, 9 и 10
этой; и потомъ совсѣмъ иначе описываютъ послѣдній
арестъ Іереміи и указываютъ совершенно иную причину
продолжительнаго его задержанія во дворѣ стражи, нежели
о которой разсказывается въ гл. 37. Такъ что ясно видишь,
что все это было собрано изъ разныхъ историковъ, и ни-
какимъ другимъ образомъ не можетъ быть извинено.
Впрочемъ остальныя пророчества, содержащіяся въ осталь- 11.
ныхъ главахъ, гдѣ Іеремія говоритъ въ первомъ лицѣ, кажется,
списаны со свитка, который написалъ Варухъ подъ дик-
товку самого Іереміи. Онъ вѣдь содержалъ (какъ видно
изъ гл. 36, ст. 2) только то, что было открыто этому про-
року со времени Іосіи до четвертаго года Іоакима; съ
этого времени эта книга и начинаетъ. Потомъ съ того же
свитка, кажется, списано то, что имѣется отъ гл. 45, ст. 2
до гл. 51, ст. 59. А что книга Іезекіиля есть также только 12.
отрывокъ, то первые стихи ея весьма ясно это показываютъ:
вѣдь кто не видитъ, что связь, которою начинается книга,
относится къ другому, о чемъ уже было говорено, и при-
мыкаетъ къ тому, что должно быть сказано? И не только
связь, но и весь контекстъ рѣчи предполагаетъ другое
сочиненіе; вѣдь тридцатый годъ, съ котораго начинаетъ 13.
эта книга, показываетъ, что пророкъ продолжаетъ раз-

---

[1]) См. гл. 26 и 27.

сказъ, а не на начинаетъ; это и самъ писатель въ ст. 3 въ скобкахъ, такъ отмѣчаетъ: „*было часто слово Божіе Іезекіилю, сыну Вузія, священнику въ землѣ Халдейской*“ и пр.; онъ какъ бы говоритъ, что слова Іезекіиля, которыя онъ до сихъ поръ списывалъ, относятся къ другому, что̀ ему было открыто до этого тридцатаго года. Потомъ Іосифъ въ кн. 10 Древностей, гл. 7, разсказываетъ, будто Іезекіиль предсказалъ, что Седекія не увидитъ Вавилонію; объ этомъ въ дошедшей до насъ книгѣ его имени не говорится, но, наоборотъ, сказано именно въ гл. 17 [1]), что онъ былъ
14. отведенъ плѣнникомъ въ Вавилонію *). Относительно Осіи мы не можемъ сказать навѣрняка, что онъ написалъ больше, нежели что содержится въ книгѣ, называемой его именемъ. Но я однако удивляюсь, что у насъ отъ того, кто по свидѣтельству Писанія пророчествовалъ больше восьмидесяти
15. четырехъ лѣтъ, имѣется столь мало. Въ общемъ, по крайней мѣрѣ, мы знаемъ то, что писатели не собрали всѣхъ пророчествъ ни отъ всѣхъ пророковъ, ни отъ тѣхъ, которыхъ мы имѣемъ. Ибо отъ тѣхъ пророковъ, которые пророчествовали въ царствованіе Манассіи, и о которыхъ въ кн. 2 Паралип., гл. 33, ст. 10, 18, 19 упоминается вообще, у насъ нѣтъ совершенно никакихъ пророчествъ, а также нѣтъ и всѣхъ пророчествъ этихъ двѣнадцати пророковъ. Ибо изъ Іоны списаны только пророчества о ниневитянахъ, между тѣмъ однако онъ пророчествовалъ и израильтянамъ, о чемъ смотри кн. 2 Цар. гл. 14, ст. 25.

16. О книгѣ Іова и о самомъ Іовѣ былъ большой споръ среди писателей. Нѣкоторые думаютъ, что ее написалъ

---

[1]) См. Іезек. 17, 12, 16, 20

*) См. Примѣч. XXII.

Моисей, и что вся исторія есть только парабола; это пере-
даютъ нѣкоторые изъ раввиновъ въ Талмудѣ; съ ними и
Маймонидъ соглашается въ своей книгѣ Море Небухимъ.
Иные думали, что исторія была истинная; изъ послѣднихъ
есть нѣкоторые, полагавшіе, что этотъ Іовъ жилъ во время
Іакова и былъ женатъ на его дочери Динѣ. Но Абенъ- 17.
Езра, какъ я уже выше говорилъ [1]), въ своихъ комментаріяхъ на эту книгу утверждаетъ, что она была переведена на еврейскій съ другого языка; я, конечно, желалъ бы, чтобы онъ показалъ намъ это яснѣе, ибо мы могли бы заключить тогда, что и у язычниковъ были священныя книги. Итакъ оставляю это дѣло подъ сомнѣніемъ; однако допускаю то, что Іовъ былъ нѣкій язычникъ съ большимъ душевнымъ постоянствомъ, и дѣла котораго сперва шли удачно, потомъ очень несчастливо, а подъ конецъ опять весьма счастливо; ибо Іезекіиль въ гл. 14, ст. 14 называетъ
его въ числѣ другихъ лицъ. И я думаю, что эта превратность судьбы Іова и его душевное постоянство дали многимъ случай спорить о Провидѣніи Божіемъ или, по крайней мѣрѣ, автору этой книги составить діалогъ; ибо содержаніе этого діалога, а равно и стиль кажутся свойственными не человѣку тяжко болящему, сидящему въ пеплѣ, но размышляющему на досугѣ въ кабинетѣ. И здѣсь я склоненъ былъ бы думать съ Абенъ-Езрой, что эта книга была переведена съ другого языка, такъ какъ она, повидимому, смахиваетъ на поэзію язычниковъ; ибо отецъ боговъ дважды созываетъ совѣтъ, а Момусъ, называемый здѣсь Сатаной, съ большой свободой оспариваетъ слова Божіи и пр., но это чистыя догадки и они не достаточно тверды. 18.

[1]) См. гл. 7, § 64.

19. Перехожу къ книгѣ Даніила. Она съ гл. 8 несомнѣнно содержитъ писанія самого Даніила. Но откуда были списаны первыя семь главъ, я не знаю. Мы можемъ подозрѣвать, что изъ халдейскихъ лѣтописей, такъ какъ за исклю-
20. ченіемъ первой главы онѣ написаны по халдейски. Если бы это было ясно видно, то имѣлось бы богатѣйшее доказательство, которое убѣждало бы, что Писаніе постольку лишь священно, поскольку мы разумѣемъ подъ нимъ вещи въ немъ обозначенныя, а не поскольку понимаемъ слова или языкъ и предложенія, которыми тѣ вещи обозначаются; и кромѣ того убѣждало бы, что книги, учащія и сообщающія о самыхъ лучшихъ вещахъ, на какомъ бы, наконецъ, языкѣ и какою бы націею ни были написаны, равно священны. Однако, по крайней мѣрѣ, мы можемъ отмѣтить то, что эти главы были написаны по халдейски, и что тѣмъ не менѣе онѣ равно священны, какъ и остальныя въ Библіи.

21. Къ этой же книгѣ Даніила присоединяется первая книга Ездры такимъ образомъ, что легко распознать, что писатель одно и то же лицо, которое продолжаетъ послѣдовательно разсказывать про дѣла іудеевъ отъ перваго
22. плѣненія. А къ этой книгѣ я не затрудняюсь присоединить и книгу Есѳирь; ибо связь, которою начинается та книга, ни къ какой другой не можетъ быть отнесена. И не должно думать, что она есть та же самая книга, которую написалъ Мардохей; ибо въ гл. 6, ст. 20, 21, 22 кто-то другой разсказываетъ о самомъ Мардохеѣ, что онъ написалъ письма, и передаетъ ихъ содержаніе; потомъ, въ ст. 31 той же главы, что царица Есѳирь указомъ подтвердила постановленія относящіяся къ празднику жребіевъ (Пуримъ), и что указъ былъ вписанъ въ книгу, то есть (какъ звучитъ по

еврейски) въ книгу всѣмъ извѣстную въ то время (то есть, когда это было описываемо), и Абенъ-Езра признаетъ, и всѣ обязаны признать, что она съ другими (книгами) погибла. Наконецъ относительно остальныхъ (дѣяній) Мардохея историкъ указываетъ на лѣтопись персидскихъ царей [1]). Поэтому не слѣдуетъ сомнѣваться, что и эта книга была 23.
написана тѣмъ же историкомъ, который разсказалъ о дѣяніяхъ Даніила и Ездры; а сверхъ того и книга Нееміи *), потому что она называется второю книгою Ездры. Итакъ мы утверждаемъ, что эти четыре книги, именно Даніила, Ездры, Есѳири и Нееміи, были написаны однимъ и тѣмъ же историкомъ; но кто именно онъ былъ, я не могу даже и предположить. Но кто бы въ концѣ концовъ онъ ни 24.
былъ, для того чтобы знать, откуда онъ получилъ свѣдѣніе объ этихъ исторіяхъ и, можетъ быть, также списалъ большую часть ихъ, должно замѣтить, что правители или князья іудеевъ имѣли при второмъ храмѣ, какъ цари ихъ при первомъ, писцовъ или исторіографовъ, которые послѣдовательно вели ихъ лѣтописи или временники. Вѣдь царскіе временники или лѣтописи цитуются въ книгахъ Царей походя; а лѣтописи князей и жрецовъ второго храма цитуются сперва въ кн. Нееміи, гл. 12, ст. 23, потомъ
въ Макк. кн. 1 гл. 16, ст. 24. И, безъ сомнѣнія, это и есть 25.
та книга (смотр. Есѳ. гл. 9, ст. 31), упомянутая нами сейчасъ, въ которой были написаны указъ Есѳири и письма Мардохея, и про которую я заодно съ Абенъ-Езрой сказалъ, что она погибла. Итакъ, повидимому, изъ этой книги заимствовано или списано все, что содержится въ тѣхъ

---

[1]) См. Есѳир. 2, 23; 6, 1.
*) См. Примѣч. XXIII.

четырехъ: вѣдь никто другой авторомъ ихъ не цитуется, и никакой иной книги оффиціальнаго характера мы не
26 знаемъ. А что эти книги не были написаны ни Ездрою, ни Нееміею, это явствуетъ изъ того, что въ кн. Нееміи гл. 12, ст. 10, 11 генеалогія верховнаго первосвященника Іисуса продолжена до Іаддуя, то есть шестого первосвященника, который вышелъ на встрѣчу Александру Великому, когда власть персовъ была уже почти ниспровергнута (см. Іосифа Древн. кн. 11, гл. 8), или, какъ іудей Филонъ говоритъ въ книгѣ Временъ, шестого и послѣд-
27. няго первосвященника при персахъ. Даже въ той же гл. Нееміи, именно въ ст. 22, это самое ясно указывается. „*Левиты*, говоритъ историкъ, *времени Еліашива, Іояды, Іоханана и Іаддуя сверхъ* (*supra*) [1] *царствованія перса Дарія были вписаны*“, то есть во временникахъ. И, я думаю, никто не полагаетъ, что Ездра *) или Неемія были столь долговѣчны, что они пережили четырнадцать персидскихъ царей; ибо Киръ первый изъ всѣхъ далъ іудеямъ позволеніе возстановить храмъ, а съ того времени до Дарія, четырнадцатаго и послѣдняго царя персовъ, считается больше 230 лѣтъ.
28. Поэтому не сомнѣваюсь, что эти книги были написаны гораздо позже того, какъ Іуда Маккавей возобновилъ служеніе въ храмѣ; не сомнѣваюсь потому еще, что въ то время подложныя книги Даніила, Ездры и Есѳири были распространяемы нѣкоторыми злонамѣренными людьми, принадлежавшими, безъ сомнѣнія, къ сектѣ саддукеевъ; ибо фарисеи, сколько я знаю, никогда не принимали тѣхъ книгъ.

---

[1]) Если это не означаетъ ultra *далѣе*, то списатель ошибся, написавъ על *сверхъ* вмѣсто עד *по*.

*) См. Примѣч. XXIV.

И хотя въ книгѣ, называемой четвертою книгою Ездры, встрѣчаются нѣкоторыя басни, которыя читаемъ и въ Талмудѣ, однако изъ-за этого ихъ не слѣдуетъ приписывать фарисеямъ; ибо изъ нихъ нѣтъ ни одного, исключая самыхъ глупыхъ, который не вѣрилъ бы, что тѣ басни вставлены какимъ-нибудь болтуномъ; и я думаю, что ихъ вставилъ кто-нибудь затѣмъ, чтобы преданія фарисеевъ сдѣлать для всѣхъ смѣшными. Или, можетъ быть, онѣ были 29.
написаны и изданы въ то время по той причинѣ, чтобы показать народу исполненіе пророчествъ Даніила, и чтобы укрѣпить его на этомъ основаніи въ религіи, дабы онъ, будучи въ такомъ бѣдственномъ положеніи, не терялъ надежды на лучшія времена и будущее спасеніе.

Дѣйствительно, хотя эти книги такъ недавни и новы, 30.
однако въ нихъ вкралось много ошибокъ отъ поспѣшности, если не ошибаюсь, переписчиковъ. Вѣдь въ нихъ, какъ и въ остальныхъ книгахъ, тоже встрѣчается много маргинальныхъ замѣтокъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ, а кромѣ того есть также нѣкоторыя мѣста, которыя ни на какомъ другомъ основаніи нельзя извинить, какъ сейчасъ покажу. Но предварительно я желаю сдѣлать замѣчаніе относительно маргинальныхъ чтеній этихъ книгъ, потому что если согласиться съ фарисеями, что маргинальные варіанты такъ же древни, какъ и самые авторы этихъ книгъ, тогда необходимо нужно будетъ сказать, что ихъ отмѣтили сами авторы, буде ихъ было нѣсколько, по той причинѣ, что они нашли самые временники, съ которыхъ они списывали книги, недостаточно правильно написанными; и хотя нѣкоторыя ошибки были ясны, однако они не осмѣлились исправить писанія древнихъ и предковъ. Да мнѣ уже нѣтъ нужды подробно разбирать здѣсь вто-

31. рично этотъ вопросъ. Итакъ перехожу къ указанію того, что не отмѣчено на поляхъ. И I, скажу, что ошибокъ и незнай-сколько вкралось во 2 гл. Ездры; ибо въ ст. 64 дается общая сумма всѣхъ тѣхъ, которые поколѣнно перечисляются во всей главѣ; и о нихъ говорится, что всего ихъ было 42360, а однако если сложить частныя суммы, то найдутъ не болѣе какъ 29818. Итакъ ошибка здѣсь или въ общей или въ частныхъ суммахъ. Но должно думать, что общая сумма, кажется, сообщена правильно, потому что ее, безъ сомнѣнія, каждый удержалъ на память, какъ вещь достопамятную, частныя же суммы—не то. Стало быть, если бы ошибка закралась въ общую сумму, то она тотчасъ была бы очевидна каждому и легко была бы исправ-
32. лена. И это вполнѣ подтверждается тѣмъ, что у Неем. въ гл. 7, гдѣ списывается эта глава изъ Ездры (называемая родословной переписью), какъ объ этомъ выразительно говорится въ стихѣ 5 той же гл. Нееміи, общая сумма вполнѣ согласуется съ суммою книги Ездры, частныя же суммы весьма отличаются; вѣдь нѣкоторыя находишь больше, нѣкоторыя затѣмъ меньше, чѣмъ у Ездры, а всѣ вмѣстѣ онѣ составляютъ 31089; поэтому несомнѣнно, что больше ошибокъ вкралось только въ частныя суммы какъ книги Ездры,
33. такъ и Нееміи. Изъ комментаторовъ же, старающихся согласить эти очевидныя противорѣчія, каждый выдумываетъ по силамъ своего ума все, что только можетъ, а между тѣмъ они своимъ именно преклоненіемъ предъ буквами и словами Писанія дѣлаютъ (какъ уже выше мы напомнили *) не что иное, какъ выставляютъ писателей Библіи на позоръ, такъ что они кажутся не умѣвшими ни говорить, ни

*) См. гл. 9, § 28 и сл. Срав. гл. 9, § 9, прим.; § 12, прим.

излагать въ порядкѣ то, что имъ надлежало сказать. Даже болѣе, они ничего другого не дѣлаютъ, какъ совершенно затемняютъ ясность Писанія: ибо если бы вездѣ было позволительно толковать Писаніе по ихъ способу, то конечно не было бы ни одного предложенія, въ истинномъ смыслѣ котораго мы не могли бы сомнѣваться. Но нѣтъ причины, 34.
почему я долѣе останавливался бы надъ этимъ: я убѣжденъ вѣдь, что если бы какой историкъ захотѣлъ подражать всему тому, что сами комментаторы благочестиво допускаютъ относительно писателей Библіи, то они насмѣялись бы надъ нимъ на разные лады. И если они считаютъ богохульникомъ того, кто говоритъ, что Писаніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ошибочно, то спрашивается, какимъ именемъ я назову тогда ихъ самихъ, которые приплетаютъ къ Писанію все, что угодно, которые историковъ священныхъ книгъ до того унижаютъ, что о нихъ думаютъ какъ о людяхъ безъ толку болтающихъ и все спутывающихъ, которые наконецъ отрицаютъ ясный и самый очевидный смыслъ Писанія? Вѣдь что въ Писаніи яснѣе того, что Ездра съ сотруд- 35.
никами бралъ по частямъ въ родословной переписи, написанной во 2-й главѣ книги, названной его именемъ, число всѣхъ тѣхъ, которые отправились въ Іерусалимъ, такъ какъ въ частныхъ суммахъ сообщается число не только тѣхъ, которые могли указать свою генеалогію, но и тѣхъ, которые не могли ее указать? Что, говорю, яснѣе изъ ст. 5, гл. 7 Нееміи того, что онъ эту самую перепись просто списалъ? Итакъ тѣ, которые объясняютъ это иначе, дѣ- 36.
лаютъ не что иное, какъ отрицаютъ истинный смыслъ Писанія, а слѣдовательно и само Писаніе; что же касается того мнѣнія, будто благочестиво приспособлять одни мѣста Писанія къ другимъ, то, по истинѣ, это забавное бла-

гочестіе, потому что мѣста ясныя они приспособляютъ къ темнымъ, а правильныя къ ложнымъ и здоровое портятъ гнилымъ. Я однако далекъ отъ того, чтобы называть ихъ, не имѣющихъ никакого намѣренія злословить, богохульниками, ибо ошибаться, конечно, свойственно человѣку. Но
37 возвращаюсь къ своей цѣли. Кромѣ ошибокъ, которыя должно признать въ суммахъ родословной росписи какъ Ездры, такъ и Нееміи, замѣчается также много ошибокъ въ самыхъ именахъ семействъ; сверхъ того много ошибокъ въ самыхъ генеалогіяхъ, въ исторіяхъ, и опасаюсь, нѣтъ ли ихъ также и въ самихъ пророчествахъ. Ибо, конечно, пророчество Іереміи гл. 22 о Іехоніи никоимъ образомъ, повидимому, не согласуется съ его исторіей [смотри конецъ книги 2 Царей и Іерем. [1]) и книг. 1 Паралип. гл. 3, ст. 17, 18, 19], а въ особенности слова послѣдняго стиха
38 той главы; не вижу я также на какомъ основаніи онъ о Седекіи, глаза котораго были вырваны, какъ только онъ увидѣлъ умерщвленіе сыновей, могъ сказать: *ты умрешь въ мирѣ* и пр. (см. Іерем. гл. 34, ст. 5). Если пророчества должны толковаться по исполненію, то должно было бы перемѣнить эти имена, и вмѣсто Седекіи, казалось бы, должно взять Іехонію и, наоборотъ, вмѣсто Іехоніи Седекію; но это слишкомъ парадоксально, и потому я предпочитаю оставить вопросъ какъ непонятный, главнымъ образомъ потому, что если здѣсь есть какая-либо ошибка, то она должна быть приписана историку, а не погрѣшности экземпля-
39 ровъ. Что касается до остальныхъ ошибокъ, о которыхъ я сказалъ, то я не думаю отмѣчать ихъ здѣсь, такъ какъ этимъ я могъ бы сильно утомить читателя; тѣмъ болѣе

[1]) 4 Цар. 25, 27 и сл., Іерем. 53, 31 и слѣд.

что онѣ уже были замѣчены другими. Ибо Р. Селомо вслѣд- 40.
ствіе очевиднѣйшихъ противорѣчій, которыя онъ замѣтилъ въ вышеуказанныхъ родословныхъ, принужденъ былъ высказаться въ такихъ словахъ, именно (смот. его комментаріи на кн. 1 гл. 8 Паралип.): „*что Ездра* (который по его мнѣнію, написалъ книги Парал.) *называетъ сыновей Веніамина другими именами и его родословіе выводитъ иначе, нежели мы имѣемъ его въ книгѣ Бытія, и что, наконецъ, онъ большую часть городовъ левитскихъ указываетъ иначе, чѣмъ Іисусъ, то это произошло оттого, что онъ нашелъ различные оригиналы*“ и немного ниже: „*что родословіе Гедеона и другихъ дважды и розно списывается потому, что Ездра нашелъ много разныхъ росписей каждаго родословія и при списываніи ихъ слѣдовалъ наибольшему числу экземпляровъ, а когда число несогласныхъ генеалоговъ было одинаково, тогда онъ списывалъ экземпляры того и другого*“. Такимъ образомъ онъ 41.
безусловно допускаетъ, что эти книги были списаны съ оригиналовъ не достаточно исправленныхъ и не достаточно достовѣрныхъ; даже сами комментаторы, стараясь согласовать мѣста, весьма часто дѣлаютъ не что иное, какъ указываютъ причины ошибокъ; наконецъ я полагаю, что ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не думаетъ, что историки священныхъ книгъ намѣренно захотѣли такъ написать, чтобы они казались противорѣчащими себѣ на каждомъ шагу. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что та- 42.
кимъ образомъ я совершенно ниспровергаю Писаніе, ибо такимъ образомъ всѣ могутъ подозрѣвать, что оно вездѣ ошибочно. Но я, напротивъ, показалъ, что такимъ образомъ я забочусь о Писаніи, дабы его ясныя и чистыя мѣста не приспосабливали къ ошибочнымъ и не искажали; а изъза того, что нѣкоторыя мѣста искажены, нельзя подозрѣвать

того же относительно всѣхъ мѣстъ: вѣдь ни одной книги никогда не находили безъ ошибокъ. Неужели, спрашиваю, кто-нибудь когда-либо подозрѣвалъ по этой причинѣ, что книги во всемъ ошибочны. Конечно никто; особенно когда рѣчь вразумительна и мысль автора ясно понимается.

43. Этимъ я закончилъ то, что хотѣлъ замѣтить относительно исторіи книгъ Ветхаго Завѣта. Изъ этого мы легко заключаемъ, что до времени Маккавеевъ не было никакого канона священныхъ книгъ *); тѣ же, которыя теперь имѣемъ, были отобраны изъ многихъ другихъ фарисеями второго храма, установившими и молитвенныя формулы, и
44. приняты были только на основаніи ихъ рѣшенія. Итакъ кто хочетъ доказать авторитетъ Священнаго Писанія, тотъ обязанъ показать авторитетъ каждой книги; и не достаточно доказать божественность одной, чтобы заключить о божественности всѣхъ; иначе должно утверждать, что соборъ фарисеевъ не могъ ошибиться при этомъ выборѣ
45. книгъ, чего никто никогда не докажетъ. Основаніемъ же, заставляющимъ меня утверждать, что только фарисеи выбирали книги Ветхаго Завѣта и сложили въ канонъ Священныхъ книгъ, служитъ то, что въ книгѣ Даніила въ гл. послѣд. ст. 2 предсказывается воскресеніе мертвыхъ, которое саддукеи отрицали; затѣмъ—то, что сами фарисеи въ Талмудѣ ясно указываютъ это. Именно въ гл. 2, лист. 30, стр. 2 Трактата Саббата говорится: אמר רבי יהודה משמיה דרב בקשו חכמים לגנוז ספר קהלת מפני שדבריו סותרין דברי תורה ומפני מה לא גנזוהו מפני שתהילתו דברי

*) См. Примѣч. XXV.

תורה וסופו דברי תורה „*сказалъ Р. Іуда по имени Раби: старались знатоки скрыть книгу Екклесіаста, потому что слова ея противорѣчатъ словамъ Закона* (NB. въ книгѣ закона Моисея). *Почему же ея не скрыли? Потому что она согласно съ Закономъ начинается и согласно съ Закономъ оканчивается*". А немного ниже: ואף ספר משלי בקשו לגנוז „*и* 46. *также книгу Притчей старались скрыть*" и пр. И наконецъ того же Трактата въ гл. 1, лис. 13, ст. 2: ברם זכור אותו האיש לטוב נחניה בן הזקיה שמו שאלמלא הוא גנז ספר יהזקאל שהיו דבריו סותרין דברי תורה „*по истинѣ, называй съ признательностью того мужа, имя котораго Негунія сынъ Гизкія; ибо если бы его не было, то книга Іезекіиля была бы скрыта, потому что слова ея противорѣчили словамъ закона*" и проч. Изъ этого весьма ясно слѣ- 47. дуетъ, что знатоки закона держали совѣтъ о томъ, какія книги должно принять какъ священныя и какія исключить. Итакъ кто хочетъ увѣриться въ авторитетѣ всѣхъ книгъ, тотъ пусть снова приступаетъ къ обсужденію и требуетъ отчета въ каждой.

А теперь своевременно было бы изслѣдовать и книги 48. Новаго Завѣта такимъ же образомъ. Но такъ какъ я слышу, что это сдѣлано людьми весьма свѣдущими какъ въ наукѣ, такъ и въ языкахъ въ особенности, и такъ какъ я не обладаю настолько безукоризненнымъ знаніемъ греческаго языка, чтобы осмѣлиться взяться за это дѣло, и наконецъ, такъ какъ до насъ не дошли экземпляры книгъ, которыя были написаны на еврейскомъ языкѣ, то я предпочитаю воздержаться отъ этой работы. Тѣмъ не менѣе то, что наиболѣе относится къ моей задачѣ, я думаю отмѣтить. Объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

Глава XI.

Изслѣдуется, написали ли апостолы свои Посланія какъ апостолы и пророки или же какъ учители; затѣмъ показывается обязанность апостоловъ.

Никто изъ читавшихъ Новый Завѣтъ, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что апостолы были пророками. Но такъ какъ пророки говорили по Откровенію не всегда, но, напротивъ, очень рѣдко, какъ мы показали въ концѣ гл. 1 *), то сомнѣваться въ томъ, что написали ли апостолы Посланія въ качествѣ пророковъ по Откровенію и выраженному приказу, какъ Моисей, Іеремія и другіе, или же въ качествѣ частныхъ лицъ или учителей, мы можемъ; тѣмъ болѣе, что въ Посл. 1 къ Коринѳ. гл. 14. ст. 6 Павелъ указываетъ два рода проповѣдованія: одно на основаніи Откровенія, другое на основаніи познанія; и потому, говорю, сомнѣваться въ томъ, что пророчествуютъ ли апостолы въ
2. Посланіяхъ или же учатъ, можно. Но если мы желаемъ обращать вниманіе на стиль Посланій, то найдемъ, что онъ отъ стиля пророчества весьма отличенъ. Ибо у проро-

*) См. гл. 1 § 47.

ковъ весьма употребительно было свидѣтельствовать всюду, что они говорятъ по указу Бога, именно: „*такъ глаголетъ Богъ* [1]), *говоритъ Богъ воинствъ, указъ Бога* [2])“ и пр. и это, повидимому, имѣло мѣсто не только въ публичныхъ рѣчахъ пророковъ, но и въ письмахъ, содержавшихъ Откровенія, какъ видно изъ письма Иліи, написаннаго Іораму (см. кн. 2 Парал. гл. 21, ст. 12). Оно тоже начинаетъ: כה אמר ירוה „*такъ говоритъ Богъ*“. Но въ Посланіяхъ 3. апостоловъ мы ничего подобнаго не читаемъ, но наоборотъ, въ 1 къ Коринѳ. гл, 7, ст. 40 Павелъ говоритъ *руководясь своимъ сужденіемъ* [3]). Даже въ весьма многихъ мѣстахъ встрѣчаются формы выраженія свойственныя душѣ колеблющейся и смущенной, напр., въ Посл. къ Римл. гл. 3, ст. 28: „*итакъ мы полагаемъ*“ [4]), и гл. 8, ст. 18: „*вѣдь я полагаю*“, и многое въ этомъ родѣ. Кромѣ этого встрѣчаются другія формы выраженія весьма далекія отъ пророческаго авторитета, именно: „*это же я говорю какъ слабый, а не по приказанію*“ [см. Посл. 1 къ Коринѳ. гл. 7, ст. 6 [5])]; „*совѣтъ даю какъ мужъ, который милостію Бога вѣренъ*“ [см. того же гл. 7, ст. 25 [6])] и много другихъ въ этомъ родѣ; и должно замѣтить, что когда въ вышеуказанной главѣ Павелъ говоритъ, что онъ имѣетъ или не имѣетъ повелѣніе или приказаніе Божіе, онъ не разумѣетъ подъ этимъ повелѣніе или приказаніе открытое ему Богомъ, но только правила Христа, преподанныя Имъ на горѣ ученикамъ.

[1]) Исаіи 38, 1; 45, 1; 50, 1.

[2]) Іерем. 8, 3.

[3]) „*Κατὰ τὴν ἐμὴν γνώμην*“.

[4]) См Прим. XXVI.

[5]) „*Τοῦτο δὲ λέγω κατὰ συγγνώμην, οὐ κατ᾽ ἐπιταγήν*“.

[6]) „*Γνώμην δὲ δίδωμι ὡς ἠλεημένος ὑπὸ Κυρίου πιστὸς εἶναι*“.

4. Кромѣ того, если мы обратимъ также вниманіе на способъ, которымъ апостолы передаютъ въ этихъ Посланіяхъ евангельское ученіе, то увидимъ, что онъ тоже весьма отличается отъ способа пророковъ. Ибо апостолы вездѣ умозаключаютъ, такъ что они кажутся не пророчествующими, но разсуждающими; пророчества же, наоборотъ, содержатъ только чистые догматы и рѣшенія, потому что въ нихъ вводится Богъ какъ бы глаголющій, который не умозаключаетъ, но рѣшаетъ вслѣдствіе абсолютной мощи своей природы; да и потому также, что авторитетъ пророка не позволяетъ умозаключать; вѣдь всякій, желающій подкрѣпить свои догматы разумомъ, тѣмъ самымъ подвергаетъ ихъ свободной критикѣ каждаго. И Павелъ, такъ какъ онъ умозаключаетъ, повидимому дѣлалъ это; въ Посл. 1 къ Коринѳ. гл. 10, ст. 15 онъ говоритъ: „*какъ мудрымъ говорю, судите вы сами о томъ, что я говорю*“ [1]). И наконецъ потому, что пророки, какъ мы показали въ 1 главѣ [2]), воспринимали открываемыя вещи не прибѣгая къ силѣ Естественнаго Свѣта, то есть не дѣлая умозаключеній. И хотя въ пяти книгахъ Моисея нѣкоторыя положенія, повидимому, выводятся посредствомъ умозаключенія, однако если кто вникнетъ въ нихъ, тотъ увидитъ, что они никоимъ образомъ не могутъ быть принимаемы за рѣшительныя доказательства. Напр., когда Моисей во Второз. гл. 31, ст. 27 сказалъ израильтянамъ: „*если вы, пока я съ вами жилъ, были мятежниками противъ Бога, то послѣ того какъ я умру—тѣмъ болѣе*“, то никоимъ образомъ не должно разумѣть, что Моисей хочетъ доводами убѣдить

5.

[1]) „Ὡς φρονίμοις λέγω· κρίνατε ὑμεῖς ὅ φημι“.
[2]) См. въ особенности § 43 и слѣд.

израильтянъ въ томъ, что они послѣ его смерти необходимо уклонятся отъ истиннаго почитанія Бога; вѣдь доказательство было бы ложное, что изъ самого Писанія можно было бы показать: ибо израильтяне пребывали постоянными при жизни Іисуса и старѣйшинъ, а потомъ также при жизни Самуила, Давида, Соломона и пр. Поэтому при- 6.
веденныя слова Моисея суть только моральное изреченіе, которымъ онъ въ реторической формѣ, и поскольку могъ живѣе вообразить событіе, предсказываетъ будущее отпаденіе народа. Основаніе же, почему я не говорю, что Моисей сказалъ это самъ отъ себя, съ цѣлью представить народу свое предсказаніе правдоподобнымъ, а не по Откровенію какъ пророкъ, имѣется въ томъ, что въ ст. 21 той же главы разсказывается, что Богъ открылъ Моисею это же самое въ другихъ словахъ; его, конечно, не нужно было посредствомъ правдоподобныхъ доводовъ увѣрять относительно этого предсказанія и рѣшенія Божія; но необходимо было, чтобы оно живо представлялось въ его воображеніи, какъ въ гл. 1 мы показали [1]); это лучше всего могло произойти представляя настоящее упорство народа, которое онъ часто испытывалъ, какъ будущее. И по- 7.
добнымъ образомъ должно понимать всѣ доказательства Моисея, встрѣчающіяся въ пяти книгахъ; то есть, что они не были извлечены изъ сокровищницъ разума, но суть только манера говорить, благодаря которой онъ рѣшенія Бога сильнѣе выражалъ и живо воображалъ. Однако я не хочу абсолютно отрицать, что пророки могли аргументировать на основаніи Откровенія; но я утверждаю толь-

[1]) См. гл. 1, § 43.

ко то, что чѣмъ правильнѣе пророки аргументируютъ, тѣмъ болѣе ихъ познаніе, которое они имѣютъ о предметѣ Откровенія, приближается къ естественному; и узнается, что пророки имѣютъ сверхъестественное познаніе, главнымъ образомъ, изъ того, что они именно высказываютъ чистыя догмы или рѣшенія или сентенціи, потому величайшій пророкъ Моисей и не употребилъ ни одного законнаго доказательства; и, наоборотъ, допускаю, что длинныя дедукціи и аргументаціи Павла, встрѣчающіяся въ Посл. къ Римлянамъ, никоимъ образомъ не были написаны на
8. основаніи сверхъестественнаго Откровенія. Такимъ образомъ у апостоловъ какъ манера говорить, такъ и манера разсуждать въ Посланіяхъ весьма ясно указываютъ, что они были написаны не вслѣдствіе Откровенія и божественнаго приказа, но только на основаніи естественнаго сужденія самихъ апостоловъ, и не содержатъ ничего кромѣ братскихъ увѣщаній смѣшанныхъ съ учтивостью, съ которой, конечно, пророческій авторитетъ совершенно не совмѣстимъ, каково, напр., извѣстное извиненіе Павла въ Посл. къ Римл. гл. 15, ст. 15: „*немного посмѣлѣе я написалъ вамъ, братья*“. Мы можемъ кромѣ того заключить это же самое изъ того, что мы нигдѣ не читаемъ о томъ, что апостоламъ было повелѣно писать; но только проповѣдовать, куда бы они ни шли, и сказанное подтверждать знаменіями [1]). Ибо ихъ присутствіе и знаменія безусловно требовались для обращенія язычниковъ къ религіи и для утвержденія ихъ въ ней, какъ самъ Павелъ въ Посл. къ Римл. гл. 1, ст. 11 выразительно указываетъ: „*потому что весьма*“, говоритъ, „*желаю васъ видѣть, чтобы сообщить вамъ даръ*

[1]) Марк. 16, 15 и слѣд.

Духа, дабы вы утвердились". Но здѣсь можно было бы возразить, что мы такимъ же образомъ могли бы заключить, что апостолы и не проповѣдовали какъ пророки; ибо когда они шли проповѣдовать туда или сюда, то дѣлали это не вслѣдствіе выраженнаго приказа, какъ нѣкогда дѣлали пророки. Мы читаемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, что Іона пошелъ проповѣдовать въ Ниневію, и въ то же время читаемъ, что онъ туда былъ выразительно посланъ, и что ему было открыто то, что онъ долженъ былъ тамъ проповѣдовать [1]). Также и о Моисеѣ подробно разсказывается, что онъ отправился въ Египетъ какъ посолъ Бога, и въ то же время ему вмѣнялось въ обязанность, что̀ сказать израильскому народу и царю фараону, и какія знаменія сдѣлать передъ ними, для того чтобы ему повѣрили [2]). Исаія, Іеремія, Іезекіиль выразительно получали приказанія проповѣдовать израильтянамъ [3]). Да наконецъ, пророки не проповѣдовали ничего, о чемъ Писаніе не свидѣтельствовало бы, что они получили это отъ Бога. Но объ апостолахъ, когда они шли проповѣдовать туда или сюда, мы въ Новомъ Завѣтѣ ничего подобнаго за очень рѣдкими исключеніями не читаемъ. Но, напротивъ, находимъ нѣкоторыя мѣста выразительно указывающія, что апостолы по собственному рѣшенію выбирали мѣстности для проповѣданія; напримѣръ, извѣстный споръ Павла съ Варнавой, дошедшій до размолвки, о чемъ смотри Дѣян. гл. 15, ст. 37, 38 и пр., и что часто также они напрасно стремились куда-либо, какъ тотъ же Павелъ въ Посл. къ Рим. гл. 1, ст. 13 свидѣтельствуетъ, именно: „*въ тѣ времена я часто*

[1]) См. Іоны гл. 3.
[2]) См. Исх. гл. 3 и 4.
[3]) См. Исх. гл. 6, Іерем. гл. 1, Ісвек. гл 2.

желалъ притти къ вамъ и былъ задерживаемъ", и въ гл. 15, ст. 22 „*вслѣдствіе этого я много разъ былъ задерживаемъ притти къ вамъ*" и, наконецъ, въ послѣд. главѣ Посл. 1, къ Коринѳ. ст. 12: „*относительно же брата моего Аполлоса я много просилъ его, чтобы онъ отправился къ вамъ съ братьями, и совершенно никакого желанія у него не было*
11. *притти къ вамъ; когда же ему будетъ удобно*" и пр. Поэтому какъ изъ этихъ формъ выраженія и спора апостоловъ, такъ и изъ того, что Писаніе, когда апостолы шли куда-либо проповѣдовать, не свидѣтельствуетъ о нихъ какъ о древнихъ пророкахъ, что они шли по приказу Бога, я долженъ былъ заключить, что апостолы проповѣдовали какъ учители, а не какъ пророки. Впрочемъ этотъ вопросъ мы легко разрѣшимъ, лишь только обратимъ вниманіе на различіе въ призваніи апостоловъ и ветхозавѣтныхъ пророковъ. Ибо послѣдніе не были призваны проповѣдовать и пророчествовать всѣмъ націямъ, но только нѣкоторымъ особеннымъ; и потому требовали выраженнаго и особливаго приказа для каждой. Апостолы же были призваны проповѣдовать безусловно всѣмъ и всѣхъ обращать къ религіи. Такимъ образомъ, куда бы они ни шли, они слѣдовали приказу Христа, и для нихъ не нужно было, чтобы, прежде чѣмъ имъ итти, вещи, подлежащія проповѣдованію, были открыты имъ же, то есть ученикамъ Христа, которымъ онъ самъ сказалъ: „*когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ или что сказать; ибо будетъ дано вамъ въ тотъ часъ, что сказать* и пр." [см.
12. Матѳ. гл. 10, ст. 19, 20 [1]] Итакъ мы заключаемъ, что апо-

---

[1]) „*Οταν δὲ παραδιδῶσιν ὑμᾶς, μὴ μεριμνήσητε πῶς ἢ τί λαλήσητε· δοθήσεται γὰρ ὑμῖν ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ, τί λαλήσετε· οὐ γὰρ*

столы имѣли особое Откровеніе только относительно того, что они устно проповѣдовали и въ то же время подтверждали знаменіями [см., что мы показали въ началѣ 2 главы] [1]; а чему они просто учили письменно или устно, не прибѣгая ни къ какимъ знаменіямъ, какъ свидѣтелямъ, то они говорили или писали на основаніи познанія (естественнаго именно); смотри объ этомъ Посл. 1 къ Корнѳ. гл. 14, ст. 6. И здѣсь насъ не затрудняетъ то обстоятельство, что всѣ Посланія начинаются съ удостовѣренія апостольства; ибо апостоламъ, какъ вскорѣ покажу, была дана не только сила для пророчествованія, но и авторитетъ для учительства. На этомъ основаніи мы и допускаемъ, что они писали свои Посланія какъ апостолы; по этой причинѣ каждый и начиналъ съ удостовѣренія своего апостольства; или можетъ быть, для того чтобы легче склонить на свою сторону умъ читателя и возбудить вниманіе, они хотѣли прежде всего свидѣтельствовать, что они суть тѣ, которые стали извѣстны всѣмъ вѣрнымъ своими проповѣдями и которые столь ясными свидѣтельствами показали, что они учатъ истинной религіи и пути къ спасенію. Ибо все, что говорится въ этихъ Посланіяхъ о призваніи апостоловъ и святомъ и божественномъ Духѣ, который они имѣли, относится на мой взглядъ къ ихъ проповѣдямъ, которыя они произносили, за исключеніемъ тѣхъ только мѣстъ, въ которыхъ Духъ Божій и Духъ Святой берется въ смыслѣ здоровой, блаженной и Богу посвященной души и пр. [объ этомъ мы въ первой главѣ говорили] [2]. Напримѣръ, въ 13.

ὑμεῖς ἐστε οἱ λαλοῦντες, ἀλλὰ τὸ πνεῦμα τοῦ πατρὸς ὑμῶν τὸ λαλοῦν ἐν ὑμῖν".

[1]) См. гл. 2, § 1, 2.

[2]) См. гл. 1, § 32 и сл.

Посл. 1 къ Корин. гл. 7, ст. 40 Павелъ говоритъ: *„но блаженна, если остается такъ по моему совѣту; а полагаю и я, что Духъ Божій есть во мнѣ“* [1]). Здѣсь подъ Духомъ Божіимъ онъ разумѣетъ свою собственную душу, какъ самое содержаніе рѣчи указываетъ; онъ вѣдь хочетъ (сказать) слѣдующее: вдову, которая не хочетъ вторично выходить замужъ, я считаю блаженною согласно своему мнѣнію,—я, который рѣшилъ жить безбрачнымъ, а думаю, что я блаженъ. Подобнымъ образомъ встрѣчаются и другія мѣста, которыя
14. приводить здѣсь я считаю излишнимъ. Слѣдовательно, такъ какъ должно утверждать, что Посланія апостоловъ были продиктованы только Естественнымъ Свѣтомъ, то слѣдуетъ посмотрѣть теперь, какимъ образомъ апостолы на основаніи только естественнаго познанія могли учить вещамъ, которыя не подлежатъ его вѣдѣнію. Но если мы обратимъ вниманіе на то, что мы говорили относительно толкованія Писанія въ 7 главѣ этого Трактата, то никакой трудности для насъ здѣсь не будетъ. Ибо хотя то, что содержится въ Библіи, большею частію превосходитъ наше пониманіе, однако мы можемъ увѣренно разсуждать о немъ, лишь только не допускаемъ никакихъ другихъ принциповъ кромѣ тѣхъ, которые заимствуются изъ самого Писанія; точно такимъ же образомъ и апостолы изъ вещей, которыя они видѣли, и о которыхъ слышали, и которыя, наконецъ, они узнавали вслѣдствіе Откровенія, могли заключать и выводить о многомъ и могли учить этому людей,
15. если имъ воля была. Затѣмъ, хотя религія, въ томъ видѣ какъ она проповѣдовалась апостолами, именно разсказывая

---

[1]) *„Μακαριωτέρα δέ ἐστιν, ἐὰν οὕτω μείνῃ, κατὰ τὴν ἐμὴν γνώμην· δοκῶ δὲ κἀγὼ πνεῦμα Θεοῦ ἔχειν“.*

просто исторію о Христѣ, не подлежитъ вѣдѣнію разума, однако суть ея, состоящую главнымъ образомъ изъ нравственныхъ правилъ, какъ и все ученіе Христа *), каждый можетъ легко усвоить при помощи Естественнаго Свѣта. Наконецъ, для того чтобы религію, которую прежде подтверждали знаменіями, приспособлять къ обычному пониманію людей такъ, что она каждымъ легко принималась бы сердцемъ, апостолы не нуждались въ сверхъестественномъ свѣтѣ; не нуждались также они въ немъ и для того, чтобы назидать въ ней людей. Цѣль Посланій въ этомъ и заключается,—именно въ наученіи и назиданіи людей тѣмъ путемъ, который каждымъ изъ апостоловъ считался за самый лучшій для утвержденія ихъ въ религіи. И здѣсь должно замѣтить то, что мы говорили немного раньше, именно что апостолы не только получили силу для проповѣданія исторіи Христа какъ пророки, т. е. подтверждая ее знаменіями, но кромѣ того и власть учить и назидать тѣмъ путемъ, который каждымъ считался за самый лучшій; на этотъ двойной даръ Павелъ во 2 Посл. къ Тимоѳ. гл. 1, ст. 11 ясно указываетъ въ слѣдующихъ словахъ: „*въ которомъ я поставленъ проповѣдникомъ, и апостоломъ и учителемъ язычниковъ*“. И въ 1 Посл. къ нему же гл. 2, ст. 7: „*котораго я поставленъ проповѣдникомъ и апостоломъ* (*истину говорю Христомъ, не лгу*), *учителемъ язычниковъ, знающимъ вѣру* (хорошо замѣтьте) *и истину*“. Этимъ, говорю, онъ ясно указываетъ утвержденіе того и другого, то есть апостольства и учительства; а про власть назидать, кого и когда онъ ни захотѣлъ бы, Павелъ въ Посл. къ Филим. ст. 8 говоритъ слѣдующимъ образомъ: „*хотя большую во*

16.

17.

*) См. Примѣч. XXVII.

Христъ свободу имѣю приказывать тебѣ то, что слѣдуетъ, однако“ и пр. Здѣсь должно замѣтить, что если то, что нужно было приказать Филимону, Павелъ получилъ отъ Бога какъ пророкъ, и какъ пророкъ долженъ былъ приказать, тогда ему совершенно нельзя было бы мѣнять приказаніе на просьбу. Поэтому необходимо должно понимать, что онъ говоритъ о свободѣ назиданія, бывшей у него какъ у учителя, а не какъ у пророка.

18. Однако если мы не хотимъ обращаться къ помощи разума, который точно учитъ, что тотъ, кто имѣетъ власть учить, имѣетъ также и власть выбора способа, какого онъ хочетъ, то изъ сказаннаго еще не достаточно ясно слѣдуетъ, что апостолы могли избирать способъ обученія, какой каждому представлялся самымъ лучшимъ; но слѣдуетъ только, что они по обязанности апостольства были не только
19. пророками, но и учителями. Но лучше будетъ доказать все дѣло только на основаніи Писанія; изъ него вѣдь ясно видно, что каждый изъ апостоловъ избиралъ отдѣльный способъ,—именно изъ слѣдующихъ словъ Павла въ Посл. къ Римл. гл. 15, ст. 20, „*тщательно стараясь, проповѣдовать не тамъ, гдѣ было возвѣщено имя Христа, дабы не*
20. *созидать на чужомъ основаніи*“. Конечно, если у всѣхъ былъ одинъ и тотъ же способъ обученія и всѣ созидали христіанскую религію на одномъ и томъ же основаніи, то Павелъ никоимъ образомъ не могъ называть основанія другого апостола чужими, потому что они и у него были тѣ же самые. Но коль скоро онъ называетъ ихъ чужими, то необходимо должно заключить, что каждый возводилъ религію на разномъ основаніи, и съ апостолами въ ихъ учительской дѣятельности случилось то же, что бываетъ и съ прочими учителями, слѣдующими отдѣльному методу

обученія: они всегда болѣе желаютъ учить тѣхъ, которые совершенно не образованы, и которые языкамъ или наукамъ, даже математическимъ, въ истинѣ которыхъ никто не сомнѣвается, ни у кого другого не начинали учиться. Затѣмъ, 21.
если мы пробѣжимъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ самыя Посланія, то увидимъ, что апостолы въ самой религіи, конечно, согласны, въ основаніяхъ же ея весьма расходятся. Ибо Павелъ, желая утвердить людей въ религіи и показать имъ, что спасеніе зависитъ только отъ милости Бога, училъ, что никто не можетъ величаться дѣлами, но только вѣрою, и что никто дѣлами не оправдывается (см. Посл. къ Римл. гл. 3, ст. 27, 28) и далѣе все знаменитое ученіе о предопредѣленіи. Іаковъ же въ своемъ Посланіи, наоборотъ,—что человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только (см. его Посл. гл. 2, ст. 24) и, опустивъ всѣ тѣ разсужденія Павла, излагаетъ все ученіе религіи очень кратко. Наконецъ, несомнѣнно, оттого что апостолы создава- 22.
ли религію на разныхъ основаніяхъ, произошли многіе споры и ереси, которыми церковь уже со временъ апостольскихъ непрестанно была терзаема и, конечно, будетъ вѣчно терзаема, пока наконецъ религія когда-нибудь не отдѣлится отъ философскихъ умозрѣній и не сведется къ очень немногимъ и самымъ простымъ догматамъ, какимъ Христосъ научилъ своихъ учениковъ; для апостоловъ это было не- 23.
возможно, потому что евангеліе было неизвѣстно людямъ. И потому, чтобы новость его ученія не слишкомъ поражала ихъ уши, они приспосабливали его, насколько это было можно, къ духу людей своего времени (смотри 1 Посл. къ Коринѳ. гл. 9, ст. 19, 20 и пр.) и строили ученіе на основаніяхъ самыхъ извѣстныхъ и принятыхъ въ тогдашнее время; а потому никто изъ апостоловъ не философство- 24.

валъ больше Павла, который былъ призванъ для проповѣданія язычникамъ. Остальные же, проповѣдовавшіе іудеямъ, то есть людямъ презиравшимъ философію, тоже подлаживались къ ихъ характеру (смотри объ этомъ Посл. къ Галат. гл. 2, ст. 11 и пр.) и учили религіи, лишенной философскихъ умозрѣній. Счастливъ же, по истинѣ, былъ бы теперь нашъ вѣкъ, если бы мы видѣли ее свободною и отъ всякаго суевѣрія.

Глава XII.

Объ истинномъ подлинникѣ божественнаго закона, и на какомъ основаніи Писаніе называется священнымъ, и на какомъ основаніи Словомъ Божіимъ, и наконецъ показывается, что оно, поскольку содержитъ Слово Божіе, дошло до насъ неповрежденнымъ.

Тѣ, которые принимаютъ Библію, такъ какъ она есть, за письмо Божіе, ниспосланное людямъ съ неба, безъ сомнѣнія, возопіютъ, что я совершилъ грѣхъ противъ Святого Духа, утверждая именно, что это слово Божіе содержитъ ошибки, пропуски, поддѣлки и не согласно само съ собою, и что мы имѣемъ только отрывки изъ него и наконецъ, что подлинникъ договора Божія, заключеннаго съ іудеями, погибъ. Но если бы они захотѣли обсудить самый предметъ, то я не сомнѣваюсь, что они тотчасъ перестанутъ вопіять. Ибо какъ самъ разумъ, такъ и мнѣнія пророковъ и апостоловъ ясно гласятъ, что вѣчное слово и договоръ Бога и истинная религія божественно начертана въ сердцахъ людей, то есть въ человѣческой душѣ, и 2.

что она есть истинный подлинникъ Божій, который Богъ своею печатью, то есть идеею о Себѣ, закрѣпилъ какъ изоб-
3. раженіемъ своей божественности. Письменно, какъ законъ, религія была передана первымъ іудеямъ, потому именно, что они въ то время считались какъ бы дѣтьми. Но впослѣдствіи Моисей (Втор. гл. 30, ст. 1) и Іеремія (гл. 31, ст. 33) предсказываютъ имъ, что настанетъ время, когда Богъ напишетъ свой законъ въ ихъ сердцахъ. Поэтому только іудеямъ и въ особенности саддукеямъ было прилично когда-то ратовать за законъ написанный на скрижаляхъ, но
4. отнюдь не тѣмъ, у кого онъ написанъ въ душѣ. Итакъ кто пожелалъ бы вникнуть въ это, тотъ не найдетъ въ вышесказанномъ ничего, что противорѣчило бы слову Божію или истинной религіи и вѣрѣ, или что могло бы ее ослабить; но наоборотъ, найдетъ, что мы ее подкрѣпляемъ, какъ мы и показали въ концѣ 10 главы [1]). И если бы этого не было, то я порѣшилъ бы совсѣмъ умолчать объ этомъ, даже охотно допустилъ бы во избѣжаніе всякихъ затрудненій, что въ Писаніи сокрыты глубочайшія тайны; но такъ какъ отсюда возникло невыносимое суевѣріе и иныя весьма пагубныя неудобства, о которыхъ я говорилъ во вступленіи 7 главы [2]), то я почелъ, что ихъ не должно оставлять безъ вниманія, въ особенности потому, что религія не нуждается ни въ какихъ суевѣрныхъ прикрасахъ, но напротивъ, она лишается своего блеска, когда украша-
5. ется подобными выдумками. Но скажутъ, что хотя божественный законъ и написанъ въ сердцахъ, тѣмъ не менѣе Писаніе есть слово Божіе, и потому сказать о Писаніи,

---

[1]) См. гл. 10, § 42.
[2]) См. гл. 7, § 1—5.

что оно отрывочно и искажено, позволительно не болѣе, чѣмъ о Словѣ Божіемъ. Я же, напротивъ, опасаюсь, что не слишкомъ ли они стараются быть святыми и не превращаютъ ли они религію въ суевѣріе; даже болѣе, не начинаютъ ли они почитать за слово Божіе изображенія и отпечатки, то есть бумагу и чернила. Я то̀ знаю, что я ничего 6.
недостойнаго для Писанія или Слова Божія не сказалъ; я не утверждалъ ничего такого, истинность чего я не доказалъ бы самыми очевидными доводами, и поэтому, конечно, могу утверждать, что я ничего нечестиваго, или что отзываетъ нечестіемъ, не сказалъ. Признаюсь, что иные свѣтскіе люди, которымъ религія въ тягость, могутъ изъ этого вывести заключеніе о свободѣ грѣшить, и могутъ безъ всякаго основанія, только ради потворства желанію, заключить отсюда, что Писаніе вездѣ содержитъ ошибки, поддѣлки, а слѣдовательно и не обладаетъ никакимъ авторитетомъ. Но помочь подобнымъ людямъ невозможно, по той ходячей 7.
истинѣ, что ничего нельзя сказать настолько правильно, чтобы сказанное нельзя было исказить дурнымъ толкованіемъ. Кто хочетъ потворствовать желаніямъ, тѣ легко могутъ найти какую-нибудь причину; и тѣ, у которыхъ нѣкогда имѣлись сами оригиналы, ковчегъ завѣта, имѣлись даже сами пророки и апостолы, были не лучше и повиновались не больше; но всѣ—какъ іудеи, такъ и язычники—всегда были одни и тѣ же, и добродѣтель во всякомъ вѣкѣ была очень рѣдка. Впрочемъ, чтобы устранить всякое недо- 8.
разумѣніе, должно показать здѣсь, на какомъ основаніи Писаніе, и какая бы ни была нѣмая вещь, должно быть названо священнымъ и божественнымъ; затѣмъ, что̀, на самомъ дѣлѣ, есть Слово Божіе, и что оно содержится не въ извѣстномъ числѣ книгъ, и наконецъ, что Писаніе, по-

сколько оно учитъ тому, что̀ необходимо для послушанія и спасенія, не могло быть испрочено. Ибо изъ этого всякій легко получитъ возможность судить о томъ, что мы ничего не сказали противъ Слова Божія и ни одного мѣста не удѣлили нечестію.

9. Священнымъ и божественнымъ называется то, что назначено для упражненія въ благочестіи и религіи; и предметъ до тѣхъ поръ будетъ священнымъ, пока люди религіозно относятся къ нему; если же они перестаютъ быть благочестивыми, то одновременно и предметъ также перестаетъ быть священнымъ; а если его назначатъ для совершенія нечестивыхъ дѣлъ, тогда то самое, что раньше было
10. священнымъ, сдѣлается нечестивымъ и сквернымъ. Напр., нѣкоторое мѣсто было названо патріархомъ Іаковомъ בֵּית אֵל *домъ Божій*, потому что тамъ онъ почтилъ открывшагося ему Бога [1]); но пророками то же самое мѣсто было названо בֵּית אָוֶן *домъ неправды* (смотр. Амоса гл. 5, ст. 5 и Осіи гл. 10, ст. 5), потому что израильтяне вслѣдствіе постановленія Іеровоама обыкновенно приносили тамъ
11. жертвы идоламъ. Другой примѣръ, который весьма ясно показываетъ дѣло. Слова имѣютъ извѣстное значеніе только благодаря употребленію, и если согласно этому употребленію ихъ они расположены такимъ образомъ, что люди при чтеніи ихъ побуждаются къ благочестію, тогда тѣ слова, а также и книга написанная съ такимъ распредѣленіемъ словъ будутъ священны. Но если впослѣдствіи, употребленіе ихъ прекращается настолько, что слова не имѣютъ никакого значенія, или когда книгой совсѣмъ пренебрегаютъ—вслѣдствіе ли злого умысла, или потому что въ ней

[1]) Быт. 28, 19.

не нуждаются—тогда и слова и книга не будутъ имѣть никакого употребленія и святости. Наконецъ, если тѣ слова располагаются иначе, или потому что воспреобладаетъ обычай брать ихъ въ противоположномъ значеніи, тогда и слова и книга, прежде священныя, будутъ непристойны и нечестивы. Изъ этого слѣдуетъ, что внѣ души нѣтъ ничего 12.
абсолютно священнаго или непристойнаго или нечестиваго, но только по отношенію къ ней бываетъ таковымъ. Это также весьма ясно установляется изъ многихъ мѣстъ Писанія. Іеремія (чтобы привести одно или другое) въ гл. 7, ст. 4 говоритъ, что іудеи его времени ложно называли храмъ Соломона храмомъ Божіимъ; ибо, какъ самъ онъ продолжаетъ въ той же главѣ, наименованіе Божій можно было прилагать къ тому храму только до тѣхъ поръ, пока онъ посѣщается людьми, которые чтутъ его и защищаютъ справедливость; буде же онъ посѣщается убійцами, ворами, идолопокланниками и другими преступными людьми, тогда я стоялъ бы лучше за то, что это—храмъ проходимцевъ. Что сталось съ Ковчегомъ Завѣта, Писаніе объ этомъ ни- 13.
чего не разсказываетъ, чему я часто удивлялся; однако извѣстно то, что онъ погибъ и былъ сожженъ съ храмомъ, хотя у евреевъ не было ничего болѣе священнаго и болѣе досточтимаго. На этомъ основаніи слѣдовательно и Писаніе до тѣхъ поръ священно, и его рѣчи божественны, пока оно побуждаетъ людей къ благоговѣнію предъ Богомъ; но если оно ими совершенно пренебрегается, какъ нѣкогда іудеями, то оно ничего кромѣ бумаги и чернилъ не представляетъ и совершенно профанируется ими и подвергается порчѣ; и потому если тогда оно искажается или погибаетъ, то ошибочно тогда говорить, что искажается или гибнетъ слово Божіе, подобно тому какъ во время Іереміи ошибочно

говорилось, что въ пламени погибъ храмъ, который въ то
14. время былъ якобы храмомъ Бога. Это самъ Іеремія говоритъ и о самомъ законѣ [1]), ибо онъ укоряетъ безбожниковъ своего вѣка такимъ образомъ: אֵיכָה תֹּאמְרוּ חֲכָמִים אֲנָחְנוּ וְתוֹרַת יְהוָה אִתָּנוּ אָכֵן הִנֵּה לַשֶּׁקֶר עָשָׂה עֵט שֶׁקֶר סוֹפְרִים *„на какомъ основаніи вы говорите, мы свѣдущи, и законъ Божій съ нами? По истинѣ, онъ напрасно былъ пріукрашенъ, тростникъ писцовъ напрасно сдѣланъ“*, то есть, вы ложно говорите, будто вы, хотя Писаніе и есть у васъ, имѣете законъ Божій, послѣ того какъ вы сдѣлали его
15. недѣйствительнымъ. Такъ же, когда Моисей разбилъ первыя скрижали [2]), онъ не слово Божіе бросилъ отъ гнѣва изъ рукъ и разбилъ (ибо кто это могъ бы подозрѣвать о Моисеѣ и словѣ Божіемъ), но только камни. Они прежде хотя и были священны, потому что на нихъ былъ написанъ Завѣтъ, по которому іудеи обязывались повиноваться Богу, однако въ тотъ моментъ въ нихъ совершенно не было никакой святости, потому что іудеи вслѣдствіе поклоненія тельцу сдѣлали тотъ договоръ недѣйствительнымъ. По той же самой причинѣ могли погибнуть и вторыя скрижали
16. съ Ковчегомъ Завѣта. Итакъ коль скоро цѣликомъ могъ погибнуть истинный подлинникъ божественнаго Завѣта, предметъ самый священнѣйшій изъ всѣхъ, то не удивительно, если теперь не существуетъ первыхъ оригинальныхъ книгъ Моисея, и не удивительно, что съ книгами, которыя мы имѣемъ, случилось то, о чемъ мы выше говорили. Слѣдовательно, пусть перестанутъ обвинять въ нечестіи насъ, ничего противъ слова Божія не сказавшихъ и

[1]) Іерем. гл. 8, ст. 8.
[2]) Исх. 32, 19 и сл.

его не осквернившихъ; но пусть обратятъ гнѣвъ, если онъ
можетъ быть справедливъ въ нихъ, на древнихъ, порочность которыхъ осквернила и подвергла порчѣ Божій Ковчегъ Завѣта, храмъ, законъ и всю святыню. Наконецъ, 17.
если они, согласно извѣстному убѣжденію Апостола во 2 Посл. къ Коринѳ. гл. 3, ст. 3, имѣютъ въ себѣ письмо Божіе, написанное не чернилами, но духомъ Божіимъ и не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотяныхъ скрижаляхъ сердца, то пусть перестанутъ почитать букву и столь заботиться о ней. Думаю, что я достаточно объяснилъ этимъ, въ какомъ смыслѣ Писаніе должно считать священнымъ и божественнымъ.

Теперь слѣдуетъ посмотрѣть, что собственно должно 18.
понимать подъ דְּבַר יְהוָה *дебаръ Іегова* (Слово Божіе).
דָּבָר *дабаръ* именно обозначаетъ *слово, рѣчь, указъ и вещь.*
А на какомъ основаніи по еврейски говорится о какой-нибудь вещи, что она Божія и относится къ Богу, мы показали въ 1 главѣ [1]); а отсюда легко понятно, что̀ хочетъ обозначить Писаніе подъ словомъ Божіимъ, рѣчью, приказомъ и вещью. Итакъ нѣтъ надобности все повторять здѣсь, а также и то, что̀ мы показали въ глав. 6 о чудесахъ
въ третьемъ пунктѣ [2]). Достаточно лишь указать на пред- 19.
метъ, чтобы лучше понять то, что̀ мы желаемъ сказать здѣсь объ этомъ. Именно, слово Божіе, когда оно проповѣдуется о какомъ-либо предметѣ, который не есть самъ Богъ, обозначаетъ собственно тотъ божественный законъ, о которомъ мы говорили въ 4 главѣ, то есть религію общую всему человѣческому роду или каѳолическую; смотри объ

---

[1]) См. гл. 1, § 28 и слѣд.
[2]) См. гл. 6, § 39 и слѣд.

этомъ Исаіи гл. 1, ст. 10 и проч., гдѣ онъ учитъ истинному образу жизни, заключающемуся конечно не въ церемоніяхъ, но въ любви и праведномъ духѣ, и такой образъ жизни онъ безразлично называетъ закономъ и словомъ Божіимъ.
20. Затѣмъ оно въ переносномъ смыслѣ берется за самый порядокъ природы и судьбу (потому что онъ, дѣйствительно, зависитъ отъ вѣчнаго рѣшенія божественной природы и слѣдуетъ изъ него), и въ особенности за то, что въ этомъ порядкѣ пророки предвидѣли, потому именно, что они будущія событія воспринимали не чрезъ естественныя при-
21. чины, но какъ изволенія и рѣшенія Бога. Потомъ берется оно также за всякій приказъ каждаго пророка, поскольку онъ воспринялъ его благодаря особенной своей силѣ или пророческому дару, а не въ силу общаго Естественнаго Свѣта, и это главнымъ образомъ потому, что пророки, дѣйствительно, представляли обыкновенно Бога какъ бы зако-
22. нодателемъ, какъ мы показали въ гл. 4 [1]). Итакъ Писаніе называется Словомъ Божіимъ по этимъ тремъ причинамъ, именно: потому что оно научаетъ истинной религіи, вѣчный виновникъ которой есть Богъ; затѣмъ, потому что предсказанія о будущихъ событіяхъ оно излагаетъ какъ рѣшенія Бога; и наконецъ, потому что тѣ, которые въ дѣйствительности были его авторами, по большей части учили, руководствуясь не общимъ Естественнымъ Свѣтомъ, но какимъ-то имъ свойственнымъ, и вводили Бога оныя изрекающаго. И хотя кромѣ этого въ Писаніи содержится много чисто историческаго матеріала, понимаемаго при помощи Естественнаго Свѣта, однако названіе заимствуется отъ луч-
23. шаго предмета. И мы легко понимаемъ отсюда, въ какомъ

[1]) См. гл. 4, особенно § 37.

смыслѣ можно разсматривать Бога какъ автора Библіи,
именно по причинѣ истинной религіи, которая въ ней пре-
подается, а не потому, что онъ хотѣлъ сообщить людямъ
извѣстное число книгъ. Потомъ отсюда мы можемъ также 24.
узнать, почему Библія раздѣляется на книги Ветхаго и
Новаго Завѣта; это, разумѣется, потому, что до пришес-
твія Христа пророки обыкновенно проповѣдовали религію
какъ отечественный законъ и въ силу договора, заключен-
наго во время Моисея; послѣ же пришествія Христа апо-
столы проповѣдали ее всѣмъ какъ всеобщій законъ и въ
силу только страданій Христа, а не потому, что-бы книги
различались ученіемъ, не потому, что-бы они были напи-
саны какъ подлинникъ завѣта, и не потому, наконецъ, что-
бы каѳолическая религія, которая наиболѣе естественна,
была нова, если не принимать въ разсчетъ людей, не знав-
шихъ ее; *въ мірѣ былъ*, говоритъ евангелистъ Іоаннъ въ
гл. 1, ст. 10, *и міръ не позналъ Его*. Итакъ, хотя бы у насъ 25.
было немного книгъ какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта,
однако мы не были бы лишены Слова Божія (подъ кото-
рымъ собственно понимается, какъ мы уже говорили, истин-
ная религія); точно также мы не думаемъ, что мы лишены
его теперь, хотя и не имѣемъ многихъ другихъ весьма
важныхъ сочиненій, вродѣ книги Закона, которую благо-
говѣйно хранили какъ подлинникъ Завѣта въ храмѣ, и кромѣ
того книгъ о войнахъ, лѣтописей и многихъ другихъ, изъ
которыхъ были заимствованы и собраны книги, имѣющіяся
у насъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. И это подтверждается кромѣ 26.
того многими основаніями, именно: I, потому что книги
того и другого Завѣта были написаны не по нарочитому
приказу въ одно и то же время для всѣхъ вѣковъ, но слу-
чайно для нѣкоторыхъ людей (и притомъ смотря по тому,

какъ этого требовало время и ихъ особливое опредѣленіе), какъ ясно указываютъ воззванія пророковъ (призывавшихся для увѣщанія безбожниковъ своего времени), а также и
27. Посланія апостоловъ. II, потому что иное дѣло понять Писаніе и мысль пророковъ, а иное—мысль Бога, то есть самую истину вещи, какъ это слѣдуетъ изъ показаннаго нами во 2 главѣ [1]) о пророкахъ. Въ гл. 6 мы показали [2]), что это приложимо также къ историческимъ разсказамъ и чудесамъ. Но о мѣстахъ, въ которыхъ говорится объ истинной религіи и истинной добродѣтели, этого нельзя сказать.
28. III, потому что книги Ветхаго Завѣта были выбраны изъ многихъ и, наконецъ, соборомъ фарисеевъ были собраны и одобрены, какъ мы показали въ гл. 10 [3]); книги же Новаго Завѣта тоже по рѣшеніямъ нѣкоторыхъ соборовъ были приняты въ Канонъ; и по рѣшеніямъ ихъ же множество другихъ книгъ, считавшихся многими за священныя, было отвергнуто какъ ложныя. Но члены этихъ соборовъ (какъ фарисейскихъ, такъ и христіанскихъ) состояли не изъ пророковъ, но только изъ учителей и знатоковъ; и однако необходимо должно признать, что они въ этомъ выборѣ взяли за норму Слово Божіе; слѣдовательно, прежде чѣмъ одобрить всѣ книги, они необходимо должны были
29. имѣть понятіе о Словѣ Божіемъ. IV, потому что апостолы не какъ пророки, но какъ учители [какъ въ предыдущей главѣ [4]) мы сказали] писали и выбрали путь къ наученію, про который они думали, что онъ будетъ легче для учениковъ, которыхъ они желали тогда научить; изъ этого

---

[1]) См. гл. 2, § 4 и слѣд.
[2]) См. гл. 6, § 7 и слѣд.
[3]) См. гл. 10, § 43 и слѣд.
[4]) См гл. 11, особ. § 10 и слѣд., § 16 и слѣд.

слѣдуетъ, что въ Посланіяхъ [какъ мы въ концѣ предыдущей главы [1]) и заключили] содержится много такого, безъ чего теперь въ отношеніи къ религіи мы можемъ обойтись. V, наконецъ, потому что въ Новомъ Завѣтѣ имѣются четыре евангелиста; и кто повѣрилъ бы, что исторію о Христѣ Богъ захотѣлъ разсказать и письменно сообщить людямъ четырекратно. И хотя у одного евангелиста есть кое-что, чего нѣтъ у другого, и что одинъ часто помогаетъ понимать другого, однако отсюда не слѣдуетъ заключать, что все, что разсказывается у этихъ четырехъ евангелистовъ, необходимо было знать, и что Богъ избралъ ихъ писать съ цѣлью лучшаго пониманія исторіи о Христѣ; ибо каждый проповѣдовалъ свое евангеліе въ разномъ мѣстѣ и каждый написалъ то, что проповѣдовалъ, и притомъ безхитростно, съ цѣлью разсказать исторію о Христѣ вразумительно, а не съ цѣлью объясненія остальныхъ евангелистовъ. Если теперь изъ взаимнаго ихъ сопоставленія они иногда легче и лучше понимаются, то это происходитъ случайно и только въ немногихъ мѣстахъ. Эти мѣста хотя бы и неизвѣстны были, исторія однако была бы одинаково ясна и люди были бы не менѣе блаженны. 30. 31.

Этимъ мы показали, что Писаніе только по отношенію къ религіи или по отношенію къ всеобщему божественному закону называется собственно Словомъ Божіимъ. Теперь остается показать, что оно, поскольку собственно такъ называется, не содержитъ ошибокъ, искаженій и недосказовъ. Но я называю здѣсь ошибкой, искаженіемъ и недосказомъ то, что написано и конструировано столь неправильно, что найти смыслъ рѣчи на основаніи практики 32.

[1]) См. гл. II, § 21.

языка или вывести этотъ смыслъ только изъ Писанія
33. невозможно; ибо я не хочу утверждать, что Писаніе, поскольку оно содержитъ Божественный Законъ, всегда сохраняло одни и тѣ же значки надъ буквами, однѣ и тѣ же буквы и наконецъ одни и тѣ же слова (доказывать вѣдь это я предоставляю масоретамъ и тѣмъ, которые суевѣрно чтутъ букву). Но я утверждаю только то, что смыслъ, по отношенію къ которому лишь и можетъ быть названа какая-нибудь рѣчь божественной, дошелъ до насъ неискаженнымъ, хотя бы и предполагали, что слова, въ которыхъ онъ первоначально былъ выраженъ, часто были измѣняемы. Ибо это, какъ мы сказали, нисколько не убавляетъ божественности Писанія; ибо Писаніе было бы одинаково божественнымъ, если бы оно было написано другими словами
34. или на другомъ языкѣ. Итакъ никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ отношеніи мы получили божественный законъ неискаженнымъ. Ибо изъ самого Писанія мы безъ всякой трудности и двусмысленности усматриваемъ, что суть его заключается въ томъ, чтобы любить Бога больше всего, а ближняго какъ самого себя [1]). Но это не можетъ быть ложью, и написано перомъ не второпяхъ и не по ошибкѣ. Ибо если Писаніе когда нибудь учило иному, то необходимо также оно должно было иначе учить и всему остальному, такъ какъ это есть основаніе всей религіи, съ устраненіемъ котораго все зданіе сразу
35. рушится. Слѣдовательно такое Писаніе было бы не тѣмъ, о которомъ мы здѣсь говоримъ, но совсѣмъ другою книгою. Итакъ остается неопровержимымъ, что Писаніе всегда этому учило и что слѣдовательно здѣсь не вкралось ника-

[1]) См. Втор. 6, 4. 5; Марк. 12, 29 и слѣд.; Римл. 13, 8 и слѣд.

кой ошибки, которая могла бы испортить смыслъ, и которая не была бы тотчасъ замѣчена каждымъ; это не могъ и исказить кто-либо, чье лукавство немедленно не обнаружилось бы. Такъ какъ, слѣдовательно, объ этомъ основаніи должно утверждать, что оно неискажено, то необходимо должно признать то же самое относительно прочаго, что вытекаетъ изъ него безъ всякаго недоразумѣнія и что тоже фундаментально, напримѣръ: что Богъ существуетъ, что Онъ о всемъ промышляетъ, что Онъ всемогущъ, и что по Его рѣшенію блогочестивымъ бываетъ хорошо, а нечестивымъ плохо, и что наше спасеніе зависитъ только отъ Его милости. Этому вѣдь всему Писаніе всюду весьма ясно учитъ и всегда должно было учить; иначе все остальное было бы суетно и безъ основанія. Въ такой же мѣрѣ неповрежденными должны быть признаны и остальныя моральныя правила, такъ какъ они очевиднѣйшимъ образомъ вытекаютъ изъ этого всеобщаго основанія, именно: защищать справедливость, помогать бѣдняку, никого не убивать, не желать ничего чужого и проч. Ничего изъ нихъ, говорю, не могло ни коварство людей исказить, ни давность времени уничтожить. Вѣдь какое бы изъ этихъ правилъ ни было уничтожено, его тотчасъ вновь предписало бы всеобщее ихъ основаніе, и въ особенности ученіе о любви къ ближнимъ, которое въ томъ и другомъ Завѣтѣ всюду рекомендуется въ высочайшей степени. Прибавьте, что хотя и нельзя выдумать ни одного постыднаго поступка, который кѣмъ-нибудь не былъ бы совершенъ, однако нѣтъ никого, кто пытался бы уничтожить законы ради извиненія своихъ проступковъ или ввести что-нибудь нечестивое, какъ вѣчное и спасительное ученіе: вѣдь мы видимъ человѣческую натуру устроенною такимъ образомъ, что всякій (царь ли

36.

37.

38.

онъ или подданный), совершивъ что-нибудь постыдное, старается разукрасить свое дѣяніе такими обстоятельствами, чтобы люди думали, что противъ справедливости и приличія ничего не совершено. Итакъ мы заключаемъ, что весь всеобщій божественный законъ, которому учитъ Писаніе,
39. дошелъ до нашихъ рукъ абсолютно неискаженнымъ. Но кромѣ этого есть еще и другое, относительно чего мы не можемъ сомнѣваться, что оно добросовѣстно было передано намъ, именно: сущность историческихъ разсказовъ Писанія, потому что она всѣмъ была очень извѣстна. Іудейскій народъ когда-то обыкновенно въ псалмахъ воспѣвалъ національную старину. Также все главное изъ дѣяній Христа и его страданіе тотчасъ было разглашено по всей римской имперіи. Поэтому отнюдь не слѣдуетъ вѣрить—если только большая часть людей не сговорилась въ этомъ, что невѣроятно,—что сущность содержанія этихъ исторій потомки передавали иначе, нежели получали отъ предше-
40. ственниковъ; такимъ образомъ все, что только есть подложнаго или ошибочнаго, все это могло случиться только съ остальнымъ, именно: съ тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ историческаго разсказа или пророчества съ цѣлью болѣе побудить народъ къ благоговѣнію; съ тѣмъ или другимъ чудомъ съ цѣлью помучить философовъ; или, наконецъ, съ вещами спекулятивными, послѣ того какъ онѣ начали вводиться въ религію схизматиками, дабы каждый такимъ образомъ могъ обосновывать свои измышленія, злоупотребляя божественнымъ авторитетомъ. Но для спасенія не важно, искажены ли таковыя или нѣтъ. Это я спеціально покажу въ слѣдующей главѣ, хотя оно и изъ сказаннаго уже, а въ особенности изъ гл. 2 [1]), теперь ясно, я полагаю.

[1]) См. гл. 2, § 52 и слѣд.

Глава XIII.

Показывается, что Писаніе учитъ только самымъ простымъ вещамъ и кромѣ повиновенія не преслѣдуетъ иной цѣли, и относительно божественной природы оно учитъ только тому, чему люди извѣстнымъ образомъ жизни могутъ подражать.

Во второй главѣ этого Трактата мы показали, что пророки имѣли только особенную силу воображенія, но не разумѣнія, и что Богъ никакихъ философскихъ тайнъ имъ не открывалъ, но—только самыя простыя вещи, и что Онъ приспособлялся къ мнѣніямъ заранѣе усвоеннымъ ими [1]). Мы показали потомъ въ 5 главѣ, что Писаніе передаетъ и учитъ о вещахъ такимъ образомъ, какимъ онѣ легче всего могутъ быть восприняты каждымъ [2]); именно, оно лишь просто говоритъ о вещахъ, но не выводитъ и не составляетъ ихъ при помощи аксіомъ и опредѣленій; а чтобы вызвать вѣру къ себѣ, оно подтверждаетъ сказан- 2.

[1]) См. гл. 2, § 13 и сл.
[2]) См. гл. 5, § 35 и сл., 39 и сл.

ное только опытомъ, то есть чудесами и историческими событіями; послѣднія также излагаются въ такомъ стилѣ и выраженіяхъ, при помощи которыхъ духъ народный болѣе всего можетъ быть возбуждаемъ; смотри объ этомъ въ
3. главѣ 6 то, что доказывается въ III пунктѣ [1]). Наконецъ мы показали въ 7 главѣ, что трудность разумѣнія Писанія заключена въ одномъ языкѣ, а не въ возвышенности содержанія [2]). Къ этому присоединяется то, что пророки проповѣдовали не знатокамъ, но абсолютно всѣмъ іудеямъ, а апостолы обыкновенно излагали евангельское ученіе въ
4. церквахъ, гдѣ бывало общее собраніе всѣхъ людей; изъ всего этого слѣдуетъ, что ученіе Писанія содержитъ не возвышенныя умозрѣнія, и не философскіе вопросы, но вещи только самыя простыя, которыя могутъ быть восприняты даже какимъ угодно тупицей. Итакъ я не могу достаточно надивиться разуму тѣхъ людей [я говорилъ о нихъ выше] [3]), которые именно видятъ въ Писаніи столь глубокія тайны, что онѣ будто бы не могутъ быть изъяснены ни на какомъ человѣческомъ языкѣ; и потомъ они ввели въ религію столько предметовъ философскаго характера, что церковь кажется академіею, а религія наукою или, лучше, сло-
5. вопреніемъ. Впрочемъ, что я удивляюсь, если люди, похваляющіеся, будто они обладаютъ сверхъестественнымъ свѣтомъ, не хотятъ уступать въ познаніи философамъ, которые кромѣ Естественнаго Свѣта ничего не имѣютъ? Я конечно удивился бы тому, если бы они учили чему-нибудь новому, что̀ составляло бы предметъ одного умозрѣнія, и что̀ не

---

[1]) См. гл. 6, § 39 и сл.
[2]) См. гл 7, § 1 и сл., § 68 и сл.
[3]) См. гл. 9, § 33 и сл.

было бы слишкомъ извѣстнымъ когда-то у языческихъ философовъ (которые однако, по ихъ утвержденію, слѣпотствовали); ибо если стали бы изслѣдовать, какія именно тайны они видятъ сокрытыми въ Писаніи, то не найдутъ рѣшительно ничего, кромѣ измышленій Аристотеля или Платона или другого подобнаго философа; часто эти измышленія легче могъ бы какой-угодно неучъ увидать во снѣ, нежели самый ученый человѣкъ найти въ Писаніи. Мы 6.
собственно не хотимъ абсолютно утверждать, будто ничто изъ того, что составляетъ предметъ одного умозрѣнія, не принадлежитъ къ ученію Писанія; ибо въ предыдущей главѣ [1]) мы привели нѣкоторыя положенія этого рода какъ основныя въ Писаніи, но я хочу только то сказать, что такихъ положеній очень немного и они очень просты. А 7.
каковы они, и какъ они опредѣляются, я рѣшилъ показать здѣсь; это теперь намъ будетъ легко, послѣ того какъ мы узнали, что изученіе наукъ не было цѣлью Писанія; отсюда вѣдь мы легко можемъ заключить, что оно ничего кромѣ повиновенія не требуетъ отъ людей, и осуждаетъ только непокорство, а не незнаніе. Затѣмъ, такъ какъ повинове- 8.
ніе Богу состоитъ только въ любви къ ближнему (ибо кто любитъ ближняго съ той именно цѣлью, чтобы угодить Богу, тотъ, какъ говоритъ Павелъ въ Послан. къ Римлян. гл. 13, ст. 8, исполнилъ законъ), то отсюда слѣдуетъ, что въ Писаніи не рекомендуется никакой другой науки кромѣ той, которая всѣмъ людямъ необходима для того, чтобы имѣть возможность повиноваться Богу по его предписанію, и не зная которой, люди необходимо должны быть непокорливы или, по крайней мѣрѣ, безъ дисциплины въ

[1]) См. гл. 12, § 36.

послушаніи; остальныхъ же умозрѣній, не относящихся сюда прямо—будутъ ли они трактовать о познаніи Бога или естественныхъ вещей,—Писаніе не касается, и, стало быть, они должны быть отдѣлены отъ религіи Откровенія.

9. Но хотя это теперь каждый, какъ мы сказали, легко можетъ видѣть, однако я хочу точнѣе показать и яснѣе обнаружить все дѣло, потому что отъ этого зависитъ оцѣнка всей религіи. Для этого требуется прежде всего показать, что разумное или точное познаніе о Богѣ не есть, какъ повиновеніе, даръ общій всѣмъ вѣрнымъ; затѣмъ, что то познаніе, котораго Богъ требовалъ чрезъ пророковъ отъ всѣхъ вообще, и которое каждый обязанъ имѣть, не есть какое-либо другое кромѣ познанія божественной Его справедливости и любви. Оба эти положенія легко
10. доказываются изъ самого Писанія. Ибо 1-е весьма ясно слѣдуетъ изъ гл. 6, ст. 2 Исхода, гдѣ Богъ говоритъ Моисею, чтобы показать особенную милость ему оказанную: וָאֵרָא אֶל־אַבְרָהָם אֶל־יִצְחָק וְאֶל־יַעֲקֹב בְּאֵל שַׁדָּי וּשְׁמִי יְהוָה לֹא נוֹדַעְתִּי לָהֶם „*и открылся Аврааму, Исааку и Іакову Богомъ Садай, но подъ именемъ моимъ Іегова я не былъ извѣстенъ имъ*“; здѣсь для лучшаго уясненія должно замѣтить, что Эль Садай по еврейски означаетъ: „*Богъ, который довлѣетъ*“, потому что онъ даетъ каждому то, что ему довлѣетъ, и хотя часто Садай абсолютно употребляется вмѣсто слова Богъ, однако не слѣдуетъ сомнѣваться, что вездѣ должно быть подразумѣваемо имя существительное Эль (Богъ).
11. Затѣмъ должно замѣтить, что въ Писаніи не встрѣчается никакого имени, кромѣ Іеговы, которое указывало бы на абсолютную сущность Бога безъ отношенія къ сотвореннымъ вещамъ. Поэтому евреи и утверждаютъ, что только это имя Бога есть собственное, остальныя же суть нарицательныя;

и дѣйствительно, остальныя имена Бога, будутъ ли они 12.
существительныя или прилагательныя, суть аттрибуты, которыя Богу приличествуютъ, поскольку Онъ разсматривается въ отношеніи къ сотвореннымъ вещамъ или становится извѣстнымъ чрезъ нихъ. Такъ слово אֵל *Эль* или съ парагогическою буквою ה хе אֱלוֹהַּ *Элоа* означаетъ, какъ извѣстно, не что иное какъ могущественный; и оно по преимуществу только и приличествуетъ Богу, подобно тому какъ мы Павла называемъ апостоломъ. Иногда свойства его могущества поясняются, напримѣръ Эль (могущественный) великій, грозный, справедливый, милосердный и пр., или, чтобы охватить всѣ свойства сразу, это имя употребляется во множественномъ числѣ съ значеніемъ единственнаго, что въ Писаніи весьма часто бываетъ. Теперь, такъ 13.
какъ Богъ говоритъ Моисею, что онъ подъ именемъ Іеговы не былъ извѣстенъ отцамъ, то слѣдуетъ, что они не знали ни одного аттрибута Бога, который изъясняетъ Его абсолютную сущность, но знали только Его дѣйствія и обѣтованія, то есть Его могущество, поскольку оно проявляется чрезъ видимыя вещи. Впрочемъ Богъ говоритъ это Мои- 14.
сею не ради обвиненія ихъ въ невѣріи, но, напротивъ, съ цѣлью возвеличенія ихъ довѣрчивости и вѣры, благодаря которой они хотя и не имѣли столь исключительнаго познанія о Богѣ какъ Моисей, однако вѣрили въ обѣтованія Божіи какъ въ непреложныя и вѣрныя, а не какъ Моисей. Послѣдній хотя и имѣлъ о Богѣ болѣе возвышенныя мысли, однако сомнѣвался въ божественныхъ обѣтованіяхъ и упрекнулъ Бога, что вмѣсто обѣщаннаго спасенія Онъ ухудшилъ дѣла іудеевъ. Слѣдовательно, такъ какъ отцы 15.
не знали особеннаго названія для Бога, и Богъ говоритъ Моисею объ этомъ фактѣ, чтобы похвалить ихъ душевную

простоту и вѣру и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить объ особенной милости, оказанной Моисею, то отсюда весьма ясно слѣдуетъ то, что мы утверждали въ первомъ пунктѣ, именно: что люди не обязываются знать аттрибуты Бога вслѣдствіе приказанія, но что это есть особенный даръ, предоставленный только нѣкоторымъ вѣрующимъ; и нѣтъ надобности показывать это множествомъ свидѣтельствъ изъ
16. Писанія. Кто вѣдь не видитъ, что познаніе о божествѣ не было равнымъ у всѣхъ вѣрующихъ, и что всякій быть по приказанію мудрымъ можетъ не больше, чѣмъ начать жизнь и бытіе? Повиноваться вслѣдствіе приказанія, конечно, могутъ одинаково мужчины, женщины, дѣти и всѣ, но не
17. умудряться. Если же кто сказалъ бы, что нужно не разумѣть аттрибуты Бога, но совершенно просто и безъ доказательства вѣрить, тотъ конечно скажетъ вздоръ. Ибо невидимыя вещи и тѣ, которыя суть объекты только духа, могутъ быть видимы не иными какими очами, какъ только посредствомъ доказательствъ; слѣдовательно у кого ихъ нѣтъ, тѣ ровно ничего изъ этихъ вещей не видятъ; и стало быть все, что они разсказываютъ о подобныхъ предметахъ по наслышкѣ, затрагиваетъ или обнаруживаетъ ихъ умъ не болѣе, чѣмъ слова попугая или автомата, которые говорятъ безъ разумѣнія и смысла. Но прежде чѣмъ идти
18. дальше, я обязанъ сказать объ основаніи, почему въ Бытіи часто говорится, что патріархи проповѣдовали отъ имени Іеговы; повидимому, это совершенно противорѣчитъ сейчасъ сказанному. Но если мы вникнемъ въ то, что показали въ 8 главѣ [1]), мы будемъ въ состояніи легко согласить это; вѣдь въ указанной главѣ мы показали, что пи-

[1]) См. гл. 8, § 4 и сл.

сатель Пятикнижія обозначаетъ предметы и мѣста совсѣмъ не тѣми именами, которые употребляли въ то время, о которомъ говорится, но тѣми, подъ которыми они были лучше извѣстны во время писателя. Стало быть, въ Бытіи 19. указывается, что Богъ былъ возвѣщенъ патріархамъ подъ именемъ Іеговы не потому, что онъ былъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ отцамъ, но потому что это имя у іудеевъ было въ высочайшемъ почетѣ. Это, говорю, необходимо должно сказать, такъ какъ въ этомъ нашемъ текстѣ Исхода выразительно говорится, что Богъ подъ этимъ именемъ не былъ извѣстенъ патріархамъ, а также и потому, что въ гл. 3, ст. 13 Исхода Моисей желаетъ знать имя Бога: если бы оно было извѣстно прежде, оно было бы, по крайней мѣрѣ, извѣстно и ему. Итакъ должно заключить, какъ мы желали, именно: что вѣрующіе патріархи не знали этого имени Бога, и что познаніе о Богѣ есть даръ, а не приказаніе Бога.

Время, слѣдовательно, перейти ко второму пункту, 20. именно къ показанію, что Богъ не требуетъ никакого иного познанія о Себѣ отъ людей чрезъ пророковъ, кромѣ познанія божественной своей справедливости и любви, то есть такихъ аттрибутовъ Бога, которымъ люди могутъ подражать извѣстнымъ образомъ жизни. Этому по крайней мѣрѣ Іеремія учитъ въ самыхъ выразительныхъ словахъ. Ибо 21. въ гл. 22, ст. 15, 16, говоря о царѣ Іосіи, онъ выражается: אָבִיךָ הֲלוֹא אָכַל וְשָׁתָה וְעָשָׂה מִשְׁפָּט וּצְדָקָה אָז טוֹב לוֹ׃ דָּן דִּין־עָנִי וְאֶבְיוֹן אָז טוֹב הֲלֹא־הִוא הַדַּעַת אֹתִי נְאֻם־יְהוָה *„отецъ твой, конечно, пилъ и пилъ и творилъ судъ и правду, тогда ему хорошо* (было); *онъ утверждалъ право бѣднаго и нуждающагося, тогда ему хорошо* (было), *ибо* (замѣтьте хорошо) *это значитъ меня знать, сказалъ Іегова“*. И не ме-

нѣе ясны слова, имѣющіяся въ гл. 9, ст. 23, именно: כִּי אִם־בְּזֹאת יִתְהַלֵּל הַמִּתְהַלֵּל הַשְׂכֵּל וְיָדֹעַ אוֹתִי כִּי אֲנִי יְהוָה עֹשֶׂה חֶסֶד מִשְׁפָּט וּצְדָקָה בָּאָרֶץ כִּי־בְאֵלֶּה חָפַצְתִּי נְאֻם־יְהוָה *„но тѣмъ только пусть хвалится каждый, что разумѣетъ Меня и знаетъ, что Я, Іегова, дѣлаю милость, судъ и правду*
22. *на землѣ, ибо это Меня радуетъ, говоритъ Іегова“*. Это вытекаетъ кромѣ того и изъ гл. 34, ст. 6, 7 Исхода, гдѣ Богъ Моисею, желающему его видѣть и знать, не открываетъ никакихъ другихъ аттрибутовъ кромѣ тѣхъ, которые изъясняютъ божественную справедливость и любовь. Наконецъ здѣсь въ особенности должно отмѣтить мѣсто у Іоанна, о которомъ также скажемъ впослѣдствіи, именно: онъ объясняетъ Бога только чрезъ любовь, потому что Бога никто не видитъ, и заключаетъ, что тотъ дѣйствительно имѣетъ
23. и знаетъ Бога, кто имѣетъ любовь [1]). Итакъ, мы видимъ, что Іеремія, Моисей, Іоаннъ ограничиваютъ познаніе о Богѣ, которое каждый обязанъ имѣть, немногимъ и полагаютъ его, какъ мы и хотѣли, только въ слѣдующемъ, именно: что Богъ въ высшей степени справедливъ и въ высшей степени милосердъ или единственный образецъ истинной
24. жизни. Къ этому присоединяется то, что Писаніе выразительно не передаетъ никакого опредѣленія Бога и не предписываетъ принимать другихъ аттрибутовъ Бога кромѣ сейчасъ указанныхъ и нарочито, какъ эти, не рекомендуетъ. Изъ всего этого мы заключаемъ, что интеллектуальное познаніе о Богѣ, которое разсматриваетъ Его природу, какъ она есть сама въ себѣ, и каковой природѣ люди извѣстнымъ образомъ жизни не могутъ ни подражать, ни взять ее за образецъ при устроеніи истиннаго образа жизни,

[1]) 1 Іоан. 4, 12, 16.

никоимъ образомъ не относится къ вѣрѣ и религіи Откровенія, и слѣдовательно люди относительно нея могутъ на всю поднебесную заблуждаться—преступленія не будетъ. Итакъ 25.
не удивительно, что Богъ себя приспосабливалъ къ представленіямъ и предвзятымъ мнѣніямъ пророковъ, и что вѣрующіе держались различныхъ взглядовъ о Богѣ, какъ мы въ гл. 2 показали на множествѣ примѣровъ [1]). Потомъ 26.
не удивительно также, что священныя книги вездѣ говорятъ столь несвойственно о Богѣ и приписываютъ ему руки, ноги, глаза, уши, душу и мѣстное передвиженіе и кромѣ того также душевныя движенія, напримѣръ, что Онъ ревнивъ, милосердъ и пр., и что, наконецъ, рисуютъ Его какъ судію, и сидящимъ на небесахъ какъ бы на царскомъ тронѣ, а Христа по правую сторону отъ Него. Дѣйствительно, онѣ говорятъ сообразно съ понятіемъ толпы, которую Писаніе старается сдѣлать не ученою, но послушною. Однако заурядные богословы утверждали, что все, несо- 27,
гласіе чего съ божественной природой они смогли усмотрѣть при помощи своего Естественнаго Свѣта, должно истолковывать метафорически, а все, что не поддается ихъ пониманію, должно принимать буквально. Но если все, что въ этомъ родѣ встрѣчается въ Писаніи, необходимо должно было бы толковать и понимать метафорически, тогда Писаніе было бы написано не для народа и необразованной толпы, но только для весьма ученыхъ людей и преимущественно для философовъ. Вдобавокъ, если бы благочестиво 28.
и въ простотѣ души вѣрить относительно Бога въ то, что мы сейчасъ привели, было нечестиво, то, разумѣется, пророки должны были бы въ высшей степени остеречься отъ

[1]) См. гл. 2, § 20 и сл.

подобныхъ фразъ—ради слабости толпы, по крайней мѣрѣ,—и, напротивъ, учить прежде всего нарочито и ясно объ аттрибутахъ Бога такъ, какъ обязанъ принимать ихъ каж-
29. дый, а этого нигдѣ не сдѣлано. Стало быть, не слѣдуетъ думать, что мнѣнія, разсматриваемыя абсолютно, безъ отношенія къ дѣйствіямъ, имѣютъ сколько-нибудь благочестія или нечестія, но слѣдуетъ поэтому сказать только, что человѣкъ вѣритъ во что-нибудь благочестиво или нечестиво, поскольку онъ благодаря своимъ мнѣніямъ побуждается къ повиновенію или, на основаніи ихъ же, даетъ себѣ волю грѣшить или возмущаться; такъ что если кто, вѣруя въ истину, дѣлается непокорливъ, тотъ въ дѣйствительности имѣетъ нечестивую вѣру, и наоборотъ, если кто, вѣруя въ ложное, послушливъ, тотъ имѣетъ благочестивую вѣру. Вѣдь мы показали, что истинное познаніе о Богѣ есть не приказъ, но божественный даръ, и что Богъ не требовалъ отъ людей никакого другого познанія кромѣ познанія божественной своей справедливости и любви, каковое познаніе необходимо не для наукъ, но только для повиновенія.

Глава XIV.

Что есть вѣра, кто именно вѣрующіе; опредѣляются основанія вѣры и, наконецъ, сама она отдѣляется отъ философіи.

Всякій, кто хоть немного вдумывается, можетъ видѣть, что для истиннаго познанія вѣры весьма необходимо знать, что Писаніе было приспособляемо не только къ пониманію пророковъ, но также и къ пониманію измѣнчивой и непостоянной іудейской толпы; вѣдь кто все, что находится въ Писаніи, принимаетъ безъ разбора за всеобщее и абсолютное ученіе о Богѣ, и тщательно не разузналъ, что̀ именно было приспособлено къ понятіямъ толпы, у того не будетъ возможности не смѣшивать мнѣній толпы съ божественнымъ ученіемъ и не выдавать людскихъ вымысловъ и взглядовъ за божественныя правила и не злоупотреблять авторитетомъ Писанія. Кто, говорю, не 2. видитъ, что въ этомъ заключается самая главная причина, почему сектаторы столькимъ и столь различнымъ мнѣніямъ учатъ какъ правиламъ вѣры и подтверждаютъ ихъ многими примѣрами изъ Писанія, вслѣдствіе чего у голь-

ландцевъ давно вошла въ употребленіе поговорка: geen ketter sonder letter *). И дѣйствительно, священныя книги были написаны не однимъ единственнымъ человѣкомъ и не для народа одной эпохи, но многими мужами различнаго таланта и жившими въ разные вѣка; если бы мы пожелали сосчитать время, захватываемое всѣми ими, то получилось бы почти двѣ тысячи лѣтъ, а можетъ быть и
3. гораздо больше. Однако мы не желаемъ обвинять сектаторовъ въ нечестіи за то, что они именно приспосабливаютъ слова Писанія къ своимъ мнѣніямъ; вѣдь подобно тому какъ нѣкогда оно было приспосабливаемо къ понятію толпы, точно также каждому позволительно приспособлять его къ своимъ мнѣніямъ **), если онъ видитъ, что такимъ образомъ онъ можетъ съ полнѣйшимъ душевнымъ согласіемъ повиноваться Богу въ томъ, что касается справедли-
4. вости и любви; но мы обвиняемъ сектаторовъ за то, что они не желаютъ предоставить этой самой свободы остальнымъ, но всѣхъ не соглашающихся съ ними преслѣдуютъ однако какъ враговъ Бога, какъ бы они ни были вполнѣ честны и преданы истинной добродѣтели; и наоборотъ, сектаторы однако любятъ какъ избранниковъ Божіихъ тѣхъ, которые съ ними соглашаются, хотя бы они были и весьма слабы душой; преступнѣе этого и для государства болѣе пагубнаго ничего, конечно, нельзя и придумать.
5. Итакъ чтобы было очевидно, до какихъ предѣловъ простирается въ отношеніи вѣры свобода каждому думать то, что онъ хочетъ, и кого именно мы обязаны признавать все-таки за вѣрующихъ, хотя бы и думающихъ иначе,

*) Нѣтъ еретика безъ буквы. *Перевод.*

**) Сравн ниже § 32 и сл.

должно опредѣлить вѣру и ея основныя положенія; это я
и рѣшилъ сдѣлать въ этой главѣ и въ то же время отдѣ-
лить вѣру отъ философіи, что и было главною цѣлью всего
труда. Итакъ, чтобы показать это по порядку, вернемся къ
самой главной цѣли всего Писанія; вѣдь это укажетъ намъ
истинную норму для опредѣленія вѣры. Мы сказали въ 6.
предыдущей главѣ [1]), что цѣль Писанія заключается только
въ томъ, чтобы учить послушанію. Этого, конечно, никто
не можетъ отрицать. Вѣдь кто не видитъ, что тотъ и дру-
гой Завѣтъ есть не что иное, какъ ученіе о послушаніи?
что тотъ и другой не преслѣдуютъ иной цѣли кромѣ той,
чтобы люди повиновались отъ чистаго сердца? Ибо, опу- 7.
ская уже показанное въ предыдущей главѣ, Моисей ста-
рался не убѣдить израильтянъ разумомъ, но обязать ихъ
договоромъ, клятвами и благодѣяніями; затѣмъ, онъ нака-
заніемъ пригрозилъ народу повиноваться законамъ и
поощрялъ его наградами къ этому. Всѣ эти средства—не
для наукъ, но только для повиновенія. Евангельское же уче- 8.
ніе не содержитъ ничего кромѣ простой вѣры, именно: оно
учитъ вѣрить въ Бога и почитать его или, что то же са-
мое, повиноваться Богу. Итакъ, чтобы доказывать вполнѣ
ясную вещь, мнѣ нѣтъ надобности подбирать тексты изъ
Писанія, рекомендующіе повиновеніе, и встрѣчающіеся во
множествѣ въ томъ и другомъ Завѣтѣ. Потомъ, что именно 9.
каждый долженъ исполнять, чтобы угодить Богу,—само Пи-
саніе также въ очень многихъ мѣстахъ весьма ясно учитъ,
именно: что весь законъ только въ томъ и состоитъ, что
въ любви къ ближнему; поэтому никто и не можетъ отри-
цать, что тотъ, кто вслѣдствіе приказанія Бога любитъ ближ-

[1]) См. гл. 13, § 7 и сл.

няго какъ самого себя, на самомъ дѣлѣ повинуется и, согласно закону, блаженъ, а кто, наоборотъ, ненавидитъ или презираетъ ближняго, тотъ мятежникъ и супротивникъ.

10. Наконецъ, всѣми признается, что Писаніе написано и обнародовано не для однихъ ученыхъ, но для всѣхъ людей любого возраста и разряда. А изъ одного этого весьма ясно слѣдуетъ, что мы по повелѣнію Писанія обязываемся вѣрить только тому, что безусловно необходимо для исполненія этой заповѣди. Посему эта самая заповѣдь есть единственная норма всей каѳолической вѣры, и посредствомъ одной этой заповѣди должны опредѣляться всѣ догматы вѣры,

11. которыя дѣйствительно каждый обязанъ принять. Такъ какъ это весьма очевидно, и такъ какъ изъ одного этого основоположенія или на основаніи одного разума законно можно вывести все, то пусть каждый судитъ о томъ, какъ могло случиться, что въ церкви возникло столько разногласій, и могли ли быть для нихъ другія причины кромѣ

12. тѣхъ, о которыхъ было сказано въ началѣ главы 7. Итакъ эти самыя причины принуждаютъ меня показать здѣсь способъ опредѣленія догматовъ вѣры изъ этого найденнаго основоположенія; ибо если я этого не сдѣлаю и не опредѣлю вещи по извѣстнымъ правиламъ, тогда справедливо подумаютъ, что я до сихъ поръ мало подвинулся впередъ, такъ какъ всякій будетъ въ состояніи ввести все, что онъ хочетъ, подъ этимъ же предлогомъ, то есть, что это то и есть средство необходимое для повиновенія; особенно когда вопросъ будетъ о божественныхъ аттрибутахъ.

13. Итакъ чтобы послѣдовательно показать весь предметъ, я начну съ опредѣленія *вѣры*. Она на основаніи этого даннаго основоположенія должна быть опредѣлена такъ, имен-

но: вѣра есть не что иное, какъ мышленіе о Богѣ того,
безъ знанія чего прекращается повиновеніе Богу, и что̀,
при наличности этого повиновенія, необходимо полагается.
Это опредѣленіе столь ясно и вытекаетъ столь очевидно
изъ только что доказаннаго, что не нуждается ни въ ка-
комъ объясненіи. А что̀ изъ него слѣдуетъ, я сейчасъ 14.
вкратцѣ покажу, именно: I, что вѣра спасительна не сама
по себѣ, но только въ уваженіе къ повиновенію или, какъ
говоритъ Іаковъ въ гл. 2, ст. 17, вѣра сама по себѣ безъ
дѣлъ мертва; смотри объ этомъ всю указанную главу
этого апостола. II, слѣдуетъ, что тотъ, кто истинно пови-
нуется, необходимо имѣетъ истинную и спасительную вѣру;
вѣдь мы сказали, что при наличности повиновенія и вѣра 15.
необходимо полагается. Объ этомъ также тотъ же апостолъ
въ гл. 2, ст. 18 выразительно говоритъ въ слѣдующихъ сло-
вахъ, именно: „*покажи мнѣ вѣру свою безъ дѣлъ, а я покажу
тебѣ изъ моихъ дѣлъ свою вѣру*“. И Іоаннъ въ 1 Посл.
гл. 4, ст. 7, 8: „*всякій кто любитъ* (именно ближняго) *отъ
Бога родился и знаетъ Бога; кто не любитъ, не знаетъ Бога,
ибо Богъ есть любовь*“. Изъ этого опять слѣдуетъ, что мы 16.
можемъ считать каждаго вѣрующимъ или невѣрующимъ
только на основаніи дѣлъ. Именно если дѣла добры, то
хотя бы человѣкъ въ догматахъ съ другими вѣрующими
и не соглашался, однако онъ есть вѣрующій; и наоборотъ,
если дѣла дурны, то хотя бы человѣкъ на словахъ и со-
глашался, однако онъ есть невѣрующій. Вѣдь при налич-
ности повиновенія вѣра необходимо полагается, а безъ
дѣлъ вѣра мертва. Этому также тотъ же Іоаннъ въ ст. 13 17.
той же главы выразительно учитъ: „*Потому*“, говоритъ,
„*мы познаемъ, что пребываемъ въ Немъ и Онъ въ насъ
пребываетъ, что далъ намъ отъ Духа Своего*“, именно

любовь. Раньше вѣдь онъ говорилъ, что Богъ есть любовь, откуда (на основаніи именно его принциповъ, усвоенныхъ въ то время) заключаетъ, что тотъ дѣйствительно имѣетъ Духа Божія, кто любовь имѣетъ. Даже болѣе, такъ какъ Бога никто не видѣлъ, то онъ заключаетъ отсюда, что каждый чувствуетъ или сознаетъ Бога только благодаря любви къ ближнему; а стало быть, никто и не можетъ знать другого аттрибута Бога кромѣ этой любви, поскольку мы при-
18. частны ей. Хотя эти доводы и не рѣшительны, они однако довольно ясно раскрываютъ мысль Іоанна; но гораздо яснѣе тѣ, которые имѣются во 2 гл. 3, 4 стих. того же Посланія; гдѣ онъ въ весьма выразительныхъ словахъ учитъ тому же, что и мы желаемъ здѣсь (доказать). „*И по тому*“, говоритъ, „*мы знаемъ, что познали Его, если заповѣди Его соблюдаемъ. Кто говоритъ, я позналъ Его, а заповѣдей Его не соблюдаетъ, тотъ лжецъ, и въ немъ нѣтъ истины*“.
19. А изъ этого опять слѣдуетъ, что антихристы, на самомъ-то дѣлѣ, суть тѣ, которые преслѣдуютъ мужей честныхъ и любящихъ справедливость за то, что они не согласны съ ними и не защищаютъ съ ними тѣхъ же догматовъ вѣры. Мы вѣдь знаемъ, что кто любитъ справедливость и любовь, тѣ чрезъ это одно суть вѣрующіе, а кто преслѣдуетъ вѣрую-
20. щихъ, тотъ—антихристъ. Наконецъ слѣдуетъ, что вѣра требуетъ не столько истинныхъ, сколько благочестивыхъ догматовъ, то есть такихъ, которые побуждаютъ душу къ повиновенію,—хотя бы между ними было весьма много такихъ, которые не имѣютъ ни тѣни истины, лишь бы однако тотъ, кто ихъ пріемлетъ, не зналъ, что они ложны; иначе онъ необходимо воспротивился бы. Вѣдь какимъ образомъ могло бы сдѣлаться, что кто-нибудь, старающійся любить справедливость и угождать Богу, почиталъ бы божественнымъ

то, о чемъ онъ знаетъ, что оно чуждо божественной природѣ? Но люди въ простотѣ души могутъ заблуждаться, и 21.
Писаніе, какъ мы показали, осуждаетъ не невѣденіе, но только упорство. Это даже необходимо слѣдуетъ изъ одного опредѣленія вѣры, всѣ части которой должны браться изъ всеобщаго сейчасъ указаннаго основоположенія и единственной цѣли всего Писанія, если только мы не желаемъ примѣшивать къ нему нашихъ мнѣній. Но опредѣленіе требуетъ выразительно не истинныхъ догматовъ, но такихъ, которые необходимы для послушанія, которые именно укрѣпляютъ душу въ любви къ ближнему; по отношенію къ ней только каждый пребываетъ (говоря съ Іоанномъ) въ Богѣ и Богъ въ каждомъ. Стало быть, такъ какъ вѣра 22.
каждаго должна считаться благочестивой или неблагочестивой только по отношенію къ повиновенію или упорству, а не по отношенію къ истинѣ или лжи, и такъ какъ никто не сомнѣвается въ томъ, что обыкновенный характеръ людей очень разнообразенъ, и не всѣ одинаково успокаиваются на всемъ, но мнѣнія различнымъ образомъ направляютъ людей, именно: что одного побуждаетъ къ благоговѣнію, то другого то же самое побуждаетъ къ смѣху и презрѣнію, то отсюда слѣдуетъ, что никакіе догматы, относительно которыхъ можетъ существовать между честными людьми разномысліе, не относятся къ каѳолической или всеобщей вѣрѣ. Они вѣдь по природѣ таковы, что въ отноше- 23.
ніи къ одному человѣку могутъ быть благочестивы, а въ отношеніи къ другому нечестивы, такъ какъ о догматахъ должно судить на основаніи только дѣлъ. Слѣдовательно къ каѳолической вѣрѣ относятся только тѣ догматы, которые безусловно полагаются повиновеніемъ къ Богу, и безъ знанія которыхъ повиновеніе рѣшительно невозможно; объ

остальныхъ же каждый долженъ думать такъ, какъ онъ
найдетъ для себя лучшимъ, чтобы укрѣпиться въ любви
къ справедливости, потому что каждый себя самого лучше
24. знаетъ. И такимъ образомъ, я думаю, не остается никакого
повода для споровъ въ церкви.

Теперь я не побоюсь перечислить догматы всеобщей
вѣры или основанія цѣли всего Писанія. Всѣ они (какъ
весьма очевидно слѣдуетъ изъ того, что мы въ этихъ двухъ
главахъ показали) должны сводиться къ слѣдующему, имен-
но: что есть Верховное Существо, которое любитъ спра-
ведливость и любовь и которому всѣ обязаны повиноваться,
чтобы быть спасенными, и почитать его подвизаніемъ
въ справедливости и любви къ ближнему, а отсюда легко
опредѣляются и всѣ догматы, которыхъ, стало быть, кромѣ
25. слѣдующихъ никакихъ нѣтъ, именно: I), что существуетъ
Богъ, то есть Верховное Существо въ высшей степени
справедливое и милостивое или образецъ истинной жизни;
вѣдь кто не знаетъ или не вѣритъ, что Онъ существуетъ,
тотъ не можетъ Ему повиноваться и признавать Его судьею.
II), что онъ—единъ; никто вѣдь не можетъ сомнѣваться,
что это также безусловно требуется для величайшаго бла-
говѣнія, удивленія и любви къ Богу, ибо благоговѣніе,
удивленіе и любовь происходятъ только изъ превосходства
26. одного надъ остальными. III), что Онъ всюду присутствуетъ
или все для Него открыто. Если бы вѣрили, что вещи отъ
Него скрыты, или не знали бы, что Онъ все видитъ, то со-
мнѣвались бы въ равномѣрности Его справедливости, съ
которою Онъ всѣмъ управляетъ, или не знали бы о ней.
IV), что Онъ имѣетъ верховное право и господство надъ
всѣмъ и дѣлаетъ что-либо не по принужденію права, но
вслѣдствіе абсолютнаго благоизволенія и особливой милости.

Ему вѣдь всѣ обязаны безусловно повиноваться, самъ же Онъ никому. V), что почитаніе Бога и повиновеніе Ему со- 27.
стоитъ только въ справедливости и доброжелательствѣ или любви къ ближнему. VI), что только всѣ тѣ спасены, которые повинуются Богу, ведя этотъ образъ жизни; остальные же, живущіе подъ господствомъ чувственныхъ наслажденій, суть погибшіе. Если бы люди твердо не вѣрили въ это, то не было бы никакого основанія, почему они предпочитаютъ подчиняться Богу болѣе, нежели чувственнымъ на- 28.
слажденіямъ. VII), наконецъ, что Богъ прощаетъ грѣхи кающимся. Вѣдь нѣтъ никого, кто не грѣшилъ бы. Такимъ образомъ если бы это не было утверждено, то всѣ отчаявались бы въ своемъ спасеніи, и не было бы у нихъ никакого основанія вѣрить, что Богъ милосердъ; но кто твердо вѣритъ въ это, именно что Богъ по милосердію и благодати, съ которою Онъ всѣмъ управляетъ, прощаетъ грѣхи людей, и кто по этой причинѣ болѣе воспламеняется любовью къ Богу, тотъ дѣйствительно знаетъ Христа по Духу, и Христосъ есть въ немъ. И никто не можетъ не 29.
видѣть, что все это весьма необходимо знать для того, чтобы люди, безъ всякаго исключенія, могли повиноваться Богу по предписанію Закона, выше объясненному; ибо съ устраненіемъ какого-нибудь изъ этихъ догматовъ прекращается и повиновеніе. Но что̀ есть Богъ или тотъ обра- 30.
зецъ истинной жизни, есть ли Онъ именно огонь, духъ, свѣтъ, мысль и проч., это по отношенію къ вѣрѣ—ничто; равно какъ и то, на какомъ основаніи Онъ есть образецъ истинной жизни, потому ли именно, что Онъ имѣетъ духъ справедливый и милосердный или потому, что всѣ вещи существуютъ и дѣйствуютъ чрезъ Него, а слѣдовательно и мы чрезъ Него понимаемъ и чрезъ Него видимъ то, что

истинно, справедливо и хорошо. Что бы ни утверждалъ
31. объ этомъ каждый,—все равно. Потомъ нисколько не имѣетъ значенія по отношенію къ вѣрѣ, если кто думаетъ, что Богъ вездѣсущъ по сущности или по могуществу; что Онъ управляетъ вещами вслѣдствіе свободы или необходимости природы; что Онъ предписываетъ законы какъ правитель или учитъ имъ какъ вѣчнымъ истинамъ, что человѣкъ повинуется Богу вслѣдствіе свободы воли или вслѣдствіе необходимости божественнаго рѣшенія и что, наконецъ, награда добрымъ и наказаніе злымъ естественна или
32. сверхъестественна. Какъ каждый разумѣетъ эти вопросы и имъ подобные, нисколько, говорю, не важно въ отношеніи вѣры, лишь бы только онъ ничего не заключалъ изъ нихъ съ той цѣлью, чтобы дать себѣ большую свободу грѣшить или чтобы сдѣлаться менѣе послушнымъ Богу. Даже болѣе, всякій, какъ мы уже выше говорили [1]), обязанъ приспосабливать эти догматы вѣры къ своему пониманію и толковать ихъ себѣ такимъ образомъ, какимъ онъ легче можетъ, повидимому, принять ихъ безъ всякаго преткновенія, но не нарушая гармоніи души, слѣдовательно такъ, чтобы онъ повиновался Богу при полной душевной
33. гармоніи. Ибо, какъ мы уже напомнили [2]), подобно тому какъ нѣкогда вѣра была открываема и записываема сообразно съ пониманіемъ и мнѣніями пророковъ и народа того времени, такъ и теперь каждый обязанъ приспосабливать ее къ своимъ мнѣніямъ, чтобы такимъ образомъ принять ее безъ всякаго сопротивленія со стороны души и безъ всякаго замедленія. Мы вѣдь показали [3]), что вѣра требуетъ

[1]) См. § 3 этой главы.
[2]) См. § 1 этой главы.
[3]) См. § 20.

не столько истины, сколько благочестія, и только въ отношеніи къ повиновенію бываетъ благочестивой и спасительной, и слѣдовательно всякій только въ отношеніи къ повиновенію есть вѣрующій. Поэтому не тотъ, кто показываетъ самыя лучшія основанія, показываетъ необходимо и самую лучшую вѣру, но тотъ, кто показываетъ самыя лучшія дѣла справедливости и любви. Предоставляю всѣмъ судить, какъ 34.
спасительно и какъ необходимо это ученіе въ государствѣ, для того чтобы люди жили мирно и согласно, и какъ много и сколь серьезныхъ, говорю, поводовъ къ возмущеніямъ и преступленіямъ оно заранѣе предупреждаетъ. И здѣсь, 35.
прежде чѣмъ продолжать дальше, должно замѣтить, что мы на основаніи сейчасъ показаннаго легко можемъ отвѣтить на возраженія, приведенныя нами въ главѣ 1, когда мы вели рѣчь о Богѣ глаголющемъ къ Израильтянамъ съ Синайской горы [1]). Ибо хотя тотъ голосъ, который слы- 36.
шали израильтяне, не могъ дать тѣмъ людямъ никакой философской или математической достовѣрности относительно существованія Бога, однако онъ былъ достаточенъ для того, чтобы вызвать въ нихъ удивленіе къ Богу сообразно съ тѣмъ, какъ они раньше Его знали, и побудить къ повиновенію. Это и было цѣлью того явленія. Ибо Богъ хотѣлъ не ознакомить израильтянъ съ абсолютными аттрибутами своей сущности (онъ вѣдь не открылъ въ то время никакихъ аттрибутовъ), но сокрушить ихъ непокорный духъ и привлечь къ повиновенію; поэтому онъ пришелъ къ нимъ не съ доводами, но при звукѣ трубъ, съ громомъ и молніями (смотри Исхода гл. 20, ст. 20).

---

[1]) См. гл. 1, § 10 и сл.

37. Теперь остается показать, наконецъ, что между вѣрой или богословіемъ и философіей нѣтъ никакой связи или никакого родства; этого теперь никто не можетъ не увидѣть, кто узналъ и цѣль и основаніе этихъ двухъ мощныхъ силъ, различающихся, конечно, на всю поднебесную.
38. Вѣдь цѣль философіи есть только истина,—вѣры же, какъ мы весьма часто показывали, только повиновеніе и благочестіе. Затѣмъ, основанія философіи суть общія понятія, и сама она должна заимствоваться только изъ природы; основанія же вѣры суть исторіи и языкъ, а заимствовать ее должно только изъ Писанія и Откровенія, какъ мы по-
39. казали въ 7 главѣ. Итакъ вѣра допускаетъ каждому высшую свободу философствованія, такъ что онъ можетъ думать о какихъ-угодно вещахъ все, что оиъ хочетъ, не впадая въ преступленіе, и она тѣхъ только осуждаетъ какъ еретиковъ и отщепенцевъ, которые научаютъ мнѣніямъ съ цѣлью вызвать непокорность, ненависть, споры и гнѣвъ, и наоборотъ, тѣхъ только считаетъ за вѣрующихъ, которые по силамъ своего разума и способностей склоняютъ
40. къ справедливости и любви. Наконецъ, такъ какъ то, что мы здѣсь показали, есть самое главное, къ чему я стремлюсь въ этомъ Трактатѣ, то прежде чѣмъ итти дальше, я хочу убѣдительнѣйше просить читателя, чтобы онъ удостоилъ внимательнѣе прочесть эти двѣ главы и обдумать ихъ еще и еще разъ, и пусть онъ убѣдится, что мы писали не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ввести новшества, но чтобы исправить искаженія, которыя мы надѣемся увидѣть наконецъ исправленными.

Глава XV.

Ни богословіе разуму, ни разумъ богословію не служитъ; показывается и основаніе, которое убѣждаетъ насъ въ авторитетѣ Священнаго Писанія.

Тѣ, которые не умѣютъ отдѣлять философію отъ богословія, спорятъ о томъ, должно ли Писаніе служить разуму или, наоборотъ, разумъ—Писанію, то есть, долженъ ли смыслъ Писанія приспособляться къ разуму, или же разумъ къ Писанію; и послѣднее защищается скептиками, отрицающими достовѣрность разума, первое же— 2.
догматиками. Но уже изъ сказаннаго видно, что какъ тѣ, такъ и другіе на всю поднебесную заблуждаются, ибо которому изъ двухъ мнѣній мы не послѣдовали бы, неминуемо порушить или разумъ, или Писаніе. Вѣдь мы показали, что Писаніе учитъ не философскимъ вещамъ, но одному благочестію, и что все содержащееся въ немъ, было приспособляемо къ пониманію и предвзятымъ мнѣніямъ толпы. Слѣ- 3.
довательно, кто желаетъ приспосабливать его къ философіи, тотъ, конечно, припишетъ пророкамъ многое, о чемъ они и во снѣ не думали, и превратно истолкуетъ ихъ

мысль; кто же, наоборотъ, дѣлаетъ разумъ и философію служанкой богословія, тотъ обязанъ принять предразсудки древней черни за божественныя вещи и занять и ослѣпить ими умъ. Стало быть, и тотъ и другой будетъ говорить нелѣпости, одинъ, конечно, безъ разума, а другой съ разумомъ. 4. Первый, кто между фарисеями открыто утверждалъ, что Писаніе должно приспосабливать къ разуму, былъ Маймонидъ [мнѣніе котораго мы разобрали въ 7-й главѣ [1]) и опровергли многими доказательствами], и хотя этотъ авторъ пользовался большимъ авторитетомъ въ ихъ средѣ, однако большинство ихъ не согласилось съ нимъ въ этомъ, и слѣдовало мнѣнію нѣкоего Р. Іуды Альпакара, который, желая избѣжать ошибки Маймонида, впалъ въ 5. другую противоположную ей. Именно онъ утверждалъ [2]), что разумъ долженъ служить Писанію и ему вполнѣ подчиняться; и онъ думалъ, что въ Писаніи должно изъяснять что-нибудь метафорически не потому, что буквальный смыслъ противорѣчитъ разуму, но потому только, что онъ противорѣчитъ самому Писанію, то есть яснымъ его догматамъ. А отсюда онъ образуетъ такое всеобщее правило, именно: все, чему Писаніе догматически учитъ.*) и что утверждаетъ въ выразительныхъ словахъ, то должно на основаніи одного его авторитета безусловно принимать, какъ истину; и что въ Библіи не найдется никакой другой догмы, которая противорѣчила бы этому прямо, но только благодаря консеквенціи, потому именно, что способы выраженія Писанія часто, повидимому, предполагаютъ

[1]) См. гл. 7, § 75 и сл.

[2]) Я помню, что читалъ это когда-то въ письмѣ противъ Маймонида, которое имѣется среди писемъ, называемыхъ Маймонидовыми.

*) См. Примѣч. XXVIII.

что-нибудь противное тому, чему оно выразительно учило; потому только такія мѣста и должно объяснять матафорически. Напр., Писаніе ясно учитъ, что Богъ единъ (смотр. 6. Втор. гл. 6, ст. 4), и нигдѣ не встрѣчается другого мѣста, утверждающаго прямо, что существуетъ много боговъ, но есть, правда, много мѣстъ, гдѣ Богъ о себѣ и пророки о Богѣ говорятъ во множественномъ числѣ; только этотъ способъ выраженія предполагаетъ, а не смыслъ самой рѣчи указываетъ, что существуетъ много боговъ; и потому всѣ эти мѣста должно объяснять метафорически, не потому именно, что разуму противорѣчитъ существованіе многихъ боговъ, но потому что само Писаніе прямо утверждаетъ, что Богъ есть единъ. Точно такъ же вслѣдствіе того, что 7. Писаніе во Второз. гл. 4, ст. 15 прямо (какъ онъ думаетъ) утверждаетъ, что Богъ безтѣлесенъ, потому и мы на основаніи только именно этого мѣста, а не на основаніи авторитета разума обязаны вѣрить, что Богъ не имѣетъ тѣла; и слѣдовательно на основаніи только авторитета Писанія мы обязаны объяснять метафорически всѣ мѣста, которыя приписываютъ Богу руки, ноги и проч., мѣста, въ которыхъ, повидимому, только способъ выраженія предполагаетъ Бога тѣлеснымъ. Такова мысль этого автора, кото- 8. раго, поскольку онъ хочетъ объяснять Писаніе посредствомъ Писанія я хвалю, но удивляюсь, что человѣкъ одаренный разумомъ старается оное разрушить. Конечно, это вѣрно, что Писаніе должно объяснять Писаніемъ, пока мы трудимся только надъ смысломъ рѣчей и мыслью пророковъ; но послѣ того, какъ мы обнаружили истинный смыслъ, необходимо должно пользоваться сужденіемъ и разумомъ, для того чтобы мы согласились съ нимъ. И если разумъ, 9. хотя бы онъ и возражалъ Писанію, нужно однако вполнѣ

подчинить ему, то спрашиваю, должны ли мы сдѣлать это съ разумомъ или безъ разума, какъ слѣпцы. Если принимаемъ послѣднее, то мы дѣйствуемъ, конечно, глупо и безъ разсужденія; если первое, то мы, стало быть, только въ силу повелѣнія разума принимаемъ Писаніе, котораго слѣдовательно мы не приняли бы, если бы оно противорѣчило
10. разуму. И кто, спрашиваю, можетъ принять что-нибудь душею, если разумъ предъявляетъ возраженія. Вѣдь отрицать душею что-нибудь, значитъ ли отрицать что другое, чѣмъ то, чему противится разумъ. И дѣйствительно, я не могу достаточно надивиться, что разумъ, величайшій даръ и божественный свѣтъ, хотятъ подчинить мертвымъ буквамъ, которыя могли быть искажены человѣческой недобросовѣстностью, и что не считается за какое-либо преступленіе говорить недостойно противъ ума, истиннаго подлинника слова Божія, и утверждать, что онъ испорченъ, слѣпъ и развращенъ, но почитается за величайшее преступленіе
11. думать подобное о буквѣ и изображеніи слова Божія. Думаютъ, что благочестиво ни въ чемъ не вѣрить разуму и собственному сужденію, но неблагочестиво сомнѣваться въ вѣрѣ къ тѣмъ, которые передали намъ священныя книги. Это же—чистая глупость, а не благочестіе. Но что, спрашиваю, ихъ безпокоитъ? Чего они боятся? Неужели религія и вѣра могутъ быть защищены только, когда люди намѣренно игнорировали бы все и окончательно распростились бы съ разумомъ? Если они это думаютъ, то поистинѣ
12. они скорѣе боятся Писанія, нежели вѣрятъ ему. Но да будетъ далеко отъ того, чтобы религія и благочестіе хотѣли разумъ, или разумъ хотѣлъ религію обратить въ служанку себѣ, и чтобы та и другой не могли утверждать свое царство въ величайшемъ согласіи. Объ этомъ я сейчасъ буду

говорить. Ибо здѣсь прежде всего нужно разобрать правило упомянутаго раввина. Онъ, какъ мы сказали, хочетъ, 13.
чтобы мы все то, что Писаніе утверждаетъ или отрицаетъ, обязались принять какъ истину или отвергнуть какъ ложь; потомъ онъ говоритъ, что Писаніе никогда не утверждаетъ или не отрицаетъ въ выразительныхъ словахъ чего-нибудь противоположнаго тому, что оно утверждало или отрицало въ другомъ мѣстѣ. Не видѣть, какъ легкомысленно высказаны эти два положенія, никто не можетъ. Ибо (не говоря 14.
уже о томъ, что онъ не обратилъ вниманія на то, что Писаніе состоитъ изъ разныхъ книгъ, что оно въ разныя эпохи разнымъ людямъ и, наконецъ, разными авторами написано; онъ далѣе не замѣтилъ и того другого обстоятельства, что онъ утверждаетъ это на основаніи собственнаго авторитета, между тѣмъ какъ разумъ и Писаніе ничего подобнаго не говорятъ) онъ вѣдь долженъ былъ бы показать, что всѣ мѣста, противорѣчащія другимъ только благодаря консеквенціи, могутъ быть удобно объяснены метафорически согласно природѣ языка и смыслу мѣста; потомъ показать, что Писаніе дошло до нашихъ рукъ неповрежденнымъ. Но разберемъ дѣло по порядку; и вотъ 15.
относительно перваго пункта я спрашиваю: а что если разумъ противится? обязаны ли мы тѣмъ не менѣе принимать какъ истину или отвергать какъ ложь то, что Писаніе утверждаетъ или отрицаетъ? Впрочемъ можетъ быть прибавятъ, что въ Писаніи не встрѣчается ничего, что противорѣчитъ разуму. Но я настаиваю, что оно выразительно утверждаетъ и учитъ, что Богъ ревнивъ (именно въ самомъ Десятисловіи и Исход. 34, ст. 14, Второз. 4, ст. 24 и многихъ другихъ мѣстахъ), а это противорѣчитъ разуму. Тѣмъ не менѣе слѣдовательно это должно считать истиной; даже

болѣе, если бы въ Писаніи нашли какія-нибудь мѣста, предполагающія, что Богъ не ревнивъ, то необходимо должно было бы ихъ объяснить метафорически, дабы не казалось,
16. что они предполагаютъ что-либо подобное. Точно также Писаніе выразительно говоритъ, что Богъ сошелъ на гору Синай (см. Исх. гл. 19, ст. 20 и пр.) и приписываетъ Ему другія мѣстныя передвиженія, и нигдѣ выразительно не учитъ, что Богъ не перемѣщается; стало быть, и это всѣ должны принять за истину; а что Соломонъ говоритъ, будто Богъ не ограниченъ никакимъ мѣстомъ (См. 3 Цар. гл. 8, ст. 27), то, такъ какъ онъ не утверждаетъ этого выразительно, но только заключаетъ изъ того, что Богъ не движется, это необходимо должно объяснить такимъ образомъ, чтобы не казалось, что у Бога отнимаютъ движеніе въ про-
17. странствѣ. Точно также небеса должно было принять за жилище и тронъ Божій, потому что Писаніе выразительно утверждаетъ это. И подобнымъ образомъ весьма многое сказано сообразно съ понятіями пророковъ и простого народа, и о чемъ только разумъ и философія, но не Писаніе, учатъ, что это ложно; однако все это по мнѣнію того автора должно предположить истиннымъ, потому что въ этихъ вопросахъ разумъ лишенъ всякаго совѣщательнаго голоса.
18. Наконецъ онъ ложно утверждаетъ, что одно мѣсто противорѣчитъ другому только благодаря консеквенціи, а не прямо; ибо Моисей прямо утверждаетъ, что *Богъ есть огонь* (См. Второз. 4, ст. 24) и прямо отрицаетъ, что Богъ имѣетъ какое-либо сходство съ видимыми предметами (См. Второз. 4, ст. 12). А если бы онъ возразилъ, что послѣднее мѣсто не прямо, но только благодаря консеквенціи отрицаетъ, что Богъ есть огонь, и стало быть, оно должно быть подогнано къ первому, дабы не казалось, что оно отрицаетъ первое—

пускай: допустимъ, что Богъ есть огонь; или лучше, чтобы
не болтать съ нимъ вздора, оставимъ это и возьмемъ дру-
гой примѣръ. Именно, Самуилъ *) прямо отрицаетъ, что 19.
Богъ раскаивается въ рѣшеніи (См. 1 Царст. гл. 15, ст. 29),
а Іеремія наоборотъ, утверждаетъ, что Богъ раскаивается
въ добрѣ и злѣ, которое онъ опредѣлилъ (См. Іерем. гл.
18, ст. 8, 10). Что же? Неужели и эти два мѣста не прямо
противоположны другъ другу? Итакъ которое изъ этихъ
двухъ онъ желаетъ метафорически объяснить? И то и дру-
гое мнѣніе всеобщее, и одно противорѣчитъ другому; что
одно прямо утверждаетъ, то другое прямо отрицаетъ. И
стало быть, онъ самъ, въ силу своего правила, обязанъ это
самое принять за истину и въ то же время отвергнуть какъ
ложь. Потомъ, что за важность, что какое-нибудь мѣсто не 20.
прямо, но только путемъ консеквенціи противорѣчитъ дру-
гому, если консеквенція ясна, и обстановка и свойство мѣста
не допускаютъ метафорическихъ объясненій? Такихъ мѣстъ
весьма много встрѣчается въ Библіи; смотри объ этомъ
главу вторую [гдѣ мы показали, что пророки имѣли раз-
ныя и противорѣчивыя мнѣнія] [1] и въ особенности всѣ тѣ
противорѣчія, которыя мы показали въ историческихъ раз-
сказахъ [именно въ главахъ 9 и 10] [2]. И мнѣ нѣтъ надоб- 21.
ности разсматривать все вновь, ибо сказаннаго достаточно,
чтобы показать нелѣпость, которая вытекаетъ изъ этого
мнѣнія и правила, его ложность и опрометчивость автора.
Посему какъ это мнѣніе, такъ и мнѣніе Маймонида мы
отвергаемъ и утверждаемъ за незыблимое, что ни богосло-
віе разуму, ни разумъ богословію не обязаны служить, но
тотъ и другая владѣютъ своимъ царствомъ. Именно, какъ

*) См. Примѣч. XXIX.

[1]) См. гл. 2, § 20 и сл.

[2]) См. гл 9. § 7 и сл., и гл. 10. § 30 и сл.

мы сказали, разумъ—царствомъ истины и мудрости, бого-
22. словіе же—царствомъ благочестія и послушанія. Ибо могущество разума, какъ мы уже показали, не простирается такъ далеко, что онъ могъ бы опредѣлить, что люди только благодаря повиновенію безъ разумѣнія вещей могутъ быть счастливы. Богословіе же ничего кромѣ этого не предписываетъ и ничего кромѣ повиновенія не повелѣваетъ и противъ разума ничего не хочетъ и не можетъ сдѣлать:
23. вѣдь догматы вѣры [какъ мы въ предыдущей главѣ показали] [1] оно опредѣляетъ лишь постольку, поскольку это достаточно для повиновенія; но насколько точно ихъ должно понимать по отношенію къ истинѣ, это оно оставляетъ опредѣлять разуму, который дѣйствительно есть свѣточъ души, безъ котораго она ничего не видитъ
24. кромѣ грезъ и фантазій. И здѣсь подъ богословіемъ я точно разумѣю Откровеніе, поскольку оно указываетъ цѣль, которую, какъ мы сказали, Писаніе преслѣдуетъ (именно способъ и образъ повиновенія или догматы истиннаго благочестія и вѣры), то есть то, что собственно называется Словомъ Божіимъ, которое не заключается въ извѣстномъ числѣ книгъ [объ этомъ смотри Гл. 12] [2]. Вѣдь принимая богословіе такимъ образомъ, вы, разсматривая его предписанія или правила жизни, найдете, что оно согласуется съ разумомъ, а разсматривая его намѣреніе и цѣль, найдете, что оно ни въ чемъ ему не противорѣчитъ, и потому оно
25. для всѣхъ всеобщее. Что же касается до всего Писанія вообще, то мы уже въ 7 главѣ показали [3]), что смыслъ его долженъ быть опредѣляемъ только изъ его исторіи, а не изъ всеобщей исторіи природы, составляющей основаніе

[1]) См гл 14, § 23 и сл.
[2]) См. гл. 12, § 25 и сл
[3]) См. гл. 7, § 6 и сл.

только философіи; и насъ не должно затруднять, если бы мы, нашедши такимъ образомъ истинный смыслъ Писанія, узнали, что тутъ или тамъ оно противорѣчитъ разуму. Ибо все, что̀ въ этомъ родѣ встрѣчается въ Библіи, или чего люди, сохраняя любовь, могутъ не знать, то, мы навѣрное знаемъ, не касается богословія или слова Божія, и слѣдовательно, каждый можетъ думать объ этомъ, что̀ онъ хочетъ, не впадая въ преступленіе. Итакъ мы безусловно заключаемъ, что ни Писаніе къ разуму, ни разумъ къ Писанію не должно приспосабливать.

Но такъ какъ мы не можемъ доказать разумомъ, 26.
истинно или ложно основаніе богословія—именно, что люди спасаются даже благодаря одному повиновенію,—то слѣдовательно намъ могутъ возразить, зачѣмъ же мы вѣримъ въ него. Если мы принимаемъ его безъ разума, какъ слѣпцы, то слѣдовательно мы поступаемъ тоже глупо и безъ разсужденія. Если же наоборотъ мы пожелали бы утверждать, что 27.
это основаніе можетъ быть доказано разумомъ, то богословіе слѣдовательно будетъ частью философіи, и оно не должно было бы отъ нея отдѣляться. Но на послѣднее я отвѣчаю, что я абсолютно утверждаю, что эта основная догма богословія не можетъ быть найдена при помощи Естественнаго Свѣта, или по крайней мѣрѣ не было никого, кто доказалъ бы ее, и потому Откровеніе было въ высшей степени необходимо; тѣмъ не менѣе однако мы можемъ пользоваться сужденіемъ, чтобы принимать съ моральной по крайней мѣрѣ увѣренностью то̀, что̀ уже открыто. Говорю съ моральной увѣренностью, ибо мы не вправѣ 28.
ожидать, что мы можемъ быть лучше освѣдомлены объ этомъ, чѣмъ сами пророки, которымъ это прежде было открыто, и увѣренность которыхъ однако была только

моральная, какъ мы уже показали въ гл. 2 этого Трактата [1]). Такимъ образомъ тѣ, которые стараются показать
29. авторитетъ Писанія математическими доказательствами на всемъ пути заблуждаются. Ибо авторитетъ Библіи зависитъ отъ авторитета пророковъ, и стало быть, онъ не можетъ быть доказанъ никакими болѣе сильными аргументами, чѣмъ тѣ, которыми нѣкогда пророки обыкновенно убѣждали народъ въ своемъ авторитетѣ; даже наша увѣренность относительно его не можетъ быть обоснована ни на какомъ другомъ основаніи кромѣ того, на которомъ про-
30. роки обосновывали свою увѣренность и авторитетъ. Ибо мы показали, что вся увѣренность пророковъ заключается въ слѣдующихъ трехъ вещахъ, именно: I), въ отчетливомъ и живомъ воображеніи; II), въ знаменіи; III), наконецъ, и главнымъ образомъ, въ духѣ склонномъ къ справедливости и добру; и ни на какія другія основанія они не опирались; стало быть, ни народу, съ которымъ они нѣкогда говорили посредствомъ живого слова, ни намъ, съ которыми говорятъ письменно, никакими другими основаніями они не
31. могли доказать своего авторитета. Но первое, именно что вещи живо воображались, могло быть ясно только пророкамъ, поэтому вся наша увѣренность относительно Откровенія можетъ и должна основываться только на остальныхъ двухъ, именно на знаменіи и ученіи. Этому же и Моисей
32. выразительно учитъ. Ибо во Второз., гл. 18, онъ повелѣваетъ народу повиноваться пророку, который именемъ Бога далъ истинное знаменіе [2]), но если онъ ложно предсказалъ бы что-нибудь, хотя бы и именемъ Бога, осуждать его однако на смерть наравнѣ съ тѣмъ, кто захотѣлъ

[1]) См. гл. 2, § 4 и сл.

[2]) Втор. гл. 18, ст. 20 и сл.

бы совратить народъ отъ истинной религіи, хотя бы онъ и подтверждалъ свой авторитетъ знаменіями и чудесами (объ этомъ смотри Второз. гл. 13). Отсюда слѣдуетъ, что истин- 33.
ный пророкъ распознается отъ ложнаго по совмѣщенію ученія съ чудомъ; Моисей вѣдь объявляетъ такового пророка истиннымъ и повелѣваетъ вѣрить ему безъ всякаго страха быть обманутымъ, и говоритъ, что тѣ пророки ложны и повинны смерти, которые ложно, хотя бы и именемъ Бога, предсказали бы что-нибудь, или которые учили вѣрить въ ложныхъ боговъ, хотя и истинныя чудеса сотворили бы. Поэтому и мы только по этой причинѣ обязаны 34.
вѣрить Писанію, то есть самимъ пророкамъ, именно ради ученія подтвержденнаго знаменіями. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ мы видимъ, что пророки больше всего рекомендуютъ любовь и справедливость и ни къ чему другому не стремятся, то отсюда заключаемъ, что они не съ коварной цѣлью, но отъ чистаго сердца учили, что люди дѣлаются счастливыми вслѣдствіе послушанія и вѣры; и такъ какъ они сверхъ того подтверждали это знаменіями, то отсюда мы убѣждаемся, что они говорили это не легкомысленно и не безумствовали въ то время какъ пророчествовали; въ 35.
этомъ мы еще болѣе укрѣпляемся, когда обращаемъ вниманіе на то, что они не преподали ни одного моральнаго правила, которое полнѣйшимъ образомъ не согласовалось бы съ разумомъ; ибо не пустая болтовня то, что слово Божіе, говорившее въ пророкахъ, вполнѣ согласуется съ самимъ словомъ Божіимъ, говорящимъ въ насъ. Въ этомъ, говорю, мы такъ же увѣряемся изъ Библіи, какъ нѣкогда іудеи заключали о томъ же самомъ на основаніи живой проповѣди пророковъ. Ибо выше въ концѣ гл. 12 мы пока- 36.

зали [1]), что Писаніе въ отношеніи ученія и главныхъ историческихъ фактовъ дошло до нашихъ рукъ неповрежденнымъ. Посему мы это основаніе всего богословія и Писанія, хотя оно и не можетъ быть показано посредствомъ математическаго доказательства, принимаемъ однако по здра-
37. вомъ разсужденіи. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь невѣжественно— не желать принимать то, что подтверждено столькими свидѣтельствами пророковъ, и изъ чего происходитъ великое утѣшеніе для тѣхъ, которые не такъ богаты разумомъ, и слѣдуетъ значительная польза для государства, и чему безусловно мы можемъ вѣрить не подвергаясь опасности или вреду, и притомъ не желать только по той причинѣ, что это не можетъ быть доказано математически. Но развѣ для мудраго устроенія жизни мы не принимаемъ за истину ничего такого, что при какомъ-либо поводѣ сомнѣваться можетъ быть подвергнуто сомнѣнію? или развѣ большинство нашихъ дѣйствій не достаточно невѣрны и не полны слу-
38. чайностей? Конечно я признаю, что тѣ, которые думаютъ, будто философія и теологія взаимно противорѣчатъ себѣ, и на этомъ основаніи считаютъ, что одна изъ двухъ должна быть изгнана изъ своего царства и съ той или другой должно распроститься, тѣ не безъ основанія стараются дать богословію прочныя основанія и пытаются доказать его математически. Кто вѣдь, если онъ не впалъ въ отчаяніе и не сумасшедшій, захочетъ легкомысленно разстаться съ разумомъ или презирать искусства и науки и отрицать
39. достовѣрность разума? И все-таки мы абсолютно не можемъ извинить ихъ, такъ какъ они желаютъ призвать на помощь разумъ для того, чтобы изгнать его и стараются пред-

[1]) См. гл. 12, § 33 и сл.

ставить его посредствомъ извѣстныхъ доводовъ недостовѣрнымъ. Даже болѣе, стараясь показать математическими доказательствами истину и авторитетъ богословія и отнять авторитетъ у разума и Естественнаго Свѣта, они дѣлаютъ не что иное, какъ увлекаютъ само богословіе подъ власть разума и ясно, кажется, предполагаютъ, что авторитетъ богословія не имѣетъ никакого блеска, если онъ не освѣщается Естественнымъ Свѣтомъ разума. И если, напро- 40.
тивъ, они хвалятся, что они всячески успокаиваются на внутреннемъ свидѣтельствѣ Святого Духа и призываютъ разумъ на помощь не по какой иной причинѣ, какъ только ради невѣрныхъ, именно чтобы ихъ убѣдить, все-таки нисколько не должно давать вѣры ихъ словамъ, ибо теперь мы легко можемъ показать, что они говорятъ это или изъ пристрастности или изъ тщеславія. Вѣдь изъ предыду- 41.
щей главы весьма ясно слѣдуетъ [1]), что Святой Духъ даетъ свидѣтельство только о добрыхъ дѣлахъ, которыя и Павелъ въ Посл. къ Галат. гл. 5, ст. 22 называетъ поэтому плодами Святого Духа, да и самъ Духъ Святой въ дѣйствительности есть не что иное какъ успокоеніе духа, которое возникаетъ въ душѣ вслѣдствіе добрыхъ поступковъ.
Объ истинѣ же и достовѣрности вещей, которыя состав- 42.
ляютъ предметъ спекулятивнаго мышленія, никакой духъ кромѣ разума не даетъ свидѣтельства; онъ одинъ, какъ мы уже показали [2]), подчинилъ себѣ царство истины. Если слѣдовательно они утверждаютъ, что кромѣ разума у нихъ есть другой духъ, который дѣлаетъ ихъ увѣренными въ истинѣ, то они ложно похваляются, и говорятъ это только

---

[1]) См. гл. 14, § 17.
[2]) См. гл. 14, § 38 и гл. 15, § 21.

вслѣдствіе предразсудка страстей или прибѣгаютъ къ святынѣ только отъ великаго страха быть побѣжденными со стороны философовъ и публично подвергнуться осмѣянію. Но напрасно: ибо какой алтарь можетъ приготовить
43. себѣ тотъ, кто оскорбляетъ величіе разума? Но я оставляю ихъ, такъ какъ думаю, что я достаточно сдѣлалъ для своего дѣла, показавъ, какимъ образомъ философія должна быть отдѣлена отъ теологіи, и въ чемъ та и другая главнымъ образомъ состоитъ, и что ни та, ни другая другъ другу не прислужничаетъ, но что каждая владѣетъ своимъ царствомъ безъ всякаго сопротивленія со стороны другой; и наконецъ, гдѣ представлялся случай, я показывалъ также нелѣпость, неудобство и вредъ, вытекающіе изъ того, что люди удивительнымъ образомъ смѣшивали эти двѣ силы между собою и не умѣли тщательно различать ихъ и
44. отдѣлять одну отъ другой. Теперь, прежде чѣмъ переходить къ другому вопросу, я хочу здѣсь выразительно напомнить * [хотя объ этомъ уже было сказано] [1] относительно пользы и необходимости Священнаго Писанія или Откровенія, что я считаю ее весьма великой. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ мы при помощи Естественнаго Свѣта не можемъ понять, что простое повиновеніе есть путь къ спасенію **, но только Откровеніе учитъ, что это дѣлается вслѣдствіе особенной милости Божіей, которую разумомъ постичь мы не можемъ, то отсюда слѣдуетъ, что Писаніе при-
45. несло смертнымъ очень большое утѣшеніе. Дѣйствительно, повиноваться могутъ безусловно всѣ, а людей, которые

---

* См. Примѣч. XXX.

[1]) См. особливо § 27, 34, 37.

** См. Примѣч. XXXI.

пріобрѣтаютъ навыкъ къ добродѣтели только подъ руководствомъ разума, встрѣчается весьма немного сравнительно со всѣмъ человѣческимъ родомъ, и стало быть, мы могли бы сомнѣваться въ спасеніи почти всѣхъ людей, если бы у насъ не было этого свидѣтельства Писанія.

Глава XVI.

Объ основахъ государства, о естественномъ и гражданскомъ правѣ каждаго, и о правѣ верховной власти.

1. До сихъ поръ мы старались отдѣлить философію отъ богословія и показать свободу философствованія, которую оно допускаетъ каждому. Поэтому пора изслѣдовать, докуда простирается въ наилучшемъ государствѣ эта свобода мыслить и говорить то, что каждый мыслитъ. Чтобы по порядку разсмотрѣть это, должно подвергнуть обсужденію основы государства и, первѣе, естественное право каждаго, не обращая пока вниманія на государство и религію.

2. Подъ *правомъ* и *установленіемъ природы* я разумѣю не что иное, какъ правила природы каждаго индивидуума, сообразно съ которыми мы мыслимъ каждаго естественно опредѣленнымъ къ существованію и дѣятельности извѣстнымъ образомъ. Напримѣръ, рыбы опредѣлены природою къ плаванію, большія къ пожиранію меньшихъ; стало быть, рыбы по высшему естественному праву владѣютъ водою и
3. большія пожираютъ меньшихъ. Ибо извѣстно, что природа, разсматриваемая абсолютно, имѣетъ верховное право на

все, что она можетъ, т. е., право природы простирается
такъ далеко, какъ далеко простирается ея мощь. Вѣдь мощь
природы есть сама мощь Бога, который имѣетъ верховное
право на все. Но такъ какъ всеобщая мощь всей природы 4.
есть не что иное, какъ мощь всѣхъ индивидуумовъ заразъ,
то отсюда слѣдуетъ, что каждый индивидуумъ имѣетъ вер-
ховное право на все, что онъ можетъ, или что право каж-
даго простирается такъ далеко, какъ далеко простирает-
ся опредѣленная ему мощь. И такъ какъ высшій за-
конъ природы состоитъ въ томъ, чтобы каждая вещь
стремилась, сколько въ ней есть силы, пребыть въ
своемъ состояніи, и при томъ не обращая никакого вни-
манія на что-либо другое, но только на себя, то отсюда
слѣдуетъ, что каждый индивидуумъ имѣетъ верховное право
на это, то есть (какъ я сказалъ) на то, чтобы существо-
вать и дѣйствовать, смотря по тому какъ онъ естественно
былъ опредѣленъ. И здѣсь мы не признаемъ никакого раз- 5.
личія между людьми и остальными индивидуумами природы,
а также между людьми одаренными разумомъ и тѣми, ко-
торые истиннаго разума не знаютъ, а также между глу-
пыми, безумными и здоровыми. Вѣдь все, что каждая вещь
дѣлаетъ по законамъ своей природы, она дѣлаетъ то по
верховному праву, именно потому, что она дѣлаетъ такъ,
какъ опредѣлено отъ природы и иначе не можетъ. Поэтому 6.
между людьми, пока они разсматриваются живущими подъ
господствомъ одной природы, какъ тотъ, кто разума еще
не знаетъ, или кто навыка въ добродѣтели еще не имѣетъ,
живетъ въ силу верховнаго права только по законамъ же-
ланія, такъ и тотъ, кто направляетъ свою жизнь по зако-
намъ разума. То есть, какъ мудрецъ имѣетъ верховное
право на все, что предписываетъ разумъ, или на жизнь по
законамъ разума, такъ и невѣжда и слабоумный имѣетъ

верховное право на все, что ему подсказываетъ желаніе, или на жизнь по законамъ желанія. И это то же самое, чему учитъ Павелъ, который до закона, то есть пока люди разсматриваются живущими подъ господствомъ природы, не признаетъ никакого грѣха [1]).

7. Итакъ *естественное право каждаго человѣка* опредѣляется не здравымъ разсудкомъ, но желаніемъ и мощью. Вѣдь не всѣ отъ природы опредѣлены къ дѣятельности по правиламъ и законамъ разума, но, наоборотъ, всѣ родятся ничего не знающими, и большая часть жизни проходитъ прежде, чѣмъ они могутъ узнать истинный образъ жизни и пріобрѣсти навыкъ въ добродѣтели, хотя бы они и были хорошо воспитаны; а тѣмъ не менѣе въ то же время они обязаны жить и сохранять себя, насколько въ нихъ есть силы, именно руководясь только импульсомъ желанія, такъ какъ природа имъ ничего другого не дала и отказала въ дѣйствительной возможности жить сообразно съ здравымъ разсудкомъ; и потому они обязаны жить по законамъ здраваго разсудка не болѣе, чѣмъ кошка по законамъ львиной
8. природы. Такимъ образомъ все, что только каждый, разсматриваемый подъ однимъ господствомъ природы, считаетъ для себя по указанію ли здраваго разсудка или въ порывѣ страстей полезнымъ, ему по верховному праву природы позволительно присвоивать и захватывать какимъ бы то ни было способомъ, силою ли, или хитростію, или просьбами, или наконецъ какъ только легче можно будетъ; а слѣдовательно и считать врагомъ того, кто хочетъ препятствовать выполненію его намѣренія [2]).

---

[1]) См. Посл. къ Римл. гл. 7, ст. 7 и слѣд.

[2]) Сравн. съ тѣмъ, что сказалъ Спиноза о томъ же предметѣ въ 2 главѣ «Политическаго Трактата».

Изъ этого слѣдуетъ, что *право и установленіе природы*, 9.
подъ которымъ всѣ рождаются и по большей части живутъ, запрещаетъ только то, чего никто не желаетъ и чего никто не можетъ; что оно не отвращается ни отъ распрей, ни отъ ненависти, ни отъ гнѣва, ни отъ хитрости, ни абсолютно отъ чего-либо, что желаніе подсказываетъ. И не уди- 10.
вительно, ибо природа ограничивается не законами человѣческаго разума, имѣющими въ виду только истинную пользу и сохраненіе людей, но иными безконечными, имѣющими въ виду вѣчный порядокъ всей природы, частичку которой составляетъ человѣкъ; только вслѣдствіе ея необходимости всѣ индивидуумы извѣстнымъ образомъ опредѣляются къ существованію и дѣятельности. Слѣдовательно 11.
все, что намъ въ природѣ кажется смѣшнымъ, нелѣпымъ или дурнымъ, все это происходитъ отъ того, что мы знаемъ вещи только отчасти и въ большинствѣ случаевъ не знаемъ порядка и связи всей природы, и что мы хотимъ управлять всѣмъ по привычкамъ нашего разума; между тѣмъ однако то, что разумъ признаетъ дурнымъ, дурно не въ отношеніи порядка и законовъ цѣлой природы, но только въ отношеніи законовъ одной нашей природы.

Но конечно никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, 12.
насколько полезнѣе для людей жить по законамъ и извѣстнымъ указаніямъ нашего разума, которые, какъ мы сказали, имѣютъ въ виду только истинную пользу людей. Кромѣ того нѣтъ никого, кто не желалъ бы жить въ безопасности, внѣ страха, насколько это возможно; это однако никоимъ образомъ не можетъ случиться, пока каждому позволительно дѣлать все по произволу, и разуму предоставляютъ право не больше, чѣмъ ненависти и гнѣву. Ибо нѣтъ ни- 13.
кого, кто не чувствовалъ бы себя тоскливо, живя среди

вражды, ненависти, гнѣва и хитрости, и кто не старался бы избѣгать ихъ, насколько въ немъ есть силы; но если мы сообразимъ также, что люди безъ взаимной помощи необходимо живутъ весьма жалко и не изощряя разума, какъ въ 5 гл. мы показали [1]), то весьма ясно увидимъ, что люди, для того чтобы жить въ безопасности и наилучшимъ образомъ, необходимо должны были войти въ соглашеніе, и потому сдѣлали такъ, что они коллективно обладаютъ правомъ, которое каждый отъ природы на все имѣлъ, и что оно больше не опредѣляется на основаніи силы и желанія каждаго, но на основаніи мощи и воли всѣхъ вмѣстѣ.

14. Однако они напрасно продѣлали бы это, если бы они хотѣли слѣдовать только тому, что подсказываетъ желаніе (вѣдь по законамъ желанія каждый влечется различно); стало быть, они должны были весьма твердо постановить и договориться направлять все только по указанію разума (которому никто не смѣетъ открыто противорѣчить, чтобы не показаться безумнымъ) и обуздывать желаніе, поскольку оно совѣтуетъ что-нибудь во вредъ другому, и никому не дѣлать того, чего онъ не желаетъ, чтобы сдѣлалось съ

15. нимъ и, наконецъ, защищать право другого какъ свое. Теперь здѣсь слѣдуетъ посмотрѣть, какимъ же образомъ долженъ быть совершенъ этотъ договоръ, чтобы быть основательнымъ, прочнымъ. Ибо всеобщій законъ человѣческой природы таковъ, что никто не пренебрегаетъ чѣмъ-либо, что онъ считаетъ за благо, кромѣ какъ въ надеждѣ на большее благо или изъ страха предъ большимъ вредомъ, и не переноситъ какого-либо зла, кромѣ какъ во избѣжаніе бо̀льшаго или въ надеждѣ на большее благо. То есть, каж-

[1]) См. гл. 5, § 18—25.

дый изберетъ изъ двухъ благъ то, которое самъ онъ считаетъ бо̀льшимъ, и изъ двухъ золъ то, которое кажется ему меньшимъ. Говорю подчеркивая, которое *кажется* ему при выборѣ бо́льшимъ или меньшимъ, а не то, чтобы вещь необходимо была такою, какъ онъ самъ объ ней судитъ. И этотъ законъ столь прочно начертанъ въ человѣческой 16.
природѣ, что онъ долженъ считаться въ числѣ вѣчныхъ истинъ, не знать которыхъ никто не можетъ. А изъ этого необходимо слѣдуетъ, что никто безъ коварства *) не будетъ обѣщать поступиться правомъ, которое онъ имѣетъ на все, и что абсолютно никто не исполнитъ обѣщаній по́мимо страха предъ бо́льшимъ зломъ или надежды на большее благо. Чтобы лучше понять это, положимъ, 17.
что разбойникъ принуждаетъ меня обѣщать ему, что я отдамъ ему свое добро, когда онъ желаетъ. Теперь, такъ какъ мое естественное право, какъ я уже показалъ, опредѣляется только моею мощью, то несомнѣнно, что, если я могу освободиться отъ этого разбойника хитростію, обѣщая ему все, что онъ хочетъ, мнѣ по праву природы позволительно сдѣлать это, именно коварно согласиться на все,
чего онъ хочетъ. Или положимъ, что я обѣщалъ кому-ни- 18.
будь безъ обмана, что въ продолженіе двадцати дней не буду вкушать ни пищи, ни какой-либо снѣди, а впослѣдствіи увидѣлъ, что я глупо обѣщалъ, и что безъ величайшаго вреда я не могу выполнить обѣщаніе; такъ какъ по естественному праву изъ двухъ золъ я обязанъ выбрать меньшее, то я, слѣдовательно, съ величайшимъ правомъ могу нарушить вѣрность такому договору и счесть сказанное за неговоренное. И это, говорю, по естественному 19.

*) См. Примѣч. XXXII.

праву позволительно, вижу ли я оплошность обѣщанія, имѣя истинное и извѣстное основаніе, или мнѣ отъ воображенія кажется, что я вижу; вѣдь вѣрно ли, ошибочно ли я смотрю на это, я буду бояться величайшаго зла, стало быть, буду стараться на основаніи установленія природы
20. избѣгать его всякимъ образомъ. Изъ этого мы заключаемъ, что всякій договоръ можетъ имѣть силу только по отношенію къ пользѣ, по устраненіи которой договоръ сразу прекращается и остается недѣйствительнымъ; и что поэтому глупо требуетъ кто-нибудь себѣ отъ другого вѣрности на вѣкъ, если въ то же время онъ не старается сдѣлать такъ, чтобы отъ нарушенія заключаемаго договора не послѣдовало для нарушителя болѣе вреда, нежели пользы; это конечно больше всего должно имѣть мѣсто при установле-
21. ніи государства. Но если бы всѣ люди легко могли руководиться только указаніемъ разума и знать наивысшую пользу и необходимость государства, то не было бы ни одного человѣка, который не гнушался бы вполнѣ обмановъ, но всѣ изъ желанія этого высшаго блага, именно сохраненія государства, съ величайшей вѣрностью всячески стояли бы за договоры, а вѣрность—высшій оплотъ государства—
22. сохраняли бы выше всего. Но далеко до того, чтобы всѣ легко могли всегда руководиться указаніями только разума: ибо каждаго влечетъ его желаніе и весьма часто скупость, слава, зависть, гнѣвъ и проч. такъ владѣютъ душой, что
23. разуму не оставляется никакого мѣста. Поэтому, хотя люди съ извѣстными признаками сердечной искренности обѣщаютъ и договариваются сохранять вѣрность, однако никто не можетъ быть увѣренъ въ вѣрности другого, если къ обѣщанію не присоединяется что-нибудь иное, потому что каждый можетъ по естественному праву дѣйствовать

съ хитростію и не обязанъ исполнять договоры, если не надѣется на большее благо или не страшится большаго зла. Но такъ какъ мы показали [1]), что естественное право 24.
опредѣляется только мощью каждаго, то слѣдуетъ, что сколько каждый переноситъ на другого мощи, которую онъ имѣетъ, по принужденію ли, или добровольно, столько онъ и изъ своего права необходимо уступаетъ другому, и что верховное право надъ всѣми имѣетъ тотъ, кто имѣетъ высшее могущество, благодаря которому онъ можетъ всѣхъ принуждать силою и удерживать страхомъ высшаго наказанія, котораго всѣ вообще боятся. Это право конечно онъ удержитъ только до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ сохранять эту мощь исполнять все, чего онъ желаетъ; въ противномъ случаѣ онъ будетъ господствовать изъ милости, и никто болѣе сильный не будетъ обязанъ ему повиноваться, если не желаетъ.

Итакъ этимъ способомъ общество можетъ быть обра- 25.
зовано безъ всякаго противорѣчія съ естественнымъ правомъ, а всякій договоръ можетъ быть сохраняемъ всегда съ величайшею вѣрностью [2]), если конечно каждый перенесетъ на общество всю мощь, какую онъ имѣетъ; оно, стало быть, одно будетъ имѣть высшее право природы на все, т. е. высшее господство, которому каждый будетъ обязанъ повиноваться или добровольно или подъ страхомъ высшаго наказанія. Но право такого общества называется 26.
демократіею, которая поэтому опредѣляется какъ всеобщее собраніе людей, сообща имѣющее верховное право на все, что оно можетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что верховная власть

---

[1]) См. § 4 и сл. этой главы.
[2]) Сравн. съ гл. 3 «Полит. Тракт.» Спинозы.

не связывается никакимъ закономъ, но всѣ должны ей во всемъ повиноваться; вѣдь всѣ должны были молчаливо или выразительно договариваться въ этомъ, когда переносили на нее всю свою мощь самозащиты, то есть все свое право.

27. Конечно, если они хотѣли сохранить себѣ какое-нибудь право, то должны были въ то же время позаботиться и о томъ, чѣмъ бы можно было безнаказанно защищать его; но такъ какъ они этого не сдѣлали и не могли сдѣлать безъ раздѣленія, слѣдовательно и безъ разрушенія государства, то тѣмъ самымъ они безусловно подчинились волѣ верховной власти. Такъ какъ они это безусловно сдѣлали и притомъ—какъ въ силу необходимости, такъ и по совѣту самого разума, какъ мы уже показали [1]), то отсюда слѣдуетъ, что мы, если не желаемъ быть врагами государства и поступать противъ разума, совѣтующаго защищать государство всѣми силами, безусловно обязаны исполнять всѣ приказанія верховной власти, хотя бы она повелѣвала исполнить величайшую нелѣпость; вѣдь разумъ приказываетъ и таковую исполнить, чтобы изъ двухъ золъ избрать меньшее.

28. Прибавьте, что этой опасности, именно подчиниться абсолютно господству и произволу другого, каждый легко могъ подвергнуться, ибо, какъ мы показали, верховнымъ властямъ принадлежитъ это право приказывать все, чего они хотятъ, только до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно имѣютъ верховную власть; если же они потеряютъ ее, то они въ то же время теряютъ и право приказывать все, и оно достается тому или тѣмъ, кто его пріобрѣлъ и можетъ удер-

29. жать. Поэтому очень рѣдко можетъ случиться, чтобы верховная власть приказывала величайшую нелѣпость; для нея

---

[1]) См. § 12 и слѣд.

вѣдь чрезвычайно важно заботиться объ общемъ благѣ и все направлять по указанію разума, чтобы обезпечить себя и удержать господство: „*вѣдь насильственнаго господства*“, какъ говоритъ Сенека [1]), „*никто долго не выдерживалъ*“. Къ этому присоединяется то, что въ демократическомъ государствѣ менѣе должно бояться нелѣпостей. Ибо 30.
почти невозможно, чтобы большая часть одного собранія, если оно велико, сошлась на одной нелѣпости; а потомъ—и по причинѣ его основанія и цѣли, которая, какъ мы также показали, состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ избѣжаніи нелѣпостей желанія и удерживаніи людей, насколько возможно это сдѣлать, въ границахъ разума, дабы они жили согласно и миролюбиво. Если уничтожатъ это основаніе, тогда и все зданіе легко рушится. Слѣдовательно 31.
пещись объ этомъ надлежитъ только верховной власти; подданнымъ же, какъ мы сказали, надлежитъ исполнять ея приказанія и не признавать другого права кромѣ того, которое верховная власть объявляетъ за право. Но можетъ быть, 32.
кто нибудь подумаетъ, что мы такимъ образомъ превращаемъ подданныхъ въ рабовъ, потому что думаютъ, будто *рабъ* есть тотъ, кто дѣйствуетъ по приказанію, а *свободный* тотъ, кто съ своевольствомъ проявляетъ нравъ; это конечно абсолютно невѣрно, ибо въ дѣйствительности кто такимъ образомъ обуревается своей прихотью и не можетъ ни видѣть, ни сдѣлать ничего, что ему полезно, тотъ есть *рабъ* въ высшей степени, и только тотъ *свободенъ*, кто не кривя душой живетъ руководствуясь однимъ разумомъ. Но 33.
дѣйствіе по приказанію, т. е. повиновеніе, конечно, нѣкоторымъ образомъ уничтожаетъ свободу, но не оно тотчасъ

[1]) См. Сенек. «Троянки» акт. II, ст. 258; сравн. гл. 5, § 22.

же дѣлаетъ рабомъ, а основаніе дѣйствія. Если цѣль дѣйствія есть польза не самого дѣйствующаго, но повелѣвающаго, тогда дѣйствующій есть *рабъ* и безполезенъ себѣ.
34. Но въ государствѣ и имперіи, гдѣ высшій законъ есть благо всего народа, а не повелителя, тотъ, кто во всемъ повинуется верховной власти, долженъ быть названъ не безполезнымъ для себя рабомъ, но *подданнымъ*, а потому то государство наиболѣе свободно, законы котораго основаны на здравомъ разсудкѣ; тамъ *) вѣдь каждый, когда
35. онъ хочетъ, можетъ быть *свободнымъ*, т. е. не кривя душой жить по указанію разума. Такъ же и дѣти, хотя они обязаны повиноваться всѣмъ приказаніямъ родителей, не суть однако рабы: ибо приказанія родителей больше всего касаются пользы дѣтей. Слѣдовательно мы признаемъ большое различіе между рабомъ, сыномъ и подданнымъ. Они поэтому опредѣляются такъ, именно: *рабъ* есть тотъ, кто обязанъ подчиняться приказанію господина, имѣющимъ въ виду пользу только повелѣвающаго; *сынъ* же—тотъ, кто дѣлаетъ то, что ему полезно, по приказанію родителя; наконецъ *подданный* тотъ, кто дѣлаетъ по приказанію верховной власти то, что полезно обществу, а слѣдовательно
36. и ему. И я думаю, что этимъ я довольно ясно показалъ основанія демократическаго государства; я предпочелъ говорить о немъ болѣе, чѣмъ о всѣхъ другихъ потому, что, казалось, оно наиболѣе естественно и наиболѣе приближается къ свободѣ, которую природа допускаетъ каждому, ибо въ немъ каждый переноситъ свое естественное право не на другого, такъ что у него потомъ нѣтъ никакого совѣщательнаго голоса, но на большую часть всего общества,

*) См. Примѣч. XXXIII.

единицу котораго онъ составляетъ. И на этомъ основаніи всѣ пребываютъ равными какъ прежде въ естественномъ состояніи. Потомъ я, рѣшивъ говорить о пользѣ свободы 37.
въ государствѣ, захотѣлъ говорить спеціально только объ этой формѣ правленія потому, что она больше всего содѣйствуетъ моему намѣренію. Слѣдовательно основанія остальныхъ формъ власти я разбирать не буду. И чтобы узнать ихъ право, намъ уже не нужно знать, откуда они получили происхожденіе и часто получаютъ; это вѣдь изъ сейчасъ показаннаго весьма достаточно видно. Ибо извѣстно, что 38.
верховное право приказывать все, что хочется, принадлежитъ тому, кто имѣетъ высшую мощь, будетъ ли это одно лицо, или нѣсколько или, наконецъ, всѣ, и кромѣ того извѣстно, что всякій, кто добровольно или по принужденію силы перенесъ на другого моготу самозащиты, тотъ совершенно поступился своимъ естественнымъ правомъ, и слѣдовательно рѣшилъ безусловно повиноваться ему во всемъ; поэтому онъ обязанъ все исполнять, пока царь или аристократы или народъ сохраняютъ пріобрѣтенную высшую мощь, которая была основаніемъ переноса права [1]). И больше прибавлять къ этому нѣтъ надобности.

Показавъ основанія и право государства, легко будетъ 39.
опредѣлить, что̀ въ гражданскомъ быту есть частное гражданское право, что̀—правонарушеніе, что̀—правосудіе и неправосудіе, далѣе, кто считается союзникомъ, кто врагомъ и что̀, наконецъ, преступленіемъ оскорбленія величества. Подъ *частнымъ гражданскимъ правомъ* мы можемъ разумѣть 40.
вѣдь нѐ что иное, какъ свободу каждаго сохранять себя

[1]) Подробнѣе объ этомъ Спиноза говорилъ въ «Полит. Трак.» гл. 6—10.

въ своемъ состояніи, опредѣляемую указами верховной власти и защищаемую только ея авторитетомъ. Ибо послѣ того, какъ каждый перенесъ на другого свое право жить по собственному благоизволенію, къ чему онъ былъ опредѣляемъ только своею могучестью, то есть перенесъ свою свободу и возможность защищать себя, онъ обязанъ уже жить только сообразно съ его рѣшеніемъ и защищать себя
41. только его средствами. *Правонарушеніе* бываетъ, когда гражданинъ или подданный принужденъ другимъ потерпѣть какой-нибудь вредъ вопреки гражданскому праву или указу верховной власти. Правонарушеніе вѣдь можетъ быть мыслимо только въ гражданскомъ быту, но никакого правонарушенія для подданныхъ не можетъ приключиться отъ верховной власти, для которой по праву все позволительно; слѣдовательно оно можетъ имѣть мѣсто только между частными лицами, которые обязаны правомъ не вредить другъ
42. другу. *Правосудіе* есть устойчивость души при воздаяніи каждому того, что ему слѣдуетъ на основаніи гражданскаго права; *неправосудіе* же есть отнятіе у кого-нибудь подъ видомъ права того, что ему слѣдуетъ на основаніи истиннаго толкованія законовъ. Они называются также равенствомъ и неравенствомъ, потому что тѣ, которые поставлены для разбора тяжбъ, обязаны отнюдь не взирать на лица, но считать всѣхъ равными и защищать право каждаго одинаково; богачу не завидовать и бѣдняка не презирать. *Союзники* суть люди двухъ странъ, которые съ цѣлью
43. не подвергаться опасности вслѣдствіе военной распри, или по причинѣ какой-либо иной выгоды договариваются между собою не вредить другъ-другу, но наоборотъ, помогать при настоятельной нуждѣ и при томъ такъ, чтобы каждый со-
44. хранялъ свое владычество. Этотъ договоръ до тѣхъ поръ

будетъ имѣть силу, пока будетъ существовать его основаніе, именно поводъ къ опасности или выгодѣ, такъ какъ никто не договаривается и не обязывается исполнять договоровъ, если не надѣется на какое-нибудь благо или не тревожится изъ-за какого нибудь зла. Если бы это основаніе уничтожилось, то договоръ самъ собою уничтожается; этому и опытъ учитъ болѣе чѣмъ достаточно. Ибо хотя 45.
разныя державы и договариваются между собою не вредить другъ другу, однако онѣ стараются, насколько могутъ, препятствовать одна другой сдѣлаться могущественнѣе и не даютъ вѣры словамъ, пока онѣ, договариваясь, не усмотрятъ достаточно ясно цѣли и пользы обѣихъ сторонъ. Иначе—они боятся обмана, и не безъ основанія: вѣдь кромѣ глупца, который не знаетъ права верховныхъ властей, кто успокоится на словахъ и обѣщаніяхъ того, кто обладаетъ верховной властью и правомъ дѣлать все, что угодно, и для кого благосостояніе и польза его государства должна быть высшимъ закономъ? И если кромѣ того мы обратимъ 46.
вниманіе на благочестіе и религію, то увидимъ вдобавокъ, что никто, власть имущій, не можетъ безъ преступленія исполнить обѣщаній во вредъ своей державѣ; вѣдь всякое обѣщаніе, которое на его взглядъ клонится ко вреду его державы, онъ можетъ исполнить только, нарушивъ данное подданнымъ слово, которое однако его въ высшей степени обязываетъ, и которое обыкновенно обѣщаютъ сохранять весьма свято. Далѣе, *врагъ* есть всякій, кто живетъ 47.
внѣ страны такъ, что не признаетъ власти страны ни какъ союзникъ, ни какъ подданный; вѣдь врага государству дѣлаетъ не ненависть, но право; и право страны надъ тѣмъ, кто ни по какому роду договора не признаетъ ея власти, есть то же самое, какъ и надъ тѣмъ, кто причинилъ вредъ;

поэтому она можетъ принуждать его по праву или къ подданству, или къ союзу всякимъ способомъ, какимъ она бу-
48. детъ въ состояніи. Наконецъ, *преступленіе въ оскорбленіи величества* имѣетъ мѣсто только въ средѣ подданныхъ или гражданъ, которые въ силу молчаливаго или выраженнаго обязательства все свое право перенесли на государство, и говорится, что такое преступленіе свершилъ тотъ подданный, который пытался какимъ либо способомъ завладѣть
49. правомъ верховной власти или передать его другому. Говорю: пытался, потому что если бы признавать виновными слѣдовало только послѣ совершенія факта, то послѣ присвоенія права или передачи его другому государство въ большинствѣ случаевъ поздно старалось бы объ этомъ. Затѣмъ говорю безусловно кто какимъ-либо способомъ пытается завладѣть правомъ верховной власти, именно не признавая никакого различія въ томъ, что вредъ ли, прибытокъ ли для всего государства послѣдовалъ отъ того
50. самымъ очевиднымъ образомъ. Вѣдь на какомъ бы основаніи онъ ни старался объ этомъ, онъ оскорбляетъ величество и по праву осуждается. Это, по крайней мѣрѣ, на войнѣ по признанію всѣхъ дѣлается съ полнѣйшимъ правомъ; именно, если кто не сохраняетъ своего поста, но безъ вѣдома полководца наступаетъ на врага, то хотя бы онъ предпринялъ дѣло и съ добрымъ намѣреніемъ, но самостоятельно, и побѣдилъ бы врага, онъ однако осуждается по праву на смерть, потому что попралъ клятву и право полководца. Впрочемъ не всѣ одинаково ясно видятъ, что безусловно всѣ граждане всегда связаны этимъ правомъ; основаніе однако совершенно то же самое. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ государство должно быть сохраняемо и управляемо только по рѣшенію верховной власти, и безусловно

было договорено, что это право принадлежитъ только ей, то, слѣдовательно, если кто по своей только волѣ и безъ вѣдома верховнаго совѣта предпринялъ выполнить какое-нибудь общественное дѣло, то хотя бы отъ этого и воспослѣдовала несомнѣнно прибыль для государства, какъ мы сказали, онъ однако попралъ право верховной власти и оскорбилъ величество и по праву достойно наказуется. 52.

Теперь, чтобы устранить всякое недоразумѣніе, остается отвѣтить на вопросъ: не явно ли противорѣчитъ божественному откровенному праву то, что мы выше утверждали [1]), именно что каждый, кто не пользуется разумомъ, живетъ въ естественномъ состояніи по законамъ желанія въ силу высшаго права природы? Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ по божественной заповѣди безусловно всѣ (пользуются ли разумомъ или нѣтъ) одинаково обязаны любить ближняго какъ самого себя, то мы слѣдовательно не можемъ, не нарушая права, нанести вредъ другому и жить только по законамъ желанія. Но мы легко можемъ отвѣ- 53.
тить на это возраженіе, если только мы вникнемъ въ естественное состояніе, ибо оно и по природѣ и по времени предшествуетъ религіи. Вѣдь никто *) отъ природы не знаетъ, что онъ обязанъ къ какому-либо повиновенію предъ Богомъ и даже посредствомъ какого-либо разума не можетъ притти къ этому, но каждый можетъ узнать это только вслѣдствіе Откровенія, подтвержденнаго знаменіями. Поэтому до Откровенія никто не обязывается божествен- 54.
нымъ правомъ, котораго онъ не можетъ знать. И потому естественное состояніе не должно смѣшивать съ состоя-

---

[1]) См. § 6 и сл. этой главы.
*) См. Примѣч. XXXIV.

ніемъ въ религіи, но о немъ нужно мыслить, какъ о состояніи безъ религіи и закона, а слѣдовательно и безъ грѣха и несправедливости, какъ уже мы сдѣлали и под-
55. твердили авторитетомъ Павла [1]). И не только по отношенію къ незнанію естественное состояніе мыслится нами какъ существующее до откровеннаго божественнаго права и безъ него, но и по отношенію къ свободѣ, въ которой всѣ родятся. Вѣдь если бы люди отъ природы были обязаны божественнымъ правомъ, или если бы божественное право было правомъ природнымъ, то излишне было заключать Богу договоръ съ людьми и связать ихъ обязательствомъ
56. и клятвой. Поэтому безусловно слѣдуетъ допустить, что божественное право началось съ того времени, съ котораго люди выраженнымъ обязательствомъ обѣщали Богу повиноваться во всемъ; этимъ они какъ бы отказались отъ своей естественной свободы и свое право перенесли на Бога, подобно тому, какъ дѣлается въ гражданскомъ быту, какъ мы говорили [2]). Но объ этомъ я дальше буду разсу-
57. ждать подробнѣе. Но можно еще возразить, что верховныя власти обязываются этимъ божественнымъ правомъ наравнѣ съ подданными, а между тѣмъ мы сказали, что онѣ удерживаютъ и естественное право, и что имъ по праву все позволительно. Поэтому для полнаго устраненія этого затрудненія, возникающаго не столько относительно естественнаго состоянія, сколько относительно естественнаго права, я говорю, что въ естественномъ состояніи каждый обязывается жить, руководясь откровеннымъ правомъ на такомъ же основаніи, на какомъ онъ обязывается жить

---

[1]) См. § 6.
[2]) См. § 24.

по указанію здраваго разсудка, именно потому, что это ему
полезнѣе и необходимо для спасенія; если бы онъ не захо-
тѣлъ этого, то ему грозитъ опасность. И стало быть, онъ 58.
обязанъ жить только по собственному рѣшенію, а не по
рѣшенію другого, и не обязанъ признавать какого-либо
смертнаго ни за судью, ни за карателя по праву религіи.
И я утверждаю, что верховная власть сохранила это право;
она, конечно, можетъ спрашивать совѣта у людей, но никого
не обязана признавать судьею, и никакого смертнаго кромѣ
себя карателемъ за чье-либо право, исключая пророка, ко-
торый выразительно будетъ посланъ Богомъ и который
покажетъ это несомнѣнными знаменіями. Но и тогда даже 59.
она принуждена признать судьею не человѣка, но самого
Бога. Если же верховная власть не пожелала бы повино-
ваться Богу въ его откровенномъ правѣ, то ей отъ этого
грозитъ опасность и вредъ даже при отсутствіи противо-
рѣчія съ какимъ либо гражданскимъ или естественнымъ
правомъ. Гражданское право зависитъ вѣдь только отъ
ея рѣшенія; естественное же право зависитъ отъ законовъ 60.
природы, которые приспособлены не къ религіи, имѣющей
въ виду только человѣческую пользу, но къ всеобщему
порядку природы, то есть къ вѣчному рѣшенію Бога, намъ
неизвѣстному. И это, повидимому, нѣсколько смутно пони-
мали нѣкоторые авторы, именно тѣ, которые утверждаютъ,
что человѣкъ можетъ грѣшить конечно противъ откро-
венной воли Бога, но не противъ его вѣчнаго рѣшенія, ко-
торымъ Онъ все предопредѣлилъ. Если же теперь кто спро- 61.
силъ бы: что, если бы верховная власть повелѣла дѣлать
что-нибудь противъ религіи и повиновенія, которое мы
обѣщали Богу въ нарочитомъ обязательствѣ? божествен-
ному или человѣческому повелѣнію должно повиноваться?

Но такъ какъ объ этомъ дальше я буду говорить подробнѣе, то здѣсь говорю только кратко: Богу должно повиноваться больше всего, когда имѣемъ извѣстное и несомнѣнное Откровеніе. Но такъ какъ относительно религіи люди обыкновенно больше всего заблуждаются, и смотря по различію духовныхъ дарованій выдумываютъ многое съ большимъ рвеніемъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ болѣе чѣмъ достаточно, то несомнѣнно, что если бы на основаніи права никто не обязывался повиноваться верховной власти въ томъ, что по его мнѣнію относится къ религіи, тогда и право страны зависѣло бы отъ различнаго сужденія и настроенія духа каждаго. Ибо тѣмъ правомъ никто не обязывался бы, если бы кто считалъ, что оно установлено противно его вѣрѣ и суевѣрію, и слѣдовательно каждый могъ бы подъ этимъ предлогомъ осмѣлиться на все.

62. 63.

И такъ какъ право страны такимъ образомъ вполнѣ нарушается, то отсюда слѣдуетъ, что верховной власти, на которой одной лежитъ какъ по божественному, такъ и по естественному праву обязанность сохранять и оберегать права государства, принадлежитъ верховное право постановлять относительно религіи все, что бы она ни заблагоразсудила, и что всѣ согласно данному ей обѣщанію, которое Богъ повелѣваетъ всячески сохранять, обязаны повиноваться ея рѣшеніямъ и приказамъ относительно религіи. Если же тѣ, которые обладаютъ верховною властью, суть язычники, то съ ними или не слѣдуетъ ни о чемъ договариваться, но лучше рѣшиться претерпѣть крайности, нежели передать имъ свое право; или, если бы заключили договоръ и перенесли на нихъ свое право, то, лишившись чрезъ это права защищать себя и религію, они обязаны повиноваться имъ и сохранять вѣрность или могутъ при-

64.

нуждаться къ этому, исключая того, кому Богъ въ извѣстномъ откровеніи обѣщалъ бы особенную помощь противъ тирана или кого именно захотѣлъ освободить.

Такъ мы видимъ, что изъ столькихъ іудеевъ, бывшихъ 65.
въ Вавилонѣ, только трое юношей, которые не сомнѣвались въ помощи Божіей, не захотѣли повиноваться Навуходоносору [1]); остальные же, исключая еще Даніила, котораго самъ царь весьма почиталъ, безъ сомнѣнія повиновались принужденные правомъ, думая, можетъ быть, въ душѣ, что они по рѣшенію Бога были отданы царю, и что царь обладаетъ верховной властью и сохраняетъ ее по божественному распоряженію. Напротивъ Елеазаръ, когда отечество 66.
еще кое-какъ держалось, желалъ дать примѣръ стойкости своимъ соотечественникамъ, чтобы они, слѣдуя ему, лучше претерпѣли все, нежели согласились перенести на грековъ свое право и власть, и все испробовали, дабы не быть принужденными клясться въ вѣрности язычникамъ [2]). Это
и ежедневнымъ опытомъ подтверждается. Вѣдь тѣ, которые 67.
владѣютъ христіанской державой, не колеблются заключать для большей ея безопасности союзъ съ турками и язычниками и приказывать своимъ подданнымъ, отправляющимся туда на жительство, не допускать при исполненіи какихънибудь людскихъ или божественныхъ церемоній большей свободы, нежели они выразительно договорились или та держава допускаетъ, какъ явствуетъ изъ договора голландцевъ съ японцами, о которомъ мы выше говорили [3]).

---

[1]) См. Даніила гл. 3.
[2]) См. 2 Маккав. гл. 6, ст 18 и сл.
[3]) См. гл. 5, § 34.

Глава XVII.

Показывается, что никто не можетъ передать всего верховной власти и что это не необходимо. О государствѣ евреевъ, каково оно было при жизни Моисея, каково послѣ его смерти до избранія царей и о его преимуществѣ; и наконецъ о причинахъ, почему теократія могла погибнуть и рѣдко могла существовать безъ раздоровъ.

Построеніе, изложенное въ предыдущей главѣ, о правѣ верховныхъ властей надъ всѣмъ и о естественномъ правѣ каждаго, перенесенномъ на нихъ, хотя не мало согласуется съ дѣйствительностью, и дѣйствительность такъ можетъ быть устроена, что она болѣе и болѣе приближается къ нему, однако никогда не случится того, чтобы оно во многомъ не осталось чисто теоретическимъ.

2. Ибо никто не будетъ въ состояніи когда-либо перенести на другого свою мощь, а слѣдовательно и свое право, такъ, чтобы онъ пересталъ быть человѣкомъ; и никогда не будетъ существовать какая-либо такая верховная власть, ко-

торая могла бы выполнить все такъ, какъ она хочетъ. Напрасно вѣдь она приказала бы подданному ненавидѣть того, кто его привязалъ къ себѣ благодѣяніемъ, любить того, кто причинилъ ему вредъ, не оскорбляться поруганіями, не желать освобожденія отъ страха, и весьма многое другое подобнаго рода, что изъ законовъ человѣческой природы необходимо слѣдуетъ. И я думаю, что и самый 3.
опытъ весьма ясно учитъ этому; ибо никогда люди не отказывались настолько отъ своего права и не передавали другому настолько своей мощи, чтобы ихъ не боялись тѣ самые, которые получили ихъ право и мощь, и чтобы правительство не болѣе подвергалось опасности отъ гражданъ, хотя и лишенныхъ своего права, чѣмъ отъ враговъ. И ко- 4.
нечно, если бы люди могли быть лишены своего естественнаго права такъ, что впредь они ничего не могли бы дѣлать *) безъ воли тѣхъ, кто завладѣлъ верховнымъ правомъ, тогда совершенно безнаказанно можно было бы царствовать надъ подданными самымъ жестокимъ образомъ; я думаю, что это никому и въ умъ не можетъ притти. Посему должно допустить, что каждый сохраняетъ при себѣ изъ своего права многое, что поэтому зависитъ только отъ его рѣшенія, но ни отъ чьего другого. Однако чтобы 5.
правильно понять, до какихъ предѣловъ простирается право и могущество правительства, должно замѣтить, что могущество правительства заключается собственно не въ томъ, что оно можетъ принуждать людей страхомъ, но абсолютно во всемъ, при помощи чего оно можетъ заставить людей слѣдовать его приказаніямъ; вѣдь не основаніе повиновенія, но повиновеніе дѣлаетъ подданнымъ. Ибо на какомъ 6.

*) См. Примѣч. XXXV.

бы основаніи человѣкъ ни рѣшилъ исполнять приказанія верховной власти—потому ли что онъ боится наказанія или потому что онъ ожидаетъ чего-нибудь отъ этого, или потому что любитъ отечество, или побуждаемый какимъ-либо инымъ аффектомъ,—онъ однако рѣшаетъ по своему собственному совѣту и тѣмъ не менѣе дѣйствуетъ по при-
7. казу верховной власти. Итакъ изъ того, что человѣкъ дѣлаетъ что-нибудь по собственному совѣту не слѣдуетъ тотчасъ же заключать, что онъ дѣлаетъ это по своей волѣ, а не по волѣ правительства; въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ человѣкъ и въ томъ случаѣ, когда его обязываетъ любовь, и въ томъ, когда онъ принуждается страхомъ избѣгать зла, всегда дѣйствуетъ по собственному совѣту и рѣшенію, то выходитъ, что или не было бы никакого правительства и никакого права надъ подданными, или это право необходимо простирается на все, чѣмъ можно заставить людей рѣшиться уступать правительству; и слѣдовательно подданный поступаетъ по волѣ правительства, а не по своей во всемъ, что онъ дѣлаетъ соотвѣтственно приказаніямъ верховной власти, будетъ ли онъ обязанъ къ тому любовью или принужденъ страхомъ, или (что конечно чаще) вслѣдствіе надежды и страха вмѣстѣ или вслѣдствіе почтенія, которое есть страсть, сложенная изъ страха и удивленія, или руководясь какимъ-бы то ни было
8. основаніемъ. Это устанавливается также весьма ясно изъ того, что повиновеніе имѣетъ въ виду не столько внѣшнее, сколько внутреннее дѣйствіе души; и стало быть, тотъ больше всего находится подъ господствомъ другого, кто рѣшаетъ повиноваться другому отъ искренняго сердца при всѣхъ его приказаніяхъ, и слѣдовательно тотъ больше всего удерживаетъ господство, кто царствуетъ надъ серд-

цами подданныхъ. Если бы наибольшее господство удерживали тѣ, кого больше всего боятся, тогда конечно имъ обладали бы подданные тирановъ, которыхъ ихъ тираны больше всего боятся. Затѣмъ, хотя надъ сердцами нельзя 9.
такъ господствовать, какъ надъ языками, однако сердца находятся въ нѣкоторомъ отношеніи подъ господствомъ верховной власти, которая многими способами можетъ сдѣлать, чтобы весьма большое число людей вѣрило всему, любило, ненавидѣло и проч. все, чего она желаетъ. Стало быть, хотя это и не дѣлается по непосредственному 10.
приказанію верховной власти, однако, какъ опытъ обильно свидѣтельствуетъ, это дѣлается часто благодаря авторитету ея мощи и ея управленію, то есть благодаря ея праву; поэтому мы безъ всякаго противорѣчія съ разумомъ можемъ мыслить людей, которые только сообразно съ правомъ правительства вѣрятъ, любятъ, ненавидятъ, презираютъ и вообще охватываются каждымъ аффектомъ.

Но хотя такимъ образомъ мы мыслимъ право и мо- 11.
гущесть правительственной власти довольно обширными, однако никогда не будетъ существовать настолько большой, чтобы тѣ, которые ею обладаютъ, простирали свою мощь абсолютно на все, что они хотятъ. Думаю, что я довольно ясно уже показалъ это. Какимъ же образомъ можетъ быть 12.
образована правительственная власть, чтобы она тѣмъ не менѣе безопасно всегда сохранялась, то я уже сказалъ, что въ мой планъ не входитъ показывать это [1]); однако чтобы достигнуть того, чего хочу, я отмѣчу то, чему на сей конецъ божественное Откровеніе научило нѣкогда Моисея, и потомъ разберемъ исторію и успѣхи евреевъ;

[1]) Срав. гл. 5 «Полит. Тракт.».

изъ этого мы наконецъ увидимъ, что̀ главнымъ образомъ должно быть уступлено со стороны верховныхъ властей подданнымъ для большей безопасности и усиленія государства.

13. Разумъ и опытъ весьма ясно учатъ, что сохраненіе государства зависитъ главнымъ образомъ отъ вѣрности подданныхъ и ихъ добродѣтели и душевнаго постоянства въ выполненіи приказаній. Но какимъ образомъ должно руководить подданными, чтобы они постоянно хранили вѣр-
14. ность и добродѣтель, это увидѣть не столь легко. Ибо всѣ, какъ управляющіе, такъ и управляемые, суть люди, то есть склонные при бездѣльѣ къ разгулу. А кто только узналъ измѣнчивый характеръ толпы, почти и не надѣется на это: потому что она управляется не разумомъ, но только страстями; она падка на все и весьма легко развращается или
15. алчностью или роскошью. Каждый въ одиночку думаетъ, что онъ все знаетъ, и хочетъ всѣмъ распоряжаться по своему усмотрѣнію и считаетъ что-нибудь справедливымъ или несправедливымъ, законнымъ и незаконнымъ постольку, поскольку оно, по его мнѣнію, клонится къ его выгодѣ или вреду; благодаря славѣ онъ презираетъ равныхъ и не терпитъ, чтобы они имъ управляли; завидуя лучшей похвалѣ или счастью, которое никогда не бываетъ равномѣрнымъ, онъ желаетъ зла другому и радуется этому злу. И
16. нѣтъ нужды перечислять все. Всѣ вѣдь знаютъ, какія преступленія часто внушаетъ людямъ отвращеніе къ настоящему положенію и желаніе новшествъ, какія—поспѣшный гнѣвъ, какія—презираемая нищета, и сколько они занимаютъ и волнуютъ ихъ души. Слѣдовательно предупредить все это и организовать правительство такъ, чтобы обману не оставалось никакого мѣста, и притомъ еще установить

все такъ, чтобы всѣ, какого бы характера они ни были, предпочитали общественное право частнымъ выгодамъ, это—работа, это—трудъ. Неотложность дѣла, правда, за- 17.
ставила измыслить многое; однако никогда не достигали того, чтобы государство подвергалось опасности отъ гражданъ менѣе, нежели отъ враговъ, и чтобы тѣ, которые правятъ имъ, боялись первыхъ менѣе, чѣмъ послѣднихъ. Свидѣтель—непобѣдимѣйшее для враговъ римское госу- 18.
дарство, столько разъ побѣжденное своими гражданами и подавленное всяческими бѣдствіями, особенно въ междоусобную войну Веспасіана съ Вителліемъ; смотри объ этомъ Тацита, въ началѣ 4 кн. Истор. [1]), гдѣ онъ рисуетъ весьма печальный видъ Рима. Александръ (какъ говоритъ Курцій 19.
въ концѣ 8 книги) цѣнилъ добрый отзывъ о себѣ врага меньше, чѣмъ отзывъ гражданина, такъ какъ онъ вѣрилъ, что его величіе можетъ быть разрушено его подданными и проч. [2]) И боясь за свою судьбу онъ проситъ друзей о слѣдующемъ: *„вы только сохраните меня невредимымъ отъ домашняго коварства и козней придворныхъ,—опасностямъ войны и сраженій я безтрепетно подвергнусь. Филиппъ въ строю былъ безопаснѣе, нежели въ театрѣ; отъ руки враговъ онъ часто избѣгалъ, отъ руки своихъ избѣжать не могъ. И если вы припомните кончину другихъ царей, то насчитаете загубленныхъ своими подданными больше, нежели непріятелями“* (см. К. Курція кн. 9, § 6). Итакъ по этой при- 20.
чинѣ цари, которые въ былое время узурпировали власть, старались, въ интересахъ своей безопасности именно, убѣдить, что они ведутъ свой родъ отъ безсмертныхъ боговъ.

[1]) См. Тац. Истор. кн. 1, гл. 1
[2]) См. Курц. кн. 8, гл. 14 въ концѣ.

Потому что они несомнѣнно думали, что если бы только подданные и всѣ взглянули на нихъ не какъ на равныхъ себѣ, но сочли бы ихъ за боговъ, то они охотно позволили бы имъ именно управлять собою, и легко предались бы
21. имъ. Такъ Августъ убѣдилъ римлянъ, что онъ ведетъ свое происхожденіе отъ Энея, котораго считали сыномъ Венеры и въ числѣ боговъ: *„онъ пожелалъ, чтобы его почитали храмами и изображеніемъ въ видѣ божества чрезъ*
22. *фламиновъ и жрецовъ“* [Тац. Лѣтоп. кн. 1] [1]. Александръ захотѣлъ, чтобы ему поклонялись какъ сыну Юпитера; правда, это онъ, кажется, сдѣлалъ съ умысломъ, а не изъ гордости, какъ указываетъ его отвѣтъ на упрекъ Ермолая: *„было почти достойно смѣха“*, сказалъ онъ, *„то, что Ермолай требовалъ отъ меня, чтобы я отвергъ Юпитера, оракулъ котораго меня признаетъ. Развѣ въ моей власти то, что боги отвѣчаютъ? Онъ преподнесъ мнѣ имя сына; принять* (замѣтьте хорошо) *на основаніи самыхъ дѣлъ, которыя мы совершаемъ, не было страннымъ. О еслибы и Индусы вѣрили, что я богъ! Молва вѣдь пособляетъ войнамъ, и часто то, что считалось ложнымъ, заступало мѣсто истины“* (Курц. 8 кн., § 8). Этими не многими словами онъ убѣждаетъ простаковъ въ явной выдумкѣ и въ то же время намекаетъ
23. на причину обмана. Это также и Клеонъ сдѣлалъ въ своей рѣчи, которою онъ старался убѣдить македонянъ согласиться съ царемъ; разсказывая съ удивленіемъ о славѣ Александра и перечисляя его заслуги, онъ, послѣ того какъ придалъ обману видъ истины, такъ переходитъ къ выгодѣ этого взгляда: *„персы конечно не только благочестиво, но и разумно почитаютъ царей своихъ въ числѣ боговъ: вѣдь*

[1]) Тац. Лѣт. кн. 1, гл. 10.

величество есть оплотъ благосостоянія"; и наконецъ заключаетъ, что „*самъ онъ при входѣ царя въ пиршественную залу повергнется ницъ на землю. Это же и остальные должны дѣлать, и въ особенности одаренные мудростію*" (см. той же книги 8, § 5). Но македоняне были болѣе разумны; и 24.
люди, за исключеніемъ развѣ совершенныхъ варваровъ, не позволяютъ такъ явно обманывать и превращать себя изъ подданныхъ въ безполезныхъ для себя рабовъ. Но другіе легче могли убѣждать, что величество священно и заступаетъ на землѣ мѣсто Бога, что оно установляется Богомъ, а не по выбору и соглашенію людей, и что оно сохраняется и защищается особымъ Промысломъ и божественною помощію. И подобнымъ образомъ монархи для огражденія сво- 25.
его господства повыдумывали и другое кое-что. Все это я пропускаю, и чтобы перейти къ тому, чего я хочу, отмѣчу и разберу какъ я сказалъ, только то, чему нѣкогда божественное Откровеніе научило съ этой цѣлью Моисея.

Мы сказали уже выше въ 5 главѣ, что послѣ того 26.
какъ евреи вышли изъ Египта, они больше не были обязаны никакимъ правомъ другой народности, но имъ позволительно было по желанію установить новыя права и занять земли, какія они хотѣли [1]). Ибо послѣ того какъ они были освобождены отъ невыносимаго гнета египтянъ и ни по какому договору не были отданы кому-либо изъ смертныхъ, они вновь пріобрѣли свое естественное право на все, что они могли, и каждый снова могъ рѣшить, хотѣлъ ли онъ удержать его или же поступиться имъ и перенести его на другого. Итакъ находясь въ этомъ естественномъ 27.
состояніи, они по совѣту Моисея, къ которому всѣ имѣли

[1]) См. гл. 5, § 26 и сл.

величайшее довѣріе, рѣшили не переносить своего права ни на кого изъ смертныхъ, но только на Бога; и долго не медля, всѣ словно въ одинъ голосъ обѣщали безусловно повиноваться Богу во всѣхъ Его приказаніяхъ и не признавать другого права кромѣ того, которое Онъ самъ утверди-
28. лъ бы какъ право въ пророческомъ Откровеніи. И это обѣщаніе или перенесеніе права на Бога было сдѣлано такимъ же образомъ, какъ это мы выше разумѣли о происходящемъ въ обыкновенномъ обществѣ, когда люди рѣшаютъ поступиться своимъ естественнымъ правомъ [1]). Они вѣдь выразительно по обязательству (см. Исх. гл. 24, ст. 7) и клятвѣ свободно, а не по принужденію силы и не отъ страха предъ угрозами отказались отъ своего естествен-
29. наго права и перенесли его на Бога. Потомъ, чтобы договоръ имѣлъ силу и былъ проченъ, и не было подозрѣнія въ обманѣ, Богъ не договаривался съ ними ни въ чемъ раньше, чѣмъ они не испытали его удивительной мощи, которою только и были сохранены и которою только могли быть сохранены въ будущемъ (см. Исх. гл. 19, ст. 4, 5). Ибо по тому самому, что они вѣрили, будто они могутъ быть сохранены только мощью Бога, они и перенесли на Бога всю свою естественную моготу самозащиты, которую они первоначально, можетъ быть, думали составить изъ себя,
30. а слѣдственно перенесли и все свое право. Слѣдовательно государствомъ евреевъ правилъ только Богъ, и оно одно, стало быть, въ силу обязательства, по праву было названо царствомъ Божіимъ, а Богъ тоже по праву названъ царемъ евреевъ; слѣдственно и враги этого государства—враги Бога, и граждане, которые желали бы имъ завладѣть,

[1]) См. гл. 16, § 24, 25.

виновны въ оскорбленіи божественнаго величества, и наконецъ права государства—права и приказанія Бога. Посему 31.
въ этомъ государствѣ гражданское право и религія, которая, какъ мы показали [1]), состояла только изъ повиновенія Богу, были одно и то же. Именно догматы религіи были не правилами, но правами и приказаніями, благочестіе считалось справедливостью, нечестіе—преступленіемъ и несправедливостью. Тотъ, кто отпадалъ отъ религіи, переставалъ быть гражданиномъ, и по одному этому считался врагомъ, а кто умиралъ за религію, тотъ разсматривался какъ умершій за отечество; и безусловно гражданское право и религія рѣшительно никакого различія не имѣли. И по этой 32.
причинѣ это государство могло называться теократіей, такъ какъ граждане его были подчинены только праву открытому Богомъ. Но впрочемъ все это существовало болѣе въ мнѣніи, нежели въ дѣйствительности; ибо на дѣлѣ евреи безусловно сохранили право власти, какъ будетъ видно изъ того, о чемъ я сейчасъ долженъ сказать, именно изъ способа, которымъ это государство управлялось, и который я рѣшилъ объяснить здѣсь.

Такъ какъ евреи ни на кого другого не переносили 33.
своего права, но всѣ, подобно какъ въ демократіи, отказались отъ своего права и единогласно заявили [2]): „*все что Богъ скажетъ* (безъ всякаго явнаго посредника) *сдѣлаемъ*“, то отсюда слѣдуетъ, что они всѣ по этому обязательству остались вполнѣ равными, и право совѣтоваться съ Богомъ, принимать и толковать законы у всѣхъ было одинаковое, и абсолютно всѣ одинаково завѣдывали всѣмъ

---

[1]) См. гл. 14, § 6 и сл.
[2]) Исх. гл. 19, ст. 8; гл. 24, ст. 3, 7.

34. управленіемъ государства. Они слѣдовательно по этой причинѣ на первый разъ всѣ одинаково приступили къ Богу, чтобы выслушать то, что Онъ хотѣлъ повелѣть; но при этомъ первомъ посѣщеніи они до того были поражены страхомъ и съ такимъ испугомъ слушали говорящаго Бога, что думали, будто послѣдній часъ наступаетъ для нихъ [1]).
35. И вотъ исполненные страха они снова обращаются къ Моисею такъ: „*вотъ мы слышали Бога, говорящаго въ огнѣ, и нѣтъ причины, зачѣмъ намъ желать умереть; конечно этотъ великій огонь насъ пожретъ; если опять намъ придется услыхать голосъ Бога, то мы навѣрное умремъ. Итакъ ты ступай и слушай всѣ приказанія Бога нашего и ты* (а не Богъ) *намъ будешь говорить: всему, что Богъ тебѣ ска-*
36. *жетъ, мы будемъ повиноваться и выполнимъ это*“. Этимъ они ясно уничтожили первый договоръ, и свое право совѣтоваться съ Богомъ и толковать Его повелѣнія они безусловно перенесли на Моисея; вѣдь здѣсь они не обѣщали, какъ прежде, повиноваться всему, что Богъ сказалъ бы имъ самимъ, но тому, что Богъ Моисею сказалъ бы
37. [см. Втор. гл. 5 послѣ Десятис. [2]) и гл. 18, ст. 15, 16]. Моисей слѣдовательно остался одинъ носителемъ и толкователемъ божественныхъ законовъ, а слѣдовательно также и верховнымъ судьей, котораго никто не могъ судить, и который одинъ у евреевъ заступалъ мѣсто Бога, то есть имѣлъ высшее величество, такъ какъ онъ одинъ имѣлъ право совѣтоваться съ Богомъ, и передавать божественные отвѣты народу и принуждать его къ исполненію ихъ. Говорю: одинъ; ибо если кто при жизни Моисея желалъ про-

[1]) Исх. 19, 16; 20, 18 и сл.
[2]) Ст. 24—27.

повѣдовать что-нибудь именемъ Бога, то хотя бы онъ былъ и истиннымъ пророкомъ, однако считался виновнымъ и похитителемъ верховнаго права (см. Числ. гл. 11, ст. 28) *. И должно замѣтить здѣсь, что хотя Моисея 38.
избралъ народъ, однако онъ не могъ на основаніи права избрать преемника Моисею, ибо коль скоро они перенесли на Моисея свое право совѣтоваться съ Богомъ и безусловно обѣщали считать его за божественный оракулъ, то они совершенно потеряли все право и должны были допустить того, кого Моисей выбралъ бы преемникомъ, какъ избраннаго Богомъ. Если бы онъ избралъ та- 39.
кого, который, какъ онъ самъ, держалъ бы все управленіе государствомъ въ своихъ рукахъ, именно имѣлъ бы право совѣтоваться съ Богомъ наединѣ въ своемъ шатрѣ, а слѣдовательно и власть установленія и отмѣны законовъ, право рѣшать о войнѣ и мирѣ, отправлять пословъ, назначать судей, выбирать преемника, словомъ—право отправленія всѣхъ функцій верховной власти, то государство было бы чисто монархическое и не было бы никакого другого различія кромѣ того, что монархическое государство обыкновенно управляется или должно было бы управляться извѣстнымъ образомъ согласно рѣшенію Бога, сокрытому даже отъ самого монарха, еврейское же—по рѣшенію Бога открытому только монарху. Это различіе конечно не умень- 40.
шаетъ, но напротивъ увеличиваетъ господство и право монарха надъ всѣми. Впрочемъ, что касается народа того и другого государства, то онъ одинаково и въ томъ и въ другомъ состоитъ подданнымъ и не знаетъ божественнаго рѣшенія. Ибо тотъ и другой зависитъ отъ устъ мо-

* См. Примѣч. XXXVI.

нарха и отъ него только узнаетъ, что̀ законно и незаконно; а вслѣдствіе того что народъ вѣритъ, что монархъ приказываетъ все на основаніи открытаго ему рѣшенія Бога, онъ въ дѣйствительности подчиняется ему не менѣе, но напро-
41. тивъ болѣе. Но вѣдь Моисей никакого такого преемника не избралъ, а оставилъ преемникамъ такое управленіе государствомъ, что оно не могло быть названо ни народнымъ, ни аристократическимъ, ни монархическимъ, но теократическимъ. Ибо право толкованія законовъ и сообщенія отвѣтовъ Бога было у одного, а право и власть управленія государствомъ по законамъ уже изъясненнымъ и отвѣтамъ уже сообщеннымъ было у другого. Смотри объ этомъ Числ. гл. 28, ст. 21 *).

42. И чтобы это лучше понять, я изложу по порядку все государственное управленіе. Сперва было повелѣно народу соорудить домъ, который былъ бы вродѣ дворца для Бога, то есть высшаго величества того государства. И его должно было построить иждивеніемъ не одного лица, но всего народа, дабы домъ, въ которомъ слѣдовало совѣтоваться
43. съ Богомъ, былъ общеправнымъ [1]). Въ этомъ Божіемъ дворцѣ въ придворные и администраторы были выбраны левиты, главнымъ же изъ нихъ и какъ бы вторымъ послѣ царя-Бога былъ выбранъ Ааронъ, братъ Моисея, на мѣсто котораго законно поступали его сыновья. Онъ слѣдовательно, какъ ближайшій къ Богу, былъ верховнымъ истолкователемъ божественныхъ законовъ и давалъ народу отвѣты божественнаго оракула, и онъ же, наконецъ, прино-
44. силъ жертвы Богу за народъ [2]). Если бы при этомъ у

*) См. Примѣч. XXXVII.

[1]) Ср. Исх. гл. 25—27.

[2]) Ср. Исх. гл. 28, 29.

него было право приказывать исполнять оные, то быть ему неограниченнымъ монархомъ ничто не препятствовало; но онъ былъ лишенъ этого права, и все безусловно колѣно Левія настолько было отстранено отъ общественной власти, что не имѣло даже доли съ остальными колѣнами, которая ему принадлежала по праву, и которою по крайней мѣрѣ онъ могъ бы существовать; но Моисей постановилъ, чтобы это колѣно питалъ остальной народъ, но такъ чтобы оно всегда считалось въ величайшемъ почетѣ у простого народа, именно какъ единственное посвященное Богу [1]). Затѣмъ, образовавъ изъ остальныхъ двѣнадцати 45.
колѣнъ войско, онъ приказалъ имъ напасть на государство Хананеянъ и раздѣлить его на двѣнадцать частей и распредѣлить колѣнамъ по жребіямъ. Для этого дѣла были избраны двѣнадцать князей, изъ каждаго колѣна по одному, которымъ вмѣстѣ съ Іисусомъ и главнымъ первосвященникомъ Елеазаромъ было дано право раздѣлить земли на двѣнадцать равныхъ частей и распредѣлить по жребіямъ [2]).
Въ главные же начальники надъ войскомъ былъ выбранъ 46.
Іисусъ, который одинъ имѣлъ право спрашивать совѣта у Бога при новыхъ обстоятельствахъ (но не какъ Моисей, одинъ въ своемъ шатрѣ или скиніи, но чрезъ верховнаго первосвященника, которому одному Богъ давалъ отвѣты); потомъ онъ имѣлъ право узаконять приказанія Бога, сообщенныя первосвященникомъ, и принуждать къ нимъ народъ, придумывать и употреблять средства къ ихъ исполненію, избирать изъ войска сколько онъ хочетъ и кого онъ хочетъ, посылать отъ своего имени пословъ, и абсо-

---

[1]) Ср. Числ. гл. 3, 4 и 18.
[2]) Ср. Числ. гл. 1, ст. 2 и сл.; гл. 27, ст. 15 и сл.; гл. 34, ст. 17 и сл.

лютно все право войны зависѣло только отъ его рѣшенія.
47. На его же мѣсто никто въ узаконенномъ порядкѣ не вступалъ и никѣмъ кромѣ Бога непосредственно не былъ избираемъ, да и то при условіи настоятельной необходимости для всего народа; въ другое же время всѣмъ, что касается войны и мира, распоряжались князья колѣнъ, какъ вскорѣ
48. покажу. Наконецъ, онъ приказалъ всѣмъ съ двадцатилѣтняго возраста до шестидесятилѣтняго носить военное оружіе и набирать войско только изъ народа [1]); войско давало клятву въ вѣрности не полководцу и не верховному первосвященнику, но религіи или Богу; оно поэтому называлось у евреевъ войскомъ или рядами Бога, а Богъ, наоборотъ, Богомъ воинствъ, и по этой причинѣ въ большихъ сраженіяхъ, отъ исхода которыхъ зависѣла или побѣда или пораженіе всего народа, Ковчегъ Завѣта шествовалъ въ срединѣ войска, чтобы народъ, видя какъ бы присутствіе сво-
49. его царя, сражался изъ всѣхъ силъ [2]). Изъ этихъ приказаній Моисея преемникамъ мы легко заключаемъ, что онъ избралъ служителей, а не повелителей государства. Ибо онъ никому не далъ права совѣтоваться съ Богомъ на единѣ и гдѣ онъ хотѣлъ бы, а слѣдовательно никому не далъ власти, которую самъ имѣлъ, установлять и отмѣнять законы, рѣшать о войнѣ и мирѣ, избирать должностныхъ лицъ какъ въ храмъ, такъ и въ города; все это суть обя-
50. занности верховной власти предержащей. Верховный первосвященникъ вѣдь хотя имѣлъ право толкованія законовъ и передачи отвѣтовъ Бога, но не какъ Моисей (когда бы онъ ни захотѣлъ), но только по просьбѣ полководца или

---

[1]) Ср. Числ. 1, 2 и сл.
[2]) Ср. 1 Цар. 4, 3 и сл.; 14, 8; 2 Цар. 11, 11.

верховнаго собора или подобныхъ имъ, и наоборотъ, главный начальникъ войска и соборы могли спрашивать совѣта у Бога, когда они хотѣли, но могли получить отвѣты Бога только отъ верховнаго первосвященника. Поэтому рѣчи Бога въ устахъ первосвященника были не рѣшеніями, какъ въ устахъ Моисея, но только отвѣтами; принятыя же Іисусомъ и соборами, онѣ потомъ уже получали силу приказанія и рѣшенія. Затѣмъ, этотъ верховный первосвященникъ, 51.
получавшій отъ Бога отвѣты Бога, не имѣлъ войска и по праву не обладалъ властью, и наоборотъ, тѣ, которые по праву владѣли землями, не могли по праву установлять законы. Потомъ верховный первосвященникъ, какъ Ааронъ, такъ и сынъ его Елеазаръ, тотъ и другой, правда, былъ избранъ Моисеемъ, но по смерти Моисея никто не имѣлъ права избирать первосвященника, но сынъ наслѣдовалъ отцу въ узаконенномъ порядкѣ. Начальникъ войска также 52.
былъ избранъ Моисеемъ и принялъ званіе начальника, сообразуясь не съ правомъ верховнаго первосвященника, но съ даннымъ ему правомъ Моисея; и потому послѣ смерти Іисуса первосвященникъ не избралъ никого на его мѣсто, и князья не спрашивали совѣта у Бога о новомъ полководцѣ, но каждый удержалъ право Іисуса надъ войскомъ своего колѣна, а всѣ вмѣстѣ надъ всѣмъ собраннымъ войскомъ. И, повидимому, не было надобности въ верховномъ 53.
полководцѣ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они должны были сражаться соединенными силами противъ общаго врага; это конечно больше всего имѣло мѣсто во время Іисуса, когда еще не всѣ получили прочную осѣдлость и всѣмъ пользовались на общемъ правѣ; но послѣ того какъ всѣ колѣна раздѣлили между собою земли, захваченныя по праву войны, и тѣ, которыя было приказано

еще захватить, и все всѣмъ болѣе не принадлежало, то тѣмъ самымъ основаніе имѣть общаго полководца устранилось, такъ какъ отъ такого раздѣленія различныя колѣна должны были считаться не столько согражданами, сколько союз-
54. никами. Въ отношеніи Бога и религіи они конечно должны были считаться согражданами; но въ отношеніи права, которое одно колѣно имѣло надъ другимъ, только союзниками; почти такъ же (если отнять общій храмъ), какъ могущественные Соединенные Нидерландскіе Штаты. Ибо дѣленіе общаго предмета на части есть не что иное, какъ то, чтобы каждый уже одинъ владѣлъ своею частью, а остальные отступились бы отъ права, которое они имѣли на ту
55. часть. Итакъ Моисей по этой причинѣ и избралъ начальниковъ колѣнъ, чтобы каждый послѣ раздѣленія государства заботился о своей части, именно: совѣтовался чрезъ верховнаго первосвященника съ Богомъ о дѣлахъ своего колѣна, начальствовалъ надъ своимъ войскомъ, строилъ и укрѣплялъ города, поставлялъ въ каждомъ городѣ судей, нападалъ на врага своего отдѣльнаго владѣнія и распоряжался абсолютно всѣмъ относящимся до войны и мира. И онъ другого кого кромѣ Бога или кого Богъ выразительно послалъ бы какъ пророка не былъ обязанъ признавать судьею *); если бы онъ когда и отпалъ отъ Бога, то остальныя колѣна должны были не судить его какъ подданнаго, но напасть какъ на врага, который нарушилъ
56. вѣрность договора. Примѣры этого мы имѣемъ въ Писаніи. Вѣдь послѣ смерти Іисуса спрашивали совѣта у Бога сыны Израилевы, а не новый верховный владыка; узнавъ же, что колѣно Іуды прежде всѣхъ должно было напасть на своего

*) См. Примѣч. XXXVIII.

врага, оно только съ Симеономъ договаривается, чтобы соединенными силами того и другого напасть на врага; остальныя колѣна не были включены при этомъ договорѣ (смотри Суд. гл. 1, ст. 1, 2, 3), но каждое отдѣльно (какъ разсказывается въ указанной главѣ) ведетъ войну противъ своего врага и принимаемъ кого хочетъ подъ власть и покровительство, хотя и было приказано не щадить никого ни на какихъ условіяхъ договора, но всѣхъ истребить; за этотъ грѣхъ они, правда, порицаются, но никѣмъ не привлекаются къ суду. И не было случая, чтобы изъ-за этого они начинали воевать другъ съ другомъ и чтобы одни вмѣшивались въ дѣла другого. Напротивъ, они враждебно нападаютъ 57.
на Веніамитянъ, которые оскорбили остальныхъ и настолько разорвали узы мира, что никто изъ союзниковъ не могъ безопасно пользоваться у нихъ гостепріимствомъ, и наконецъ, послѣ трижды возобновлявшейся битвы, побѣдителя по праву войны убиваютъ безъ различія всѣхъ виновныхъ и невинныхъ, что впослѣдствіи они и оплакивали съ запоздалымъ раскаяніемъ [1]).

Этими примѣрами мы вполнѣ подтвердили то, что сей- 58.
часъ сказали о правѣ каждаго колѣна. Но можетъ быть, кто-нибудь спроситъ, кто именно избиралъ преемника князю каждаго колѣна? Но объ этомъ я ничего опредѣленнаго не могу привести изъ самого Писанія; предполагаю однако слѣдующее: такъ какъ каждое колѣно было раздѣлено на роды, главы которыхъ были избираемы изъ старцевъ рода, то мѣсто князя заступалъ по праву тотъ, кто изъ нихъ былъ старше. Моисей вѣдь изъ старцевъ избралъ семьде- 59.
сятъ помощниковъ, образовавшихъ съ нимъ верховный со-

[1]) См. Суд. гл. 19—21.

вѣтъ [1]); тѣ, которые по смерти Іисуса управляли государствомъ, называются въ Писаніи старѣйшинами [2]), и наконецъ у евреевъ чаще всего подъ старѣйшинами разумѣютъ
60. судей, что, я думаю, всѣмъ извѣстно. Но для нашей цѣли не важно знать это достовѣрно; достаточно и того, что я показалъ, что никто послѣ смерти Моисея не исполнялъ всѣхъ функцій верховнаго владыки; въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ не все зависѣло отъ рѣшенія одного мужа, или одного собранія или народа, но кое-что было въ управленіи одного колѣна, иное въ управленіи остальныхъ при равномъ правѣ того и другого, то весьма ясно слѣдуетъ, что государство отъ кончины Моисея пребыло ни монархическимъ, ни аристократическимъ, ни народнымъ, но, какъ мы сказали, теократическимъ: I, потому что царскимъ дворцомъ въ государствѣ былъ храмъ, и только въ отношеніи къ нему, какъ мы показали, всѣ колѣна были согражданами; II, потому что всѣ граждане должны были клясться въ вѣрности Богу, своему верховному судьѣ, которому одному они обѣщали во всемъ безусловно повиноваться; и наконецъ III, потому что верховный надъ всѣми повелитель, когда въ немъ была нужда, никѣмъ кромѣ одного Бога не
61. былъ избираемъ. Моисей именемъ Бога раньше народу выразительно объявилъ объ этомъ во Второз. гл. 18, ст. 15, а избраніе Гедеона, Самсона и Самуила на самомъ дѣлѣ подтверждаетъ это [3]); посему не должно сомнѣваться, что остальные вѣрные вожди подобнымъ же образомъ были избраны, хотя это изъ исторіи о нихъ и не видно.

---

[1]) См. Исх. 18, 24 и сл.; Числ. 11, 16 и сл.

[2]) Іис. Нав. гл. 23 и 24, זְקֵנִים

[3]) Ср. Суд. гл. 6 и 13; 1 Цар. гл. 3.

Положивши это, пора посмотрѣть, насколько этотъ 62.
способъ государственнаго устройства могъ умѣрять умы
и сдерживать какъ управлявшихъ, такъ и управляемыхъ
такимъ образомъ, чтобы ни эти мятежниками, ни тѣ тира-
нами не дѣлались.

Тѣ, которые управляютъ государствомъ или которые 63.
имъ владѣютъ, всегда стараются прикрыть видомъ права
всякій неблаговидный поступокъ, какой бы они ни учинили,
и убѣдить народъ въ томъ, что онъ сдѣланъ ими честно;
это они тоже легко устраиваютъ, когда все толкованіе права
зависитъ только отъ нихъ. Ибо несомнѣнно, что тѣмъ са-
мымъ они получаютъ величайшую свободу дѣлать все, чего
они хотятъ, и что подсказываетъ ихъ склонность, и наобо-
ротъ, они большой свободы лишаются, если право толко-
ванія законовъ принадлежитъ другому, и если въ тоже
время правильное толкованіе ихъ настолько для всѣхъ ясно,
что никто въ немъ не можетъ сомнѣваться. Изъ этого оче- 64.
видно, что для еврейскихъ вождей главная причина зло-
дѣяній была устранена тѣмъ, что все право толкованія за-
коновъ было предоставлено левитамъ (см. Второз. гл. 21,
ст. 5), которые нисколько не участвовали въ управленіи
государствомъ и не имѣли доли съ прочими, и которыхъ
вся судьба и почетъ зависѣли отъ истиннаго толкованія
законовъ; потомъ тѣмъ, что всему народу было приказано
чрезъ каждые семь лѣтъ собираться въ извѣстномъ мѣстѣ,
гдѣ онъ могъ бы научаться отъ первосвященника законамъ,
и чтобы каждый кромѣ того по одиночкѣ непрестанно и
съ величайшимъ вниманіемъ читалъ и перечитывалъ книгу
Закона (см. Второз. гл. 31, ст. 9 и проч. и гл. 6, ст. 7).
Слѣдовательно вожди должны были, ради себя по крайней 65.
мѣрѣ, весьма заботиться о томъ, чтобы управлять всѣмъ

по предписаннымъ и для всѣхъ достаточно яснымъ законамъ, если они желали пользоваться отъ народа величайшимъ почетомъ; народъ тогда почиталъ ихъ какъ служителей царства Божія и намѣстниковъ Бога; иначе они не могли избѣжать крайней ненависти со стороны подданныхъ,
66. каковою обыкновенно бываетъ религіозная. Къ этому, то есть къ сдерживанію необузданнаго каприза вождей, привходило другое обстоятельство чрезвычайной важности, именно то, что войско набиралось изъ всѣхъ гражданъ (безъ всякаго исключенія отъ двадцатилѣтняго до шестидесятилѣтняго возраста), и что вожди не могли нанять за
67. плату ни одного посторонняго воина. Это, говорю, было чрезвычайно важно, ибо извѣстно, что вожди могутъ подавлять народъ только при помощи войска, которому они платятъ жалованье; потомъ извѣстно, что они ничего болѣе не боятся, какъ свободы воиновъ—согражданъ, доблестью которыхъ, трудомъ и большою потерею ихъ крови
68. была пріобрѣтена свобода и слава государства. Поэтому Александръ, когда онъ во второй разъ долженъ былъ сражаться противъ Дарія, выслушавъ совѣтъ Парменіона, накричалъ не на того, кто далъ совѣтъ, но на Полисперхонта, который согласился съ нимъ. „Ибо“, какъ говоритъ Курцій въ кн. 4, § 13, „онъ не посмѣлъ вторично наказать Парменіона, разбраненнаго имъ не задолго передъ этимъ сильнѣе, нежели онъ хотѣлъ; и онъ могъ подавить свободу македонянъ, которой онъ болѣе всего боялся, какъ мы уже говорили [1]), только послѣ того какъ онъ увеличилъ число воиновъ изъ плѣнниковъ гораздо больше числа македонянъ; тогда вѣдь онъ могъ показать норовъ своего

[1]) См. § 19 и сл.

страстнаго и долго сдерживаемаго свободою лучшихъ гра-
жданъ характера". Итакъ если эта свобода воиновъ-согра- 69.
жданъ сдерживаетъ вождей человѣческаго государства, имѣ-
ющихъ обыкновеніе присваивать всю славу побѣдъ только
себѣ, то тѣмъ болѣе она должна была обуздывать вождей
у евреевъ, воины которыхъ сражались не ради славы вож-
дя, но ради славы Бога, и вступали въ сраженіе только по
полученіи отвѣта отъ Бога.

Привходило потомъ то обстоятельство, что всѣ вожди 70.
евреевъ были соединены вмѣстѣ только узами религіи; по-
сему, если бы который-нибудь отпалъ отъ нея и сталъ
нарушать божественное право каждаго, то онъ поэтому
могъ остальными считаться за врага и по праву могъ быть
подавленъ.

Привходила, въ III, боязнь предъ новымъ какимъ-ни- 71.
будь пророкомъ; вѣдь если только какой-нибудь мужъ пра-
ведной жизни показывалъ нѣкоторыми полученными знаме-
ніями, что онъ пророкъ, то тѣмъ самымъ онъ получалъ
верховное право повелѣвать,—именно какъ Моисей именемъ
Бога ему одному открывшагося, а не только какъ вожди,
совѣтовавшіеся съ Богомъ чрезъ первосвященника. И не- 72.
сомнѣнно, что такіе люди легко могли привлекать къ себѣ
угнетенный народъ и незначительными знаменіями убѣ-
ждать его во всемъ, чего бы они ни захотѣли; межъ тѣмъ,
напротивъ, если управленіе дѣлами шло правильно, то
вождь могъ заблаговременно устроить такъ, что пророкъ
долженъ былъ сперва предстать на его судъ, чтобы под-
вергнуться отъ него испытанію, праведной ли онъ жизни,
есть ли у него вѣрныя и несомнѣнныя знаменія своего по-
сланія и, наконецъ, согласовалось ли съ принятымъ ученіемъ
и общими законами отечества то, что онъ хотѣлъ сказать

именемъ Бога. Если бы знаменія не достаточно отвѣчали или ученіе было бы новымъ, то можно было по праву осудить его на смерть, въ противномъ же случаѣ онъ принимался только благодаря авторитету и свидѣтельству вождя.

73. Привходило, въ IV, то, что вождь не превосходилъ остальныхъ родовитостью, и управленіе государствомъ доставалось ему не по праву крови, но только изъ уваженія къ возрасту и добродѣтели.

74. Привходило, наконецъ, то обстоятельство, что вожди и все войско могли быть одержимы желаніемъ войны столько же, сколько желаніемъ мира. Ибо войско, какъ мы сказали [1]), состояло только изъ гражданъ; посему какъ военныя, такъ и мирныя дѣянія были устрояемы тѣми же людьми. Итакъ кто въ лагерѣ былъ солдатомъ, тотъ на площади былъ гражданиномъ, и кто въ лагерѣ былъ предводителемъ, тотъ въ камерѣ былъ судьей, и кто, наконецъ, въ лагерѣ былъ главнокомандующимъ, тотъ князем 75. былъ въ городѣ. Поэтому каждый могъ желать войны не ради войны, но ради мира и для защиты свободы, и возможно, что вождь воздерживался, насколько могъ, отъ нововведеній, чтобы не быть обязаннымъ приходить къ верховному первосвященнику и стоять предъ нимъ вопреки достоинству.

Это объ основаніяхъ, которыя сдерживали вождей въ 76. ихъ границахъ. Теперь слѣдуетъ посмотрѣть, какимъ образомъ народъ былъ сдерживаемъ; но и это весьма ясно указываютъ основы государства; вѣдь если бы кто-нибудь захотѣлъ хоть слегка вникнуть въ нихъ, то онъ тотчасъ уви-

[1]) См. 48 и § 66.

дитъ, что они должны были вселить въ сердца гражданъ столь исключительную любовь, что никто не могъ придумать ничего труднѣе того, какъ предать отечество или отпасть отъ него; но, наоборотъ, всѣ должны были такъ настроиться, что они лучше претерпѣли бы самую крайнюю нужду, нежели чужое владычество. Ибо послѣ того 77.
какъ они перенесли свое право на Бога и увѣровали, что ихъ царство есть царство Бога, и что только они—сыны Божіи, а остальные народы—враги Бога, къ которымъ поэтому они были преисполнены самой ожесточенной ненависти (ибо вѣрили, что и это благочестиво, смотри Псал. 139 ст. 21, 22), для нихъ ничего отвратительнѣе быть не могло, какъ клясться въ вѣрности какому-нибудь чужеземцу и обѣщать ему повиновеніе; и они представить себѣ не могли большаго безчестія и чего-нибудь болѣе гнуснаго, чѣмъ предательство отечества, то есть самого царства Бога, предъ которымъ они благоговѣли. Даже итти кому-нибудь 78.
только жить внѣ отечества считалось за позоръ, потому что поклоненіе Богу, къ чему они всегда были обязаны, дозволялось совершать только въ одномъ отечествѣ; потому именно, что только эта земля считалась святою, остальныя же считались нечистыми и оскверненными. Поэтому 79.
Давидъ, будучи принужденъ итти въ изгнаніе, такъ жалуется предъ Сауломъ [1]): *„если тѣ, которые возстановляютъ тебя противъ меня, суть люди, то они—проклятые, потому что выключаютъ меня, дабы я не ходилъ въ наслѣдіи Божіемъ, но говорятъ: ступай чтить чужихъ Боговъ“* (1 Сам. гл. 26, ст. 19). И по этой же причинѣ ни одинъ гражданинъ, что здѣсь особенно должно замѣтить, не осуждал-

[1]) См. 1 Цар. 26, 19.

ся на изгнаніе, ибо кто грѣшитъ, тотъ конечно достоинъ
80. наказанія, но не безчестія. Слѣдовательно любовь евреевъ къ отечеству была не простой любовью, но благочестіемъ. Оно вмѣстѣ съ ненавистью къ остальнымъ племенамъ настолько подкрѣплялось и питалось ежедневнымъ богослуженіемъ, что должно было стать второй натурой; вѣдь ежедневное богослуженіе не только было совсѣмъ различно (вслѣдствіе чего они совсѣмъ обособились и совершенно отдѣлились отъ остальныхъ), но и абсолютно противопо-
81. ложно. Посему отъ ежедневнаго такъ сказать порицанія должна была произойти постоянная ненависть, прочнѣе которой никакая не могла вкорениться въ сердцахъ, именно ненависть, происшедшая отъ великаго благоговѣнія или благочестія и считавшаяся благочестивою; больше и упорнѣе ея, конечно, никакой и существовать не можетъ. Не отсутствовала и общая причина, благодаря которой ненависть всегда болѣе и болѣе разгорается, именно ея взаимность; ибо и племена обратно должны были питать къ
82. нимъ ожесточеннѣйшую ненависть. Но насколько все это, то есть свобода человѣческаго государства, благоговѣніе предъ отечествомъ, абсолютное право надъ всѣми остальными и ненависть не только позволительная, но и благочестивая, враждебное отношеніе ко всѣмъ, особенность нравовъ и обычаевъ,—насколько, говорю, это способствовало укрѣпленію духа евреевъ, ради того чтобы они за отечество все претерпѣвали съ особеннымъ постоянствомъ и доблестью, этому весьма ясно учитъ разумъ, и это засвидѣтельствовалъ самъ опытъ. Они вѣдь, пока существовалъ городъ, никогда не могли жить подъ господствомъ другого, и потому Іерусалимъ называли мятежнымъ городомъ (см.
83. Ездры гл. 4, ст. 12, 15). Второе государство (бывшее лишь

тѣнью перваго, послѣ того какъ первосвященники захватили и право владычества) съ большимъ трудомъ могло быть разрушено римлянами, о чемъ самъ Тацитъ въ книгѣ 2 Истор. свидѣтельствуетъ въ слѣдующихъ словахъ [1]: *„Веспасіанъ окончилъ гудейскую войну, оставивъ осаду Іерусалима,—дѣло тягостное больше и трудное по причинѣ народнаго характера и упорства въ суевѣріи, нежели потому, что у осажденныхъ оставалось достаточно силъ для перенесенія нужды“*. Но кромѣ этихъ обстоятельствъ, оцѣнка которыхъ 84.
зависитъ только отъ мнѣнія, въ этомъ государствѣ была другая особенность—сущая твердыня, которая больше всего должна была удерживать гражданъ отъ думъ объ отпаденіи и отъ возникновенія въ нихъ когда-либо желанія оставить отечество; именно разсчетъ выгоды, составляющей рычагъ и жизненный нервъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. И она, говорю, была особенною въ этомъ государствѣ. Ибо нигдѣ 85.
граждане не владѣли своимъ имуществомъ съ большимъ правомъ, чѣмъ подданные этого государства, которые съ княземъ имѣли равную часть въ землѣ и пашнѣ, и гдѣ каждый былъ вѣчнымъ господиномъ своей части; ибо если кто-нибудь, принуждаемый бѣдностью и продавалъ свое помѣстье или поле, то съ наступленіемъ юбилея оно должно было вновь возстановляться за нимъ [2]); подобнымъ образомъ были сдѣланы и другія постановленія для того, чтобы никто не могъ быть лишенъ недвижимыхъ своихъ имуществъ. Затѣмъ нигдѣ бѣдность не могла легче перено- 86.
ситься какъ тамъ, гдѣ любовь къ ближнему, то есть къ согражданину, должна была выполняться съ величайшей

---

[1]) См Тац. Ист. кн. 2, гл. 4.
[2]) См. Лев. гл 25.

бѳгобоязненностью, дабы имѣть въ своемъ Богѣ милостиваго царя. Итакъ еврейскимъ гражданамъ только въ ихъ отечествѣ могло быть хорошо, внѣ же его для нихъ могъ
87. быть величайшій вредъ и безчестіе. Потомъ не только для удержанія ихъ на отечественной почвѣ, но и для избѣжанія гражданскихъ войнъ и устраненія поводовъ къ раздорамъ весьма полезно было слѣдующее: именно то, что никто не служилъ равному себѣ, но только Богу и то, что участливость и любовь къ согражданину считались за высшее благочестіе, которое не мало подогрѣвалось общею ненавистью со стороны евреевъ къ остальнымъ народамъ, и наоборотъ,
88. со стороны послѣднихъ къ нимъ. Кромѣ того весьма была полезна величайшая дисциплина въ послушаніи, въ которой ихъ воспитывали, потому именно, что они должны были дѣлать все на основаніи опредѣленнаго предписанія закона; имъ вѣдь не позволялось пахать произвольно, но въ опредѣленные сроки и годы и вмѣстѣ съ тѣмъ одной только породой рабочаго скота; точно также позволялось только опредѣленнымъ способомъ и въ опредѣленное время сѣять и жать, и абсолютно жизнь ихъ была непрерывной практикой послушанія [смотри объ этомъ въ гл. 5, о поль-
89. зѣ церемоній] *; поэтому послушаніе, послѣ того какъ они совершенно къ нему привыкли, не должно было больше казаться имъ рабствомъ, но свободой; отсюда также должно было слѣдовать, что каждый желалъ не запрещеннаго, но повелѣннаго. Этому не мало также способствовало, повидимому, то, что въ извѣстныя времена года они обязаны были предаваться отдыху и веселію, повинуясь не влече-
90. ніямъ сердца, но Богу отъ всего сердца. Трижды въ году

* См. гл. 5, § 17 и сл.

они были гостями у Бога (смотр. Второз. гл. 16); въ седьмой день недѣли они должны были прекращать всякій трудъ и предаваться покою; кромѣ этихъ были назначены и другія времена, въ которыя благопристойныя удовольствія и пиршества не то что допускались, но повелѣвались. И я не думаю, что можно что-нибудь выдумать дѣйствительнѣе этого, для того чтобы привлечь сердца людей; ибо ничѣмъ сердце болѣе не полонится какъ радостію, происходящею отъ благоговѣнія, то есть отъ любви и удивленія одновременно. Безучастность къ привычнымъ вещамъ также не 91.
легко могла ихъ охватить, ибо служеніе, назначенное для праздничныхъ дней, происходило рѣдко и разнообразно. Къ этому присоединялось величайшее почтеніе къ храму, которое они всегда весьма свято сохраняли ради особеннаго въ немъ богослуженія и вещей, которыя они обязаны были соблюдать, прежде чѣмъ кому-либо позволялось въ него войти; сохраняли такъ, что нынѣшніе евреи не безъ великаго еще ужаса читаютъ объ извѣстномъ постыдномъ поступкѣ Манассіи, именно о допущеніи имъ постановки идола въ самомъ храмѣ [1]). Также и къ законамъ, которые 92.
весьма свято сохранялись во внутреннемъ святилищѣ, было не меньшее почтеніе у народа. Поэтому народнаго ропота и предразсудковъ здѣсь нисколько не должно было бояться: вѣдь никто не смѣлъ высказывать сужденій о божественныхъ вещахъ, но они должны были, нисколько не совѣтуясь съ разумомъ, повиноваться всему, что̀ имъ приказывалось на основаніи авторитета божественнаго отвѣта, полученнаго въ храмѣ, или закона, установленнаго Богомъ. Думаю, что этимъ я хотя кратко, однако довольно ясно изложилъ главную суть этого государства.

[1]) См. 4 Цар. 26, 7.

93. Остается теперь изслѣдовать также причины, почему евреи столько разъ отпадали отъ закона; почему столько разъ они были порабощаемы, и почему, наконецъ, государство могло быть совершенно разрушено. Впрочемъ здѣсь, пожалуй, кто-нибудь скажетъ, что это случилось отъ упорства народнаго; но это есть ребячество, ибо почему же эта нація была упорнѣе остальныхъ? По природѣ? Послѣдняя вѣдь создаетъ не націи, но индивидуумовъ, которые, конечно, раздѣляются на націи только вслѣдствіе разности въ
94 языкѣ, законахъ и усвоенныхъ нравахъ; и только вслѣдствіе послѣднихъ двухъ, то есть законовъ и нравовъ, можетъ произойти то, что каждая нація имѣетъ особенный характеръ, особенное положеніе и, наконецъ, особенные предразсудки. Итакъ если бы надо было допустить, что евреи болѣе остальныхъ смертныхъ были упорны, то послѣднее должно было бы поставить въ вину законамъ или
95. усвоеннымъ нравамъ. И конечно вѣрно то, что если бы Богъ хотѣлъ, чтобы ихъ государство было болѣе долговѣчнымъ, то онъ иначе установилъ бы права и законы и научилъ бы другому способу управленія имъ; поэтому что иное мы можемъ сказать кромѣ того, что они прогнѣвили своего Бога не только, какъ говоритъ Іеремія въ гл. 32, ст. 31, съ основанія города, но уже съ установленія зако-
96. новъ? Объ этомъ и Іезекіиль въ гл. 20, ст. 25 свидѣтельствуетъ, говоря: „*и Я далъ имъ учрежденія не добрыя и права, съ которыми они не могли бы жить, потому что Я осквернилъ ихъ въ ихъ собственныхъ приношеніяхъ, попуская всякое развратіе ложеснъ* (то есть первороднаго), *чтобы разрушить ихъ, дабы они знали, что Я—Іегова*“. Чтобы правильно понять эти слова и причину разрушенія государства, должно замѣтить, что первоначально намѣревались

передать все священное служеніе первороднымъ, а не левитамъ (см. Числ. гл. 8, ст. 17), но послѣ того какъ всѣ кромѣ левитовъ поклонились тельцу, первенцы были отвергнуты и осквернены, и левиты были избраны на ихъ мѣсто (Второз. гл. 10, ст. 8). Эта перемѣна, чѣмъ больше и больше я о ней размышляю, заставляетъ меня сослаться на слова Тацита *), что въ то время у Бога была забота не о ихъ безопасности, но объ отмщеніи имъ. И я не могу достаточно надивиться тому, что въ душѣ небожителя было столько гнѣва, что Онъ самые законы, имѣющіе всегда цѣлью только честь, благо и безопасность всего народа, далъ съ намѣреніемъ отмстить за себя и наказать народъ, такъ что законы оказались не законами, то есть благомъ для народа, но скорѣе наказаніями и мученіями. Вѣдь всѣ 98.
приношенія, которыя обязательно было давать левитамъ и жрецамъ, а равно и то, что за первенцевъ должно было платить выкупъ, и деньги за голову отдавать левитамъ, и наконецъ то, что только левитамъ дозволялось вступать въ святилище, все это постоянно доказывало имъ ихъ нечистоту и отверженность. Потомъ левиты имѣли нѣчто, что 99.
можно было постоянно порицать въ нихъ. Ибо несомнѣнно, что между столькими тысячами встрѣчалось много наглыхъ лжебогослововъ; отсюда у народа явилась склонность наблюдать за поступками левитовъ, которые безъ сомнѣнія были люди, и, какъ водится, обвинять всѣхъ изъ-за преступленія одного; отсюда постоянно ропотъ, потомъ отвращеніе кормить людей праздныхъ и ненавистныхъ и узами крови не соединенныхъ съ нимъ, особенно если съѣстные припасы были дороги. Итакъ что удивительнаго, если въ 100.

*) Истор. кн. 1, гл. 3.

мирное время, когда явныя чудеса прекратились, и не было людей съ выдающимся авторитетомъ, возбужденный и алчный духъ народа началъ слабѣть, и наконецъ отпалъ отъ культа хотя божественнаго, однако для него позорнаго и даже подозрительнаго и пожелалъ новаго? и что удивительнаго въ томъ, что вожди, которые ради удержанія верховнаго права господства только за собою всегда ищутъ способа привязать къ себѣ народъ и отвратить его отъ первосвященника, дозволяли народу все и вводили новые
101. культы? Если бы государство было устроено согласно первоначальному плану, то у всѣхъ колѣнъ право и почетъ были бы всегда одинаковы и все находилось бы въ полной безопасности; въ самомъ дѣлѣ кто захотѣлъ бы нарушать священное право своихъ единокровныхъ? чего другого желали бы болѣе, нежели кормить изъ религіознаго благочестія своихъ единоплеменниковъ, братьевъ и родителей? у нихъ научиться толкованію законовъ? и наконецъ отъ нихъ
102. ожидать божественныхъ отвѣтовъ? И потомъ всѣ колѣна такимъ образомъ пребыли бы гораздо тѣснѣе соединенными взаимно, если бы именно у всѣхъ было одинаковое право распоряжаться святыней; даже болѣе, ничего не слѣдовало бы бояться, если бы самое избраніе левитовъ имѣло другую причину, нежели гнѣвъ и лишеніе. Но, какъ мы сказали, они прогнѣвили своего Бога, который ихъ, повторяя опять слова Іезекіиля, „осквернилъ въ ихъ собственныхъ приношеніяхъ, попуская всякое разверзаніе ложеснъ,
103. чтобы разрушить ихъ“. Это подтверждается кромѣ того самою исторіею. Какъ только народъ сталъ пользоваться въ пустынѣ покоемъ, то многіе, и не изъ черни, мужи стали съ трудомъ сносить это избраніе; а отсюда взяли поводъ вѣрить, будто Моисей ничего не установляетъ по

божественному приказу, но все установляетъ какъ ему угодно, потому что онъ избралъ именно свое колѣно изъ всѣхъ, и право первосвященства отдалъ на вѣки своему брату; поэтому они, возбудивъ волненіе, приходятъ къ нему, крича, что всѣ одинаково святы, и что онъ вопреки праву превознесенъ надъ всѣми [1]). И онъ никакимъ спо- 104.
собомъ не могъ успокоить ихъ, но всѣ они были истреблены совершившимся въ знаменіе вѣры чудомъ; откуда произошло новое и всеобщее возстаніе всего народа, вѣрившаго именно, что они были истреблены не судіею Богомъ, но хитростью Моисея; народъ наконецъ, изнемогши послѣ великаго пораженія или моровой язвы, успокоился, но такъ, что всѣ лучше желали умереть, нежели жить; поэтому въ то время скорѣе возстаніе прекратилось, нежели согласіе началось. Такъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Пи- 105.
саніе во Втор. гл. 31, ст. 21, гдѣ Богъ Моисею, послѣ того какъ онъ ему предсказалъ, что народъ послѣ его смерти отпадетъ отъ божественнаго культа, говоритъ слѣдующее: *„вѣдь знаю Я его влеченіе, то, что онъ сегодня подстраиваетъ, прежде чѣмъ введу его въ землю, которою Я поклялся“*. И немного спустя Моисей говоритъ самому народу [2]): *„ибо я знаю твою мятежность и твое упорство. Если, пока я съ вами жилъ, вы были мятежниками противъ Бога, то гораздо болѣе вы будете ими послѣ моей смерти“*. И дѣй- 106.
ствительно такъ и случилось, какъ извѣстно. Отсюда большія перемѣны и большая вольность во всемъ, роскошь и лѣность, благодаря которымъ все стало приходить въ худшее состояніе, пока они, часто порабощаемые, совершенно

---

[1]) См. Чис. гл. 16.

[2]) Втор. 31, 27.

не нарушили божественнаго права и не захотѣли смертнаго царя, такъ чтобы царскимъ жилищемъ въ государствѣ былъ не храмъ, но дворецъ, и чтобы далѣе всѣ колѣна пребывали согражданами не въ отношеніи къ божественному праву и первосвященству, но въ отношеніи къ царямъ [1]).
1107. Но здѣсь огромный матеріалъ къ новымъ возстаніямъ, изъза которыхъ наконецъ и воспослѣдовало разрушеніе всего государства. Ибо можетъ ли что иное быть для царей невыносимѣе того, какъ царствовать изъ милости другого лица и терпѣть государство въ государствѣ? Первые цари, избранные изъ частныхъ лицъ, были довольны степенью
1108. достоинства, до которой они возвысились; но послѣ того какъ сыновья по праву наслѣдства овладѣли царствомъ, они начали мало по малу все измѣнять, съ цѣлью удержать все право власти только за собою, чего по большей части они были лишены, пока право законодательства зависѣло не отъ нихъ, но отъ первосвященника, хранившаго законы въ святилищѣ и истолковывавшаго ихъ народу; стало быть, они подобно подданнымъ были связаны законами и не могли по праву отмѣнять ихъ или издавать съ равнымъ авторитетомъ новые; затѣмъ еще потому, что право левитовъ запрещало царямъ наравнѣ съ подданными, какъ профанамъ, управлять святыней, и наконецъ потому, что вся безопасность для ихъ власти зависѣла только отъ воли одного того, кто казался пророкомъ, примѣры чего они видѣли: именно видѣли съ какою свободою Самуилъ приказывалъ все Саулу, и какъ легко за одинъ проступокъ онъ могъ перенести право царствовать на Давида [2]); почему у нихъ

[1]) Ср. 1 Цар. гл. 8.
[2]) Ср. 1 Цар. гл. 13, 15, 16.

и было государство въ государствѣ, и царствовали они изъ милости другого лица. Слѣдовательно ради преодолѣнія 109.
этого они допускали посвящать другіе храмы богамъ, дабы не имѣть больше съ левитами никакого совѣщанія; затѣмъ, они отыскивали лицъ, которые пророчествовали бы отъ имени Бога, дабы имѣть пророковъ, которыхъ можно было бы противопоставить истиннымъ [1]). Но что только они ни 110.
предпринимали, они никогда не могли достигнуть желаемаго. Вѣдь пророки, подготовленные ко всему, выжидали удобнаго времени, именно правленія преемника, которое, пока жива память о предшественникѣ, всегда непрочно; тогда они благодаря божественному авторитету легко могли побудить какого-нибудь враждебно настроеннаго и знаменитаго добродѣтелью царя къ защитѣ божественнаго права и къ владѣнію государствомъ или частью его на основаніи права. Но этимъ способомъ и пророки не могли успѣть въ 111.
чемъ-либо, ибо хотя они и низвергали тирана, однако причины оставались; посему они дѣлали не что иное, какъ покупали новаго тирана за множество крови гражданъ. Такимъ образомъ несогласіямъ и гражданскимъ войнамъ конца не было, причины же нарушенія божественнаго права были всегда тѣ же самыя, и они могли быть уничтожены только одновременно со всѣмъ государствомъ.

Изъ этого мы видимъ, какъ была введена религія въ 112.
государство евреевъ, и какимъ образомъ господство могло быть вѣчнымъ, если бы справедливый гнѣвъ законодателя допустилъ утвердиться въ немъ. Но такъ какъ это не могло случиться, оно должно было наконецъ погибнуть. И здѣсь я говорилъ только о первомъ господствѣ. Ибо второе было 113.

---

[1]) Ср. 3 Цар. 12, 26 и сл.

едва тѣнью перваго, такъ какъ евреи были связаны правомъ персовъ, подданными которыхъ они были; а послѣ того какъ они получили свободу, право княжескаго достоинства присвоили себѣ первосвященники, благодаря чему они получили неограниченное господство. Отсюда у жрецовъ возникло сильнѣйшее желаніе царствовать и въ то
114. же время добиваться первосвященническаго сана; посему объ этомъ второмъ владычествѣ не нужно было много говорить. Но достойно ли первое, насколько мы представили его длительнымъ, подражанія или благочестиво ли ему, на сколько это возможно, подражать, это будетъ видно
115. изъ дальнѣйшаго. Здѣсь я только желалъ бы вмѣсто заключенія отмѣтить то, на что мы уже выше указали [1]), именно: изъ того, что мы показали въ этой главѣ, явствуетъ, что божественное или религіозное право возникаетъ изъ договора, безъ котораго нѣтъ никакого права кромѣ естественнаго; и потому евреи на основаніи приказанія религіи были обязаны питать какую-либо любовь не къ народамъ, не участвовавшимъ въ договорѣ, но только къ согражданамъ.

---

[1]) См. § 26 и сл.

Глава XVIII.

Изъ государства и исторіи евреевъ выводятся нѣкоторыя политическія догмы.

Хотя государство евреевъ, какимъ мы его представили въ предыдущей главѣ, могло быть вѣчнымъ, однако никто уже не можетъ подражать ему, да и не совѣтуютъ даже. Ибо если бы кто хотѣлъ перенести на Бога свое право, то онъ долженъ былъ бы выразительно договориться объ этомъ съ Богомъ, какъ сдѣлали евреи; слѣдовательно потребовалась бы не только воля переносящихъ право, но и воля Бога, на котораго оно должно было бы быть перенесено. Но Богъ, напротивъ, открылъ чрезъ 2.
апстоловъ, что договоръ съ Богомъ пишется уже не чернилами и не на каменныхъ скрижаляхъ, но духомъ Божіимъ въ сердцѣ [1]). Затѣмъ, такая форма власти могла бы быть полезна только для тѣхъ, можетъ быть, которые желаютъ жить лишь для себя безъ внѣшняго общенія, замкнуться внутри своихъ предѣловъ и обособиться отъ остального

[1]) См. 2 Коринѳ. 3, 3.

міра, но отнюдь не для тѣхъ, кому необходимо имѣть общеніе съ другими; поэтому такая форма власти можетъ
3. быть на пользу только весьма немногимъ. Но, по истинѣ, хотя она во всемъ не заслуживаетъ подражанія, однако у нея было много весьма достойнаго, по крайней мѣрѣ, того чтобы отмѣтить, и подражать чему, можетъ быть, слѣдовало бы посовѣтовать. Впрочемъ, такъ какъ въ мой планъ, какъ я уже упомянулъ, не входитъ говорить ex professo о государствѣ, то большую часть изъ этого я опущу и отмѣчу только то, что относится къ моей цѣли, именно: что царству Бога не противорѣчитъ избраніе верховнаго вели-
4. чества, которое обладало бы верховнымъ правомъ власти. Ибо послѣ того какъ евреи перенесли свое право на Бога, они передали Моисею верховное право повелѣвать; и онъ слѣдовательно одинъ имѣлъ власть издавать и отмѣнять именемъ Бога законы, избирать священнослужителей, судить, учить и наказывать и, наконецъ, всѣмъ абсолютно
5. приказывать все. Потомъ, что хотя священнослужители были толкователями законовъ, однако не ихъ дѣло было судить гражданъ и извергать кого-либо изъ общества; это вѣдь было свойственно только судьямъ и правителямъ, избраннымъ изъ народа (см. Іисуса Нав. гл. 6, ст. 26; Судей гл. 21, ст. 18 и 1 Самуила гл. 14, ст. 24).

6. Если бы мы пожелали также обратить вниманіе на успѣхи и исторію евреевъ, то кромѣ этого мы найдемъ и другое, также достойное того чтобы его отмѣтить. Именно: I), что какія-либо секты въ религіи возникли только послѣ того, какъ первосвященники во второмъ государствѣ получили власть постановлять рѣшенія и управлять дѣлами государства; для того чтобы эта власть была вѣчной, они присвоили себѣ право княжескаго достоинства и, наконецъ,

пожелали называться царями. Основаніе этого ясно; ибо въ 7.
первомъ государствѣ никакіе декреталіи не могли получить имя отъ первосвященника, такъ какъ у нихъ не было никакого права постановлять рѣшенія, но было только право передавать отвѣты Бога, когда къ нимъ обращались князья или народныя собранія; и поэтому въ то время у нихъ не могло быть никакой охоты предписывать новшества; но была лишь охота служить и защищать обычное и принятое. Ибо никакимъ другимъ способомъ они не могли безопасно сохранять свою свободу вопреки волѣ правителей, какъ только охраняя невредимо законы. Но 8.
послѣ того какъ они получили правомочіе завѣдывать дѣлами государства и право княжескаго достоинства вмѣстѣ съ первосвященствомъ, каждый изъ нихъ какъ въ религіи, такъ и въ остальномъ началъ искать славы для своего имени, опредѣляя именно все первосвященническимъ авторитетомъ и дѣлая ежедневно относительно церемоній, вѣры и всего новыя постановленія; они хотѣли, чтобы эти постановленія были не менѣе священными и не меньшаго авторитета, чѣмъ законъ Моисея. Вслѣдствіе этого религія сма- 9.
хивала на пагубное суевѣріе, а истинный смыслъ и толкованіе законовъ были извращаемы. Къ этому присоединилось также то обстоятельство, что первосвященники, пролагая въ началѣ реставраціи путь къ княжескому достоинству, соглашались на все, чтобы привлечь къ себѣ народъ; именно одобряли поступки народа, хотя бы и нечестивые, и приспосабливали Писаніе къ самымъ дурнымъ его нравамъ. Это по крайней мѣрѣ Малахія свидѣтельствуетъ о 10.
нихъ весьма ясными словами; онъ вѣдь, послѣ того какъ разбранилъ священниковъ своего времени, назвавъ ихъ пренебрежителями имени Божія, продолжаетъ упрекать ихъ

такъ [1]): „*уста первосвященника охраняютъ знанія, и законъ ищется отъ устъ его, потому что онъ посланецъ Божій: но вы уклонились съ пути, сдѣлали то, что законъ для многихъ сталъ соблазномъ. Договоръ съ Левіемъ вы разрушили, говоритъ Богъ воинствъ*“, и продолжаетъ обвинять ихъ такимъ образомъ далѣе, потому что они по произволу толковали законы и не обращали никакого вниманія на Бога,
11. но только на лица. Но извѣстно, что первосвященники никогда не могли сдѣлать этого столь осторожно, чтобы они не были замѣчены болѣе разумными людьми; поэтому они съ возрастающею смѣлостью утверждали, что никакихъ другихъ законовъ не должно придерживаться кромѣ тѣхъ, которые были написаны; а что постановленія, которыя обманутые фарисеи (состоявшіе, какъ полагаетъ Іосифъ въ Древностяхъ *, большею частью изъ простого народа) называли
12. преданіями отцевъ, нисколько не должно соблюдать. Что бы ни было, мы никоимъ образомъ не можемъ сомнѣваться въ томъ, что льстивость первосвященниковъ, порча религіи и законовъ и ихъ невѣроятное умноженіе давали очень сильный и частый поводъ къ спорамъ и ссорамъ, которыя никогда не могли быть улажены; ибо гдѣ люди въ пылу суевѣрія начинаютъ спорить—причемъ одна изъ сторонъ поддерживается начальствомъ,—тамъ они никогда не могутъ быть примирены, но необходимо раздѣляются на секты.

13. II), достойно замѣтить, что пророки, то есть частные мужи, своею свободою назиданія, обличенія и порицанія скорѣе раздражали, нежели исправляли людей, которые

---

[1]) См. Малах. 2, 7, 8.

* См. Іосифа «Древн.» 15, 10.

однако легко склонялись предъ царскими увѣщаніями или наказаніями. И даже для благочестивыхъ царей они часто были невыносимы по причинѣ имѣвшагося у нихъ права судить о томъ, что̀ благочестиво или неблагочестиво было сдѣлано, и упрекать даже самихъ царей, если они (цари) способствовали выполненію какого-либо дѣла общественнаго или частнаго вопреки ихъ (пророковъ) сужденію. Царь Аса, 14.
царствовавшій по свидѣтельству Писанія благочестиво, посадилъ пророка Ананію въ толчею (смотр. 2 Парал. гл. 16), потому что онъ осмѣлился свободно порицать его и бранить за договоръ, заключенный съ царемъ арамейскимъ [1]). И кромѣ этого встрѣчаются другіе примѣры, показывающіе, что отъ такой свободы религія получила болѣе вреда, нежели пользы; умалчиваю уже о томъ, что и отъ того, что пророки удержали за собой столь большое право, произошли большія гражданскія войны.

III), достойно также замѣтить, что пока народъ управ- 15.
влялъ царствомъ, была только одна гражданская война; она однако была совершенно прекращена и побѣдители такъ сжалились надъ побѣжденными, что всѣми способами старались возстановить ихъ въ прежней ихъ чести и могуществѣ [2]). Но послѣ того какъ народъ, совершенно не привыкшій къ царямъ, измѣнилъ первую форму правленія на монархическую, гражданскимъ войнамъ почти никакого конца не было, и начались сраженія столь жестокія, что они превзошли всякую молву. Вѣдь въ одномъ сраже- 16.
ніи (что почти превосходитъ вѣроятіе) было убито іудеями пятьсотъ тысячъ израильтянъ [3]); а въ другомъ, на-

[1]) Неправильно читалось раньше во всѣхъ изданіяхъ: *армянскимъ*.
[2]) Ср. Суд. гл. 20 и 21.
[3]) См. 2 Парал. 13, 17.

оборотъ, израильтяне убиваютъ многихъ изъ іудеевъ (число въ Писаніи не передается), полонятъ самого царя, почти разрушаютъ стѣну Іерусалима и совершенно разграбляютъ самый храмъ (чтобы знали, что не было никакой мѣры гнѣву) и обремененные огромною добычею отъ братьевъ, упившись кровью, получивши заложниковъ и оставивъ царя въ его почти уже раззоренномъ царствѣ, они складываютъ оружіе, обезопасивъ себя не увѣреніями, но безсиліемъ
17. іудеевъ [1]). Ибо спустя немного лѣтъ, когда силы іудеевъ окрѣпли, они опять начанаютъ новое сраженіе, въ которомъ израильтяне вторично выходятъ побѣдителями, убиваютъ сто двадцать тысячъ іудеевъ, уводятъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей до двухъ сотъ тысячъ и вторично награбляютъ большую добычу [2]); благодаря этимъ и другимъ сраженіямъ, о которыхъ въ исторіяхъ разсказывается мимоходомъ, они,
18. изнуренные, наконецъ стали добычею враговъ. Затѣмъ, если бы мы пожелали сосчитать времена, въ которыя можно было наслаждаться полнымъ миромъ, то найдемъ большую разницу; до царей вѣдь часто сорокъ [3]), а однажды (сверхъ всякаго чаянія) восемьдесятъ лѣтъ они прожили
19. въ согласіи безъ внѣшней или внутренней войны [4]). Но послѣ того какъ цари получили власть, мы читаемъ, что всѣ кромѣ одного Соломона (добродѣтель котораго, именно мудрость, лучше могла обнаружиться во время мира, нежели на войнѣ) вели войны, потому что (имъ) должно было больше ратовать не о мирѣ и свободѣ какъ прежде, но о славѣ; потомъ присоединялось пагубное желаніе царствовать,

---

[1]) См. 2 Парал. 25, 21 и сл.
[2]) См. 2 Пар. 28, 5 и сл.
[3]) См. Суд. 3, 11; 5, 31.
[4]) См. Суд. 3, 30.

сдѣлавшее для очень многихъ дорогу къ царству весьма кровавой. Наконецъ законы въ продолженіе царствованія 20.
народа пребывали неиспорченными и были соблюдаемы постояннѣе. Ибо до царей было весьма немного пророковъ, которые назидали народъ; послѣ же избранія царя ихъ одновременно бывало весьма много; ибо Авдій освободилъ отъ умерщвленія сто и скрылъ ихъ, чтобы они не были убиты съ прочими [1]). И мы видимъ, что народъ былъ обманываемъ нѣкоторыми ложными пророками только послѣ того, какъ онъ уступилъ власть царямъ, которымъ очень многіе стараются угодить. Прибавьте, что народъ, духъ ко- 21.
тораго большей частью бываетъ смотря по обстоятельствамъ великъ или низокъ, легко исправлялся при бѣдствіяхъ и обращался къ Богу и возстановлялъ законы и такимъ образомъ освобождалъ себя и отъ всякой опасности; наоборотъ, цари, духъ которыхъ всегда одинаково надмененъ и безъ позора не можетъ стать уступчивымъ, упорно придерживались пороковъ до окончательнаго разрушенія города.

Изъ этого мы весьма ясно видимъ I, какъ пагубно и 22.
для религіи и для государства предоставлять служителямъ святыни какое-либо право издавать декреты или заниматься дѣлами правленія; и наоборотъ, какъ все выходитъ гораздо прочнѣе, если ихъ содержатъ такимъ образомъ, что они подаютъ свой голосъ о чемъ-нибудь только, когда ихъ спрашиваютъ, а въ то же время учатъ только тому, что принято и болѣе употребительно, и исполняютъ это на практикѣ. II, какъ опасно относить къ божественному пра- 23.
ву вещи чисто спекулятивныя и устанавливать законы о

[1]) См. 1 Цар. 18, 4, 13.

мнѣніяхъ, о которыхъ люди имѣютъ обыкновеніе или могутъ спорить; вѣдь всего жесточе царствуютъ тамъ, гдѣ мнѣнія, составляющія право каждаго, которымъ никто не можетъ поступиться, считаются за преступленіе; или лучше, гдѣ это дѣлается, тамъ обыкновенно больше всего царитъ
24. ярость народа. Такъ Пилатъ, чтобы уступить ярости фарисеевъ, приказалъ распять Христа [1]), котораго онъ призналъ невиновнымъ. Потомъ фарисеи, чтобы лишить богатыхъ ихъ почетнаго положенія, начали возбуждать вопросы о религіи и обвинять саддукеевъ въ нечестіи; а поэтому примѣру фарисеевъ всякіе гнусные лицемѣры, побуждаемые той же злобой, которую они называютъ ревностью о божественномъ правѣ, всюду преслѣдовали мужей, отличавшихся честностью и знаменитыхъ добродѣтелью, и поэтому непріятныхъ для толпы,—именно публично предавая проклятію ихъ мнѣнія и разжигая гнѣвъ свирѣпой толпы
25. противъ нихъ [2]). И это дерзкое нахальство не легко можетъ быть обуздано, такъ какъ оно прикрывается видомъ религіи,—въ особенности гдѣ высшія власти ввели какую-нибудь секту, за основателей которой онѣ не считаются; потому что онѣ являются тогда не толкователями божественнаго права, но сектантами, то есть признающими учителей секты за толкователей божественнаго права, и потому авторитетъ начальства относительно этихъ вещей обыкновенно имѣетъ малое значеніе у черни, но больше всего имѣетъ значеніе авторитетъ учителей, толкованіямъ кото-
26. рыхъ, полагаютъ, даже цари должны подчиняться. Слѣдовательно, чтобы избѣжать этого зла, ничего нельзя приду-

---

[1]) Ср. Матѳ. гл. 27.

[2]) Ср. Іосиф. «Война Іудеевъ» 2, 8; «Древн.» 15, 10.

мать болѣе безопаснаго для государства, какъ полагать благочестіе и исповѣданіе религіи только въ дѣлахъ, то есть только въ упражненіи въ любви и справедливости, а въ остальномъ предоставить каждому свободное сужденіе; но объ этомъ подробнѣе потомъ [1]). III), видимъ сколь 27.
необходимо какъ для государства, такъ и для религіи предоставить верховной власти право рѣшать о томъ, что̀ законно или незаконно. Ибо если самимъ божественнымъ пророкамъ это право оцѣнивать поступки могло быть предоставляемо только съ большимъ вредомъ для государства и религіи, то гораздо менѣе оно должно быть предоставляемо тѣмъ, которые ни будущаго не умѣютъ предсказывать, ни чудесъ творить не могутъ. Но объ этомъ впослѣдствіи я поговорю обстоятельнѣе [2]). IV), наконецъ видимъ, 28.
какъ пагубно для народа, не привыкшаго жить подъ царями и имѣющаго уже установленные законы, избирать монарха. Ибо ни самъ (народъ) не будетъ въ состояніи выдержать такое правленіе, ни царская власть терпѣть законы и права народа, установленныя другимъ лицомъ меньшаго авторитета, а еще менѣе она будетъ склонна защищать ихъ, потому въ особенности, что при установленіи ихъ не могли имѣть какихъ-либо соображеній о царѣ, но только о народѣ или народномъ собраніи, которое думало править царствомъ; и стало быть, царь, защищая древнія права народа, казался бы скорѣе слугою, нежели господиномъ его. Слѣ- 29.
довательно новый монархъ съ величайшимъ усердіемъ будетъ стараться установить новые законы и измѣнить права государства въ свою пользу, а народъ поставить въ такое

---

[1]) См. гл. 20, преимущ. § 46.
[2]) См. гл. 19.

положеніе, чтобы онъ не столь легко могъ отнимать почетъ у царей, сколько воздавать его.

30. Но здѣсь я никакъ не могу умолчать о томъ, что не менѣе опасно также и умертвить монарха, хотя бы всячески было ясно, что онъ тираннъ. Ибо народъ, привыкшій къ царскому авторитету и имъ только сдерживаемый, будетъ презирать и высмѣивать меньшій (авторитетъ); и потому, если бы одного умертвили, то для народа будетъ необходимо, какъ нѣкогда для пророковъ, избрать на мѣсто перваго другого, который будетъ тиранномъ не добровольно,
31. но по необходимости. Ибо какимъ образомъ для него будетъ возможно видѣть окровавленныя царскимъ убійствомъ руки гражданъ и слышать ихъ похвальбу убійствомъ, какъ поступкомъ хорошо совершеннымъ, который они сдѣлали только затѣмъ, чтобы показать примѣръ для него одного. Понятно, если онъ желаетъ быть царемъ и не признавать народъ судьею царей и своимъ господиномъ и царствовать независимо, то онъ долженъ отмстить за смерть перваго и себя ради показать примѣръ напротивъ, дабы народъ
32. вторично не отважился совершить такое преступленіе. Но отмстить за смерть тиранна убійствомъ гражданъ ему не легко будетъ возможно, если только онъ въ то же время не защищаетъ принциповъ того перваго тиранна и не одобряетъ его дѣяній, и слѣдственно не идетъ во всемъ по стопамъ перваго тиранна. Вотъ отчего и выходило, что народъ хоть и часто могъ мѣнять тиранна, но никогда не могъ ни освободиться отъ него, ни монархическое правленіе измѣ-
33. нить въ правленіе иной формы. Роковой примѣръ этого далъ англійскій народъ, искавшій причинъ, на основаніи которыхъ онъ могъ бы умертвить монарха подъ видомъ права; однако, умертвивъ его, онъ менѣе всего могъ измѣ-

нить форму правленія. Но проливъ множество крови, пришли къ тому, что былъ провозглашенъ новый монархъ подъ другимъ названіемъ (какъ будто весь вопросъ былъ объ одномъ названіи); онъ никакимъ образомъ не могъ утвердиться иначе, какъ совершенно истребляя царскій родъ, убивая друзей короля или подозрѣваемыхъ въ дружбѣ (съ нимъ) и нарушая мирный досугъ, способный порождать росказни, войной, дабы простой народъ, занятый и увлеченный новыми событіями, направилъ мысли отъ убійства короля на другое [1]). Народъ поэтому поздно замѣтилъ, что 34.
онъ для спасенія отечества ничего другого не сдѣлалъ, какъ только нарушилъ право законнаго короля, и всѣ вещи привелъ въ худшее состояніе. Такимъ образомъ онъ рѣшилъ, когда можно было, вернуться назадъ и не успокоился, пока не увидѣлъ, что все пришло въ прежнее свое состояніе. Но можетъ быть кто-нибудь, приведя въ примѣръ 35.
римскій народъ, возразитъ, что народъ легко можетъ освободиться отъ тиранна [2]); но я думаю, что именно на немъ наша мысль вполнѣ подтверждается. Ибо римскій народъ хотя гораздо легче могъ избавиться отъ тиранна и измѣнить форму правленія по причинѣ того, что право избранія царя и его преемника было у самого народа, и что самъ онъ (составленный именно изъ людей мятежныхъ и отчаянныхъ) еще не привыкъ повиноваться царямъ (ибо изъ шести царей, бывшихъ у него раньше, онъ умертвилъ трехъ), однако онъ ничего другого не сдѣлалъ, какъ только вмѣсто одного избралъ нѣсколькихъ тирановъ, которые постоянно вовлекали его въ бѣдственную внѣшнюю и внут-

[1]) См. Исторію Карла I, Кромвеля, Карла II.
[2]) См. Ливія истор. I, 60. II, 1 и сл.

реннюю войну, пока наконецъ власть снова не перешла къ монарху, и тоже подъ измѣненнымъ только названіемъ какъ
36. и въ Англіи. Что же касается голландскихъ штатовъ, то у нихъ никогда, сколько мы знаемъ, не было королей, но были графы, на которыхъ право господства никогда не было переносимо. Ибо, какъ объявляютъ сами великомощные голландскіе штаты въ докладѣ, изданномъ ими во время графа Лейчестера [1]), они всегда сохраняли за собой право (authoritatem) напоминать тѣмъ графамъ о ихъ обязанности и удерживали у себя власть защищать это свое право и свободу гражданъ и предъявлять требованія къ графамъ, если бы они выродились въ тирановъ, держа ихъ такъ, что они только съ дозволенія и одобренія штатовъ могли
37. что-либо сдѣлать. Изъ этого слѣдуетъ, что право верховнаго величества, которое послѣдній графъ старался присвоить себѣ, у штатовъ всегда было; поэтому далеко не вѣрно, что они измѣнили ему, когда возстановили свое древнее, почти уже утраченное, господство. Такимъ образомъ этими примѣрами вполнѣ подтверждается то, что мы сказали; именно, что форму всякаго правленія необходимо должно сохранять, и она можетъ быть измѣнена не безъ риска полнаго его разрушенія; это и есть то, что я счелъ нужнымъ здѣсь замѣтить.

---

[1]) См. Rotteck. Allgem. Gesch. t. VII, гл. 5, § 10.

Глава XIX.

Показывается, что право относительно священныхъ вещей принадлежитъ всецѣло верховной власти, и что внѣшній культъ религіи долженъ быть приноравливаемъ къ соблюденію спокойствія въ государствѣ, если мы хотимъ правильно повиноваться Богу.

Когда я говорилъ выше [1]), что только тѣ, кто обладаютъ властью, имѣютъ право до всего и что только отъ ихъ рѣшенія зависитъ все право, я желалъ разумѣть подъ нимъ не только гражданское, но и священное; ибо и этого права они должны быть истолкователями и защитниками; и это здѣсь я желаю выразительно отмѣтить, и ex professo поговорить о немъ въ этой главѣ, потому что есть весьма много людей, которые совершенно отрицаютъ, что это право, то есть право относительно священныхъ предметовъ, приличествуетъ верховнымъ властямъ, и не хотятъ признавать ихъ за истолкователей божественнаго права, а потому берутъ на себя смѣлость обвинять и позорить ихъ

[1]) См. гл. 16, § 24 и сл., гл. 17, § 5 и сл., гл. 18, § 27.

и даже болѣе отлучать (какъ нѣкогда Амвросій императора Ѳеодосія) отъ церкви. Но что они такимъ образомъ дѣлятъ власть, и даже сами стремятся къ власти, мы увидимъ ниже въ этой самой главѣ [1]); ибо прежде я хочу показать, что религія получаетъ силу права только вслѣдствіе рѣшенія тѣхъ, которые имѣютъ право повелѣвать, и что Богъ никакого особаго царенія надъ людьми не имѣетъ иначе, какъ только чрезъ тѣхъ, которые обладаютъ властью; и кромѣ того, что культъ религіи и практика въ благочестіи должны быть сообразованы съ спокойствіемъ и пользою государства, а слѣдовательно должны быть опредѣлены только верховными властями, а стало быть, онѣ должны быть и истол-
3. кователями этого. Говорю выразительно о практикѣ въ благочестіи и внѣшнемъ культѣ религіи, а не о самомъ благочестіи и внутреннемъ почитаніи Бога или о средствахъ, которыми душа внутренно располагается къ почитанію Бога всѣмъ сердцемъ; зане внутреннее почитаніе Бога и само благочестіе составляетъ право каждаго (какъ въ концѣ гл. 7 мы показали) *, которое не можетъ быть переносимо
4. на другого. Далѣе я полагаю, что изъ гл. 14 довольно ясно то, что я разумѣю здѣсь подъ царствомъ Божіимъ [2]); въ ней вѣдь мы показали, что тотъ исполняетъ законъ Божій, кто соблюдаетъ справедливость и любовь по заповѣди Божіей; откуда слѣдуетъ, что царство Божіе есть то, въ которомъ справедливость и любовь имѣютъ силу права и за-
5. повѣди. И здѣсь я не признаю никакого различія, научаетъ ли и приказываетъ Богъ истинному культу справедливости

---

[1]) См ниже § 41.

* См. гл. 7, § 90 и сл.

[2]) См. гл. 14, особ. § 23 и 33.

и любви посредствомъ Естественнаго Свѣта или посредствомъ Откровенія; вѣдь нисколько не важно, какъ былъ открытъ тотъ культъ, лишь бы онъ получилъ высшее право и былъ для людей высшимъ закономъ. Итакъ если 6.
я покажу теперь, что справедливость и любовь могутъ получить силу права и заповѣди только на основаніи государственнаго права, то легко заключу изъ этого (такъ какъ государственное право находится въ рукахъ только верховныхъ властей), что религія получаетъ силу права только вслѣдствіе рѣшенія тѣхъ, которые обладаютъ правомъ повелѣвать, и что Богъ никакого особаго царенія надъ людьми не имѣетъ иначе, какъ только чрезъ тѣхъ, которые обладаютъ властью. Но что культъ справедливости и любви 7.
получаетъ силу права только на основаніи государственнаго права, ясно изъ предыдущаго; вѣдь мы показали въ гл. 16 [1]), что въ естественномъ состояніи у разума не больше права, чѣмъ у желанія, но что какъ тѣ, которые живутъ по законамъ желанія, такъ и тѣ, которые живутъ по законамъ разума, имѣютъ право до всего, что они могутъ. По этой причинѣ въ естественномъ состояніи мы не могли 8.
представить ни грѣха, ни Бога, какъ судью карающаго людей за грѣхи, но представляли, что все происходитъ по общимъ законамъ всего мірозданія, и что одинъ и тотъ же случай (говоря съ Соломономъ) приключается съ праведнымъ и нечестивымъ, чистымъ и нечистымъ и проч. [2]), и нѣтъ никакого мѣста ни справедливости, ни любви. Но для того чтобы правила истиннаго разума, то есть (какъ въ гл. 4 относительно божественнаго закона мы показали)

---

[1]) См. гл. 16, § 6—8.
[2]) См. Солом. Екклес. гл. 9, ст. 2.

сами божественныя правила, абсолютно имѣли силу права, мы представили, что необходимо было, чтобы каждый поступился своимъ естественнымъ правомъ, и всѣ перенесли его на всѣхъ или на нѣсколько человѣкъ, или на одного [1]), и тогда уже намъ въ первый разъ стало извѣстнымъ, что̀ есть справедливость, что̀—несправедливость, что̀—правота
9. и что̀—неправота. Итакъ справедливость и абсолютно всѣ правила истиннаго разума, а слѣдовательно любовь къ ближнему, получаютъ силу права и заповѣди только отъ государственнаго права, то есть (по тому, что въ той же главѣ мы показали) * только отъ рѣшенія тѣхъ, которые имѣютъ право повелѣвать. И такъ какъ (какъ я уже показалъ) царство Божіе состоитъ только въ правѣ справедливости и любви, или истинной религіи [2]), то слѣдуетъ, какъ мы хотѣли, что Богъ никакого царенія надъ людьми не имѣетъ иначе, какъ только чрезъ тѣхъ, которые обладаютъ властью, и все равно, говорю, получили ли мы религію Откровенія
10. посредствомъ Естественнаго Свѣта или пророческаго; вѣдь доказательство—всеобщее, такъ какъ религія одна и та же, и равно открыта Богомъ, предположатъ ли, что она стала извѣстною людямъ этимъ или тѣмъ способомъ. И потому, чтобы пророчески откровенная религія имѣла у евреевъ также силу права, необходимо было, чтобы каждый изъ нихъ сперва поступился своимъ естественнымъ правомъ, и всѣ съ общаго согласія постановили повиноваться только тому, что было пророчески открыто для нихъ Богомъ; точь въ точь какъ и въ демократическомъ государствѣ дѣлается,

---

[1]) См. гл. 4, § 2 и сл.

* См. гл. 4, § 3.

[2]) См. § 4.

какъ мы показали [1]), гдѣ всѣ съ общаго согласія рѣшаютъ
жить только по предписанію разума. И хотя сверхъ того 11.
евреи перенесли свое право на Бога, они однако могли
сдѣлать это болѣе въ мысли, нежели на дѣлѣ; ибо въ дѣй-
ствительности (какъ мы выше видѣли) они сохраняли не-
ограниченное право господства [2]), пока не перенесли его
на Моисея, который также вслѣдъ за этимъ остался не-
ограниченнымъ царемъ, и только чрезъ него Богъ царство-
валъ надъ евреями. Далѣе по той же причинѣ (именно, 12.
что религія получаетъ силу права только на основаніи го-
сударственнаго права) Моисей не могъ подвергнуть ника-
кому наказанію тѣхъ, которые нарушили субботу прежде
договора, и которымъ слѣдовательно принадлежало еще
ихъ право (смотри Исхода гл. 16, ст. 27), какъ онъ могъ
сдѣлать это послѣ договора (смотри Чис. гл. 15, ст. 36)
именно послѣ того какъ каждый поступился своимъ есте-
ственнымъ правомъ, и суббота вслѣдствіе государственнаго
права получила силу заповѣди. Наконецъ по той же при- 13.
чинѣ по разрушеніи государства евреевъ религія Откро-
венія перестала имѣть силу права; мы вѣдь никоимъ обра-
зомъ не можемъ сомнѣваться въ томъ, что царство Божіе
и Божественное право прекратилось тотчасъ же, какъ
только евреи перенесли свое право на вавилонскаго царя.
Ибо этимъ самымъ договоръ, по которому они обѣщали 14.
повиноваться всему, что говоритъ Богъ, и что было осно-
ваніемъ царства Божія, совершенно былъ уничтоженъ; и
они не могли больше исполнять его, такъ какъ съ того
времени они больше не зависѣли отъ своего права (по-

---

[1]) См. гл. 16, § 25 и сл.
[2]) См. гл. 17, § 26 и сл.

добно тому, когда они были въ пустынѣ или въ отечествѣ), но зависѣли отъ царя Вавилоніи, которому во всемъ (какъ мы показали въ 16 гл.) обязаны были повиноваться [1]); это и Іеремія въ гл. 29, ст. 7 выразительно совѣтуетъ имъ. „*Заботьтесь*“, говоритъ онъ, „*о мирѣ города, въ который Я отвелъ васъ плѣнными, ибо при его благосостояніи и у васъ*
15. *будетъ благосостояніе*“. Но они могли заботиться о благосостояніи того города, не какъ слуги государства (они вѣдь были плѣнниками), но какъ рабы, то есть показывая себя, во избѣжаніе возстаній, послушными во всемъ, соблюдая права и законы государства, хотя и очень различные отъ законовъ, къ которымъ они привыкли въ отечествѣ, и пр.
16. Изъ всего этого весьма очевидно слѣдуетъ, что религія у евреевъ получила силу права только отъ государственнаго права, а по разрушеніи государства она не могла болѣе считаться велѣніемъ отдѣльнаго государства, но всеобщимъ правиломъ разума; говорю: разума, ибо всеобщая религія
17. еще не была извѣстна чрезъ Откровеніе. Итакъ мы безусловно заключаемъ, что религія, открыта ли она чрезъ Естественный Свѣтъ или пророческій, получаетъ силу заповѣди только на основаніи рѣшенія тѣхъ, которые имѣютъ право повелѣвать, и что Богъ никакого особаго царенія надъ людьми не имѣетъ иначе, какъ только чрезъ тѣхъ, кото-
18. рые обладаютъ властью. Это также слѣдуетъ и яснѣе также понимается изъ сказаннаго въ гл. 4; тамъ вѣдь мы показали, что всѣ рѣшенія Бога заключаютъ въ себѣ вѣчную истину и необходимость, и что Богъ не можетъ быть мыслимъ какъ князь или законодатель, приносящій законы

---

[1]) См. гл. 16, § 65.

людямъ [1]). По этой причинѣ божественныя правила, откры- 19.
тыя посредствомъ Естественнаго Свѣта или пророческаго, получаютъ силу заповѣди не отъ Бога непосредственно, но необходимо отъ тѣхъ или посредствомъ тѣхъ, которые обладаютъ правомъ повелѣвать и рѣшать; стало быть, мы можемъ мыслить, что Богъ только при посредствѣ тѣхъ лицъ царствуетъ надъ людьми и направляетъ дѣла человѣческія согласно справедливости и равенству. Это и самимъ опытомъ подтверждается; ибо слѣды божественной спра- 20.
ведливости находятъ только тамъ, гдѣ царятъ справедливые; иначе (повторяя опять слова Соломона), мы видимъ, что одинъ и тотъ же случай приключается съ праведнымъ и неправеднымъ, чистымъ и нечистымъ [2]); это конечно заставляло весьма многихъ лицъ, думавшихъ, что Богъ царствуетъ надъ людьми непосредственно и всю природу направляетъ въ ихъ пользу, сомнѣваться относительно божественнаго Промысла. Слѣдовательно, такъ какъ ясно и изъ 21.
опыта и изъ разума, что божественное право зависитъ только отъ рѣшенія верховныхъ властей, то слѣдуетъ, что онѣ же суть и толкователи его. А какимъ образомъ,—сейчасъ увидимъ, ибо пора показать, что внѣшній культъ религіи и вся практика благочестія должны быть приноравливаемы къ миру и сохраненію государства, если мы желаемъ правильно повиноваться Богу. Доказавши же это, мы легко поймемъ, какимъ образомъ верховныя власти становятся толкователями религіи и благочестія.

Извѣстно, что любовь къ отечеству есть самая выс- 22.
шая любовь, какую кто-либо можетъ обнаружить; въ са-

---

[1]) См гл 4. § 37.
[2]) Еккл. гл 9, ст. 2.

момъ дѣлѣ, съ уничтоженіемъ правительства ничто хорошее не можетъ устоять, но все подвергается опасности, и только ярость и беззаконіе господствуютъ, наводя величайшій страхъ на всѣхъ; отсюда слѣдуетъ, что ничего благочестиваго нельзя сдѣлать ради ближняго, что не стало бы неблагочестивымъ, если отъ этого слѣдуетъ вредъ для всего государства, и наоборотъ, ничего нечестиваго противъ ближняго же нельзя учинить, чего не приписали бы благочестію, если это совершается ради сохраненія государства.
23. Напр., тому, кто препирается со мною и хочетъ взять мою рубашку, благочестиво отдать и плащъ [1]), но тамъ, гдѣ разсуждаютъ, что это гибельно для сохраненія государства, наоборотъ—благочестиво привлечь его къ суду, хотя бы онъ долженъ былъ осудиться на смерть. По этой причинѣ и прославляется Манлій Торкватъ, такъ какъ благо народа
24. для него больше значило, нежели любовь къ сыну [2]). Коль скоро это такъ, то слѣдуетъ, что благо народа есть высшій законъ, къ которому должны быть приноровлены всѣ вещи какъ человѣческія, такъ и божественныя. Но такъ какъ только верховной власти поручено опредѣлять то, что необходимо для блага всего народа и безопасности государства и приказывать то, что она признаетъ необходимымъ, то отсюда слѣдуетъ, что только верховной же власти поручено опредѣлять то, какимъ образомъ каждый долженъ оказывать любовь къ ближнему, то есть, какимъ образомъ
25. каждый обязанъ повиноваться Богу. Изъ этого мы ясно понимаемъ, какимъ образомъ верховныя власти суть толкователи религіи; далѣе, понимаемъ, что никто не мо-

---

[1]) См. Матѳ. 5, 40. Лук. 6, 29.
[2]) См. Лив. Истор. 8, 7.

жетъ правильно повиноваться Богу, если онъ не принораВливаетъ къ общественной пользѣ служеніе любви къ ближнему обязательной для каждаго, и слѣдовательно, если онъ не повинуется всѣмъ рѣшеніямъ верховной власти. Ибо, 26.
такъ какъ по заповѣди Бога мы всѣ (безъ всякаго исключенія) обязаны упражняться въ благочестіи и не причинять вреда никому, то отсюда слѣдуетъ, что никому не позволительно помогать кому-нибудь во вредъ другому, а тѣмъ болѣе во вредъ всему государству, и что, стало быть, никто не можетъ благочестиво относиться къ ближнему согласно заповѣди Бога, если онъ благочестіе и религію не сообразуетъ съ общественной пользой. Но о томъ, что полезно 27.
для государства, ни одинъ частный человѣкъ не можетъ знать иначе, какъ на основаніи рѣшеній верховныхъ властей: имъ только свойственно управлять общественными дѣлами; слѣдовательно никто не можетъ правильно упражняться въ благочестіи и повиноваться Богу, если онъ не исполняетъ всѣхъ рѣшеній верховной власти. И это самою 28.
практикою также подтверждается: вѣдь кого (гражданина или чужеземца, частное лицо или облеченное властью надъ другими) верховная власть признала повиннымъ смерти или врагомъ, то никому изъ подданныхъ не позволительно оказывать ему помощь. Точно такъ же, хотя евреямъ было сказано, чтобы каждый любилъ товарища какъ самого себя (см. Лев. гл. 19, ст. 17, 18), однако они обязаны были указывать судьѣ того, кто совершалъ что-нибудь противъ постановленій закона (см. Лев. гл. 5, ст. 1 и Втор. гл. 13, ст. 8, 9) и убивать его, если его признавали повиннымъ смерти (см. Втор. гл. 17, ст. 7). Потомъ, для того чтобы евреи могли 29.
охранить пріобрѣтенную свободу и удержать надъ землями, которыя они заняли, неограниченное господство,

имъ необходимо было, какъ мы показали въ гл. 17 [1]), приспособить религію только къ своему государству и отдѣлить себя отъ остальныхъ націй; и потому имъ было сказано: *„люби ближняго своего и ненавидь врага своего“* (см.
30. Матѳ. гл. 5, ст. 43). Но послѣ того какъ они потеряли государство и были отведены какъ плѣнники въ Вавилонію, Іеремія училъ [2]) ихъ заботиться о благосостояніи и того города, въ который они были приведены какъ плѣнники, а послѣ того какъ Христосъ увидѣлъ, что они будутъ разсѣяны по всему свѣту, онъ училъ [3]) ихъ питать любовь безусловно ко всѣмъ; все это весьма ясно показываетъ, что религія всегда была приноравливаема къ пользѣ государ-
31. ства. Если же кто спросилъ бы теперь, по какому же слѣдовательно праву ученики Христа, бывшіе именно людьми частными, могли проповѣдовать религію,—я говорю, что они сдѣлали это по праву власти, которую получили отъ Христа противъ нечистыхъ духовъ (смот. Матѳ. гл. 10,
32. ст. 1). Выше въ концѣ гл. 16 я вѣдь выразительно замѣтилъ, что всѣ даже тиранну обязаны сохранять вѣрность, исключая того, кому Богъ въ извѣстномъ Откровеніи обѣщалъ особую помощь противъ тиранна [4]); поэтому брать примѣръ съ этого случая непозволительно никому, если онъ не имѣетъ мощи творитъ чудеса; это становится яснымъ также изъ того, что Христосъ и ученикамъ сказалъ, чтобы они не страшились тѣхъ, которые убиваютъ тѣло (см.
33. Матѳ. гл. 10, ст. 28). Если бы это было сказано каждому, то напрасно было бы учреждать правительство, и изреченіе

---

[1]) См. гл. 17, § 26 и сл.
[2]) Іерем. 29, 7.
[3]) См. Лук. 21, 24.
[4]) См. гл. 16, § 64.

Соломона (Притч. гл. 24, ст. 21): *„сынъ мой бойся Бога и царя“*, было бы сказано нечестиво, что далеко отстоитъ отъ истины; и стало быть, необходимо должно признать, что то право, которое Христосъ далъ ученикамъ, было дано единственно только имъ, и что съ этого нельзя другимъ брать примѣра. Впрочемъ я нисколько не останавливаюсь на до- 34.
водахъ противниковъ, которыми они хотятъ отдѣлить божественное право отъ права гражданскаго, и утверждаютъ, что у верховныхъ властей имѣется только послѣднее, а первое принадлежитъ всеобщей церкви; ибо эти доводы столь легкомысленны, что не заслуживаютъ опроверженія. Одного только не могу обойти молчаніемъ: какъ жалко они 35.
обманываются, когда для подтвержденія этого возмутительнаго мнѣнія (прошу позволенія нѣсколько рѣзкому слову) они въ примѣръ приводятъ верховнаго первосвященника евреевъ, у котораго когда-то было право управленія священными дѣлами. Какъ будто первосвященники не получили того права отъ Моисея (который, какъ мы выше показали *, одинъ обладалъ верховной властью)! Рѣшеніемъ его
они могли быть и лишены онаго; вѣдь онъ самъ избралъ 36.
не только Аарона, но и сына его Елеазара и внука Финееса и далъ имъ власть управлять первосвященствомъ; ее первосвященники потомъ такъ блюли, что они казались нисколько не менѣе замѣстителей Моисея, то есть верховной власти. Ибо, какъ мы уже показали [1]), Моисей никакого преемника на господство не избралъ, но всѣ обязанности его такъ распредѣлилъ, что потомки казались его викаріями; они управляли государствомъ такъ, какъ будто

---

* См. гл. 17, § 37 и сл.

[1]) См. гл. 17, § 41.

37. царь былъ въ отсутствіи и не умиралъ. Затѣмъ во второмъ государствѣ первосвященники неограниченно обладали этимъ правомъ, послѣ того какъ они съ первосвященствомъ пріобрѣли и право княженія. Поэтому право первосвященства всегда зависѣло отъ предписанія верховной власти и первосвященники никогда имъ не обладали ина-
38. че, какъ соединяя его съ княжескимъ достоинствомъ. Даже болѣе, право относительно священныхъ вещей было у царей въ неограниченной степени [какъ будетъ видно изъ того, что я сейчасъ скажу въ концѣ этой главы *], кромѣ одного того, что имъ не позволялось хватать руками священные предметы въ храмѣ употреблявшіеся, потому что всѣ, кто не велъ своей родословной отъ Аарона, считались мірянами, что конечно въ христіанскомъ государствѣ
39. не имѣетъ никакого мѣста. И поэтому мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что теперь священныя дѣла (управленіе которыми требуетъ особливыхъ нравственныхъ качествъ, а не родовитости, вслѣдствіе чего тѣ, которые обладаютъ властью, не устраняются отъ него какъ міряне) зависятъ единственно отъ права верховныхъ властей; и никто, иначе какъ по довѣренности или съ согласія оныхъ, не имѣетъ права и власти управлять ими, избирать служителей при нихъ, опредѣлять и устанавливать основы церкви и ея ученіе, судить о нравахъ и поступкахъ благочестія, отлучать кого-нибудь или принимать въ церковь и, наконецъ, забо-
40. титься о бѣдныхъ. И доказывается (какъ мы уже сдѣлали), что это не только истинно, но, главнымъ образомъ, и необходимо для сохраненія какъ самой религіи, такъ и государства; всѣ вѣдь знаютъ, какъ много значитъ въ глазахъ

* См. ниже § 56 и сл.

народа право и власть относительно священныхъ вещей, и
насколько каждый зависитъ отъ устъ того, кто обладаетъ
ею; такъ что можно утверждать, что больше всего господ-
ствуетъ надъ умами тотъ, кому эта власть принадлежитъ.
Если, слѣдовательно, кто желаетъ отнять ее у верховныхъ 41.
властей, тотъ старается раздѣлить правленіе, изъ чего не-
обходимо должны будутъ произойти, какъ нѣкогда между
еврейскими царями и первосвященниками, споры и несо-
гласія, которые никогда не могутъ быть умиротворены.
Даже болѣе, кто старается отнять это право у верхов-
ныхъ властей, тотъ (какъ мы уже сказали) себѣ прола-
гаетъ дорогу къ власти [1]). Ибо что могутъ предписать 42.
верховныя власти, если это право за ними не признается?
Рѣшительно ничего—ни о войнѣ, ни о какомъ бы то ни
было дѣлѣ, если онѣ обязаны ожидать мнѣнія другого ли-
ца, которое научило бы ихъ благочестиво или неблагоче-
стиво то, что онѣ признали полезнымъ; но напротивъ, все
лучше дѣлается по рѣшенію того, кто имѣетъ право су-
дить и рѣшать, что благочестиво или нечестиво, законно
и незаконно. Примѣры этого всѣ вѣка видѣли; я приведу 43.
только одинъ изъ нихъ, служащій образчикомъ всѣхъ.
Такъ какъ римскому первосвященнику это право было
предоставлено неограниченно, то онъ мало по малу на-
чалъ наконецъ забирать всѣхъ королей во власть, пока не
достигъ апогея господства; и все что впослѣдствіи монархи
и въ особенности германскіе императоры ни предприни-
мали для уменьшенія хоть сколько-нибудь его авторитета,
имъ ничего не удалось, но напротивъ, они тѣмъ самымъ
увеличили его во много разъ. И по истинѣ, то самое, что 44.

---

[1]) Срав. выше § 2.

ни одинъ монархъ не могъ сдѣлать ни огнемъ, ни мечемъ, люди церкви могли сдѣлать однимъ только перомъ, такъ что даже изъ этого только легко познается сила и мощь того авторитета, и какъ кромѣ того необходимо для верховныхъ властей сохранить этотъ авторитетъ за собой.

45. Если же мы пожелаемъ разсмотрѣть и то, что въ предыдущей главѣ отмѣтили, то увидимъ, что и оно не мало также способствуетъ къ выгодѣ религіи и благочестія: вѣдь мы видѣли выше [1]), что хотя сами пророки и были одарены божественною добродѣтелью, однако вслѣдствіе того, что они были частными людьми, они своею свободою назиданія, обличенія и упрековъ скорѣе раздражали, нежели исправляли людей, которые однако легко склонялись предъ царскими увѣщаніями или наказаніями; потомъ мы видѣли, что сами цари по причинѣ того только, что имъ это право не принадлежало неограниченно, весьма часто отпадали отъ религіи, а съ ними почти и весь народъ; извѣстно, что и въ христіанскихъ государствахъ это случалось

46. по той же причинѣ весьма часто. Но здѣсь, можетъ быть, кто-нибудь спроситъ меня: „кто же слѣдовательно будетъ защищать по праву благочестіе, если тѣ, которые обладаютъ властью, захотятъ быть нечестивыми? Неужели и тогда они должны считаться истолкователями его“? Но я въ свою очередь спрошу того: „а что, если служители церкви (а они суть люди и люди частные, которымъ надлежитъ заботиться только о своихъ дѣлахъ) или другіе, которымъ онъ желаетъ присвоить право надъ священными дѣлами, захотятъ быть нечестивыми? Неужели и тогда ихъ

47. должно считать истолкователями его“? Конечно вѣрно, что

---

[1]) См. гл. 18, § 13 и сл.

если тѣ, которые обладаютъ властью, пожелали бы итти
пріятнымъ для нихъ путемъ—имѣютъ ли они право надъ
священными вещами или нѣтъ,—то все, какъ священное,
такъ и мірское, придетъ въ худшее состояніе; а еще ско-
рѣе (это случится), если какія-нибудь частныя лица взбун-
товавшись пожелали бы защищать божественное право.
Вслѣдствіе этого отъ отказа верховнымъ властямъ въ этомъ 48.
правѣ рѣшительно ничего не выигрывается, но наоборотъ,
зло болѣе умножается; ибо отъ этого самого происходитъ,
что онѣ необходимо (такъ же, какъ и еврейскіе цари, ко-
торымъ это право не было предоставлено неограниченно) ока-
зываются нечестивыми, и что слѣдовательно вредъ и зло
для всего государства изъ неопредѣленнаго и случайнаго
становится опредѣленнымъ и необходимымъ. Итакъ будемъ 49.
ли мы разсматривать истину вещи или безопасность госу-
дарства или наконецъ возрастаніе благочестія, мы прину-
ждены утверждать, что божественное право, или право надъ
священными дѣлами, безусловно зависитъ отъ рѣшенія вер-
ховныхъ властей и что онѣ суть толкователи и защитники
онаго; изъ этого слѣдуетъ, что тѣ суть служители слова
Божія, которые, не роняя авторитета верховныхъ властей,
научаютъ народъ благочестію, сообразуясь съ тѣмъ, на-
сколько оно по рѣшенію ихъ приноровлено къ обществен-
ной пользѣ. Остается теперь указать также причину, поче- 50.
му всегда въ христіанскомъ государствѣ спорили объ этомъ
правѣ, между тѣмъ однако евреи, насколько я знаю, ни-
когда въ немъ не сомнѣвались. Дѣйствительно, могло бы ка-
заться похожимъ на чудо, что всегда существовалъ вопросъ
о предметѣ столь очевидномъ и столь необходимомъ, и что
верховныя власти никогда этимъ правомъ не обладали без-
спорно, даже болѣе, никогда безъ того, чтобы не было

вреда для религіи и большой опасности отъ мятежей.
51. Конечно, если бы мы не могли указать никакой опредѣленной причины этого явленія, я легко согласился бы, что все, показанное мной въ этой главѣ, есть только теорія или принадлежитъ къ роду тѣхъ измышленій, которыя никогда не могутъ быть полезны. Но вѣдь для человѣка, разсматривающаго самые зачатки христіанской религіи, причина
52. этого явленія становится совершенно ясной, именно: первыми научили христіанской религіи не цари, но частные люди, привыкшіе вопреки волѣ тѣхъ, которые обладаютъ властью, и которыхъ они были подданными, проповѣдовать въ теченіе долгаго времени въ частныхъ собраніяхъ, установлять духовныя должности, управлять и распредѣлять и рѣшать все сами, не обращая никакого вниманія на правительство. А когда по прошествіи уже многихъ лѣтъ религія стала вводиться въ государство, то люди церкви должны
53. были учить ей, какъ они ее опредѣлили, самихъ императоровъ; благодаря этому они легко могли добиться того, чтобы ихъ признали учителями и истолкователями ея и сверхъ того пастырями церкви и какъ бы намѣстниками Бога; а чтобы впослѣдствіи христіанскіе государи не могли присвоить себѣ этотъ авторитетъ, духовные весьма хорошо оградили его, запретивъ именно вступать въ бракъ высшимъ служителямъ церкви и верховному толкователю ре-
54. лигіи. Къ этому кромѣ того присоединилось то обстоятельство, что догматы религіи увеличили до столь большого числа и такъ смѣшали съ философіей, что верховный ея толкователь долженъ былъ величайшимъ философомъ быть и богословомъ и заниматься многими безполезными измышленіями, а это можетъ быть доступно только частнымъ лю-
55. дямъ, обладающимъ большимъ досугомъ. Но у евреевъ дѣло

происходило совсѣмъ иначе, ибо церковь ихъ началась одновременно съ государствомъ, и Моисей, неограниченно имъ управлявшій, научилъ народъ религіи, распредѣлилъ священныя должности и выбралъ служителей для нихъ. Отъ этого же напротивъ вышло то, что у народа больше всего имѣлъ значеніе царскій авторитетъ, и что право надъ священными дѣлами принадлежало главнымъ образомъ царямъ. Ибо 56.
хотя послѣ смерти Моисея никто неограниченно не правилъ государствомъ, однако право рѣшенія какъ относительно священныхъ дѣлъ, такъ и относительно остальныхъ было въ рукахъ князя (какъ мы уже показали) *; затѣмъ, для того чтобы научаться религіи и благочестію, народъ обязанъ былъ приходить къ первосвященнику не болѣе, чѣмъ къ верховному судьѣ (см. Второз. гл. 17, ст. 9, 11). Нако- 57.
нецъ, хотя у царей не было права равнаго Моисееву, однако всякое почти назначеніе и избраніе на священную должность зависѣло отъ ихъ рѣшенія: вѣдь Давидъ предначерталъ устройство всего храма (см. 1 Паралип. гл. 28, ст. 11, 12 и пр.); потомъ онъ же избралъ изъ всѣхъ левитовъ двадцать четыре тысячи для псалмопѣнія и шесть тысячъ, изъ которыхъ были избраны судьи и чиновники, потомъ четыре тысячи привратниковъ и наконецъ четыре тысячи для игры на музыкальныхъ инструментахъ (см. той же книги гл. 23, ст. 4, 5). Далѣе онъ раздѣлилъ ихъ на отдѣлы (и 58.
начальниковъ ихъ онъ же назначилъ), чтобы каждый отдѣлъ въ свое время, соблюдая очередь, отправлялъ службу (см. ст. 6 той же главы). И священниковъ раздѣлилъ онъ на столько же отдѣловъ; но чтобы мнѣ не перечислять всего 59.
по одиночкѣ, я отсылаю читателя къ кн. 2 Паралип. гл. 8, гдѣ именно въ ст. 13 говорится: *„что богослуженіе, какъ его установилъ Моисей, было отправляемо въ храмѣ по при-*

* См. выше § 38; сл. гл. 17, § 41 и сл.

казанію Соломона", а въ ст. 14, „*что самъ онъ* (Соломонъ) *поставилъ отдѣленія священниковъ на ихъ службу и левитовъ и пр. по приказанію Давида, мужа божественнаго*". И наконецъ въ ст. 15 историкъ свидѣтельствуетъ, „*что не отступали они отъ царскаго предписанія, даннаго священникамъ и левитамъ, ни въ чемъ, ни даже въ управленіи сокровищами*"; изъ всего этого и другихъ исторій о царяхъ весьма ясно слѣдуетъ, что вся религіозная практика и свя-
60. щенная служба зависѣли только отъ приказа царей. Но сказавъ выше [1]), что они не имѣли права избирать, какъ Моисей, верховнаго первосвященника, непосредственно спрашивать совѣта у Бога и осуждать пророковъ, которые пророчествовали при ихъ жизни, я сказалъ это только на томъ основаніи, что пророки въ силу авторитета, который они имѣли, могли выбрать новаго царя и дать позволеніе на убійство, а не потому что царя, если онъ дерзнулъ сдѣлать что-либо противъ закона, можно было бы привлечь
61. къ суду и дѣйствовать противъ него по праву *). Поэтому, если бы не было никакихъ пророковъ, которые по особому Откровенію, не опасаясь, могли давать позволеніе на убійство, то они имѣли бы право безусловно на всѣ вещи какъ
62. священныя, такъ и гражданскія; поэтому современныя верховныя власти, которыя и не имѣютъ пророковъ и не обязаны правомъ принимать ихъ (потому что онѣ не подчинены еврейскимъ законамъ) обладаютъ этимъ правомъ неограниченно, хотя бы онѣ и не были безбрачными, и всегда будутъ обладать, лишь бы только онѣ не позволяли увеличивать на большое число догматы религіи и смѣшивать ихъ съ науками.

[1]) См. гл. 17, § 49 и сл.

*) См. Примѣч. XXXIX.

Глава XX.

Показывается, что въ свободномъ государствѣ каждому можно думать то, что̀ онъ хочетъ, и говорить то, что̀ онъ думаетъ.

Если бы повелѣвать умами было такъ же легко, какъ и языками, то каждый царствовалъ бы не опасаясь и не было бы никакого насильственнаго правленія: ибо каждый жилъ бы сообразуясь съ нравомъ правящихъ и только на основаніи ихъ рѣшенія судилъ бы о томъ, что́ истинно или ложно, хорошо или дурно, справедливо или несправедливо. Но, какъ уже въ началѣ гл. 17 мы замѣтили [1]), это—то есть, чтобы умъ неограниченно находился во власти другого,—не можетъ статься, такъ какъ никто не можетъ перенести на другого свое естественное право или свою способность свободно разсуждать и судить о какихъ бы ни было вещахъ, и никто не можетъ быть принужденъ къ этому. Изъ этого слѣдовательно выходитъ, что то правленіе считается насильственнымъ, которое поси-

2

3

[1]) См. гл. 17, § 2 и сл.

гаетъ на умы, и что верховное величество, видимо, дѣлаетъ несправедливость подданнымъ и узурпируетъ ихъ право, когда хочетъ предписать каждому, что̀ онъ долженъ принимать какъ истину и отвергать какъ ложь, и какими мнѣніями далѣе умъ каждаго долженъ побуждаться къ благоговѣнію предъ Богомъ; это вѣдь есть право каждаго, которымъ никто, хотя бы и желалъ, не можетъ поступиться.

4. Я признаю, что сужденіе многими и почти невѣроятными способами можетъ быть предзанято, и притомъ такъ, что оно хотя прямо и не находится во власти другого, однако отъ устъ другого такъ зависитъ, что справедливо можно считать оное не свободнымъ. Но что̀ бы ни могло представить въ этомъ отношеніи искусство, никогда однако оно не достигало того, чтобы люди когда-либо не испытывали, что каждый изобилуетъ своимъ смысломъ, и что во взглядахъ существуетъ столько же различій, какъ и во вкусахъ.

5. Моисей, который не посредствомъ хитрости, но благодаря божественной добродѣтели въ высшей степени предзанялъ сужденіе своего народа, потому что считался божественнымъ, и говорившимъ и дѣлавшимъ все по божественному вдохновенію, и то однако не могъ избѣжать народнаго ропота и превратныхъ толкованій, а тѣмъ менѣе—остальные монархи; и если это можно было бы мыслить какимъ-нибудь образомъ, то оно было бы по крайней мѣрѣ мыслимо для монархическаго государства, но отнюдь не для демократическаго, которымъ коллегіально управляютъ всѣ или большая часть народа; думаю, что причина этого для всѣхъ ясна.

6. Такимъ образомъ сколько бы ни думали, что верховныя власти имѣютъ право относительно всего, и что онѣ суть истолкователи права и благочестія, онѣ однако ни-

когда не будутъ въ состояніи заставить людей не высказывать сужденія о какихъ-нибудь вещахъ сообразно съ ихъ собственнымъ образомъ мыслей и постольку не волноваться отъ того или иного аффекта. Вѣрно, конечно, что власти по праву могутъ считать за враговъ всѣхъ, которые съ ними безусловно не согласны во всемъ; но мы разсуждаемъ теперь не о правѣ ихъ, но о томъ, что полезно. Я 7.
вѣдь допускаю, что по праву онѣ могутъ царствовать съ величайшимъ насиліемъ и обрекать гражданъ на смерть изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ; но всѣ будутъ отрицать, что это можно сдѣлать не повредясь въ сужденіи здраваго разсудка. Даже болѣе, такъ какъ онѣ могутъ это сдѣлать не безъ великой опасности для всего государства, то мы можемъ также отрицать, что у нихъ есть неограниченная мощь для этого и подобныхъ вещей, а слѣдовательно у нихъ нѣтъ и неограниченнаго права для этого; мы вѣдь показали, что право верховныхъ властей опредѣляется ихъ мощью [1]).

Итакъ если никто не можетъ поступиться своею сво- 8.
бодою судить и мыслить о томъ, о чемъ онъ хочетъ, но каждый по величайшему праву природы есть господинъ своихъ мыслей, то слѣдуетъ, что въ государствѣ никогда нельзя, не рискуя очень несчастными послѣдствіями, домогаться того, чтобы люди, хотя бы они о различныхъ и противоположныхъ вещахъ думали, ничего однако не говорили иначе, какъ по предписанію верховныхъ властей; ибо и самые опытные, не говоря о толпѣ, не умѣютъ молчать. Это 9.
общій недостатокъ людей—довѣрять другимъ свои планы, хотя и нужно молчать; слѣдовательно, то правительство бу-

---

[1]) См. гл. 16, § 13 и 24 и сл.

детъ самое насильственное, при которомъ отрицается свобода за каждымъ говорить и учить тому, что онъ думаетъ, и наоборотъ, то правительство будетъ умѣренное, при ко-
10. торомъ эта самая свобода допускается каждому. Но, по истинѣ, мы никоимъ образомъ не можемъ отрицать, что величество можетъ быть оскорблено столько же словомъ, сколько и дѣломъ; и стало быть, если невозможно совершенно лишить подданныхъ этой свободы, то и обратно весьма гибельно будетъ допустить ее вполнѣ; поэтому намъ надлежитъ здѣсь изслѣдовать, докуда эта свобода можетъ и должна допускаться каждому безъ нарушенія спокойствія въ государствѣ и безъ нарушенія права верховныхъ властей; это, какъ я въ началѣ гл. 16 напомнилъ [1]), было здѣсь
11. главною моею цѣлью. Изъ выше [2]) объясненныхъ основаній государства весьма ясно слѣдуетъ, что конечная его цѣль заключается не въ томъ, чтобы господствовать и держать людей въ страхѣ, подчиняя ихъ власти другого, но наоборотъ въ томъ, чтобы каждаго освободить отъ страха, дабы онъ жилъ въ безопасности, насколько это возможно, то есть, дабы онъ наилучшимъ образомъ удерживалъ свое естественное право на существованіе и дѣятельность безъ
12. вреда себѣ и другому. Цѣль государства, говорю, не въ томъ, чтобы превращать людей изъ разумныхъ существъ въ животныхъ или автоматовъ, но, напротивъ, въ томъ, чтобы ихъ душа и тѣло отправляли свои функціи не подвергаясь опасности, а сами они пользовались бы свободнымъ разумомъ, и чтобы они не соперничали другъ передъ другомъ въ ненависти, гнѣвѣ или хитрости и не относились

---

[1]) См. гл. 16, § 1.
[2]) См. гл. 16, § 12 и сл.

бы враждебно другъ къ другу. Слѣдовательно, цѣль государства въ дѣйствительности есть свобода. Далѣе, мы ви- 13.
дѣли, что для образованія государства необходимо было только одно, именно: чтобы вся власть рѣшенія находилась у всѣхъ или у нѣсколькихъ или у одного [1]). Ибо, такъ какъ свободное сужденіе людей весьма разнообразно и каждый въ отдѣльности думаетъ, что онъ все знаетъ, и такъ какъ невозможно, чтобы всѣ одинаково то же самое думали и едиными устами говорили, то они не могли жить мирно, если бы каждый не поступился правомъ дѣйствовать сообразно съ рѣшеніемъ только своей души. Такимъ образомъ 14.
каждый поступился только правомъ дѣйствовать по собственному рѣшенію, а не правомъ разсуждать и судить о чемъ-либо; стало быть, и никто безъ нарушенія права верховныхъ властей не можетъ дѣйствовать противъ ихъ рѣшенія, но вполнѣ можетъ думать и судить, а слѣдовательно и говорить, лишь бы просто только говорилъ или училъ и защищалъ бы свою мысль только разумомъ, а не хитростью, гнѣвомъ, ненавистью, и безъ намѣренія ввести что-нибудь въ государство благодаря авторитету своего рѣшенія. Напр., если кто показываетъ, что какой-нибудь законъ 15.
противорѣчитъ здравому разсудку, и поэтому думаетъ, что онъ долженъ быть отмѣненъ; если въ то же время онъ свою мысль повергаетъ на обсужденіе верховной власти (которой только и подобаетъ постановлять и отмѣнять законы) и ничего между тѣмъ не дѣлаетъ вопреки предписанію того закона, то онъ конечно оказываетъ услугу государству, какъ каждый превосходный гражданинъ; но если, напротивъ, онъ дѣлаетъ это съ цѣлью обвинить въ непра-

[1]) См. гл. 16, § 37.

восудіи начальство и сдѣлать его ненавистнымъ для толпы или мятежно старается вопреки волѣ начальства отмѣнить тотъ законъ, то онъ всецѣло возмутитель и бунтовщикъ.

16. Итакъ мы видимъ, какимъ образомъ каждый, не нарушая права и авторитета верховныхъ властей, то есть не нарушая мира въ государствѣ, можетъ говорить и учить тому, что онъ думаетъ, именно, если онъ рѣшеніе о всемъ, что должно сдѣлать, предоставляетъ имъ же и ничего противъ ихъ рѣшенія не дѣлаетъ, хотя и долженъ часто поступать противъ того, что онъ считаетъ хорошимъ и что онъ открыто высказываетъ; это конечно онъ можетъ дѣлать не нарушая справедливости и благочестія, даже долженъ дѣлать, если хочетъ показать себя справедливымъ и благо-

17. честивымъ: ибо, какъ мы уже показали, справедливость зависитъ только отъ рѣшенія верховныхъ властей, и стало быть, никто не можетъ быть справедливымъ, если онъ не живетъ по общепринятымъ ихъ рѣшеніямъ. Высшее же благочестіе (по тому, что мы въ предыдущей главѣ показали) есть то, которое проявляется въ заботахъ о мирѣ и тишинѣ государства [1]); но оно не можетъ сохраниться, если каждый сталъ бы жить по изволенію своего сердца; стало быть, и неблагочестиво дѣлать по своему изволенію что-нибудь противъ рѣшенія верховной власти, подданнымъ которой состоишь, такъ какъ отъ этого, если бы это каждому было позволено, необходимо послѣдовало бы паденіе госу-

18. дарства. Даже болѣе, онъ ничего не можетъ дѣлать противъ рѣшенія и предписанія собственнаго разума, пока онъ дѣйствуетъ согласно рѣшеніямъ верховной власти; онъ вѣдь по совѣту самого разума всецѣло рѣшилъ перенести на

---

[1]) См. гл 19, § 22 и сл.

нее свое право жить по собственному своему сужденію. Впрочемъ это и самою практикою мы можемъ подтвердить; 19.
ибо въ собраніяхъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ властей рѣдко что-нибудь дѣлается по единодушному голосованію всѣхъ членовъ, и однако все дѣлается по общему рѣшенію всѣхъ, именно какъ тѣхъ, которые подавали голосъ *противъ*, такъ и тѣхъ, которые подавали его *за*. Но возвра- 20.
щаюсь къ своей цѣли. Мы видѣли изъ основаній государства, какимъ образомъ каждый можетъ пользоваться свободой сужденія, не нарушая права верховныхъ властей [1]).
А изъ этого не менѣе легко мы можемъ опредѣлить, какія мнѣнія въ государствѣ суть мятежническія: тѣ именно, съ принятіемъ которыхъ уничтожается договоръ, по которому каждый поступился правомъ дѣйствовать по собственному своему изволенію. Напр., если бы кто думалъ, что вер- 21.
ховная власть зависитъ не отъ себя самой, или что никто не долженъ сдерживать обѣщанія, или что каждому нужно жить по своему усмотрѣнію и иное подобнаго рода, что прямо противорѣчитъ вышесказанному договору, тотъ есть мятежникъ, не столько конечно вслѣдствіе сужденія и мнѣнія, сколько вслѣдствіе факта, скрытаго въ такихъ сужденіяхъ; потому что именно тѣмъ самымъ, что онъ думаетъ нѣчто такое, онъ нарушаетъ вѣрность, данную молчаливо или выразительно верховной власти. И потому прочія мнѣнія, не скрывающія въ себѣ дѣяній въ родѣ нарушенія договора, мщенія, гнѣва и проч., не суть мятежническія; они развѣ таковы только въ государствѣ расшатанномъ какимъ-либо образомъ, въ которомъ именно суевѣрные и честолюбивые люди, не умѣющіе переносить людей съ бла-

[1]) См. § 13 и сл.

городнымъ сердцемѣ, пріобрѣли такую славу своему имени, что у простого народа больше значитъ авторитетъ ихъ,
22. нежели верховныхъ властей; мы однако не отрицаемъ, что бываютъ кромѣ того нѣкоторыя мнѣнія, которыя хотя и разсматриваютъ просто, повидимому, истину и ложь, предлагаются и распространяются однако съ дурнымъ намѣреніемъ. Но ихъ мы тоже опредѣлили въ гл. 15 [1]), но такъ,
23. что разумъ тѣмъ не менѣе остался свободнымъ. Если же наконецъ мы обратили вниманіе и на то, что вѣрность каждаго къ государству, равно и къ Богу, можетъ быть познана только изъ дѣлъ, именно изъ любви къ ближнему, то намъ никоимъ образомъ нельзя будетъ сомнѣваться въ томъ, что наилучшее государство допускаетъ каждому ту же свободу философствованія, какую, какъ мы показали, каждому
24. допускаетъ вѣра [2]). Конечно я признаю, что отъ такой свободы иногда происходятъ нѣкоторыя неудобства; но что когда-либо было установлено столь мудро, что ничего неудобнаго отъ того не могло бы произойти? Кто хочетъ опредѣлить все законами, тотъ скорѣе возбудитъ пороки, нежели исправитъ ихъ. Что не можетъ быть запрещено, то необходимо должно быть допущено, хотя бы отъ того
25. часто и вредъ слѣдовалъ. Вѣдь сколько происходитъ золъ отъ роскоши, зависти, скупости, пьянства и тому подобнаго? Однако ихъ терпятъ, потому что властью законовъ они не могутъ быть запрещены, хотя на самомъ дѣлѣ они суть пороки. Поэтому свобода сужденія тѣмъ болѣе должна быть допущена, что она безусловно есть добродѣтель и не мо-
26. жетъ быть подавлена. Прибавьте, что отъ нея не происходитъ никакихъ неудобствъ, которыхъ нельзя было бы (какъ

[1]) См. гл. 15, § 5 и сл.
[2]) Срав. гл. 18, § 25.

сейчасъ покажу) избѣжать благодаря авторитету начальства; не говорю уже о томъ, что эта свобода въ высшей степени необходима для прогресса наукъ и искусствъ; ибо послѣднія разрабатываются съ счастливымъ успѣхомъ только тѣми людьми, которые имѣютъ свободное и ничуть не предвзятое сужденіе.

Но положимъ, что эта свобода можетъ быть подавлена, и люди могутъ быть такъ обузданы, что ничего пикнуть не смѣютъ иначе, какъ по предписанію верховныхъ властей; все-таки чрезъ это рѣшительно никогда не удастся сдѣлать такъ, чтобы они думали только то, что желательно властямъ; и стало быть, необходимо вышло бы, что люди ежедневно думали бы одно, а говорили бы другое; и что слѣдовательно откровенность, необходимая въ государствѣ въ высшей степени, была бы изгнана, а омерзительная лесть и вѣроломство нашли бы покровительство; отсюда обманы и порча всѣхъ хорошихъ житейскихъ привычекъ. 27.

Но далеко невѣрно, что можно достигнуть того, чтобы всѣ именно говорили по предписанному; напротивъ, чѣмъ больше стараются лишить людей свободы рѣчи, тѣмъ упорнѣе, наоборотъ, за нее держатся,—конечно держатся за нее не скряги, льстецы и прочія немощныя души, высочайшее благополучіе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы любоваться на деньги въ сундукахъ и имѣть угобженный желудокъ, но тѣ, которыхъ хорошее воспитаніе, чистота нравовъ и добродѣтель сдѣлала болѣе свободными. 28.

Люди по большей части такъ устроены, что они менѣе всего терпѣливо переносятъ то, что мнѣнія, которыя они считаютъ истинными, признаются за вину, и что имъ вмѣняется въ преступленіе то, что побуждаетъ ихъ къ благоговѣнію передъ Богомъ и людьми; отъ этого происходитъ то, что 29.

они дерзаютъ пренебрегать законами и дѣлаютъ противъ начальства все, что угодно, считая не постыднымъ, но весьма честнымъ поднимать ради этой причины мятежи и
30. посягать на какое угодно злодѣйство. Итакъ когда ясно, что человѣческая природа такъ устроена, то слѣдуетъ, что законы, установляемые относительно мнѣній, касаются не мошенниковъ, но людей благородныхъ, и что они издаются не для обузданія злодѣевъ, но скорѣе для раздраженія честныхъ людей, и не могутъ быть защищаемы безъ большой
31. опасности для государства. Прибавьте, что такіе законы совершенно безполезны. Ибо тѣ, которые считаютъ мнѣнія, осужденныя закономъ, здравыми, не будутъ въ состояніи повиноваться законамъ; а тѣ, которые, наоборотъ, отвергаютъ такія мнѣнія какъ ложныя, принимаютъ, какъ привилегіи, осуждающіе ихъ законы и ликуютъ благодаря имъ, такъ что потомъ начальство не имѣетъ силы ихъ
32. отмѣнить, хотя бы и желало. Къ этому присоединяется то, что мы выше въ гл. 18 изъ исторіи евреевъ въ № II вывели [1]). И наконецъ, сколько ересей въ церкви произошло большей частью отъ того, что начальства хотѣли законами прекратить препирательства ученыхъ! Ибо, если бы люди не были одержимы надеждою привлечь на свою сторону законы и начальство, торжествовать при всеобщемъ одобреніи толпы надъ своими противниками и пріобрѣсти почетъ, то они никогда не спорили бы съ столь непріязненнымъ чувствомъ и ихъ душу не возбуждала бы такая
33. ярость. И этому учитъ не только разумъ, но и опытъ изъ ежедневныхъ примѣровъ; именно подобные законы, то есть повелѣвающіе то, во что каждый долженъ вѣрить,

[1]) См. гл. 18, § 23 и сл.

и запрещающіе что-либо говорить или писать противъ
того или другого мнѣнія, были часто устанавливаемы въ
угоду или лучше въ видѣ уступки гнѣву тѣхъ, которые
не могутъ переносить свободныхъ умовъ, и могутъ благо-
даря грозному, такъ сказать, авторитету легко измѣнять
благоговѣніе мятежной черни въ бѣшенство и подстре-
кать ее на того, на кого они хотятъ. Но сколько лучше 34.
было бы сдерживать гнѣвъ и ярость толпы, нежели уста-
новлять безполезные законы, которые могутъ нарушаться
только людьми, любящими добродѣтели и науки, и ставить
государство въ столь затруднительное положеніе, что оно
не можетъ выносить благородныхъ людей! Вѣдь можно 35.
ли выдумать какое большее зло для государства, чѣмъ
то, что честныхъ людей отправляютъ какъ злодѣевъ въ
изгнаніе, потому что они несходно думаютъ и не умѣютъ
притворяться? Что, говорю, пагубнѣе того, что люди счи-
таются за враговъ и ведутся на смерть не за какое-либо
преступленіе или безчестный поступокъ, но потому что они
обладаютъ свободнымъ умомъ, и что эшафотъ—страшилище
дурныхъ людей—становится прекраснѣйшимъ театромъ, на
которомъ показывается высшій примѣръ терпѣнія и доб-
родѣтели вкупѣ съ необычайнымъ безславіемъ величества?
Вѣдь тѣ, которые сознаютъ себя честными, не боятся по- 36.
добно преступникамъ смерти и не умоляютъ отвратить
наказаніе, потому что духъ ихъ не мучится никакимъ рас-
каяніемъ въ постыдномъ дѣлѣ, но наоборотъ, они считаютъ
почетнымъ, а не наказаніемъ, умереть за хорошее дѣло и
славнымъ умереть за свободу. Слѣдовательно, что за при-
мѣръ дается казнью такихъ людей, причину которой люди
инертные и слабодушные не знаютъ, мятежные ненавидятъ,
а честные любятъ? Каждому конечно она можетъ служить

только примѣромъ для подражанія или, въ крайнемъ случаѣ,
37. поводомъ къ лести. Такимъ образомъ для того, чтобы въ цѣнѣ была не угодливость, но чистосердечность, и чтобы верховныя власти лучше всего удерживали господство и не были принуждены уступать мятежникамъ, необходимо должно допустить свободу сужденія, и людьми такъ должно управлять, чтобы они, открыто исповѣдуя разныя и противоположныя мнѣнія, все-таки жили согласно. И мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что этотъ способъ управленія есть самый лучшій и страдаетъ меньшими неудобствами, такъ какъ онъ
38. наиболѣе согласуется съ природою людей. Вѣдь мы показали [1]), что въ демократическомъ государствѣ (которое больше всего подходитъ къ естественному состоянію) всѣ договариваются по общему рѣшенію дѣйствовать, но не судить и размышлять, то есть, такъ какъ всѣ люди не могутъ совершенно то же самое думать, то они договорились, чтобы силу рѣшенія имѣло то, что получило большее число голосовъ, сохраняя между прочимъ право отмѣнить это рѣшеніе, когда увидятъ лучшее. Итакъ чѣмъ менѣе допускаютъ людямъ свободу сужденія, тѣмъ болѣе уклоняются отъ состоянія наиболѣе естественнаго и слѣдовательно тѣмъ
39. насильственнѣе господствуютъ. Но чтобы далѣе было ясно, что изъ этой свободы не происходитъ никакихъ неудобствъ, которыхъ нельзя было бы устранить однимъ лишь авторитетомъ верховной власти, и что имъ однимъ легко удержать людей отъ причиненія оскорбленій другъ другу, хотя бы они и исповѣдывали открыто противоположныя мнѣнія, для этого примѣры на лицо, и мнѣ не нужно далеко ихъ
40. искать. Примѣромъ можетъ служить городъ Амстердамъ,

---

[1]) См. гл. 16, § 25 и сл.

пожинающій къ своему великому успѣху и на удивленіе всѣхъ націй плоды этой свободы; вѣдь въ этой цвѣтущей республикѣ и великолѣпномъ городѣ всѣ, какой бы націи и секты они ни были, живутъ въ величайшемъ согласіи, и чтобы довѣрить кому-нибудь свое имущество, они стараются узнать только о томъ, богатый онъ человѣкъ или бѣдный, и привыкъ ли онъ поступать добросовѣстно или мошеннически. Впрочемъ религія или секта нисколько ихъ не волнуетъ, потому что передъ судьей она нисколько не помогаетъ выиграть или проиграть тяжбу; и нѣтъ рѣшительно никакой столь ненавистной секты, послѣдователи которой (лишь бы они никому не вредили, воздавали каждому свое и жили честно) не находили бы покровительства въ общественномъ авторитетѣ и помощи начальства. Наоборотъ, 41.
когда однажды споръ ремонстрантовъ и контраремонстрантовъ *) относительно религіи началъ разбираться политиками и чинами провинцій, онъ въ концѣ концовъ перешелъ въ схизму, и тогда на многихъ примѣрахъ подтвердилось, что законы, издаваемые о религіи съ цѣлью прекращенія именно споровъ, болѣе раздражаютъ людей, нежели ихъ исправляютъ, что иные затѣмъ получаютъ неограниченную вольность на основаніи тѣхъ же законовъ; кромѣ того ереси возникаютъ не отъ великаго рвенія къ истинѣ (то есть къ источнику привѣтливости и кротости), но отъ великаго желанія господствовать. Изъ этого яснѣе божьяго дня видно, 42.
что тѣ, которые осуждаютъ сочиненія другихъ и мятежно подстрекаютъ буйную чернь противъ писателей, скорѣе суть схизматики, нежели сами писатели, пишущіе большей частью только для ученыхъ и призывающіе на помощь толь-

*) См. Прим. переводчика.

ко разумъ; видно потомъ, что, на самомъ-то дѣлѣ, возмутители суть тѣ, кто свободу сужденія, которая не можетъ быть подавлена, хочетъ однако уничтожить въ свободномъ
43. государствѣ. Этимъ мы показали I, что невозможно отнять у людей свободу говорить то, что они думаютъ; II, что эта свобода безъ вреда праву и авторитету верховныхъ властей можетъ быть допущена для каждаго, и что ее каждый можетъ сохранять безъ вреда тому же праву, если при этомъ онъ не беретъ на себя никакой смѣлости ввести что-нибудь въ государство какъ право или сдѣлать что-нибудь противъ принятыхъ законовъ; III, что эту самую свободу каждый можетъ имѣть, сохраняя миръ въ государствѣ, и что отъ нея не возникаетъ никакихъ неудобствъ, которыхъ нельзя было бы легко пріостановить; IV, что ее каждый можетъ имѣть также безъ вреда благочестію; V, что законы, издаваемые относительно спекулятивныхъ предметовъ, совер-
44. шенно безполезны; VI, наконецъ, мы показали, что эта свобода не только безъ нарушенія въ государствѣ мира, благочестія и права верховныхъ властей можетъ, но и должна быть допущена, чтобы все это сохранить. Ибо гдѣ, напротивъ, стараются отнять ее у людей, и къ суду привлекаются мнѣнія разномыслящихъ лицъ, а не души, которыя только и могутъ грѣшить, тамъ наказываются ради примѣровъ честные люди; эти примѣры скорѣе кажутся мученичествомъ и они не столько устрашаютъ, сколько раздражаютъ остальныхъ и побуждаютъ скорѣе къ состраданію, если не къ
45. отмщенію; потомъ, хорошія житейскія привычки и чистосердечность портятся, льстецы и вѣроломные люди поощряются и противники ликуютъ, что ихъ гнѣву уступили и что они сдѣлали власть имущихъ приверженцами своего ученія, истолкователями котораго они считаются; вслѣдствіе

этого происходитъ то, что они осмѣливаются присвоивать себѣ авторитетъ и право властей и не стыдятся хвастать, будто они непосредственно избраны Богомъ и ихъ рѣшенія божественныя, а верховныхъ властей, напротивъ, человѣческія, которыя поэтому должны уступать божественнымъ, то есть ихъ рѣшеніямъ,—такъ имъ желательно. Что все это безусловно противорѣчитъ благополучію государства, никто не можетъ не знать. Поэтому здѣсь, какъ выше въ 46.
гл. 18 [1]), мы заключаемъ, что для государства нѣтъ ничего безопаснѣе того, чтобы благочестіе и религія были ограничены только исполненіемъ любви и справедливости и чтобы право верховныхъ властей какъ въ отношеніи священныхъ дѣлъ, такъ и мірскихъ относилось только къ дѣйствіямъ, а въ остальномъ чтобы каждому дозволялось и думать то, что онъ хочетъ и говорить то, что онъ думаетъ.

Этимъ я закончилъ то, что я рѣшилъ изложить въ 47.
этомъ Трактатѣ. Остается только выразительно напомнить, что я ничего въ немъ не написалъ такого, чего я весьма охотно не подвергъ бы разбору и сужденію верховныхъ властей моего отечества. Ибо если они сочтутъ, что нѣчто изъ того, что я сказалъ, противно отечественнымъ законамъ или вредитъ общественному благополучію, то и я хочу, чтобы это не было сказано: я знаю, что я человѣкъ и могъ ошибиться; но я всячески старался о томъ, чтобы не впасть въ ошибку, а первѣе всего о томъ, чтобы все, что я ни написалъ, вполнѣ соотвѣтствовало законамъ отечества, благочестію и добрымъ нравамъ.

---

[1]) См. гл. 18. § 26

ПРИМѢЧАНІЯ

къ Богословско-политическому Трактату, написанныя авторомъ послѣ изданія книги.

I

(*къ Гл. I, § 1*).

Третья коренная буква въ глаголахъ, если она изъ тѣхъ, которыя называются *покоящимися* (quiescentes), обыкновенно опускается, а вмѣсто нея вторая буква основы удваивается, напр. изъ קלה по опущеніи покоящейся ה, дѣлается קוֹלֵל, [а изъ נִבָּא дѣлается נוֹבֵב, откуда נִיב שפתים *разговоръ* или *рѣчь*; такъ изъ בזא дѣлается בזז или כוז (בלה בלל בליעל: המה המם: שגה משגה שגג שוג)]. Такимъ образомъ лучше всего истолковалъ это слово נבא Р. Соломонъ Ярхи *, но оно дурно переводится Абенъ Езрою, который еврейскій языкъ не такъ хорошо знаетъ. Кромѣ того должно замѣтить, что имя נְבוּאָה (пророчество) есть общее и обнимаетъ собою всякій родъ пророчествованія,

* См. Примѣч. переводчика.

остальныя же имена—болѣе спеціальныя и большею частью относятся къ тому или иному роду пророчествованія, что, думаю, извѣстно ученымъ.

II

(къ Гл. I, § 4).

То есть истолкователь Бога. Ибо истолкователь Бога есть тотъ, кто рѣшенія Бога (ему открытыя) истолковываетъ другимъ людямъ, которымъ они не были открыты, и которые въ принятіи ихъ опираются только на пророческій авторитетъ и довѣріе, которое къ нему имѣется. Если бы люди, слушающіе пророковъ, дѣлались пророками, подобно тому какъ дѣлаются философами тѣ, которые слушаютъ философовъ, тогда пророкъ не былъ бы истолкователемъ божественныхъ рѣшеній, такъ какъ слушатели его опирались бы не на свидѣтельство и авторитетъ самого пророка, но на само (божественное) Откровеніе и внутреннее свидѣтельство (какъ самъ пророкъ). Такъ верховныя власти суть истолкователи права въ своемъ государствѣ, потому что законы, ими данные, защищаются только авторитетомъ самихъ верховныхъ властей и только на ихъ свидѣтельство опираются.

III

(къ Гл. I, § 40).

Хотя нѣкоторые люди имѣютъ нѣчто, чего другимъ природа не даетъ, однако про нихъ не говорятъ, что они превышаютъ человѣческую природу, если присущія имъ особенности не суть таковы, что ихъ нельзя понять изъ

опредѣленія человѣческой природы. Напр., величина гиганта рѣдка, но однако она человѣческая. Затѣмъ способность импровизировать стихами дается весьма немногимъ, тѣмъ не менѣе и она—человѣческая; равно и то, что кто-нибудь съ открытыми глазами воображаетъ нѣкоторыя вещи столь живо, какъ будто бы онѣ находились передъ нимъ. Но если бы нашелся кто, имѣющій другія средства воспріятія и другія основанія познанія, тотъ конечно перешелъ бы границы человѣческой природы.

IV

(*къ Гл. III, § 19*).

Въ гл. 15 Бытія разсказывается, что Богъ сказалъ Аврааму, что Онъ его защитникъ и дастъ ему весьма большое вознагражденіе; на это Авраамъ возразилъ, что ему ничего нельзя ожидать, что могло бы имѣть какое-нибудь значеніе (для него), потому что онъ, при маститой уже старости, не имѣетъ дѣтей.

V

(*къ Гл. III, § 21*).

Что для вѣчной жизни недостаточно сохранять заповѣди В. З., явствуетъ изъ Марка гл. 10, ст. 21.

VI

(*къ Гл. VI, § 17*).

Въ существованіи Бога, а слѣдовательно и во всемъ, мы сомнѣваемся, пока имѣемъ не ясную и отчетливую идею

о самомъ Богѣ, но смутную. Ибо какъ тотъ, кто не постигъ правильно природу треугольника, не знаетъ, что три угла его равны двумъ прямымъ, такъ и тотъ, кто смутно понимаетъ божественную природу, не видитъ, что къ природѣ Бога принадлежитъ существованіе. Но для того, чтобы природа Бога могла пониматься нами ясно и отчетливо, необходимо, чтобы мы обратили вниманіе на нѣкоторыя самыя простыя понятія, называемыя нами общими, и связать съ ними тѣ, которыя относятся къ божественной природѣ; тогда только и становится для насъ яснымъ, что Богъ необходимо существуетъ и вездѣсущъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ тогда обнаруживается, что все, что мы познаемъ, заключаетъ въ себѣ природу Бога и чрезъ нее познается; и наконецъ, что все то истинно, что мы адекватно познаемъ. Но объ этомъ смотри Пролегоменъ книги, озаглавленной: „Основанія философіи доказанныя геометрическимъ методомъ".

VII

(*къ Гл. VII, § 47*).

Для насъ именно, не навыкшихъ въ этомъ языкѣ и нуждающихся въ его фразеологіи.

VIII

(*къ Гл. VII, § 66*).

Подъ постижимыми вещами я разумѣю не только тѣ, которыя законно доказуются, но и тѣ, которыя мы обыкновенно пріемлемъ, основываясь на моральной увѣренности и безъ удивленія слушаемъ о нихъ, хотя онѣ никакъ не мо-

гутъ быть доказаны. Предложенія Евклида кѣмъ угодно постигаются, прежде чѣмъ доказываются. Такъ же разсказы какъ о будущихъ, такъ и о прошедшихъ событіяхъ, которые не превышаютъ человѣческой вѣры, равно права, постановленія и нравы я зову постижимыми и ясными, хотя они не могутъ быть доказаны математически. Впрочемъ іероглифы и разсказы, превышающіе всякое, повидимому, вѣроятіе, я называю непостижимыми; однако и въ нихъ есть многое, что на основаніи нашего метода можетъ быть изслѣдовано съ цѣлью понять мысль автора.

IX

(*къ Гл. VIII, § 10*).

Именно историкомъ, а не Авраамомъ; ибо онъ говоритъ, что мѣсто, которое теперь зовется: *„на горѣ Божіей будетъ открыто“*, было названо Авраамомъ: *„Богъ предусмотритъ“*.

X

(*къ Гл. VIII, § 19*).

Съ этого времени до царствованія Іорама, въ которое они отпали отъ него (2 Цар. гл. 8, ст. 20), Идумея не имѣла царей, но мѣсто царя заступали намѣстники, поставленные іудеями; см. 1 Цар. гл. 22, ст. 48; поэтому намѣстникъ Идумеи (2 Цар. гл. 3, ст. 9) и называется *царемъ*. Но началъ ли царствовать послѣдній изъ идумейскихъ царей прежде, чѣмъ Саулъ былъ сдѣланъ царемъ, или же Писаніе въ этой главѣ Бытія только хотѣло передать о царяхъ, которые умерли непобѣжденными, въ этомъ можно сомнѣваться.

Впрочемъ совершенно заблуждаются тѣ, которые хотятъ занести въ каталогъ еврейскихъ царей Моисея, который по божественному внушенію установилъ еврейское государство совсѣмъ несходное съ монархическимъ.

XI

(къ Гл. IX, § 4)

Напр. во 2 Цар. гл. 18, ст. 20 читается во второмъ лицѣ: אמרת „*ты сказалъ, но только устами*“ и пр., но у Исаіи въ гл. 36, ст. 5: אמרתי „*я сказалъ: конечно это—слова; для войны нужны совѣтъ и крѣпость*“. Потомъ въ ст. 22 читается: וכי תאמרון „*но, можетъ быть, вы скажете*“, во множественномъ числѣ то, что въ книгѣ Исаіи встрѣчается въ единственномъ числѣ. Кромѣ того въ текстѣ Исаіи нѣтъ слѣдующихъ словъ изъ ст. 32 цитованной главы: ארץ זית יצהר ודבש והיו ולא תמתו ואל תשמעו אל חזקיהו; подобнымъ образомъ встрѣчается много другихъ разныхъ чтеній и никто не опредѣлитъ, какое именно изъ нихъ должно быть выбрано предпочтительно предъ другими.

XII

(къ Гл. IX, § 5).

Напр. во 2 кн. Самуила въ гл. 7, ст. 6 читается ואהיה מתהלך באהל ובמשכן „*и постоянно Я странствовалъ съ палаткой и скиніей*“; а въ 1 Парал. гл. 17, ст. 5: ואהיה מאהל אל אהל וממשכן „*и Я былъ изъ палатки въ палатку и изъ скиніи*“, перемѣняя именно מתהלך въ באהל, מאהל

въ אל אהל и] במשכן въ ממשכן. Потомъ ст. 10 цитованнаго мѣста Самуила читается לענותו „*чтобы опечалить его*“, а въ Парал. цит. гл. ст. 9: לבלתו „*чтобы истребить его*“. Подобнымъ образомъ и много другихъ разногласій большей важности замѣтитъ каждый, кто не совершенно слѣпъ и не совсѣмъ глупъ, кто хоть разъ прочтетъ эти главы.

XIII

(*къ Гл. IX, § 8*).

Что этотъ текстъ не имѣетъ никакого другого времени въ виду кромѣ того, въ которое Іосифъ былъ проданъ, не только явствуетъ изъ связи самой рѣчи, но вытекаетъ и изъ самаго возраста самого Іуды, которому въ то время былъ самое большее двадцать второй годъ отъ роду, если позволительно сдѣлать подсчетъ на основаніи предшествующей исторіи о немъ. Ибо изъ гл. 29 ст. послѣдняго Бытія ясно, что Іуда родился въ десятый годъ отъ того момента, съ котораго патріархъ Іаковъ началъ служить Лавану, а Іосифъ въ четырнадцатый. Стало быть, коль скоро самому Іосифу, при его продажѣ, былъ семнадцатый годъ отъ роду, то слѣдовательно Іудѣ въ то время было отъ роду двадцать одинъ годъ, не больше. Итакъ тѣ, которые думаютъ, что это продолжительное отсутствіе Іуды изъ дома случилось до продажи Іосифа, стараются обмануть себя и болѣе безпокоятся о божественности Писанія, нежели увѣрены въ немъ.

Мурръ прибавляетъ: „NB. Здѣсь у него (Спинозы) не достало чернилъ; иначе, можетъ быть, онъ продолжилъ бы эту матерію дальше“.

XIV

(*къ Гл. IX, § 12*).

Ибо мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ, будто Іаковъ 8 или 10 лѣтъ странствовалъ между Месопотаміей и Веѳилемъ, отзывается, да проститъ мнѣ Абенъ Езра выраженіе, глупостью. Ибо не только вслѣдствіе желанія, которымъ безъ сомнѣнія Іаковъ былъ охваченъ, видѣть престарѣлыхъ родителей, но также и для того, и главнымъ образомъ, чтобы исполнить обѣтъ данный имъ, когда онъ убѣгалъ отъ брата [смотри Быт. гл. 28, ст. 20 и гл. 31, ст. 13 и гл. 35 ст. 1], онъ, насколько было возможно, торопился, и о выполненіи этого Богъ напомнилъ ему (Быт. гл. 31, ст. 3 и 13) и обѣщалъ помочь ему вернуться въ отечество. Если однако подобныя догадки кажутся лучше, нежели доводы, ну тогда конечно, можно допустить, что Іаковъ употребилъ на этотъ короткій путь 8 или 10 и, если угодно, много лѣтъ сверхъ этого, гонимый худшей судьбой, чѣмъ Одиссей. Они конечно не въ состояніи будутъ отрицать то, что Веніаминъ родился въ послѣдній годъ этого странствованія, то есть по ихъ гипотезѣ въ пятнадцатомъ или шестнадцатомъ или около году отъ рожденія Іосифа. Ибо Іаковъ въ седьмомъ году отъ рожденія самого Іосифа распростился съ Лаваномъ; но отъ 17 года Іосифова возраста до года, въ который самъ патріархъ пошелъ на чужую сторону въ Египетъ, насчитываютъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, какъ мы показали въ этой самой главѣ; стало быть, Веніаминъ въ то время, когда именно онъ отправился въ Египетъ, имѣлъ самое большее двадцать четыре года; а извѣстно, что онъ въ этотъ цвѣтущій возрастъ имѣлъ внуковъ (смотр. Быт. гл. 46, ст. 21, которую

сравни съ ст. 38, 39, 40, гл. 26 Числ. и со ст. 1 и слѣд. гл. 8 кн. 1 Паралип.). Ибо Вала первенецъ Веніамина уже родилъ двухъ сыновей, Арда и Наамана. Это конечно чуждо разуму не менѣе, чѣмъ и то, что Дина семи лѣтъ претерпѣла насиліе, и остальное, что мы вывели изъ порядка разсказа въ этой исторіи. И стало быть, ясно, что несвѣдущіе люди, когда они стараются распутать затрудненіе, впадаютъ въ другія и еще болѣе запутываютъ и портятъ дѣло.

XV

(*къ Гл. IX, § 14*).

То есть въ другихъ выраженіяхъ и въ другомъ порядкѣ, нежели они находятся въ книгѣ Іисуса Навина.

XVI

(*къ Гл. IX, § 17*).

Равви Леви бенъ Герсонъ *) и другіе думаютъ, что эти 40 лѣтъ, про которые Писаніе говоритъ, что они прожиты на свободѣ, берутъ однако начало отъ смерти Іисуса Навина и слѣдовательно содержатъ въ себѣ одновременно 8 предыдущихъ годовъ, въ которые народъ былъ въ подданствѣ Хушана Ришафаима, а 18 слѣдующихъ должны быть включены также въ счетъ 80 лѣтъ, въ которые Аодъ и Самгаръ судили; такимъ же образомъ думаютъ, что и остальные годы рабства всегда включаются въ тѣ, о которыхъ Писаніе свидѣтельствуетъ, что они прожиты на сво-

*) См. Прим. перевод.

болѣ. Но такъ какъ Писаніе выразительно перечисляетъ, сколько лѣтъ евреи были въ рабствѣ и сколько на свободѣ, а въ гл. 2, ст. 18 выразительно разсказываетъ, что дѣла евреевъ при жизни судей всегда процвѣтали, то вполнѣ ясно, что тотъ раввинъ, человѣкъ впрочемъ весьма ученый, и остальные, шествующіе по его стопамъ, стараясь распутать подобные узлы, скорѣе исправляютъ Писаніе, нежели объясняютъ. Это же дѣлаютъ и тѣ, которые утверждаютъ, что Писаніе хотѣло въ томъ общемъ счетѣ годовъ указать только времена благоустройства іудейскаго; время же анархіи и рабства, какъ неблагопріятное и какъ бы переходное состояніе царства, оно не могло включить въ общій счетъ годовъ. Ибо Писаніе, хотя времена безначалія обыкновенно проходитъ молчаніемъ, все-таки годы порабощенія, какъ грезятъ, равно какъ и годы свободы передаетъ и не выключаетъ изъ лѣтописей. А что Ездра въ кн. 1 Царствъ хотѣлъ разумѣть въ томъ общемъ числѣ годовъ безусловно всѣ годы отъ исхода изъ Египта, то это до того очевидное дѣло, что ни одинъ свѣдущій въ Писаніи человѣкъ никогда въ этомъ не сомнѣвался. Ибо, не говоря уже о словахъ самого текста, сама генеалогія Давида, передаваемая въ концѣ книги Руѳи и 1 Паралип. гл. 2, едва допускаетъ столь большую сумму лѣтъ. Ибо Наасонъ во 2 году отъ исхода изъ Египта былъ княземъ племени Іуды (см. Числ. 7, ст. 11 и 12) и, стало быть, умеръ въ пустынѣ, а сынъ его Салмонъ перешелъ съ Іисусомъ Іорданъ. Но этотъ Салмонъ по той генеалогіи Давида былъ прапрадѣдомъ Давида. Если изъ этой суммы 480 лѣтъ отнять 4 года царствованія Соломона и 70 лѣтъ жизни Давида и 40 лѣтъ, которые были проведены въ пустынѣ, то окажется, что Давидъ родился въ 366 году отъ перехода чрезъ Іорданъ; и стало быть, не-

обходимо, чтобы его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и прапрадѣдъ рождали дѣтей, будучи каждый изъ нихъ 90 лѣтъ.

По французски прибавлено: „и слѣдовательно едва ли бы насчитали отъ исхода изъ Египта до 4 года царствованія Соломона 480 лѣтъ, если бы Писаніе не сказало этого выразительно".

XVII

(*къ Гл. IX, § 17*).

Можно сомнѣваться въ томъ, что слѣдуетъ ли относить эти двадцать лѣтъ къ годамъ свободы, или они заключаются въ 40 непосредственно предшествующихъ, въ теченіе которыхъ народъ былъ подъ игомъ филистимлянъ. Что касается до меня, то признаюсь, что я вижу больше правдоподобія въ послѣднемъ, и для меня вѣроятнѣе, что евреи возвратили свою свободу, когда самые значительные изъ филистимлянъ погибли съ Самсономъ. Отнесъ же я эти 20 лѣтъ судейства Самсона къ тѣмъ, въ теченіе которыхъ продолжалось иго филимстимлянъ, только потому, что Самсонъ родился послѣ того, какъ филистимляне покорили евреевъ; кромѣ того въ „Трактатѣ о Субботѣ" сдѣлано упоминаніе о нѣкоторой книгѣ Іерусалима, гдѣ сказано, что Самсонъ судилъ народъ 40 лѣтъ; но вопросъ не въ этихъ только годахъ.

XVIII

(*къ Гл. IX. § 30*).

Иначе, они скорѣе исправляютъ слова Писанія, нежели объясняютъ.

XIX

(*къ Гл. IX, § 35*).

Киріаѳъ-Іаримъ называется также Ваалъ (Bahgal) Іуды, вслѣдствіе чего Кимхи*) и другіе думаютъ, что Ваале (Bahgale) Іуды, что я здѣсь перевелъ *изъ народа Іуды*, есть названіе города; но они ошибаются, потому что בַּעֲלֵי форма множественнаго числа. Потомъ, если этотъ текстъ изъ Самуила сличить съ тѣмъ, который есть въ I кн. Паралип. **), то увидимъ, что Давидъ не вставалъ и не выходилъ изъ Ваала, но что онъ туда шелъ. Если бы авторъ книги Самуила старался по крайней мѣрѣ указать мѣсто, откуда Давидъ взялъ ковчегъ завѣта, тогда, чтобы сказать по еврейски, онъ выразился бы такъ: и всталъ и отправился Давидъ и проч. изъ Ваала Іуды, и оттуда унесъ ковчегъ Божій.

XX

(*къ Гл. IX, § 1*).

Тѣ, которые брались объяснить этотъ текстъ, исправили его такимъ образомъ: „*и Авессаломъ убѣжалъ и возвратился къ Ѳалмаю, сыну Аміуда, царя Гезурскаго, гдѣ онъ оставался три года, и Давидъ оплакивалъ своего сына все время, которое онъ былъ въ Гезурѣ*“. Но если это называть толкованіемъ и если позволительно допускать себѣ такую вольность въ изложеніи Писанія и переставлять такимъ образомъ цѣлыя фразы, прибавляя къ нимъ или отъ нихъ отнимая что-нибудь, то я признаю, что позволительно из-

*) См. Прим. перевод.

**) Гл. 13. ст. 5.

вращать Писаніе и придавать ему какъ куску воска столько формъ, сколько пожелаютъ.

XXI

(*къ Гл. X, § 1*).

Возникаетъ это подозрѣніе, если конечно можно назвать подозрѣніемъ то, что достовѣрно, изъ выведенія генеалогіи царя Іехоніи, передаваемой въ гл. 3, кн. 1 Парал. и доводимой до сыновей Еліонея, которые были тринадцатыми отъ него; и должно замѣтить, что у этого Іехоніи, когда его заключили въ оковы, не было дѣтей, но кажется, что онъ родилъ дѣтей въ темницѣ, насколько можно догадываться по именамъ, которыя онъ имъ далъ. Внуки же, насколько можно догадываться тоже по ихъ именамъ, были у него, повидимому, послѣ того какъ онъ былъ освобожденъ изъ темницы; и поэтому פְּדָיָה Педайя (что значитъ *Богъ освободилъ*), о которомъ въ этой главѣ говорится, что онъ былъ отцомъ Зоровавеля, родился въ 37 или 38 году плѣненія Іехоніи, то есть 33 годами раньше, чѣмъ Киръ далъ іудеямъ волю; и слѣдовательно Зоровавелю, котораго Киръ поставилъ во главѣ іудеевъ, повидимому, было самое большее 13 или 14 лѣтъ отъ роду. Но я хотѣлъ бы лучше пройти это молчаніемъ по причинамъ, объяснять которыя не позволяетъ тяжелость времени. Но для разумныхъ достаточно указать на одно обстоятельство: если бы они пожелали просмотрѣть съ нѣкоторымъ вниманіемъ все это потомство Іехоніи, о которомъ передается въ гл. 3, кн. 1 Паралип. отъ ст. 17 до конца самой главы, и сличить еврейскій текстъ съ переводомъ, который называется переводомъ

Семидесяти, то они будутъ въ состояніи увидѣть безъ всякаго затрудненія, что эти книги были возстановлены послѣ, а не прежде второго возобновленія столицы, сдѣланнаго Іудою Маккавеемъ, въ каковое время потомки Іехоніи потеряли княжеское достоинство.

XXII

(*къ Гл. X, § 13*).

И стало быть, никто не могъ бы предполагать, что его пророчество противорѣчитъ предсказанію Іереміи, какъ всѣ предполагали на основаніи разсказа Іосифа, пока не узнали изъ исхода дѣла, что оба предсказывали истину.

XXIII

(*къ Гл. X, § 23*).

Что большая часть этой книги заимствована изъ книги, написанной самимъ Неемією, свидѣтельствуетъ самъ историкъ въ ст. 1, гл. 1. Но что разсказъ отъ гл. 8 до ст. 26 гл. 12, и кромѣ того два послѣднихъ стиха гл. 12, вставленные въ скобкахъ въ слова Нееміи, прибавлены самимъ историкомъ, жившимъ послѣ Нееміи,—не подлежитъ сомнѣнію.

XXIV

(*къ Гл. X, § 27*).

Ездра былъ дядей первому верховному первосвященнику Іисусу; см. Ездр. гл. 7, ст. 1 и 1 Парал. гл. 6, ст. 14, 15; и онъ одновременно съ Зоровавелемъ отправился изъ

Вавилона въ Іерусалимъ, см. Неем. гл. 12, ст. 1. Но кажется, что онъ опять вернулся въ Вавилонію, когда увидѣлъ, что дѣла іудеевъ запутываются; это и другіе сдѣлали, какъ явствуетъ изъ Неем. гл. 1, ст. 2; тамъ онъ оставался до царствованія Артаксеркса, пока вторично не возвратился въ Іерусалимъ, получивъ то, чего желалъ; Неемія также возвратился въ Іерусалимъ съ Зоровавелемъ во время Кира; см. Ездры гл. 2, ст. 2 и 63, котораго сличи съ ст. 9, гл. 10, и Неем. гл. 10, ст. 1. Ибо переводъ Толковниками слова התרשתא словомъ „посолъ“ не подтверждается у нихъ ни однимъ примѣромъ, между тѣмъ какъ, наоборотъ, извѣстно, что іудеямъ, которые должны были посѣщать царскій дворъ, давались новыя имена. Такъ Даніилъ былъ названъ Валтасаромъ, Зоровавель Сасавесаромъ (см. Дан. гл. 1, ст. 7, Ездр. гл. 1, ст. 8 и гл. 5, ст. 14), а Неемія Хатиршатою. Но его по отношенію къ должности обыкновенно величали פחה областеначальникомъ или намѣстникомъ; см. Неем. гл. 5, ст. 14 и гл. 12, ст. 26. Несомнѣнно, слѣдовательно, что Хатиршата есть имя собственное, какъ Хацлелпони, Хацвева 1 Парал. 4, ст. 3, 8 Халохешъ Неем. гл. 10, ст. 25 и такъ далѣе.

XXV

(къ Гл. X, § 43).

Синагога, называемая великой, получила начало только послѣ того, какъ Азія была покорена македонянами. Что же касается утвержденій Маймонида, Р. Авраама бенъ Давида *) и другихъ, будто президентами этого собранія были

*) См Прим. перевод.

Ездра, Даніилъ, Неемія, Аггей, Захарія и друг., то это—смѣшная выдумка, и утвержденія эти опираются не на иное основаніе, какъ на преданіе раввиновъ, передающихъ именно, что персидское царство устояло 34 года, не больше. И другимъ способомъ они не могутъ подтвердить, что рѣшенія той великой синагоги или синода, почитаемаго только фарисеями, были получены отъ пророковъ, которые получили ихъ отъ другихъ пророковъ и такъ далѣе до Моисея, который получилъ ихъ отъ самого Бога, и передалъ устно, а не письменно потомкамъ. Но пусть этому вѣрятъ фарисеи съ обычнымъ для нихъ упорствомъ. Разумные же люди, знающіе о причинахъ соборовъ и синодовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ о спорахъ фарисеевъ и саддукеевъ, будутъ въ состояніи легко догадаться о причинахъ созванія великой той синагоги или собранія. Несомнѣнно то, что на этомъ собраніи никакіе пророки не присутствовали, и что рѣшенія фарисеевъ, которыя они называютъ преданіями, получили авторитетъ благодаря тому же собранію.

XXVI

(къ Гл. XI, § 3).

Λογίζομαι переводятъ толкователи этого мѣста чрезъ *заключаю* и утверждаютъ, что оно употребляется Павломъ въ смыслѣ *συλλογίζομαι;* между тѣмъ однако *λογίζομαι* у грековъ значитъ то же самое, что у евреевъ חשב *считать, думать, полагать;* въ этомъ значеніи оно лучше всего согласуется и съ сирійскимъ текстомъ. Вѣдь сирійскій переводъ (если конечно онъ—переводъ, въ чемъ можно сомнѣваться, такъ какъ мы не знаемъ ни переводчика, ни вре-

мени, въ которое переводъ появился, а природный языкъ апостоловъ былъ никакой иной, какъ сирійскій) передаетъ этотъ текстъ Павла такъ: ܡܛܪܚܓܢܢ ܗܟܝܠ *metrahgenan hochil*, что Тремелліи весьма хорошо переводитъ: *итакъ мы мнимъ*. Ибо имя существительное ܪܚܓܢ *rehgjon*, которое образуется отъ этого глагола, означаетъ *мнѣніе*; а ܪܥܘܝܐ *rehgjono* (по еврейски רַעְוָא *rahgava*) *воля*; слѣдовательно ܡܛܪܚܓܢܢ *мы волимъ или думаемъ*.

XXVII

(*къ Гл. XI, § 15*).

Именно то, чему Іисусъ Христосъ училъ на горѣ, и о чемъ святой Матѳей упоминаетъ въ главѣ 5 и слѣдующихъ.

XXVIII

(*къ Гл. XV, § 5*).

См. Толкователь Писанія стр. 75.

(Есть книга озаглавленная: Philosophia S. Scripturae Interpres; Exercitatio Paradoxa etc. Eleutheropoli, 1666. Тамъ на стр. 72 излагается не знаю чье мнѣніе въ слѣдующихъ словахъ: „Когда св. Писаніе гдѣ-нибудь чему-либо ясно и неприкровенно учитъ или *δογματίζει*, а въ другомъ мѣстѣ случайно и путемъ логическаго заключенія утверждаетъ, повидимому, противоположное, тогда то ясное мѣсто должно понимать въ собственномъ смыслѣ и согласно буквѣ; другое же должно истолковывать иносказательно и согласно съ пер-

вымъ. Напр. Св. Письмена ясно *догматίζουσι*, что *Богъ есть единъ*, а въ другихъ мѣстахъ Богъ говоритъ во множественномъ числѣ, изъ чего, повидимому, слѣдуетъ, что Онъ не есть единъ. И такъ какъ первому учатъ неприкровенно, второе же выводится посредствомъ логическаго заключенія изъ него, то нужно будетъ принимать послѣдніе тексты не въ собственномъ смыслѣ, но излагать согласно съ тѣми, которые обязательно принять въ собственномъ смыслѣ. Подобнымъ образомъ повелѣвается, что должно остерегаться воображать Бога тѣлеснымъ; ибо въ 4 гл. Второзак. говорится: „*вы должны очень остерегаться*“ (ибо вы не замѣтили какого-либо изображенія и пр.) „*дѣлать изваяніе, изображеніе какого-либо кумира*“ и проч. И потомъ: „*если вы сдѣлаете изваяніе, изображеніе какой-либо вещи* и пр. *свидѣтельствуюсь предъ вами сегодня небомъ и землей, что вы совершенно пропадете весьма скоро съ земли той*“ и пр. Въ этихъ мѣстахъ ясно преподается, что Богъ безтѣлесенъ. И посему эта заповѣдь, а не разумъ, обязываетъ насъ всѣ тексты, изъ которыхъ, повидимому, можно заключить, что Богъ тѣлесенъ, толковать на основаніи этой заповѣди“).

XXIX

(*къ Гл XV, § 19*).

Толкователь Писанія стр. 76.

[На стр. 76 сейчасъ указанной книги, вопреки мнѣнію, которое мы сейчасъ изложили, какъ этотъ, такъ и другой взглядъ оспаривается „Но пусть мы согласились, что въ Св. Литерахъ что-нибудь ясно и очевидно выражено. Итакъ если бы онѣ *догматίζουσαι* утверждали, что *ничто*

есть ничто или *ничто есть ничто*, то должно ли ихъ, какъ бы онѣ ни противорѣчили нашему разуму, понимать въ собственномъ смыслѣ и такимъ образомъ, что онѣ гласятъ что-нибудь? Конечно,

— „*пусть вѣритъ іудей Апелла,*
А не я“,

и ни одно здравомыслящее существо, да и самъ онъ пусть не вѣритъ. Вѣдь онъ, когда Писаніе, повидимому, противорѣчитъ себѣ, принужденъ будетъ признать, что пользоваться разумомъ позволительно, дабы можно было распознать, какія именно мѣста въ собственномъ и какія въ несобственномъ и иносказательномъ смыслѣ должно понимать и толковать. Таковы суть: „*Богъ не водится раскаяніемъ*“, Числ. 23, 23; 1 Сам. 15, 29 и пр.; „*Онъ раскаялся въ томъ, что сотворилъ человѣка*“. Быт. 6, 6, и „*въ томъ злѣ, о которомъ Онъ сказалъ, что Онъ сдѣлаетъ народу своему*“, Исх. 32: 14. И весьма многое другое въ этомъ родѣ встрѣчается тутъ и тамъ“].

XXX

(*къ Гл. XV, § 44*).

Толкователь Писанія, стр. 113.

[Той же книги на страницѣ по счету 113 (хотя у нея съ остальнымъ Эпилогомъ нѣтъ цифровыхъ отмѣтокъ) читается слѣдующее.... „одно (затрудненіе) и притомъ не маловажное, по нашему мнѣнію, мы постараемся устранить, твердо убѣжденные, что по устраненіи его все остальное будетъ гладко и ясно. Состоитъ же оно въ томъ, что буде философія, согласно съ тѣмъ, что

мы утверждали, есть мѣрило толкованія Св. Письменъ, сами Св. Письмена казались бы безполезными и напрасно написанными и переданными намъ". Сущность отвѣта, который потомъ дается, приблизительно состоитъ въ слѣдующемъ: „(слова) суть только поводъ или побужденіе, благодаря которому разумъ поощряется и побуждается внимательнѣе разсматривать и сравнивать между собою идеи и умѣть такимъ образомъ необходимо включать одну въ другую. Теперь же, такъ какъ всѣ книги состоятъ и составляются изъ связныхъ и соединенныхъ между собою рѣчей, то весьма очевидно слѣдуетъ, что высшая и самая большая польза, какую можно получить при правильномъ и тщательномъ познаніи и разумѣніи вещей, состоитъ только въ томъ, что онѣ заставляютъ читателя мыслить и побуждаютъ его разсматривать ясныя и отчетливыя и обозначенныя словами въ тѣхъ книгахъ идеи, которыя уже сформированными имѣются у него въ умѣ, о вещахъ, сравнивать идеи между собою и изслѣдовать, включена ли одна въ другую или связана съ ней; но никоимъ образомъ онѣ не могутъ сами по себѣ или собою привести разумъ къ истинному познанію вещей, а тѣмъ менѣе могутъ онѣ вложить, или влить въ умъ или запечатлѣть или инымъ какимъ способомъ породить въ немъ ясныя и отчетливыя идеи, если послѣднія раньше не были влиты и вложены въ него... Отсюда ясно, что нелишне прибѣгать къ Писанію и совѣтоваться съ нимъ: конечно не ради того, чтобы оно или породило истину въ нашихъ умахъ или показало ее яснѣе и отчетливѣе или сдѣлало ее болѣе прочною, но ради того, какъ мы сказали, что оно доставляетъ случай и матеріалъ для размышленія и именно о такихъ вещахъ, о которыхъ, можетъ быть, въ другое время мы никогда и не подумали бы. Также

относительно вещей, касающихся высшаго блаженства людей, и, стало быть, для нихъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ все остальное, а не относительно изученія истины польза Писанія и весьма велика и рѣзко должна противополагаться пользѣ другихъ книгъ...“]

XXXI

(*къ Гл. XV, § 44*).

То есть, не разумъ, но Откровеніе, какъ явствуетъ изъ доказаннаго въ главѣ 4, можетъ учить тому, что для спасенія или блаженства достаточно принимать божественныя рѣшенія за права или заповѣди и что не нужно понимать ихъ какъ вѣчныя истины.

XXXII

(*къ Гл. XVI § 16*).

Въ гражданскомъ состояніи, гдѣ на основаніи общаго права рѣшается, что̀ есть благо и что̀ есть зло, обманъ правильно различается на обманъ во благо и обманъ во зло. Но въ естественномъ состояніи, гдѣ каждый себѣ судья и имѣетъ верховное право предписывать себѣ и толковать законы и даже отмѣнять ихъ, смотря по тому, какъ ему лучше заблагоразсудится, тамъ конечно не можетъ быть мыслимо, что кто-нибудь дѣйствуетъ съ злостнымъ обманомъ.

XXXIII

(*къ Гл. XVI, § 34*).

Въ какомъ бы государствѣ человѣкъ ни былъ, онъ можетъ быть свободенъ. Ибо человѣкъ несомнѣнно по-

стольку свободенъ, поскольку онъ руководится разумомъ. Но разумъ (замѣтьте, Гоббсъ думаетъ иначе) всячески совѣтуетъ миръ; послѣдній же можетъ удержаться только въ томъ случаѣ, когда общія права государства сохраняются ненарушенными. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе человѣкъ руководится разумомъ, то есть, чѣмъ болѣе онъ свободенъ, тѣмъ постояннѣе онъ будетъ сохранять права государства и исполнять приказаніе верховной власти, подданнымъ которой онъ состоитъ.

XXXIV

(къ Гл. XVI, § 53).

Павелъ утверждая, что у людей нѣтъ отговорки, говоритъ это по человѣческому обычаю. Ибо въ гл. 9 того же Посланія онъ выразительно учитъ, что Богъ жалѣетъ, кого хочетъ, и ожесточаетъ, кого хочетъ, и что люди не извиняемы только по той причинѣ, что они находятся во власти Бога такъ, какъ глина во власти горшечника, который изъ одной и той же массы дѣлаетъ сосуды одинъ для почетнаго, другой для низкаго употребленія, а не потому что они были предостерегаемы. Что же касается до естественнаго божественнаго закона, высшее предписаніе котораго состоитъ, какъ мы сказали, въ любви къ Богу, то я назвалъ его закономъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ философы называютъ законами общія правила природы, по которымъ все совершается. Вѣдь любовь къ Богу есть не повиновеніе, но добродѣтель необходимо присущая человѣку, который правильно позналъ Бога. Но повиновеніе имѣетъ въ виду волю повелѣвающаго, а не необходимость вещи и истину. А такъ какъ мы не знаемъ природы воли Бога, и на-

оборотъ, достовѣрно знаемъ, что все что дѣлается, дѣлается только вслѣдствіе могущества Бога, то мы не иначе какъ изъ Откровенія можемъ знать, хочетъ ли Богъ быть почтенъ со стороны людей какою-нибудь почестью какъ князь. Прибавьте и то, что мы показали, что божественныя права кажутся намъ правами или постановленіями, пока мы не знаемъ ихъ причины; когда же она узнана, то они тотчасъ перестаютъ быть правами, и мы принимаемъ ихъ какъ вѣчныя истины, а не какъ права; то есть, повиновеніе тотчасъ переходитъ въ любовь, которая съ такой же необходимостью происходитъ отъ истиннаго познанія, съ какою свѣтъ отъ солнца. Итакъ вслѣдствіе руководства Разума мы можемъ именно любить Бога, но не повиноваться ему, такъ какъ Разумомъ мы не можемъ ни принять божественныя права за божественныя, пока мы не знаемъ ихъ причины, ни понимать Бога какъ князя, который установляетъ права.

XXXV

(*къ Гл. XVII, § 4*).

Два простыхъ солдата вздумали измѣнить власть надъ римскимъ народомъ и измѣнили. Тац. въ 1 кн. Исторій.

XXXVI

(*къ Гл. XVII, § 37*).

Въ этомъ мѣстѣ обвиняются двое, потому что они пророчествовали въ станѣ, и Іисусъ думаетъ, что ихъ должно взять подъ стражу; этого онъ не сдѣлалъ бы, если бы

было позволительно каждому безъ приказанія Моисея давать народу божественные отвѣты. Но Моисею было угодно простить виновныхъ, и онъ упрекаетъ Іисуса за то, что онъ совѣтовалъ ему примѣнить свое царское право въ то время, когда его охватила такая досада на владычество, что онъ лучше желалъ умереть, нежели владычествовать одинъ, какъ явствуетъ изъ ст. 14 той же главы. Онъ вѣдь такъ отвѣчаетъ Іисусу: *„не изъ-за меня ли ты горячишься? О если бы весь народъ Божій былъ пророкомъ!“* то есть, о если бы право совѣщаться съ Богомъ дошло до того, что власть очутилась бы у самого народа! Итакъ Іисусу были неизвѣстны не права, но обстоятельства времени, а потому Моисей его и порицаетъ, какъ Давидъ Авессу, когда послѣдній совѣтовалъ царю предать смерти Семея, бывшаго несомнѣнно виновнымъ въ оскорбленіи величества. См. 2 Сам. гл. 19, ст. 22, 23.

XXXVII

(*къ Гл. XII, § 41*).

Ст. 19 и 23 этой главы, которые мнѣ пришлось видѣть, переводчики плохо передаютъ. Ибо ст. 19 и 23 не обозначаетъ, что онъ далъ ему предписанія или преподалъ наставленія, но что онъ сдѣлалъ или поставилъ Іисуса княземъ, что въ Писаніи часто встрѣчается, напр. Исх. въ гл. 18, ст. 23; 1 Сам. въ гл. 13, ст. 14; Іис. Нав. въ гл. 1, ст. 9 и 1 Сам. въ гл. 25, ст. 30 и проч.

Чѣмъ больше переводчики усиливаются передать слово въ слово стихъ 19 и 23 этой главы, тѣмъ менѣе понятно они переводятъ ихъ; и я увѣренъ, что очень мало лицъ понимаютъ ихъ истинный смыслъ; ибо большинство

людей воображаетъ, что въ стихѣ 19 Богъ приказываетъ Моисею преподать Іисусу наставленія въ присутствіи народнаго собранія, а въ стихѣ 23, что онъ возложилъ на него руки и наставилъ его. Они не обращаютъ вниманія на то, что этотъ способъ выраженія весьма употребителенъ у евреевъ при объявленіи законности избранія князя и утвержденія его въ санѣ. Такъ Іеѳоръ, совѣтуя Моисею избрать помощниковъ, которые помогали бы ему судить народъ, говоритъ: „*если ты сдѣлаешь это* (говоритъ онъ), *тогда Богъ повелитъ тебѣ*“ Исх. гл. 18, ст. 23. Онъ какъ бы сказалъ, что его авторитетъ будетъ проченъ и въ состояніи будетъ дѣйствовать; касательно этого смотри Исхода главу 18, ст. 23 и 1 кн. Самуила гл. 13, стихъ 14 и гл. 25, стихъ 30, а въ особенности главу 1 Іисуса Навина въ стихѣ 9, гдѣ Богъ говоритъ ему: „*и приказалъ ли Я тебѣ: будь мужественъ и покажи себя твердымъ*“, какъ будто Богъ сказалъ ему: не Я ли поставилъ тебя княземъ? не страшись же ничего, ибо Я всюду буду съ тобою.

XXXVIII

(*къ Гл. XVII, § 55*).

Раввины воображаютъ, что великій, какъ обыкновенно называютъ, Синедріонъ былъ установленъ Моисеемъ; и не одни раввины, но весьма многіе и изъ христіанъ за одно съ раввинами утверждаютъ эту нелѣпость. Моисей, точно, избралъ себѣ 70 помощниковъ, которые заботились съ нимъ о государствѣ, такъ какъ онъ одинъ не могъ выдержать бремя всего народа; но онъ никогда не давалъ никакого закона объ установленіи семидесятичленной коллегіи, но напротивъ, повелѣлъ, чтобы каждое колѣно поставило въ

городахъ, данныхъ ему Богомъ, судей, которые рѣшали бы тяжбы по законамъ отъ него даннымъ, а если бы случилось, что сами судьи стали сомнѣваться относительно права, тогда они должны притти къ верховному первосвященнику (который именно и былъ верховнымъ толкователемъ законовъ) или къ судьѣ, которому они въ то время были бы подчинены (ибо онъ имѣлъ право совѣщаться съ первосвященникомъ) и согласно объясненію первосвященника рѣшать тяжбы. Если бы случилось, что подчиненный судья утверждалъ, что онъ не обязанъ постановлять приговоръ сообразно съ мыслью верховнаго первосвященника, которую онъ узналъ отъ него самого или чрезъ его верховную власть, то онъ осуждался на смерть; и осуждался именно тѣмъ высшимъ судьей, какой былъ бы въ ту пору, которымъ подчиненный судья былъ назначенъ; см. Второз. гл. 17, ст. 9; то есть, онъ могъ быть, какъ Іисусъ, верховнымъ вождемъ всего народа израильскаго или какъ князь одного колѣна, который послѣ совершившагося раздѣленія имѣлъ право совѣщаться съ первосвященникомъ о дѣлахъ своего колѣна, о рѣшеніи войны и мира, укрѣпленіи городовъ, назначеніи судей и проч. или какъ царь, на котораго всѣ или нѣсколько колѣнъ перенесли свое право. Въ подтвержденіе же этого я могъ бы привести много свидѣтельствъ изъ исторіи; но изъ многихъ приведу одно, которое кажется наиболѣе важнымъ. Когда пророкъ Силонитянинъ (3 Цар. гл. 11, ст. 29) избралъ Іеровоама царемъ, то онъ этимъ самымъ далъ ему право совѣщаться съ первосвященникомъ, поставлять судей; и безусловно все право, которое Ровоамъ удержалъ надъ двумя колѣнами, Іеровоамъ цѣликомъ получилъ надъ десятью. Поэтому Іеровоамъ съ такимъ же правомъ, съ какимъ Іосафатъ въ Іерусалимѣ (см. 2

Паралип. гл. 19, ст. 8 и слѣд.), могъ учредить при своемъ дворцѣ высшій совѣтъ для своего государства. Ибо извѣстно, что Іеровоамъ, поскольку онъ былъ царемъ по повелѣнію Бога, а слѣдовательно и подданные его по закону Моисея не были обязаны являться, какъ къ судьѣ, къ Ровоаму, подданными котораго они не были, а тѣмъ болѣе не были обязаны являться на судъ Іерусалимскій, установленный Ровоамомъ и ему подчиненный. Итакъ, смотря потому на сколько частей раздѣлялось государство евреевъ, столько и верховныхъ совѣтовъ въ немъ было. Тѣ же, которые не обращаютъ вниманія на перемѣнчивость состоянія евреевъ, но разныя ихъ состоянія сливаютъ въ одно, всячески запутываются.

XXXIX

(къ Гл. XIX, § 60).

Здѣсь въ особенности должно обратить вниманіе на то, что мы сказали относительно права въ гл. 16.

Примѣчанія переводчика.

Къ стр. 22.

Маймонидъ Моисей (у арабовъ Абу Амранъ Муса бенъ Маймунъ бенъ Обеидаллахъ)—еврейскій философъ, родился въ Кордовѣ въ 1135 г., умеръ въ Каирѣ въ 1204 г. Онъ рано получилъ блестящее образованіе подъ руководствомъ своего отца и выдающихся ученыхъ. Фанатизмъ испанскихъ арабовъ принудилъ его отречься отъ іудейской вѣры и принять исламъ, но мусульманиномъ онъ сталъ только по внѣшности. Подозрѣваемый въ плохомъ исповѣданіи ислама, онъ въ 1160 г. долженъ былъ покинуть Испанію и отправился съ семьей въ Фецъ, но прожилъ тамъ недолго и переѣхалъ въ Палестину, гдѣ онъ снова обратился къ іудаизму. Изъ Палестины Маймонидъ переселился въ Каиръ. Въ Египтѣ онъ сначала торговалъ драгоцѣнными камнями, что дало ему хорошія матеріальныя средства, а потомъ основалъ школу, въ которой преподавалъ богословскія и философскія науки, и занимался врачебной практикой. Слава его быстро росла и онъ былъ сдѣланъ лейбъ-медикомъ султана Саладина.

О послѣднихъ годахъ его жизни почти ничего неизвѣстно. За свои глубокія познанія въ наукахъ Маймонидъ былъ прозванъ вторымъ Моисеемъ. Его выдающееся краснорѣчіе вызывало удивленіе христіанъ и евреевъ; „великій орелъ", „слава востока", „свѣтъ запада"—вотъ наименованія, дававшіяся ему современниками. Маймонидъ написалъ много сочиненій по богословію, философіи и медицинѣ. Кромѣ упоминаемаго Спинозой трактата „Море Небухимъ" („Руководство Заблудшихъ") извѣстны еще: „Трактатъ о еврейскомъ календарѣ", „Комментаріи къ Талмуду", „Трактатъ о воскресеніи мертвыхъ", „Медицинскіе афоризмы", выбранные изъ многихъ греческихъ, латинскихъ и арабскихъ авторовъ, „Краткое изложеніе шестнадцати книгъ Галена", „Комментаріи къ афоризмамъ Гиппократа" „Руководство къ гигіенѣ" и друг.

Къ стр. 55.

Абенъ Езра или *Ибнъ Езра* (у арабовъ Авраамъ бенъ Меиръ, 1093—1167)—одинъ изъ самыхъ выдающихся еврейскихъ писателей средневѣковья. Онъ родился въ Толедо и образованіе получилъ въ Кордовской школѣ у знаменитыхъ грамматиковъ. Абенъ Езра занимался философіей, астрономіей, физикой, поэзіей и, преимущественно, грамматикой и богословіемъ. Бѣдный, непрактичный и независимаго характера, онъ не былъ оцѣненъ по достоинству испанскими учеными. Его слава началась лишь послѣ того, какъ онъ покинулъ Испанію и отправился путешествовать по Европѣ. Онъ посѣтилъ Римъ, Мантую, Лукку, былъ въ Родосѣ и Англіи. Работы, благодаря которымъ онъ больше всего извѣстенъ, заключаются въ рядѣ комментаріевъ на Ветхій

Завѣтъ. Они почти всѣ напечатаны въ Библіяхъ изданныхъ Бомбергомъ (1526), Буксторфомъ (1619) и Франкфуртеромъ (1724—1727). Комментаріи Абенъ Езры цѣнятся очень высоко; онъ первый поставилъ библейскую экзегетику на степень науки, толкуя текстъ согласно съ буквальнымъ смысломъ и поясняя его примѣрами изъ родственныхъ языковъ. Его философскіе труды не имѣютъ значенія; гораздо важнѣе его сочиненія по ариѳметикѣ и астрономіи, представляющія интересъ для исторіи математическихъ наукъ. Поэтъ онъ былъ посредственный.

Къ стр. 102.

Тремеллій Эммануилъ, ученый гебраистъ, родился въ Феррарѣ около 1510 г. Еврей по происхожденію, Тремеллій перешелъ въ католичество, а потомъ сдѣлался протестантомъ. Изгнанный изъ Италіи инквизиціей, онъ отправился въ Англію, а оттуда переѣхалъ въ Германію. Тамъ онъ преподавалъ еврейскій языкъ сначала въ Горнбахѣ, а потомъ въ Гейдельбергѣ. Впослѣдствіи ему предложили каѳедру еврейскаго языка въ Седанѣ, которую онъ и занималъ до своей кончины въ 1580 году. Сдѣланный имъ переводъ Библіи, выдержавшій до 30 изданій, отличается точностью, но языкъ грубоватъ.

Къ стр. 116.

Въ 1587 г. въ Японіи былъ изданъ приказъ объ изгнаніи іезуитовъ, затѣмъ съ теченіемъ времени были изгнаны или перебиты и остальные христіане кромѣ голландцевъ, которые въ 1640 г., чтобы удержаться съ своей тор-

говлей въ Японіи, проявили величайшую покладливость и даже низость. Японцы поставили имъ условіемъ, которое было принято: жить только въ отведенномъ мѣстѣ и предварительно поселенія плевать на Распятіе и топтать его ногами. Въ продолженіе двухъ вѣковъ голландцы пользовались исключительнымъ правомъ торговли; всѣ японскіе порты были закрыты для другихъ европейскихъ народовъ вплоть до 1853 года.

Къ стр. 122.

Іосифъ бенъ Шемъ-Тобъ, еврейскій писатель, родомъ изъ Сеговіи, жившій въ срединѣ 15 столѣтія, былъ извѣстенъ какъ философъ, богословъ и полемистъ, многосторонне и философски образованный. Онъ выступалъ какъ публичный ораторъ и велъ полемическіе диспуты. Это былъ плодовитый писатель: кромѣ книги „Кебодъ Елогимъ", изданной въ Феррарѣ въ 1455 г., до насъ дошло еще около двадцати его сочиненій.

Къ стр. 149.

Спиноза цитовалъ Іосифа Флавія по ошибочному латинскому переводу. Въ греческомъ подлинникѣ это мѣсто читается нѣсколько иначе: „пусть никто не удивляется разсказу какъ невѣроятному, если для древнихъ людей, непричастныхъ злу, нашелся путь къ спасенію чрезъ море—по волѣ ли Бога или случайно,—когда не такъ давно и передъ тѣми, которые были съ Александромъ, царемъ македонскимъ, Памфилійское море отступило и дало дорогу чрезъ себя не имѣющимъ другого пути, такъ какъ Богъ желалъ

низложить господство персовъ; и это единогласно утверждаютъ всѣ, писавшіе о дѣяніяхъ Александра. Итакъ пусть принимаютъ это, какъ каждому угодно".

Къ стр. 215.

Въ еврейскомъ языкѣ долгіе гласные звуки *i*, *e*, *o*, *y*, большею частью, изображаются согласными буквами וֹ *вавъ* и י *іодъ*. Произношеніе же послѣднихъ опредѣляется знаками гласныхъ, помѣщаемыми впереди י и внутри или надъ וֹ. Такъ י опредѣляется знаками: יִ = *i*, יֵ = *e* и יְ = франц. *è*, וֹ опредѣляется знаками וֹ = *o* и וּ = *y*.

Древніе еврейскіе грамматики и нѣкоторые изъ новыхъ гебраистовъ выражаются въ этомъ случаѣ, что гласная буква *покоится* въ гласномъ знакѣ, причемъ буквы י и וֹ, а также ה *хе* и א *алефъ* называются ими *literae quiescibiles, покоимыя буквы*; въ случаѣ, если онѣ употреблены въ значеніи гласныхъ—*quiescentes, покоящіяся*, въ значеніи согласныхъ—*mobiles, подвижныя*.

Къ стр. 220.

Бомбергъ Даніилъ, знаменитый венеціанскій типографъ, родомъ изъ Антверпена, издалъ въ 1518 г. Ветхій Завѣтъ на еврейскомъ языкѣ въ 4 томахъ in folio. Въ этомъ изданіи принималъ участіе ученый августинскій монахъ, изъ евреевъ, Феликсъ де Прато. Кромѣ еврейскаго текста это изданіе содержитъ въ себѣ халдейскіе парафразы Іонатана бенъ Узіеля, Масору и различные раввинскіе комментаріи. Еще лучше онъ издалъ Библію въ 1526 г. подъ редакціей

и съ примѣчаніями ученаго еврея Іакова бенъ Хаима. Бомбергъ своими превосходными изданіями Библіи и множества трудовъ ученыхъ раввиновъ оставилъ по себѣ, какъ и его современникъ Альдъ Мануцій, свѣтлую память въ исторіи типографскаго искусства. Онъ не жалѣлъ издержекъ на усовершенствованіе любимаго дѣла и раззорился на немъ, истративъ на него, какъ утверждаютъ, болѣе 3 милліоновъ. Самыми лучшими изданіями Бомберга, были Библія (1526 г.) и Вавилонскій Талмудъ съ комментаріями (12 томовъ in folio), потребовавшій 15-лѣтней работы. Печатаніе трехъ изданій Вавилонскаго Талмуда, въ которомъ принимали участіе знаменитѣйшіе гебраисты, обошлось ему въ 300000 скудій. Бомбергъ умеръ въ 1549 году. Изданія его и по нынѣ считаются образцовыми.

Масореты—ученые евреи, трудившіеся надъ созданіемъ *Масоры*.

Когда книги Ветхаго Завѣта были собраны уже въ одно цѣлое, среди евреевъ возникла потребность объяснять текстъ священныхъ книгъ, критически обработывать и переводить его на языки тѣхъ народовъ, среди которыхъ евреямъ приходилось жить и языкъ которыхъ былъ имъ понятнѣе, нежели забывавшійся еврейскій. Такъ появился греческій переводъ Библіи, называемый *Семидесяти Толковниковъ*, потомъ были выполнены *халдейскіе* переводы или таргумы (תַּרְגּוּמִין толкованія, переводы). Часть этихъ толкованій вошла въ составъ Талмуда, первая часть котораго *(Мишна)* получила окончательную редакцію около 200 г., а вторая *(Гемара)* около 500 г. по Р. Х. Послѣ завершенія

Талмуда послѣдовала пунктуація текста Ветхаго Завѣта, т. е. намѣченіе точками гласныхъ звуковъ, такъ какъ въ еврейскомъ алфавитѣ не было и нѣтъ *буквъ* для гласныхъ звуковъ.

За пунктуаціей послѣдовало собраніе критическихъ замѣчаній, извѣстное подъ названіемъ *Масоры* (מסורה, преданіе), отъ котораго нынѣ обще-принятый текстъ Ветхаго Завѣта, передававшійся въ рукописяхъ изъ рода въ въ родъ, получилъ названіе *масоретскаго* текста. „Отъ критическихъ замѣчаній масоретовъ", говоритъ авторъ статьи „О книгахъ и манускриптахъ прежде и послѣ изобрѣтенія книгопечатанія", помѣщенной въ North-Americain Review, „слѣдившихъ за каждымъ стихомъ, каждымъ словомъ, каждою буквою, каждымъ гласнымъ знакомъ еврейскаго текста, не ушла никакая особенность, даже ненужная. Они сосчитали всѣ буквы въ книгахъ Ветхаго Завѣта; замѣтили число буквъ, заключающихся въ каждомъ отдѣлѣ, каждой главѣ, каждомъ стихѣ; отмѣтили тѣ стихи, гдѣ какое-нибудь слово могло быть забыто, перемѣнено; замѣтили буквы, по ихъ мнѣнію, апокрифическія, повторенія одинаковыхъ стиховъ, варіанты, различныя значенія одного и того же слова, различные способы согласованія и соединенія одного слова съ другими; они показали даже число, сколько разъ слово находится въ началѣ, въ серединѣ или въ концѣ фразы, число буквъ, находящихся надъ строками, число буквъ произносимыхъ, непроизносимыхъ, расширяемыхъ и удлинняемыхъ. Такъ они сдѣлали важное открытіе, что буква *нунъ* (въ словѣ *гехѣнъ*) есть средняя буква, центральная точка во всемъ Пятикнижіи, что въ книгѣ Бытія находится 12 *парашо́товъ* или большихъ отдѣловъ, 43 *адаримъ* или малыхъ отдѣловъ; 1534 стиха; 20713 словъ, 78100

буквъ: важное открытіе! *Масора*—памятникъ труда самаго кропотливаго, огромнаго и въ то же время мелочнаго и ничтожнаго, какому нѣтъ другого подобнаго во всей исторіи древнихъ и новыхъ литературъ. Таково происхожденіе *Масоры*, таковы результаты ея: гигантское ребячество!"

Къ стр. 401.

Арминіане—приверженцы голландскаго богослова Германса или, какъ его еще называютъ, Арминія—представили голландскому правительству въ 1610 г. такъ называемыя *ремонстранціи*; въ нихъ была изложена сущность ихъ ученія и просьба о защитѣ отъ преслѣдованій, которымъ они подвергались со стороны своихъ религіозныхъ противниковъ, превосходившихъ ихъ численностью, гомаристовъ—сторонниковъ богослова Гомаруса. Съ этихъ поръ арминіанъ стали называть ремонстрантами. Такъ какъ гомаристы, въ свою очередь, подали правительству объясненіе, опровергавшее положенія арминіанъ, то за ними утвердилось наименованіе контраремонстрантовъ. Споръ между ними велся о предопредѣленіи человѣка, о наслѣдственномъ грѣхѣ, о божественной благодати, о намѣреніяхъ Бога и тому подобныхъ вопросахъ.

Къ стр. 404.

Ярхи Соломонъ, онъ же *Раши*, знаменитый французскій раввинъ, род. въ Троа въ 1040 г., ум. въ 1105 г. Подъ руководствомъ отца, бывшаго тоже раввиномъ, онъ пріобрѣлъ обширныя познанія въ богословіи, языкознаніи, философіи, медицинѣ и астрономіи и по окончаніи образованія

посѣтилъ наиболѣе видные центры умственной жизни въ Европѣ и Азіи. Обладая громадной эрудиціей, Ярхи написалъ комментаріи на священныя книги, доставившіе ему славу. Слогъ этого ученаго сжатъ, теменъ и загадоченъ, трудность пониманія его сочиненій усугубляется еще тѣмъ, что въ нихъ то и дѣло встрѣчаются термины, заимствованные изъ языковъ еврейскаго, халдейскаго, французскаго и раввинскаго жаргона того времени.

Къ стр. 412.

Леви бенъ Герсонъ, еврейскій ученый, родился въ Арлѣ около 1288 г., умеръ въ 1344 г. Онъ комментировалъ Библію и развивалъ идеи Маймонида въ своемъ сочиненіи „Milchamot adonai".

Къ стр. 415.

Кимхи Давидъ, одинъ изъ замѣчательныхъ еврейскихъ писателей, родился въ Нарбоннѣ во второй половинѣ 12-вѣка, умеръ тамъ же въ 1240 г. Онъ игралъ видную роль въ спорахъ, возникшихъ между раввинами по поводу книги Маймонида „Море Небухимъ", желавшаго ввести философію Аристотеля въ теологію евреевъ и критиковавшаго нѣкоторыя талмудическія доктрины. Кимхи долгое время пользовался большимъ авторитетомъ у евреевъ. „Его глубокое знаніе еврейскаго языка", говоритъ Michel Nicolas, „его методическій умъ, правильность и тонкость сужденій, благоразуміе его критики, стараніе, съ которымъ онъ избѣгаетъ произвольныхъ и таинственныхъ толкованій, чтобы не уклониться отъ буквальнаго смысла, ясность и изящество его изложе-

нія неизбѣжно должны были заставить гебраистовъ считать его въ числѣ авторовъ наиболѣе достойныхъ изученія".

Къ стр. 418.

Авраамъ бенъ Давидъ, онъ же *Рабедъ*, французскій раввинъ, жившій въ XII столѣтіи и прославившійся какъ знатокъ Талмуда. Онъ написалъ много комментаріевъ на Талмудъ, въ которыхъ помимо обширной эрудиціи видна проницательная и глубокая критика. Его сочиненія о религіозныхъ вопросахъ отличаются тѣми же достоинствами. Въ своей полемикѣ съ современниками онъ благодаря задорному характеру былъ несдержанъ и вѣрныя замѣчанія облекалъ въ форму, вредившую больше ему, чѣмъ его противникамъ.

ГОСУДАРСТВ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Оглавленіе.

		Стр.
Предисловіе переводчика	. . . . .	*I—IV*
Предисловіе автора	. . . . .	*1*
Глава I.	*О пророчествѣ*	*15*
Глава II.	*О пророкахъ*	*39*
Глава III.	*О призваніи евреевъ и о томъ, былъ ли пророческій даръ свойственъ только евреямъ*	*63*
Глава IV.	*О божественномъ законѣ*	*85*
Глава V.	*Объ основаніи, почему были установлены религіозные обряды и о вѣрѣ въ историческіе разсказы, именно: на какомъ основаніи и кому она необходима*	*104*
Глава VI.	*О чудесахъ*	*124*
Глава VII.	*Объ истолкованіи Писанія*	*150*
Глава VIII,	*въ которой показывается, что Пятикнижіе и книги Іисуса Навина, Судей,*	

Стр.

Руѳи, Самуила и Царствъ не суть оригиналы. Затѣмъ изслѣдуется, были ли всѣ онѣ написаны многими авторами или однимъ только и кѣмъ именно 183

Глава IX. Разбираются другіе вопросы о тѣхъ же книгахъ, именно: Ездра ли наложилъ на нихъ послѣднюю руку, и затѣмъ, маргинальныя замѣтки, которыя находятся въ еврейскихъ кодексахъ, были ли разночтеніями . . . 203

Глава X. Остальныя книги Ветхаго Завѣта изслѣдуются тѣмъ же способомъ, какъ и предыдущія 224

Глава XI. Изслѣдуется, написали ли апостолы свои Посланія какъ апостолы и пророки или же какъ учители; затѣмъ показывается обязанность апостоловъ 240

Глава XII. Объ истинномъ подлинникѣ божественнаго закона, и на какомъ основаніи Писаніе называется священнымъ и на какомъ основаніи Словомъ Божіимъ, и наконецъ показывается, что оно, поскольку содержитъ Слово Божіе, дошло до насъ неповрежденнымъ 253

Глава XIII. Показывается, что Писаніе учитъ только самымъ простымъ вещамъ и

Стр.

кромѣ повиновенія иной цѣли не преслѣдуетъ, и относительно божественной природы оно учитъ только тому, чему люди извѣстнымъ образомъ жизни могутъ подражать . . 267

Глава XIV. Что есть вѣра, кто именно вѣрующіе; опредѣляются основанія вѣры и наконецъ сама она отдѣляется отъ философіи 277

Глава XV. Ни богословіе разуму, ни разумъ богословію не служитъ; показывается и основаніе, которое убѣждаетъ насъ въ авторитетѣ Священнаго Писанія 289

Глава XVI. Объ основахъ государства, о естественномъ и гражданскомъ правѣ каждаго и о правѣ верховной власти . 304

Глава XVII. Показывается, что никто не можетъ передать всего верховной власти и что это не необходимо. О государствѣ евреевъ, каково оно было при жизни Моисея, каково послѣ его смерти до избранія царей и о его преимуществѣ; и наконецъ о причинахъ, почему теократія могла погибнуть и рѣдко могла существовать безъ раздоровъ 324

Стр.

Глава XVIII. Изъ государства и исторіи евреевъ выводятся нѣкоторыя политическія догмы 359

Глава XIX. Показывается, что право относительно священныхъ вещей принадлежитъ всецѣло верховной власти, и что внѣшній культъ религіи долженъ быть приноравливаемъ къ соблюденію спокойствія въ государствѣ, если мы хотимъ правильно повиноваться Богу 371

Глава XX. Показывается, что въ свободномъ государствѣ каждому можно думать то, что онъ хочетъ, и говорить то, что онъ думаетъ 389

Примѣчанія къ Богословско-Политическому Трактату, написанныя авторомъ послѣ изданія книги 404

Примѣчанія переводчика 431

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
9	12 сн.	только	только?
12	9 „	состоянiи	состоянiи
38	3 св.	досотвѣрность	достовѣрность
42	10 „	я	Я
43	1 сн.	1 сл.	1 и сл.
51	16 „	тоже	то же
52	11 „	ие	не
55	12 „	Ездры	Езры
62	14 „	большаго	большого
63	10 „	дурнаго	дурного
69	14 „	изложевiи	изложенiи
76	6 „	קוֹסֵם	קוֹסֵם
78	11 св.	Божiе	Божiей
102	3 сн.	τοῦο	τοῖς
109	1 св.	предъидущей	предыдущей
115	1 „	тоже	то же
122	3 „	Шема Тоба	Шемъ-Тоба
128	4 „	заключающихъ	заключающимъ
130	2 сн.	въ Немъ	въ немъ
131	1 св.	въ Немъ	въ немъ
146	6 сн.	акончить	закончить

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
165	8 св.	библіи	Библіи
168	6 „	מטה	מְטָה
174	11 сн.	сверхъ-естествтн-наго	сверхъестествен-наго
180	15 „	не устойчиво	неустойчиво
182	6 „	могла	могли
191	7 св.	סֵפֶר	סֵפֶר
„	2 и 3 сн.	סִפֶר	סֵפֶר
198	14 сн.	они	онѣ
208	12 св.	пыстынѣ	пустынѣ
210	14 „	ничинается	начинается
215	14 сн.	они	онѣ
„	15 „	вовс	вовсе
226	11 „	онѣ	они
228	1 св.	не на начинаетъ	не начинаетъ
312	6 сн.	они.... они	онѣ ... онѣ
„	8 „	они	онѣ
327	8 св.	сдѣлать,	сдѣлать такъ,
329	3 сн.	боговъ.	боговъ,
330	1 св.	Потому	потому
„	10 сн.	не многими	немногими
341	6 св.	принимаемъ	принимаетъ
343	15 „	тоже	то же
366	10 св.	поэтому	по этому
379	2 сн.	охранить	сохранить